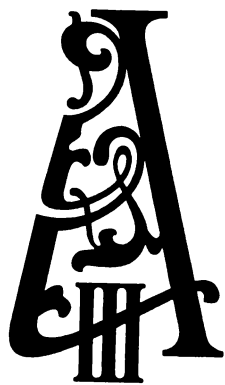

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ДЕЯТЕЛИ РОССИИ
ГЛАВЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

АЛЕКСАНДР III

А
III

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Редакционная коллегия:

Б.В.Ананьич
Р.Ш.Ганелин
М.А.Гордин
В.Г.Чернуха

АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

ДНЕВНИКИ

ПИСЬМА

Санкт-Петербург
Издательство «Пушкинского фонда»
2001

УДК 947.081/083
ББК 84. Р1

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
доктор исторических наук
В. Г. Чернуха

Редактор
И. А. Муравьева

Оформление
Л. В. Жебровская

ISBN 5-89803-083-2
ISBN 5-89803-085-9

© В. Г. Чернуха, вступительная статья, составление, подготовка текста, примечания, 2001
© Л. В. Жебровская, оформление, 2001

В. Г. Чернуха

Александр III

Сохранилось много описаний внешности предпоследнего российского самодержца, набросанных рукой почитателей и критиков, лицемеров и людей искренних. Есть в них, разумеется, и общее, но в отношении и оценках они разнятся. Дадим же слово человеку беспристрастному, к тому же наделенному острым взглядом художника, — А. Н. Бенуа. «И тут я впервые увидел Александра III совершенно близко, — вспоминает он о 1889 году. — Меня поразила его „громоздкость“, его тяжеловесность и — как-никак — величие. До тех пор мне очень не нравилось что-то „мужицкое“, что было в наружности государя, знакомой мне по его официальным портретам... И прямо безобразною казалась мне на этих портретах одежда (мундир) государя, — особенно в сравнении с элегантным видом его отца и деда... Но вот в натуре обо всем этом забывалось, до того самое лицо государя поражало своей значительностью. Особенно поразил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз. Проходя под тем местом, где я находился, он на секунду поднял голову, и я точно сейчас испытываю то, что я тогда почувствовал от встречи наших взоров. Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление удара. Царский взгляд! Взгляд человека, стоящего *выше всех*, но который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и за жизнь самых близких! В последующие годы мне доводилось несколько раз быть вблизи императора, отвечать на задаваемые им вопросы, слышать его речь и шутки, и тогда я не испытывал ни малейшей робости. В более обыденной обстановке (при посещении наших выставок) Александр III мог быть и мил, и прост и даже... „уютен“. Но вот в тот вечер в Маринском театре впечатление от него было иное, — я бы даже сказал, — *странное и грозное*»¹.

Поразительно перекликается этот словесный портрет с другим, созданным иными средствами, — конной статуей Александра работы Паоло Трубецкого. «Грозная и тревожная» фигура гиганта, при встрече могущая вызвать лишь страх и желание посторониться. Так его воспринимали подданные, таким он казался иностранцам, таким он был для многих, даже самых близких, членов царствующей фамилии,

В. Г. Чернуха. Александр III

которую, по выражению С. Ю. Витте, умел «держат в решпекте». А между тем в Александре III было много очень симпатичных черт, отступавших на задний план, когда он исполнял свои царские обязанности. Происходило это потому, что он, добропорядочный обыватель и прекрасный семьянин, нес чужую (в буквальном смысле!) ношу, бремя единовластного правителя, не обладая нужными для этого качествами, кроме крупной, импозантной фигуры, что, кстати, позже столь контрастировало с обликом его сына и преемника. Александр был достаточно самокритичен, чтобы ощущать это внутреннее несоответствие, так что предпоследний самодержец — трагическая фигура русской истории. Трагичны и последствия его тринадцатилетнего царствования. Самое горькое, что история могла, кажется, пойти несколько иначе, и удар революции, видимо, уже неизбежный, все же мог быть смягчен более гибкой и прогрессивной политикой. Ведь не он должен был стать императором, а его брат. Но будто злой рок тяготел над Россией: в XIX веке она занималась тем, что теряла время, отпущенное для преобразований, и происходило это — в авторитарном государстве за все отвечает автократ — по вине ее монархов. Внес свой вклад в дело затягивания неразвязываемых узлов и Александр III, причем с самыми лучшими намерениями, считая, что упрочивает будущее собственной семьи, династии, России и даже Европы.

Будущий российский император рос в семье многочисленной и многодетной. Только сыновей у Александра II было шестеро: Николай, Александр, Владимир и Алексей родились с перерывом в полтора—два года. Затем, уже после значительной паузы, Сергей и Павел.

Старший из братьев, Николай, названный в честь деда, родился в сентябре 1843 года и был вторым ребенком в семье наследника престола (первым была девочка, Александра). Так что в этой семье не было острой проблемы престолонаследия, как у Александра I или Николая II. Хотя официально великий князь Николай Александрович стал наследником не сразу, а лишь после смерти деда в феврале 1855 года, однако принцип преемственности власти по старшинству сулил царствование ему, и внимание родителей сосредоточилось, прежде всего, на нем. В раннем детстве воспитание детей было сходным: все они были на попечении нянюшек-англичанок и целой армии кадровых военных, их опекавших. На этом настаивал дед-император, да и отец придерживался такой же точки зрения. Двух старших братьев Николая и Александра одновременно начали учить и грамоте, и военному делу. Наставница, В. Н. Скрипицына, давала им первые уроки чтения и письма, арифметики и священной истории, а военные воспитатели, руководимые генерал-майором Н. В. Зиновьевым и полковником Г. Ф. Гогелем обучали их фронту, маршировке, ружейным приемам, смене караула. И для этого были серьезные основания. Дело

в том, что по законам и обычаям все великие князья уже с момента рождения (точнее, в день крещения), зачислялись в привилегированные гвардейские полки и тогда же назначались шефами других. Но это было только начало их воинской службы. В дальнейшем многочисленные государственные и семейные праздники служили поводом для получения новых шефств и новых зачислений в полки, а также продвижения по службе, производства в офицерские чины. Александр, например, получил чин прапорщика в свое семилетие, пожалован в подпоручики десятилетним, восемнадцати лет произведен в полковники. Номинальная армейская служба давала право ношения нарядных полковых мундиров, а военная выучка — возможность малышами стоять на часах в дни каких-нибудь торжеств, создавая трогательное зрелище. Только самое начальное обучение оба старших брата проходили вместе: скоро стала сказываться разница в возрасте, да и задачи перед ними стояли разные. Обучению наследников престола в XIX веке уже придавалось большое значение.

Насмотревшиеся на многочисленные всплески деспотизма, которым слишком часто оборачивалась абсолютная власть, европейские, да и русские мыслители уже в XVIII веке упорно искали правовых гарантий от крайностей неограниченной власти. Шла разработка теории конституционного права. Это обстоятельство, подкрепленное аргументами многочисленных европейских революций, заставляло самодержавие приспосабливаться, демонстрировать свою дееспособность. В русле этих попыток приспособиться лежит и забота о воспитании и образовании наследника престола. Уже Екатерина II понимала это и пыталась серьезно подготовить к государственной деятельности своего внука. Николай I поручил руководство воспитанием наследника, будущего Александра II, В. А. Жуковскому, который придавал своей миссии наставника цесаревича не меньше значения, нежели своим поэтическим занятиям. Основательной была и подготовка Николая Александровича (сына Александра II), хотя путь к ней был непрост.

Смена в 1855 году императоров с особой серьезностью поставила задачу обучения Николая, ставшего наследником де юре. К тому же он вступал в отрочество, и обучение должно было переводиться на следующую ступень. Родители были этим озабочены, но интересно, что императрица Мария Александровна оказалась тогда гораздо более восприимчивой к новым веяниям, связанным с общественным подъемом того замечательного времени, нежели царь. Между супругами во второй половине 50-х годов бывали частые размолвки по поводу направления обучения и выбора учителей. Мария Александровна очень любила сына, между ними существовали самые нежные отношения, и хотела, чтобы тот оказался на высоте будущих обязанностей. Поэтому она взяла на себя поиски программы и наставников для

сына. Разговаривая как-то с новым министром иностранных дел кн. А. М. Горчаковым, известным лицеистом первого выпуска, на эту тему и выяснив, что их взгляды совпадают, она попросила министра составить для нее записку с изложением его идей воспитания и обучения наследника. Что он и сделал в апреле 1856 года. Его «Программа» — замечательный документ либеральной идеологии той эпохи и звено борьбы тогдашних интеллектуалов за модернизацию страны и государственной системы. Суть ее состояла в следующем: надо переориентировать образование с военного на светское, демократизировать его, сделать наследника человеком европейских понятий, хорошо осведомленным о прошлом России и ее настоящем положении. «Призванный царствовать над Россиею, — писал Горчаков, — наследник должен с русским сердцем соединять ум европейский. Чем более он любит свое отечество, тем менее должен он закрывать глаза на его недостатки, на сильные и слабые стороны сравнительно с друзьями и недругами. Пусть в нем созреет убеждение, что Россия, несмотря на свою обширность и на свойственные ей особенности, не составляет исключения, но заключает в себе все, что есть хорошего или дурного во всем мире. Она подвержена тем же основным природным законам»². Принцип осторожности, постепенности в политике, взвешенности каждого решения — вот что должен усвоить наследник в итоге обучения. «Программа» предусматривала трехэтапное обучение, примерно соответствовавшее курсам: гимназическому (до 16 лет), университетскому (до 19 лет) и практическому (до 21 года). Это напоминало в принципе схему Жуковского. Но были в «Программе» и новации, призванные подготовить наследника как гражданина новой России. Министр рекомендовал прохождение усеченного университетского курса на университетской скамье, среди студентов, а на стадии практики — службу в должности генерал-губернатора, что искони считалось самой хорошей подготовкой для поста в центральной и высшей администрации. При этом «управление какой-либо административной отраслью» не влекло за собой «исполнительной ответственности». Но даже и при таких условиях это был шаг вперед во взглядах на долг наследника и императора. Он переносил акцент с прав императора на его обязанности, осуществление которых невозможно без основательной и современной подготовки.

Под давлением императрицы план этот как будто начал осуществляться. В качестве главного наставника, по рекомендации Горчакова, был выбран дипломат В. П. Титов, имевший репутацию человека и умного, и образованного. Последний пригласил к наследнику в качестве учителя К. Д. Кавелина, и все это вопреки желанию императора. Такая концентрация вокруг наследника либералов и людей штатских, оттеснение людей военных вызвали недовольство прежнего учительско-воспитательского штата — жалобы, интриги, соперничество, все-

гда, впрочем, в придворной среде существовавшие. Новым было то, что, благодаря бытовавшим в это время элементам публичности, все это вышло наружу. М. П. Погодин, человек, близкий к славянофилам, да к тому же и сам претендовавший на роль наставника, разразился назидательным письмом к Титову, которое ходило по рукам, а потом было напечатано за границей, что вызвало гнев императора и расследование обстоятельств «утечки информации». Кавелин, высочайшее неприятие которого выявилось в том, что император не пожелал познакомиться с учителем сына, был немедленно отставлен после напечатания в «Современнике» его статьи об отмене крепостного права. Титов под давлением обстоятельств, да и оказавшись не на своем месте, ушел, и причина всех этих перестановок отчетливо прояснена письмом Александра II к жене: «Я должен признаться, что разделяю во многих отношениях точку зрения Зиновьева, а не Титова, в котором сквозь честного человека постоянно проглядывает идеолог с современными принципами, не совпадающими с моими»³. Торжество военных наставников, приглашение из-за границы Ф. А. Гримма вместо Титова вызвало тревогу в кругах «шестидесятников», внимательно следивших за сшибкой нового со старым, и эта тревога была выражена А. И. Герценом в его письме императрице, опубликованном в «Колоколе». В горячем и, как всегда, страстном послании, продиктованном болью за судьбу России, великий эмигрант писал: «По несчастью, очень многое в судьбах самодержавных монархий зависит от личности царя... Вы можете увеличить счастливые шансы — в пользу ближайшего будущего России... Вы сделали опыт спасти Вашего сына, будущего царя, от худшего воспитания на свете, от воспитания великокняжеского, т. е. солдатского, окруженного военной дисциплиной и немецким клиентизмом». И далее, убеждая Марию Александровну не допустить возврата к старому шаблону, он взывал: «Звание русского царя не есть военный чин. Пора оставить дикую мысль завоеваний, кровавых трофеев, городов, взятых приступом, разоренных деревень, потоптанных жатв... Все, что требует Россия,— основано на мире... Войско — разорение, насилие, притеснение; его основание — безмолвная дисциплина»⁴.

То ли письмо Герцена произвело впечатление (а императрица его читала и показывала Гримму⁵), то ли повлияло наступление совершеннолетия наследника, но в спорах, в конце концов, была поставлена точка и обучение решено было организовать на европейский лад.

Российские наследники престола имели два совершеннолетия: юридическое, в 16 лет, и фактическое, в 21 год. Юридическое было связано с торжественным введением великого князя в ранг наследника, когда тот приносил в кругу близких и официальных лиц две присяги, гражданскую и военную, на верность царю и отечеству. Николай Александрович был приведен к присяге, отделен от братьев (до этого

все они жили вместе), получив отдельные апартаменты в одном из помещений Зимнего дворца. В качестве некоего гувернера к нему представили полковника О. Б. Рихтера, который постоянно жил возле него. Сам наследник, вступивший в юношеский возраст, осознавший свою ответственность и одновременно ощутивший всю недостаточность своего образования, оказался внутренне подготовлен к серьезной учебе. Матушка занялась его светским воспитанием, приглашая его на вечера в свою гостиную, где он встречался с государственными людьми и придворными, усваивал обычаи двора, умение вести разговор и держаться в обществе. Местом знакомств со светской молодежью зимой служил каток Таврического сада, куда великие князья приходили кататься, летом — пригородные военные лагеря. Что же касается образования, то поставить его на высокий уровень был призван (вместо Гримма) граф С. Г. Строганов, более всего известный по службе в качестве попечителя Московского учебного округа. Строганов, как когда-то Жуковский, занялся обдумыванием учебного плана высшего образования, для чего, пойдя на компромисс, составил некую компиляцию из военного и гражданского курсов. В эту программу входили отдельные предметы юридического и филологического факультетов и некоторых дисциплин, преподававшихся в Академии Генерального штаба⁶. К наследнику были приглашены лучшие университетские преподаватели, читавшие ему право, политическую экономию, историю, словесность. С ним занимались И. Е. Андреевский, Ф. И. Буслаев, И. К. Бабст, С. М. Соловьев, М. М. Стасюлевич, Б. Н. Чичерин. Все они восторженно отзывались о своем питомце. Строгий на похвалы Б. Н. Чичерин говорил, что государственная практика и жизненный опыт могли превратить наследника в гения. Воспоминания людей, его знавших, рисуют очень привлекательный портрет красивого, стройного, учтивого юноши, любознательного, прекрасно учившегося, легко схватывавшего предмет, судившего обо всем широко и здраво. Однако такого императора получить России не было дано.

Завершающим аккордом в образовании наследника считалась непременная длительная поездка по Западной Европе (по России такое путешествие было предпринято Николаем летом 1863 года), где он знакомился со странами и их деятелями, постигал разные государственные системы, а заодно наносил визиты многочисленным родственникам, одновременно присматривая себе невесту по сердцу, но и по рангу. В 1864 году цесаревич, с блеском, как считалось, окончив курс наук, отправился в долгое заграничное путешествие. Оно имело и побочную цель: лечебные морские купания, ибо он начал страдать болями в спине. Ничто не предвещало трагедии. Он был любимцем семьи, достойнейшим преемником отца в обновлении России, готовым подхватить его дело. Он был, по словам его дяди, вел. кн. Константина Николаевича, «чуть не совершенство». Среди мест, которые он посе-

тил, была и Дания, где в сентябре он сделал предложение принцессе Дагмаре. Оно было принято. «Хорошие я пережил минуты, — признавался он в письме в Петербург, — и искренне благодарю Бога, что нашел то, чего так желал, о чем так долго мечтал: любить и быть любиму! Лишь бы по плечу пришлось счастье!»⁷ После поездки по Северной Европе он побывал в Италии, зиму провел в Ницце, куда приехала императрица, ибо состояние его не улучшалось, однако этому не было придано значения вплоть до начала апреля 1865 года, когда он заболел столь тяжело, что к нему были вызваны родные. Первым прибыл Александр Александрович, вслед за ним Александр II с младшими сыновьями. Приехала и принцесса Дагмара с матерью. Они пробыли с наследником всего два-три дня, когда он то приходил в себя, то терял сознание. Организм его уже не принимал лекарств, и агония развивалась быстро. Все это время у его постели были мать, брат Александр и невеста. Врачи договаривались о каком-то общем диагнозе и сошлись на том, что это цереброспинальный менингит. Цесаревич успел причаститься, проститься с родными и скончался 12 апреля 1865 года. Колесо российской истории повернулось, и опять в неблагоприятную сторону: в этот день согласно закону о престолонаследии цесаревичем стал вел. кн. Александр. Трудно гадать о том, каким монархом был бы тот, подававший большие надежды, юноша, но министр внутренних дел, наслушавшись рассказов врача о последних днях жизни наследника, его предсмертном бреде, в котором он держал речь перед депутатами, с горечью констатировал: «Вообще смерть показала, сколько обещала его жизнь»⁸. Но, как бы то ни было, наследование перешло от сильного кандидата к слабому.

Александр Александрович (семейное прозвище — «бульдожка») считался в семье человеком, которому государственная деятельность откровенно не по плечу. Тетушка императора вел. кн. Елена Павловна в то время «громко говорила, что управление государством должно перейти к Владимиру Александровичу»⁹. И это при том, что и Владимир не блистал какими-либо талантами. Вел. кн. Константин Николаевич признавал полную неподготовленность Александра к престолу (уже после его воцарения), заявляя, что и он, и Владимир «в детстве и юношестве были предоставлены почти исключительно самим себе»¹⁰. А. И. Чивилев, учитель Александра, «ужаснулся» от перспективы его воцарения, а Б. Н. Чичерин от встреч с ним приходил в «полное отчаяние», не слыша от него «ни одной живой мысли, ни одного дельного вопроса»¹¹.

Все это — горькая правда. Ничто в Александре не давало оснований считать его способным управлять государством. В его официальной биографии, которую принялся было составлять С. С. Татищев по образцу своего сочинения об Александре II, но не завершил, содержится такая, максимально подретушированная, характеристика: «По

своим свойствам своего ума и нрава Александр Александрович представлял полную противоположность старшему брату. По отзыву Грота, в нем не замечалось внешнего блеска, быстрого понимания и усвоения; зато он обладал светлым и ясным здравым смыслом, составляющим особенность русского человека, и замечательной сообразительностью, которую он сам называл „смекалкою“. Учение давалось ему, особенно на первых порах, нелегко и требовало серьезных с его стороны усилий... Александр Александрович отличался в классе внимательностью и сосредоточенностью, прилежанием и усидчивостью. Он любил учиться, на уроках допытывался... до корня, усваивал, хоть и не без труда, но обстоятельно и прочно. Труднее всего давалась ему теория языков; любимым же занятием его было чтение, преимущественно рассказов и путешествий»¹². Итак, даже этот благостный и апологетический рассказ о детстве «обожаемого монарха» рисует человека заурядного, тугодума, с трудом карабкающегося по ступенькам знаний. Александр был проще, земнее, предпочитал занимательное чтение и военное дело. Словом, это был обыкновенный мальчик, не очень любивший учиться и норовивший побольше поиграть. Для этого к великим князьям приводили детей придворных, и они предавались всегдашним детским забавам: играли в лошадки, охоту, войну, для чего использовалась игрушечная крепость, построенная в Царском селе для их военных упражнений. Так было в детстве, так осталось и в последние годы обучения. Тот же Татищев, противореча себе, приводит выдержки из писем наставника Александра, графа Б. А. Перовского, относящиеся к 1862—1863 годам. Он постоянно жаловался императору на своего подопечного, что никак не может «заставить его понять, что учение не должно состоять в просиживании определенного числа часов» и всячески пытается добиться, чтобы тот «понял», что «даже и с употреблением весьма усиленных трудов и стараний едва ли можно, в его положении, достигнуть той точки образования, которое обыкновенно имеют молодые люди его лет; чтобы он понял, что во всех предметах мы вынуждены заниматься такими вещами, которые преподаются только детям и, следовательно, упускаем время». «Однако, — заключал Перовский, — к сожалению, до сих пор он смотрит на это с самой ребяческой точки зрения»¹³.

До апреля 1865 года такое положение было терпимо: Александр был всего лишь одним из великих князей, которые всю жизнь больше числились на военной службе, чем служили, и которым знание истории и литературы, экономики и права было ни к чему. Наследничество буквально свалилось на него, никогда о том не помышлявшего. Он был огорчен смертью брата, которого очень любил, ошеломлен переменой в собственной судьбе. Однако традиции и заботы об устойчивости власти требовали определенности в деле престолонаследия. И, несмотря на горе всей семьи, несостоявшиеся еще похороны (тело покойного

долгим путем, морем, было отправлено в Петербург для погребения), Александр приступил к исполнению разного рода церемоний приемов и представлений, связанных с его новым статусом. Ему пришлось приносить в церкви Зимнего дворца присягу, быть представленным депутациям и в Петербурге, и в Москве, участвовать в празднествах по этому поводу.

К апрелю 1865 года Александр был полковником и флигель-адъютантом, наследничество принесло ему производство в чин генерал-майора с зачислением в свиту императора и назначение атаманом всех казачьих войск. В это время он был уже сложившимся человеком, не подготовленным к новым обязанностям и лишенным задатков государственного деятеля. Последнее исправлению не поддавалось, подготовку же (равную на тот момент слабой гимназической) можно было восполнить. Нового наследника принялись усиленно просвещать историки, правоведы, экономисты. Ему читали К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, И. К. Бабст, Ф. Г. Тернер. В наследнике как частном человеке было много привлекательных черт. Он был прям, честен, искренен, нечестолобив, добр, благожелателен к близким. И одновременно неловок, застенчив, неуклюж. К тому же обладал большим чувством ответственности. Это последнее и было в полной мере мобилизовано им во время наследничества и в период царствования. Но еще одно обстоятельство: на тот момент взгляды Александра уже определились. В. П. Мещерский оставил интересную характеристику его особенностей в этом возрасте. Из здесь мемуарист, как и другие, не мог отрешиться от сопоставлений. «В старшем брате, — отмечает Мещерский, — не было никаких элементов философии; напротив, своим чутким и восприимчивым ко всем оттенкам окружающего его мира, своим тонким и проницательным умом... он всецело воспринимал и влияния на себя жизни, или считался с нею и признавал ее силу; младший брат... наоборот, он не подчинялся, так сказать, силе окружающей его жизни, не моделировал себя по ней»¹⁴. Многие называли это упрямством, в действительности это статичность мышления; черты будущего императора уже видны в двадцатилетнем Александре.

Чтение курсов разных наук, дав Александру некоторые знания, мало что могло изменить в этом сложившемся характере. К тому же и возможности для занятий были у него теперь резко ограничены. Его положение требовало присутствия на многочисленных официальных встречах и приемах, свадьбах и похоронах, балах и военных смотрах, дипломатических приемах и всякого рода заседаниях. К тому же вскоре, в октябре 1866 года, он женился на невесте покойного брата, принявшей при крещении имя Мария Федоровна. Для того чтобы решиться на это, ему пришлось переступить через свое чувство к прелестной молодой фрейлине княжне Марии Элимовне Мещерской.

Привязанность к ней была столь велика, что он готов был отречься от престола. Может быть, поэтому родители не стали далеко искать невесту и тянуть со свадьбой. Брак этот был «альянсом», ибо оба признались друг другу в своих чувствах к третьим лицам (Дагмара — в любви к покойному цесаревичу Николаю), но неожиданно оказался счастливым. Все единодушно отмечают уютность их семьи, теплоту отношений. Вскоре новый наследник стал не только молодоженом, человеком семейным, но и отцом. Александр любил семью и детей. «Рождение детей, — пишет он Победоносцеву в связи с появлением на свет дочери, — есть самая радостная минута жизни и описать ее невозможно, потому что это совершенно особое чувство»¹⁵.

Поэтому подготовка наследника к царствованию происходила скорее в сфере государственной практики, в процессе его участия в текущей политике и продолжалась полтора десятка лет. Александр II сразу же, в целях приобщения наследника к политике, вознамерился принимать доклады министров только в его присутствии, но такое обыкновение в первое время было скорее исключением, чем правилом. Зато в 1868 году наследник был введен в состав высших государственных учреждений — Комитета и Совета министров, Государственного совета. Правда, следов активного участия его в обсуждении дел крайне мало, он больше слушал, чем говорил. Наследники вообще не играли решающей роли в политике в XIX веке. Что заставляло Александра помалкивать — собственная ли застенчивость, некомпетентность или властная позиция отца, сказать трудно. Но когда в декабре 1873 года на заседании Совета министров, обсуждавшего вопрос о контроле руководителей дворянства за деятельностью народных школ, император обратился к наследнику, спрашивая его мнение, военный министр несказанно удивился этому и записал в дневник: «Никогда еще не случалось в прежних заседаниях Совета, чтобы государь спрашивал его мнение»¹⁶.

Если окидывать взглядом весь период наследничества Александра, пытаясь понять его место в политической жизни этого периода, то напрашивается вывод, что он представлял оппозицию справа, причем не оппозицию так называемой «аристократической партии», деятели которой заглядывались на английские образцы решения и социальных, и государственных вопросов, а оппозицию сугубо националистического толка. Оппозиция наследника была скорее идеологическая, чем действенная, однако его оппонирование политике отца в это время бесспорно. Наследник был не в таких отношениях с отцом, чтобы публично с ним спорить или тем более открыто противодействовать, но уж слишком часто они оказывались в противоположных лагерях политиков, и не только потому, что взгляды их сильно различались (это-то бесспорно!), но еще и оттого, что Александр II, обладавший качествами государственного деятеля, часто поступал вопреки своим

желаниям и взглядам, по государственному расчету, соображаясь с потребностями государства. Отец и сын по-разному смотрели на национальную политику. И если царь смотрел на чрезвычайные меры, принимаемые в Царстве Польском и западных губерниях, как на временные, в Финляндии и Прибалтике пытался вести компромиссную линию, стараясь не вызывать обострения неприязни к России, то наследник был сторонником жестких мер. Для Александра II «приличие» политических мер, мнение Европы имели большое значение, наследник был склонен их игнорировать. Когда в конце 60-х годов усилиями нескольких министров из западных губерний были отозваны губернаторы П. Н. Батюшков и И. А. Шестаков, чтобы отойти от русификаторской политики в отношении землевладения и церкви, имевшей место в условиях чрезвычайных мер, то для наследника это было дело «возмутительное». «Теперь такое время, что никто не может быть уверен, что завтра его не прогонят с должности», — сетовал он¹⁷. Александр II, пользуясь в тяжелые минуты услугами М. Н. Муравьева («Вешателя»), не любил его и в спокойные времена старался держать в стороне от государственных дел, для наследника же Михаил Николаевич был лучшим авторитетом¹⁸. В период подготовки военной реформы император поддерживает демократический проект своего военного министра, составленный в духе времени, наследник стоит в рядах «партии действия». Царь-реформатор внутренне отрешился от крепостнического прошлого России, наследник ищет в нем положительные черты. Отец проводит судебную реформу, числящуюся среди лучших его деяний, сын уже в наследничестве замышляет планы ее пересмотра. Деятельность Морского министерства пользуется одобрением Александра II, цесаревич не находит слов, чтобы ее обругать. С течением времени значение такой охранительной позиции наследника возрастает, ибо помимо того что вокруг него группируются единомышленники, на него оглядываются и люди иного направления, видя за ним будущее. Словом, ситуация была не из простых. Участвуя в обсуждении и осуществлении внутренней и внешней политики конца 60-х—70-х годов, способствуя разным ее мерам или сдерживая их, вел. кн. Александр Александрович проходит свою наследническую «стажировку», в какие-то моменты становясь во главе важных дел, оставивших добрый след в истории того времени.

На рубеже 1867—1868 годов правительство впервые после крестьянской реформы столкнулось с тяжелым неурожаем примерно в двух десятках губерний. Отмена крепостного права сняла с помещиков заботу о помощи крестьянам и, стало быть, переложила ее на государство. Министерство внутренних дел, которое, естественно, попыталось не привлекать к этому внимания, занялось сбором сведений о положении с хлебом, одновременно не пуская в печать сведений о неурожае. Разумеется, в обществе начались разговоры о голоде,

критика властей. «Беспокойство от слухов о неурожае, — передает эти настроения В. Ф. Одоевский 3 октября 1867 года. — Сетуют на дозволение вывозить хлеб за границу, на пустоту хлебных магазинов и на непринятие мер для продовольствия». И еще, чуть позже: «Голод! Голод даже в Рыбинске, в Орловской губернии, когда в Курской не знают, куда девать хлеб».

Общее негодование на отсутствие распоряжений Министерства внутренних дел»¹⁹.

Наследник, человек сострадательный, очень жалел крестьян, оставшихся с пустыми закромами, и жаждал как-то помочь им. Это был и удобный случай для императора, чтобы в первый раз связать имя наследника с благородной акцией, которая не могла не снискать всеобщего сочувствия. Без какой бы то ни было консультации с Министерством внутренних дел, что явно выражало недовольство его бездействием, 23 января 1868 года был опубликован рескрипт на имя цесаревича о создании комиссии для сбора пожертвований на покупку хлеба и его распределения. Там говорилось об инициативной роли наследника в этом предприятии: «Поручая Вашему императорскому высочеству почетное председательство в оной, — нам отрадно видеть в искренности и теплоте принимаемого Вами сердечного участия залог успешного достижения предполагаемой благотворительной цели». Рескрипт был опубликован в газетах, на Аничковом дворце повешен ящик для пожертвований, сформирована комиссия, куда вошли, как мы бы сейчас сказали, деловые люди. Собравшаяся комиссия на первом же заседании выработала стратегию, отказавшись от идеи даровой раздачи хлеба как деморализующей, и пришла к решению о его закупке крупными партиями с целью обеспечить стабильность цен на хлеб в неурожайных губерниях. Для этого срочно потребовались деньги (хотя добровольные пожертвования поступали), и цесаревич «выпросил» на это у отца миллион рублей. Тайну ассигнования денег и покупки большой партии хлеба удалось сохранить, и хлеб был отправлен на места. Действиями комиссии, наследника, нарождавшегося земства и местных властей удалось в итоге снять остроту нехватки хлеба и предотвратить наметившееся в связи с неурожаем крестьянское переселенческое движение. (Через два десятка лет история повторилась, и такую же комиссию возглавил наследник Николай Александрович, только масштабы голода и продовольственной помощи оказались несоизмеримы.) Министр внутренних дел П. А. Валуев, оскорбленный и считающий события вокруг продовольственной помощи сильно раздутыми, ушел в отставку. Отсюда, из этих времен, идет взаимная неприязнь его и Александра III.

Большим событием в жизни Александра-наследника была русско-турецкая война 1877–1878 годов, роль его в это время очень существенна. На первых порах, когда на Балканах вспыхнуло освободо-

длительное движение славян против Османской империи; в России на него живо отзывались военные и все общество. Движение в поддержку славян не было однородным, и очень многие, не отвергая мысль о помощи, были против военного вмешательства России в эту борьбу, считая, что война ляжет огромной нагрузкой на экономику и финансы, не говоря уже о людских потерях. Против войны были министры внутренних дел, военный, финансов. Последний даже просил отставки, не соглашаясь своими руками разрушить нестойкое бюджетное равновесие, которого он добивался более десяти лет. Александр II тоже поначалу не хотел ввергать Россию в серьезную войну. Зато наследник и императрица полагали, что Россия не должна оставить плохо вооруженных единоверцев на расправу турецкой армии. Император и министр внутренних дел А. Е. Тимашев долго пытались принудить российскую прессу не обсуждать балканскую политику России и не подталкивать страну к вступлению в войну. Одним из трубадуров славянской идеи и освободительной миссии России стал человек, близкий к наследнику, — В. П. Мещерский. Идейную позицию его журнала-газеты «Гражданин», которой не сочувствовал император и которая не раз в это время подвергалась административным карам, разделял наследник.

В Ливадии осенью 1876 года шли непрерывные совещания Александра II с причастными к внешней политике министрами. Их постоянным участником был наследник. Царь в одном из совещаний, сетуя на затруднительность положения, нарушив приличия, прямо упрекнул присутствовавшего цесаревича в том, что он и Мария Александровна идут против его воли²⁰. А сам наследник в это время писал из Ливадии Победоносцеву: «Да, бывали здесь тяжелые минуты нерешительности и неизвестности и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь: все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу. К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что, наконец, пришли к какому-нибудь плану действий»²¹. В итоге перевесили аргументы в пользу военного вмешательства, и Россия вступила в войну.

В район военных действий отправились многие члены императорской фамилии, во главе с царем и цесаревичем. Александр Александрович провел на фронте всю кампанию, почти год, возглавляя так называемый Рушукский отряд (один из трех, составлявших Дунайскую армию). Под его началом было два корпуса (около 75 тыс. чел.). Его начальником штаба оказался П. С. Ванновский (впоследствии, в его царствование — военный министр). Кавалерией командовал

И. И. Воронцов-Дашков (бессменный министр императорского двора у Александра III). Отряд наследника находился на относительно спокойном участке фронта (по сравнению с Шипкой и Плевной, где решалась судьба войны), но и здесь был весь набор боевых действий: атаки и отступления, рекогносцировки и контратаки. Считается, что Рушукский отряд выполнил свою боевую задачу успешно, не дав турецким войскам прорвать фронт и выйти к переправам. Именно группа войск наследника, оказав отпор турецким отрядам, заставила их перейти к обороне. «Не думали мы, что так затянется война, а начало так нам удалось и так хорошо все шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны!» — пишет он в письме от 8 сентября 1877 года²², и это восклицание прекрасно передает постижение им военного опыта. Настроение радостного ожидания сменилось трезвыми рассуждениями, ибо он увидел не показную, а реальную картину войны, хотя, разумеется, и не самую ужасную, осознал ее неразбериху, убедился в недалекости командования (а главнокомандующим был его дядя, вел кн. Николай Николаевич), корысти интендантов, увидел смерть близких. Руководимая им рекогносцировка 12 октября 1877 года унесла — на его глазах — жизнь его двоюродного брата Сергея Максимилиановича Лейхтенбергского.

Вел себя наследник на войне достойно, в дела главного командования не вмешивался, был очень привязан к «своему» отряду и не захотел расставаться с ним, когда прибыли на фронт войска гвардии, к которым он принадлежал. Он был прост и демократичен в кругу своей свиты и штабных офицеров. По рассказам участников событий, его шатер был центром, куда собиралось к завтраку и обеду до сорока человек, коротая время в непринужденной беседе. Это было настоящее боевое товарищество. Свободное время (а оно на этом участке фронта было) наследник отдавал любительским археологическим раскопкам. Его участие в войне было отмечено тремя наградами: в сентябре 1877 года он получил орден Св. Владимира с мечами, в конце ноября пожалован кавалером ордена Св. Георгия 2-й степени, а в феврале (уже в Петербурге, куда он в это время вернулся) — украшенной бриллиантами золотой саблей с надписью «За отличное командование».

Немедленно по возвращении с войны Александр занялся весьма серьезным делом — созданием Добровольного флота. Ближайшим его сподвижником в этом деле явился Победоносцев. Создание Добровольного флота, дожившего до 1917 года, было вызвано резким недовольством наследника действиями Морского министерства в области судостроения. «Морское министерство не желает обращать внимание на хорошие суда, а исключительно занялось погаными поповками и сорит на них русские миллионы десятками», — замечает он в одном

из писем²³. А генерал-адмирал вел. кн. Константин Николаевич пользовался полным доверием монарха. Поэтому единственно возможным выходом было создание частной торгово-мореходной организации на базе добровольных пожертвований. Общество могло бы закупить за границей уже построенные суда или заказать их и использовать в качестве транспортных средств в мирное время, а в военное — переоборудуя их в боевые корабли. Решено было закупить быстроходные океанские суда крейсерского типа. Наследник принял на себя покровительство над Добровольным флотом, и дело пошло очень успешно. Уже в 1878 году было собрано 3 млн. руб. и куплены первые три парохода. Но это было только начало. Доходы от перевозок шли на пополнение флота, команда набиралась из военных моряков. Наследник отдавал этому предприятию много внимания и сил, следил за прессой, контролировал перемещения судов, встречался с моряками, плававшими на этих пароходах. Став императором, Александр передаст управление Добровольным флотом Морскому министерству и будет субсидировать его, но в начальном периоде его существования этот флот держался энтузиазмом жертвователей и усилиями цесаревича.

Александр Александрович заслуживает и доброго слова историков, ибо в значительной мере ему они обязаны созданием Русского исторического общества, которое выпустило полторы сотни томов исторических документов и до сих пор непревзойденный «Русский биографический словарь». Уже упоминалось, что император любил историю (в ее облегченном виде) и с удовольствием читал о жизни и деяниях людей далеких эпох. В XIX веке исторические знания стремительно нарастали, а с тем вместе росло и понимание значения источника, необходимости его обнаружения по хранилищам, сохранения, описания и научной публикации. И важнейшим предприятием такого рода явилось создание Археографической комиссии, которая начала прокладывать путь к научному изданию древних источников.

Создание любых научных обществ было делом непростым, ибо, как всякое учреждение, требовало хотя бы маленького штата и расходов на деятельность, а любительских средств на это часто не хватало. И когда государство отказывалось финансировать деятельность такого общества, любителям же было трудно вытянуть расходы на него, то существовал испытанный способ решения этой задачи: ввести в его состав высокопоставленного покровителя, чье имя стимулировало бы и вступление в него, и доброхотные даяния. Почетное председательство отнюдь не гарантировало автоматического процветания общественной организации, но создавало предпосылки для ее выживания. К этому приему и прибегли в середине 60-х годов, когда среди людей, близких к наследнику, возникла мысль об учреждении профессионально-любительского Исторического общества, тем более что Экономическое, Географическое юридически уже существовали. Историческое

общество должно было и поддерживать интерес к российской истории, и продвинуть ее изучение. В марте 1866 года двенадцать членов-учредителей (среди них К. Н. Бестужев-Рюмин, кн. П. А. Вяземский, А. Ф. Бычков, М. И. Богданович, М. А. Корф, Д. А. Толстой, Е. М. Феокистов) собрались, чтобы договориться об основах организации и деятельности общества. Первоначально опекуном общества выступило Министерство иностранных дел (во всяком случае, именно оно внесло в Комитет министров представление об учреждении общества), которое было готово оказать свое содействие. Но Комитет министров высказался за то, чтобы Историческое общество состояло в ведении Министерства народного просвещения (министром в это время был А. В. Головин, вскоре замененный Д. А. Толстым). В уставе Исторического общества говорилось: «Кроме председателя, Общество может иметь почетного председателя, если кто-либо из членов императорской фамилии удостоит Общество принятием на себя этого звания»²⁴. Общество должно было поддерживаться единовременными и ежегодными взносами и пожертвованиями. Почетное председательство взял на себя наследник. Историческое общество с самого начала решило специализироваться на изучении послепетровского времени, преимущественно же XVIII века. Русское историческое общество называлось «общеобразовательным» и «научным», т. е. носило широкий характер. Члены общества, число которых не было ограничено, собирались на заседания: «обыкновенные, чрезвычайные и годовые». Александр, и в бытность наследником, и после воцарения, с удовольствием принимал участие в заседаниях, помогая, чем мог, собирая у себя, в Аничковом дворце членов Исторического общества; его председательство и членство не были номинальными, как то не раз бывало в подобных случаях. Держался при этом Александр приветливо и радушно, получая, надо полагать, отдохновение от дел обязательных и неприятных. Когда подрос вел. кн. Николай Александрович, на заседания Общества стали приглашать и его, а он с удовольствием слушал разговоры о российской истории. Первым председателем Общества был П. А. Вяземский, а секретарем А. А. Половцов (позже сменивший Вяземского на посту председателя), самый богатый и щедрый, да и деятельный член этого объединения любителей истории.

Раз уж зашла речь о науке и культуре, то здесь стоит упомянуть и еще одно маленькое увлечение Александра в молодости, также принесшее видимые результаты. Он явился одним из организаторов оркестра, дотоле в дворцовых залах не звучавшего, — духового. Было это так. Родители его добросовестно пытались сделать своих детей людьми, любящими музыку, и музыкальное образование входило в перечень обязательных предметов обучения. И Александра, и Николая, и Владимира начинали учить игре на фортепьяно. Двум последним это оказалось не по душе. Уроки музыки стали самыми ненавистными

и были прекращены. Однако Александру, в котором сильна была военная жилка, нравилась военная музыка, и вскоре он переходит к попыткам и самому играть на духовых инструментах. Вокруг него складывается первоначально медный духовой септет, в котором цесаревич играл на корнет-а-пистоне. В септете было 3 корнета, 2 альтгорна и бас-геликон. Позже он разросся до девяти участников, а затем и до целого духового оркестра²⁵.

В конце 70-х годов обязанности наследника множатся. Во время отъезда императора из Петербурга на наследника перекладывается прием докладов, дела текущей политики. И это в период начавшегося глубокого внутреннего кризиса, когда экономическая, социальная и политическая обстановка резко ухудшается. «Грустное и страшно тяжелое положение», — такова его оценка ситуации в декабре 1879 года²⁶. В самом деле, в конце 70-х годов вся Россия находилась в состоянии недовольства и ожидания. Расходы на войну привели к дефицитному бюджету, лишавшему правительство свободы финансового маневра. Война и не развивавшаяся далее аграрная реформа ухудшили положение в деревне. Нищее российское крестьянство, не видевшее в массе возможности своими силами решить проблему малоземелья, начинает питать иллюзии относительно расширения своего надела за счет господского. Так возникают слухи о «черном переделе» — даровом получении земли, грозящие опасностью массового взрыва. Народовольцы, не имея нормальных политических средств борьбы, отчаявшись, переходят к террористическим действиям. Ко всему этому прибавляется оппозиция социальных «верхов», часть которых требовала принятия мер к упрочению дворянского землевладения и предоставления политических прав, а другая была сторонницей быстрого продвижения по пути буржуазно-демократических реформ. Главной среди них была реформа государственного устройства, создание той или иной формы общегосударственного представительства. Начавшаяся в 1879 году серия покушений на императора сильно нервировала правящие круги и заставляла их в годы внутреннего кризиса непрерывно обсуждать меры стабилизации положения, шарахаясь от предложений о применении широких репрессий до значительных уступок общественному движению во имя «успокоения».

Смятенное состояние царской семьи, да и вообще всех придворных и правительственных кругов, осложнялось длительным романом императора с Е. М. Долгоруковой, наличием у него второй семьи, с течением времени становившейся фактором правительственной политики. Стареющий монарх все более привязывался к женщине, бывшей на тридцать лет его моложе, и детям; старался как можно больше бывать в этой побочной семье. В императоре, уже больном человеке, желания и страсти частного лица все более теснили государственного деятеля. В своих попытках упростить свое общение с гражданской

семьей он тайно перевел ее в Зимний дворец. Императрица Мария Александровна, давно знавшая о связи мужа, была оскорблена до глубины души и замкнулась в себе, стараясь не говорить на эту тему. К тому же у нее была последняя стадия чахотки. В мае 1880 года она умерла в Зимнем дворце в полном одиночестве, причем Александра II даже не было в городе, он уехал в Царское село, где тогда жила Долгорукова. Все судачили по поводу этой широко известной связи, многие осуждали императора за «старческую слабость», часть сановников вынуждена была лавировать, а некоторые из них пытались использовать ситуацию в своих интересах, действуя через Долгорукову, имевшую огромное влияние на царя.

Любивший мать и придерживавшийся очень строгих взглядов на семейные узы наследник был в негодовании. Оно еще более усилилось, когда Александр II, сразу же после «сороковин», тайно обвенчался с Долгоруковой, признав официально детей и дав всей семье титул «светлейших» и номинацию князей Юрьевских. Несмотря на секретность брака и всяческое подчеркивание монархом, что это женитьба частного человека, о событии стало известно, тем более что Александр II стал публично появляться с кн. Юрьевской и знакомить с нею наиболее близкий к нему круг людей. Возникла угроза ее коронования, окончательной легитимации детей. В семье сложились тяжелые отношения. Император увез новую семью в Крым, в Ливадию, оставив в Петербурге вместо себя наследника, хотя продолжал регулярно заниматься наиболее важными делами и в Крыму: к нему поступали бумаги, приезжали министры. Отношения с мачехой у цесаревича не налаживались, и монарх в надежде примирить их вызвал старшего сына в Ливадию. Прибывшего туда наследника ждал еще один удар — новая жена отца заняла во дворце комнаты покойной матери. Примирения не состоялось, наследник избегал встреч с мачехой, и императору пришлось решать задачку с многими «несовместимыми». Существует рассказ А. Н. Куломзина, замещавшего в то время министра государственных имуществ и в таком качестве представлявшегося царю в Ливадии. «В это время,— вспоминает он,— я застал следующие обстоятельства. Император Александр II водворил княгиню Юрьевскую, жившую прежде на особой даче около Ялты, в свой Дворец, т. е. в комнаты, ранее занимаемые императрицей Марией Александровною, ибо других комнат не было; наследник, которого государь вызвал в Ливадию, не хотел ехать, и граф Лорис-Меликов, исполняя желание государя примирить их, завлек Александра Александровича, лживо удостоверив его высочество, что княгиня во дворце не живет. Однако, раз прибыв — обратно ехать невозможно. Водворился следующий порядок. Государь имел обыкновение каждое воскресенье приглашать к столу приезжавших в Ялту министров и другого звания высших чинов, причем в одно воскресенье по правую руку государя

место занимала цесаревна Мария Федоровна, и по левую руку государь наследник, а в следующее воскресенье цесаревич с супругою уезжали на охоту или вообще в горы, а за столом обедала княгиня Юрьевская и прибывшие были ей представляемы»²⁷. Вернувшаяся из поездки в Крым Мария Федоровна «с жаром» сетовала жене И. И. Воронцова-Дашкова на это «неловкое положение» и в отчаянии восклицала: «Можете кому хотите об этом рассказывать»²⁸.

Все это происходило в условиях кризисных, де-юре оформленных в феврале 1880 года созданием Верховной распорядительной комиссии во главе с М. Т. Лорис-Меликовым, после взрыва в Зимнем дворце. Характерно, что царь не хотел прибегать к чрезвычайным мерам, но сделал это по настоянию наследника, склонного действовать силовыми приемами. Вел. кн. Александр возлагал большие надежды на Лорис-Меликова, боевого генерала, считая, что тот сумеет твердой рукой навести порядок. Лорис-Меликов поначалу как будто и оправдывал эти надежды, что продемонстрировала, например, скоропалительная казнь Ипполита Млодецкого, покушавшегося на диктатора. Однако репрессивные меры не были единственной тактикой фактического российского премьера. Очень скоро он воспринял общее для либеральной бюрократии и либеральной общественности убеждение, что главным в тех обстоятельствах является предоставление обществу, уже двадцать лет живущему в посткрепостнических условиях, некоторых политических прав, в том числе и права на участие в центральных представительных органах. Осознав это, Лорис-Меликов стал постепенно продвигать идею привлечения земских и городских представителей к законосовещательному процессу. Идея эта была не нова и обсуждалась в правительственных кругах по крайней мере четырежды: в 1863, 1866, 1874 и 1879–1880 годах, но была отвергнута: обстановка не казалась Александру II такой однозначной, и он откладывал решение вопроса. А в начале 1881 года положение изменилось, конституционная идея собрала вокруг себя уже много сторонников, и под их давлением император решил отступить, использовать это последнее средство установления социального мира. Особая комиссия, куда входил и наследник, еще недавно считавший, что «ничего» делать в этом смысле не надо, смогла выработать общее предложение о создании депутатских и редакционных комиссий, участвующих в качестве первой инстанции в обсуждении законопроектов, существо которых будет подсказано организованными Лорис-Меликовым сенаторскими ревизиями. К этому времени Лорис-Меликов уже возглавил Министерство внутренних дел. По мере того, как Лорис-Меликов обнаруживал свои конституционные намерения (само слово «конституция», естественно, не произносилось), отношения его с наследником, на первых порах очень близкие, обострялись, хотя наследник, оставшись в одиночестве, снял свои возражения против проекта Лорис-Меликова.

К 1 марта 1881 года обстановка в правящих кругах достигла пика напряжения. С одной стороны, брак Александра II, все более раскалывавший и императорскую фамилию, и сановников, с другой, — проект представительных учреждений, давным-давно подготавливаемый, но еще не утвержденный. Его принятие означало крупный поворот в политике, вступление России на конституционный путь. Ожидания одних были связаны с наследником, будущим монархом, ожидания других — с теперешним, который намерен направить Россию на новый путь. Перед страной открывалась возможность попытаться идти цивилизованным путем, без конфронтации власти и общества.

Но как будто злой рок толкал руку российской истории. 1 марта 1881 года Александр II, одобрив журнал комиссии Лорис-Меликова, назначил на 4 марта заседание Совета министров под своим председательством, с тем чтобы на нем окончательно договориться о редакции объявления о созыве депутатских комиссий. И отправился в Манеж. Он вернулся уже смертельно раненный бомбой народовольцев, чтобы через час умереть от кровопотери на руках жены и сына-наследника. Одна трагедия была развязана, другая — надвинулась на страну. Смерть Александра II многими из его окружения была воспринята как трагичная, но все же развязка семейной и государственной драмы. Существует несколько однотипных свидетельств людей, воспринявших цареубийство именно таким образом. Одно из них принадлежит министру двора А. В. Адлербергу: «Мученическая кончина государя, быть может <...> спасла блестящее царствование от бесславного и унижительного финала»²⁹. Но одновременно под угрозой оказалась судьба Лорис-Меликова, а с тем вместе и перспектива неторопливого конституционного развития России.

Немедленно распубликованный манифест о воцарении Александра III в очень оттекаемой форме говорил о правительственном курсе. Никаких обязательств продолжить дело отца новый император не давал. Он лишь провозглашал намерение пеших о России «по завету наших предков», среди которых, как известно, были люди разные. И Россия, и весь мир гадали, каким будет новый император, чего ждать от него? Высказывались разные предположения, вплоть до объявления его сторонником конституции. В этих пересудах и спорах наличествовало и рациональное зерно, были в них и явные нелепости. Но один человек в те дни безошибочно препарировал характер нового императора и пророчески предсказал направление его политики. Это был Иван Сергеевич Тургенев. Писатель, много времени проводивший за границей, европеец по политическим симпатиям, не потерявший, однако, ни грана россиянства, он мечтал о европеизации России, о конституционной монархии, октроированной сверху, о подлинной свободе, о достойном развитии страны. Летом 1879 года Тургенев в Париже

встретился с наследником и с проницательностью великого психолога хорошо понял эту простую душу. Хотя, разумеется, он пользовался и рассказами, например, российского посла в Париже Н. А. Орлова. Статья Тургенева «Александр III», подписанная псевдонимом, появилась в еженедельнике «Ля ревю политик э литтерэр» 26 марта 1881 года и, стало быть, была написана в первые две недели нового правления. Статья предназначалась для французов и имела своей целью создать максимально благоприятный образ молодого императора. Концентрируя внимание читателей на самых, безусловно, положительных качествах Александра III — молодости, здоровье, искренности, честности и т. п., — Тургенев нигде не погрешил против истины и не впал в восхваление отсутствующих у царя черт. И сумел (очень деликатно!) сказать о том, что тот слабо подготовлен, получил преимущественно военную подготовку. «Этот царь кажется рожденным с несомненными способностями к власти», — написал Тургенев, и тут же оговорился, что на «великого государя» Россия все же рассчитывать не может. Осторожно, но недвусмысленно, было сказано о его национализме: о «симпатии» к одним и антипатии к другим нациям: «Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский». Было сказано и о том, что император будет играть роль народного царя. Еще не зная о судьбе лорис-меликовского проекта, Тургенев уже развеял либеральные ожидания. «Те, кто ожидают от нового царя парламентской конституции, скоро утратят свои иллюзии», — предупреждал писатель. — <...> Его весьма близкие отношения с ультра-национальной партией, напротив, указывают на известное недоверие по отношению к конституционалистам. Общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, предоставляемой монархам, были и останутся еще долго чуждыми России. Императорская власть предпочтет проводить важные реформы, жалую их сверху путем указов, чтобы мало-помалу добиться заметного улучшения участи подданных, в особенности крестьян». И добавлял вполне резонно: «Эти реформы, впрочем, необходимы, давно разрабатывались и вполне подготовлены»³⁰. Поразительно, но можно подумать, что Александр III строил свои планы, сообразуясь со статьей Тургенева.

Первые месяцы правления для нового царя были временем, когда ему приходилось заниматься невероятным количеством текущих дел, отодвигавших крупные мероприятия на второй план. Ему нужно было пережить ритуал похорон отца, процедуру вступления на престол, обеспечить интенсивные поиски революционеров и скорую расправу с участниками покушения. К цареубийцам он был безжалостен. Вл. С. Соловьев попробовал в лучших традициях российской интеллигенции воззвать к его русской душе и сердцу христианина, в своей публичной лекции заявив, что христианская мораль требует отказа от смертной казни, помилования заговорщиков. Но в новом монархе

заговорило не христианское смирение, а жесткость автократа. «Будьте покойны, — заявил он, — с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь»³¹. И действительно, и в 1881 году, и в последующее время средства гонения на радикальные элементы общества были самыми крутыми. В круг текущих государственных дел Александра III входила и проблема устройства судьбы Юрьевских, он мечтал о скорейшем выдворении их из Петербурга и поручил Лорис-Меликову заняться переговорами с мачехой. К предоставлению ей ежегодного содержания и обеспечению приличествующего ее сану положения принуждал его не только ее официальный статус морганатической супруги отца, но и трогательное письмо Александра II, написанное в конце 1880 года, в котором он поручал сыну заботу об этой семье после своей смерти. Не сразу, но вскоре Юрьевская уехала за границу, где и жила, время от времени привлекая к себе внимание семьи Романовых и Министерства иностранных дел.

При всей своей занятости повседневными делами, новый император в первые же дни сумел сначала для ближайшего окружения, а затем и для всех подданных высказаться о направлении в политике, которому он намерен следовать. Вообще в то время у России имелось только два пути, и для грамотных политиков они были очевидны. Германский посол в России Г.-Л. Швейниц так их обрисовал: «Действительно, сегодня выбор может проходить между двумя путями: или реформа в европейском смысле из Петербурга, или самодержавное царствование в Москве. Газеты северной столицы требуют — за немногими исключениями — либеральные реформы и с гневом отмечают раздающиеся из уст Каткова и Аксакова призывы перевести правительство в Кремль. Что в последнем предложении есть здоровое зерно, я согласен, что оно будет принято, я не верю; это было бы слишком неудобно. Однако же интересно, что для нас (Германии) лучше было бы: конституционная монархия на берегах Невы или самодержавное царство в Кремле»³². Александр III, как показывает его политика, выбрал второй путь, в известном смысле не отказываясь от первого. Он постарался стать великим князем московским в Петербурге, в условиях империи и развивающегося капитализма.

Принципиальный вопрос: укатанная ли европейская дорога или древняя российская, с рытвинами и ухабами, но зато с самодержавным царем-батюшкой и бедным крестьянством, огражденным от безземелья неотторгаемым наделом общинной земли, — для Александра III к этому времени был уже решен. Об этом свидетельствуют его действия на заседании Совета министров 8 марта. Он не стал надолго откладывать назначенное еще отцом заседание Совета, собрав его с трехдневным опозданием в Зимнем дворце. Неожиданное приглашение на заседание К. П. Победоносцева и С. Г. Строганова, прежде

в обсуждении дела не участвовавших, свидетельствовало, что император укрепляет оппозицию проекту Лорис-Меликова. Казалось бы, сыновний долг, предрешенность дела обязывали нового императора отнестись к обсуждению как к простой формальности, автоматическому скреплению подписью политического завещания отца. Ничуть не бывало. Александр III предупредил членов Совета, что они должны исходить из того, что судьба проекта не решена, а стало быть, речь пошла не о редакции документа, а о существе дела. Роль «центральных нападающих» взяли на себя Строганов и Победоносцев. Аргументы их были традиционны: предложения Лорис-Меликова чужды российским обычаям, несвоевременны, колеблют самодержавие. Последний аргумент — узурпация абсолютных прав монарха — всегда был убийственным. Это было обвинение в политической неблагонадежности, смертельный удар для карьеры государственного деятеля. Недаром все авторы проектов правительственного конституционализма всегда начинали с деклараций о лояльности и заботе об упрочении самодержавного принципа.

Новый монарх провел заседание как умелый председатель министерской коллегии, знающий точно, чего хочет. Опираясь на категоричность оппозиции одних, осторожность других, он, вопреки поддержке проекта большинством, предложил перенести обсуждение на неопределенное время. Справедливости ради отметим, что участвовавшие в обсуждении сторонники проекта, несмотря на известную им неприязнь Александра к конституционным мерам, открыто, рискуя карьерой, высказались и за своевременность и за необходимость изменения выработки законов бюрократическим способом. Их убеждение в том, что пришел решающий, давно пропущенный срок осуществления политической реформы, принудил их бороться до последнего и не подать в отставку немедленно, а попытаться все же использовать слабую надежду на успех повторного обсуждения. С этим связаны последние попытки Лорис-Меликова и поддерживавших его Абазы и Милютина сначала добиться от императора согласия на создание эрзац-кабинета министров, который будет заседать без императора, принимать решения большинством и представлять на рассмотрение императора решение большинства. Таким образом они пытались парализовать влияние тогда еще находившегося в правительственных кругах в одиночестве Победоносцева. На совещании в Гатчине (куда император переехал в конце марта) 21 апреля 1881 года такое разрешение было им дано. Но пока они надеялись на цивилизованную деятельность неформального кабинета, самодержавие показало либеральным министрам, что оно не намерено возвращать правовое государство, а вполне способно действовать допотопными методами. Император решил, в конце концов, громко сказать городу и миру (а к этому его вынуждали и заявления либеральной печати,

и ультиматумы народовольцев), что он не уступит, и стал готовить заявление об этом. В записке брату Владимиру он предельно ясно объяснил содержание будущего манифеста 29 апреля: там должно быть провозглашено, что он «никогда не допустит ограничения самодержавной власти»³³. Та же мысль звучала в его записке Победоносцеву 21 апреля, и не стоило бы ее цитировать, если бы там не было просто-душно сказано, что он собирается вести Россию иным путем, но вовсе не отцовским. «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление, — писал Александр, показывая, что не обманулся насчет задач „кабинета“. — Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу»³⁴. Когда Бисмарк, исходя из немецких интересов, высказался за «русский путь» развития, за сохранение самодержавия, Александр III начертал на донесении об этом российского посла: «Дай Бог, чтобы всякий русский, и в особенности министры наши, поняли наше положение, как его понимает кн. Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом»³⁵. Конечно, после этого «паршивые либералы» из числа министров пачками должны были посыпаться из правительственной корзины.

Решающим ударом по всему корпусу министров Александра II была почти одновременная отставка министров внутренних дел, военного и финансов сразу после манифеста 29 апреля, провозгласившего намерение императора обойтись без сотрудничества с обществом, охраняя единовластие. И каждый из них был крупным деятелем либерального толка.

Конечно, Лорис-Меликов был случайной фигурой в среде российских реформаторов, но он сумел доказать свою способность быть восприимчивым к велениям времени и умение концентрировать вокруг себя активных деятелей, что чрезвычайно важно для человека государственного. (Заметим вскользь, что генерал оказался на всю оставшуюся жизнь отравлен кратковременной большой властью и, не находя себе применения, живя преимущественно за границей, впервые стал читать серьезные сочинения по политике и экономике, пытаясь уяснить себе искусство управления и надеясь на возвращение к деятельности.)

Милютин был один из превосходных министров Александра II, прошедший с монархом почти весь путь его царствования, человек, изо дня в день двадцать лет спокойно занимавшийся делом преобразования российской армии. А такая повседневная рутинная деятельность, подчиненная единому разработанному плану преобразований, не каждому из министров была по плечу. Отставка такого министра, замеченного П. С. Ванновским, человеком гораздо менее образованным

и более заурядным, была безусловной потерей для России. Уход из Министерства финансов А. А. Абазы, только в 1880 году туда назначенного, и перемещение товарища министра Н. Х. Бунге в министерское кресло, тоже. Бунге, один из преподавателей Александра, человек ученый, здраво судивший о задачах финансовой политики, «шестидесятник», оказался чужаком в министерской среде вообще и в новой компании министров в частности. Они с Абазой составили бы превосходный тандем, где товарищ министра мог бы разрабатывать программы и проекты, а министр Абаза, со свойственными ему умом и энергией, осуществлять их, умело отстаивая в Государственном совете и Комитете министров. Интеллигентному Бунге, лишенному бойцовских качеств, пришлось на посту министра финансов очень трудно, тем более что он вскоре стал объектом нападок прессы, вернее, М. Н. Каткова, который справедливо усматривал в нем нечто чужеродное новому курсу, — так сказать, обломок либерализма предшествовавшего времени. (Чем плох либерализм, его противники обычно не объясняли, достаточно было назвать это идеологическое направление «лжелиберализмом» и становилось ясно, что оно недостойно серьезного рассмотрения.)

Процесс замены деятелей предыдущего царствования был очень быстрым, сопровождавшимся выдвижением «истинно русских людей», по терминологии самого императора, ибо к таковым именно он, чистокровный немец по происхождению, причислял и себя. Сохранилось трогательное его заявление об этом. Иногда получалось так, что среди «истинно русских» встречались люди, еще более русские, чем император, которые начинали критиковать его. И однажды в такой момент у него вырвалась жалоба: «Есть господа, которые думают, что они русские, и никто более. Уж не воображают ли они, что я немец или чухонец? Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают»³⁶. Тогда же был отрешен от должности, вернее должностей, и многочисленных, вел. кн. Константин Николаевич, генерал-адмирал, председатель Государственного совета и Главного комитета об устройстве сельского состояния. Ему в категорической форме, правда, через посредников (Александр не хотел его даже видеть), было предложено уйти в отставку со всех постов. Константин Николаевич был один из немногих выдающихся членов императорской фамилии, чья государственная деятельность отмечена масштабностью, умом и постоянством. С 1865 года он возглавлял высшее законосовещательное учреждение страны — Государственный совет, через который шли все важнейшие законы и, отчасти благодаря своему положению брата императора, умел поддерживать достойное положение и престиж этой формы власти. Как у председательствующего, у него были недостатки, отчасти связанные с тем же великокняжеским саном: резкость, несдержанность, высокомерие. И все же замена его в качестве предсе-

дателя вел. кн. Михаилом Николаевичем (другим дядей императора) означала приход к руководству Государственным советом человека несведущего, не подготовленного к роли председателя коллегии, не интересующегося законодательством, предпочитающего военное поприще и сферу придворной жизни. Роль главы российского флота перешла к вел. кн. Алексею Александровичу, и это было проявлением начавшейся смены поколений у кормила государственной власти.

При Александре III самым близким к нему человеком из императорской фамилии оказался его брат вел. кн. Владимир Александрович. Дядя Александра, кроме Михаила Николаевича, с которым племянник тоже мало считался, были отодвинуты от власти и даже выдворены из Петербурга. Это означало, как и многое другое, неприятие политики, к которой те были причастны, и намерение ее трансформировать. Старшее поколение Романовых заметило и оценило это намерение довольно рано, и весьма интересно объяснило его для себя. Осенью 1882 года, собравшись как-то в Крыму, великие князья Константин и Михаил Николаевичи принялись рассуждать о «настоящем ненормальном положении дел», о «ломке» всего сделанного Александром II и в поисках причин этого казавшегося им странным явления пришли к выводу о чисто эмоциональных, в детстве коренящихся причинах: обидах Александра на свою обойденность родительским вниманием; «отсюда безотчетное желание переиначивать все существующее, хотя бы только для того, чтобы возвратиться к существовавшему когда-то и уже забытому»³⁷. И первыми естественными шагами к этому была перетасовка в рядах высшей бюрократии. Вслед за Константином Николаевичем не подошел под понятие «истинно русского» председатель Комитета министров П. А. Валуев, человек из стариннейшей русской фамилии, но зато западник по убеждениям и программе. В обидной для него форме получил отставку министр двора граф А. В. Адлерберг, замененный И. И. Воронцовым-Дашковым, с которым царь был на «ты». Начальником охраны монарха стал генерал П. А. Черевин, большой любитель выпить, что с точки зрения Александра III было несомненным достоинством, ибо он в лице своего главного охранника имел еще и прекрасного изобретательного собутыльника, поставлявшего своему государю сапоги, в которые входила большая фляжка с коньяком.

Процесс замещения министров и лиц министерского ранга был непростым и негладким, обнаруживая, что оппозиция и управление требуют от человека разных качеств. Назначенный одним из первых после воцарения Александра III петербургским градоначальником Н. М. Баранов, человек очень симпатичный императору по своей предшествующей борьбе с Морским министерством и вел. кн. Константином Николаевичем, оказался никуда не годным администратором и вскоре был убран подальше от Петербурга. Еще один «истинно рус-

ский» — Н. П. Игнатъев, проложивший путь к сердцу Александра в 1876 году своими панславистскими призывами, был прогнан с поста министра внутренних дел, как только обнаружил свое намерение созвать — в полном соответствии со славянской доктриной — Земский собор. Но, в конце концов, на протяжении 1881–1882 годов новый монарх сформировал ядро своих ближайших сотрудников. Это были К. П. Победоносцев, обер-прокурор Синода, игравший — необычайный случай в истории России петербургского периода — роль премьер-министра, Д. А. Толстой, демонстративно возвращенный Александром к государственной деятельности, М. Н. Островский и И. Д. Делянов — не пользовавшиеся уважением своих коллег за пределами их круга. Об обстановке, сложившейся в это время, стоит сказать словами человека, которого не так часто цитируют, — служащего книжной лавки, где абонировалась и судачила о политике чиновная верхушка столица, начавшая было во времена Лорис-Меликова выписывать из-за границы книги по конституционному праву. «События, последовавшие после цареубийства 1 марта 1881 г., и реакционное направление, которое взяло верх в русской государственной жизни в царствование Александра III, — писал С. Ф. Либрович, — заметно отразилось на беседах высоких сановников, бывавших в магазине Вольфа. Большинство из сановников — клиентов Вольфа — очутились не у дел; одни уехали, кто за границу, кто в деревню; другие, — оставаясь в Петербурге в каком-нибудь почетном звании, перестали играть роль в государственной машине, а те, которые и при новом курсе сумели удержаться на посту, стали сдержаннее в своих разговорах. Вообще после оживленной поры бесед на политические темы, в первые же месяцы после вступления на престол Александра III наступила пора какого-то уныния, молчания, страха. Даже высокопоставленные лица опасались сказать лишнее слово»³⁸.

Унынием, страхом, чувством безнадежности в обществе было отмечено начало правления этого императора, в зрелом возрасте воспринявшего престол после длительного опыта активного наследничества. Что можно сказать о нем, единолично повелевавшем судьбами огромной страны, которая стояла на распутье? Бесспорно, и характер страны, и особенность времени требовали от нового царя не просто качеств государственного мужа, но выдающегося деятеля, умеющего соразмерять желаемое и возможное, нужное и достижимое, видеть цели близкие и долгосрочные, выбирать людей для их исполнения, сообразуясь с задачами, а не с личными симпатиями. Всего этого в Александре III было крайне мало. Зато как человек он был, безусловно, ярким характером, цельной личностью, носителем твердых принципов и убеждений. В частной обстановке у него было много искренних друзей, ибо почти все или многие его человеческие качества вызывали симпатии. Его внешность — огромный ясноглазый человек с прямым и твердым

взглядом — как нельзя точнее соответствовала его прямому и открытому характеру, который поэтому легко угадывался. Личность его явно доминировала в нем над государственным человеком и ярко проявлялась в политике царя, сквозь которую так и просвечивает его характер. В той мере, в какой его человеческие качества и убеждения совпадали с целями правительственной политики и были для них достаточны, — его политика была успешной. Но там, где требовалась дальновидность, разносторонность, компромиссность, она была обречена на провал, в том числе и на провал по большому счету, в исторической перспективе.

Российский император был человеком простым, искренним, верным слову. Лучше всего он чувствовал себя в среде военных и в кругу семьи, своих и чужих детей. А должен был проводить большую часть времени за чтением нудных и малопонятных ему казенных бумаг: докладов, журналов, меморий, представлений, справок. Сопоставление разных точек зрения, выявление их мотивов было ему тяжело, — для этого у него было недостаточно ни знаний, ни способностей, а готовности довериться профессионалам, специально отобранным, почти не было. Отсюда поиски людей, которым можно было бы довериться абсолютно, а потому и принять их предложения. Отсюда его нежелание созывать созданный отцом Совет министров, где в его присутствии шла сшибка мнений; этим же объясняется и падение значения в его царствование Государственного совета. Его взгляд на эту законосовещательную коллегия был прост: Государственный совет помогает ему осуществить его намерения, поддерживая проекты, о которых он уже договорился со своим министром с глазу на глаз. И он очень сердился, когда такой проект встречал в Совете критику, иногда сильную, серьезное и продолжительное обсуждение, означавшее отсрочку принятия закона. Так было при прохождении законопроектов о земских начальниках или судебной контрреформе, которые он всячески форсировал. Лояльные седовласые сановники бывали просто в негодовании, когда император недрогнувшей рукой подписывал в качестве закона мнение меньшинства, игнорируя точку зрения госсоветовского большинства. Поэтому в его царствование на первый план в качестве законодательного органа (если точно, то законосовещательного) выходит Комитет министров, где провести законопроект было легче вследствие упрощенной процедуры обсуждения и более узкого круга участников.

Совершенно та же картина была и при Николае I, на которого Александр III был очень похож, при всем внешнем различии: один — типичный прусский офицер, другой — типичный русский мужик. У них была общая психология — психология хозяина большого поместья, единолично им владеющего и единолично же за все ответственного. В этом чувстве хозяина были положительные стороны.

Во-первых, Александр III был работяга, он буквально тянул государственный воз, вникая во все внешне- и внутривластные дела. Он всегда был завален неотложными делами, а потому страшно не любил праздных светских развлечений: балов, приемов, на которых должен был присутствовать, и норовил, показавшись, незаметно уйти. Во-вторых, император был по-хозяйски бережлив. История с его штопанными-перештопанными штанами, которые чинил слуга, хорошо известна. Министр иностранных дел Н. К. Гирс был прямо-таки шокирован, когда увидел на рейтузах нагнувшегося царя «большую заплатку»³⁹. И это на фоне всеобщего желания попользоваться ничейными, государственными средствами. Н. Х. Бунге как-то жаловался Победоносцеву в конце 1885 года: «Все требуют денег <...> из государственного казначейства <...> и для государственных нужд, и для промышленных предприятий, и для собственного благополучия <...> Если мы берем <...> с населения более чем оно может дать, то понятно, что мы увеличиваем только число просящих милостыню <...> Рвутся за деньгами и те, которым хочется весело пожить за счет казначейства»⁴⁰. И Александр III, как истинный хозяин, пытался на себе экономить за всех: за бюрократию и помещиков, великих князей и предпринимателей. Он тяготился разросшейся свитой, расточительностью двора, повседневной раздачей орденов за выслугу лет и в связи с юбилеями и пытался с этим бороться, безжалостно вычеркивая из списков фамилии представленных министрами к награде лиц. Он пытался бороться и с расточительностью быстро увеличивающейся императорской фамилии, ни в малейшей степени не желавшей действовать по законам времени и продолжавшей считать себя элитой высшего общества. А. А. Половцов, человек по своему положению государственного секретаря близкий к вел. кн. Михаилу Николаевичу, рассказывает, что вел. кн. Михаил Михайлович, достигший совершеннолетия, решил обзавестись собственным домом, для чего построить новый дворец, ссылаясь при этом на пример отца, имеющего дворец на Дворцовой набережной. Государственный секретарь, наглядевшийся на праздное и претенциозное общество великокняжеских особняков и понимавший все чудовищное несоответствие образа жизни российских верхов и современной жизни, попробовал образумить молодого великого князя, сказав: «Ваш отец по своему положению принадлежит к XVI столетию, а вы к XX, коли не хуже, потому что невозможно предугадать, что Вам готовит будущее и какое положение великих князей будет весьма скоро»⁴¹.

Александр III, озабоченный разрастанием императорской фамилии, решился пойти на изменение утвержденного еще при Павле I закона, сократив число возможных «высочеств».

Толчком к такому решению было увеличение расходов удельного ведомства на содержание императорской фамилии, а император и на

казну, и на доходы уделов смотрел как на собственный кошелек. Им двигали не отвлеченные государственные соображения, а боязнь пустить по миру собственную семью. К этому прибавлялось и нежелание состоять в официальном родстве с некоторыми членами императорской фамилии. Словом, династический характер политики здесь был особенно виден. Проект нового закона готовился в большом секрете в кругу особо доверенных лиц — брата Владимира, Половцова, Воронцова-Дашкова, Адлерберга, — многократно обсуждался с императором. Почти три года ушло на разработку и принятие закона, по которому титул великих князей сохранялся только за детьми и внуками императора, правнуки же становились «князьями императорской крови» с сокращением выплат и привилегий. Принятию закона предшествовал указ, оповестивший о готовящемся законе, в котором все было уже детально разработано. Указ вызвал (как и закон) глухое недовольство в великокняжеских кругах, не переходящее, впрочем, в открытые стычки с императором. Зато в петербургских титулованных кругах меру Александра III явно одобряли: на свет вышла трехсотлетняя неприязнь древних Рюриковичей к худородным Романовым. Михаил Николаевич жаловался: «Это все петербургский высший свет, который радуется этой мере, говоря, что они — Рюриковичи, а мы — немцы-голландцы, в коих и романовской крови не осталось; а что сказали бы Долгорукие или Оболенские, если бы у их потомства отняли принадлежащий им титул и притом без суда, без совершения преступления»⁴². Кстати, это один из законов Александра III, показывающий, что политику его царствования нельзя оценивать как серию только реакционных мероприятий. Понижение выкупных платежей и переход к обязательному выкупу, законы о переселениях крестьян, учреждение государственных ипотечных банков, поэтапная отмена подушной подати — все эти меры являлись не только развитием реформ 60-х годов, но и осуществлением проектов, в те годы уже в той или иной степени рассматривавшихся. Но зато тем большим контрастом выглядят законы, консервировавшие общину, вводившие опеку над крестьянством земского начальника, которая как бы возрождала дореформенную систему отношений, только несколько модифицированную. Были и такие реформы и контрреформы, осуществить которые Александру просто не удалось: неудачей кончилась его попытка преобразовать систему чинопроизводства; члены учрежденной им в 1881 году комиссии генерала П. Е. Коцебу не решились ломать организацию армии, столь долго строившуюся и явно целесообразную. Словом, это была довольно эклектичная политика, составляющая смесь того, что хотел сделать император, и того, что было возможно осуществить⁴³.

Если задаться вопросом, какие личные убеждения более всего сказались на политике Александра III, то на первое место тут придется поставить яростную веру в необходимость сохранения самодержавия.

Власть воспринималась им как собственность, а люди, разговаривающие о народовластии, — как воры, покушающиеся на его нательную рубаху. Демократизм в поведении и чудовищное высокомерие носителя верховной власти в нем сочетались и проявлялись иногда в поразительной форме. Чего стоит одно заявление: «Конституция? Чтoб русский царь присягал каким-то скотам?», сделанное им еще в 1881 году⁴⁴. И с этой позиции он не сдвинулся ни на йоту. С большим сожалением относился он к монархам, идущим по конституционному пути. Узнав из донесения, что японский премьер произнес похвальное слово новой конституции, император написал: «Несчастливые, наивные дураки»⁴⁵. Он закрывал пред Россией возможности конституционного развития и оценивал реформы, проведенные его отцом, с точки зрения их совместимости с абсолютной властью. На судебной контрреформе он настаивал именно потому, что в его глазах это было детище конституционалистов, начавших с ограничения судебной власти царя. Другой бьющей в глаза идеей Александра была идея национальная, сказывавшаяся и в его внешней политике, и в политике по отношению к национальным окраинам, у которых он начал отбирать остатки автономии, и в отборе приближенных сановников. Сильно отразился на его политике и сословный принцип, им исповедуемый. Этот принцип пришел на смену бессословному подходу предыдущего царствования и особенно сильно сказался на дворянской политике Александра III, поставившего своей целью поддержать и возродить поместное дворянство в России, отвергая все доводы о бесперспективности такой цели.

Несмотря на твердость и настойчивость Александра III, решимость обеспечить своей семье и стране покой и процветание, его политика складывалась тяжело и медленно. Он постоянно испытывал недовольство и ходом дел, и нерасторопными, неспособными министрами. Отдохновение он находил в семье, которая обычно жила либо в Гатчине, либо в Аничковом дворце. Чиновный и придворный Петербург он не любил, уединялся от него летом с семьей на яхте в финских шхерах. Всю жизнь он прожил в обстановке усиленной охраны, расставленной во дворцах и пригородных парках, хотя, в отличие от отца, и не испытал ужаса от череды покушений. Единственный раз, в 1887 году — такое покушение готовилось, но не удалось. Жестоким уроком для него, по-видимому, стал голод 1891 года. Ведь он начал царствование с того, что поставил своей задачей улучшить положение крестьянства, и через десять лет оказался перед лицом чудовищного всероссийского бедствия. Другим бедствием, им не осозанным, оказался конфликт установленной им системы с российской интеллигенцией. Реформы 60-х годов потому и стали «великими», что как только Александр II и его правительство обнаружили намерение проводить прогрессивные преобразования, вся интеллектуальная Россия сочла своим долгом принять в этом участие. Александр III своей политикой

загнал в оппозицию весь интеллект страны. Студенты становились в оппозицию не потому, что требовали созыва парламента, а потому, что им отказывали в праве на столовые, библиотеки, научные общества. Лояльная, не принимающая революционных методов профессура оказалась гонимой и униженной своим бесправием. Неверие в наличие у самодержавия здравого смысла овладело всей интеллигенцией. И последствия этого в полной мере сказались в царствование Николая II.

Большинство российских самодержцев вошло в историю с особыми прозваниями, прочно к ним приставшими. В российских анналах Александр III значится: «царь-миротворец». Восприятие современников чутко отозвалось на редчайшую особенность данного царствования — отсутствие войн, жизнь в условиях мира. Между тем время это было далеко не безоблачным и спокойным. В 80-е годы у Александра был большой соблазн ввязаться в балканские события. Ведь он, лично отстаивавший на фронте свободу и государственность Болгарии, должен был снести обиду на Александра Баттенбергского и его преемников, которые предпочли обострить отношения с Россией ради сближения с Австрией. В 1885 году Россия буквально балансировала на грани опаснейшей афганской войны, чреватой столкновением с Англией. И хотя среди военных всегда находились люди, предпочитавшие говорить языком пушек, император внял доводам рассудка и предпочел язык дипломатии.

Внешняя политика Александра столь же отчетливо несла на себе отпечаток личности монарха, как и внутренняя. Он сам повседневно занимался межгосударственными отношениями, и на них сказывались его откровенность, доходящая до грубости, прямолинейность, нерасчетливость, неприязнь к лавированию и дипломатическому протоколу. Недаром российский МИД и его верхушка только постоянно ойкали от неловкой прямооты царя и старались подальше припрятать документы с его резолюциями, грозящими вызвать международный скандал. Поистине, это был медведь, действующий среди хрупких стеклянных предметов. На многое из происходящего на европейской арене он смотрел с чисто семейной точки зрения. Чего стоит одно его заявление в марте 1889 года министру иностранных дел во время очередного обострения отношений в Европе: «Императрица очень беспокоится, и нам надобно ее успокоить»⁴⁶. Но в качестве противовесов этим опасным в политике качествам выступали его здравый смысл и отвращение к войне, знание ее истинной кровавой цены.

Сказывалась на иностранной политике и его широко известная германофобия. С нею (но лишь отчасти) связан и решительный поворот России в союзнических отношениях. Отход России от традиционного союза с Германией и Австрией был процессом долгим, мучительным и объективным. Объективную его основу составляли крепнущая

мощь и агрессивность Германии, усиление поэтому в ее внешней политике силовых приемов по отношению к России, враждебная таможенная политика, стремление обставить выдачу кредитов политическими условиями. В этих обстоятельствах России все чаще приходилось рассматривать Францию в качестве возможного союзника, на чем давно настаивал самый почитаемый царем идеолог М. Н. Катков. Быстроте переориентации препятствовали непрерывные маневры германского канцлера. Схлестнулись две дипломатии: прямолинейная, своеобразно честная Александра и лукавая, изощренная, его оппонента Бисмарка. Прямодушный самодержец только и мог, что восклицать: «Обер-скот!». Поэтому и оформление франко-русского союза произошло только в 1891–1893 годах, с уходом Бисмарка с политической авансцены. Император успел подписать франко-русскую военную конвенцию в декабре 1893 года, в канун своей смертельной болезни, как бы поставив точку в важнейшем деле своей жизни. Он обезопасил Россию от растущей агрессивности Германии, но одновременно сделал шаг к будущей небывалой войне, проведя линию фронта.

С. Ю. Витте, горячий почитатель Александра, видевший в нем ту твердую руку, которая позволит ему мобилизовать экономические возможности страны для проведения крупных преобразований, высказал предположение, что император в конце жизни пришел бы все-таки к мысли о необходимости либеральных реформ. Вряд ли. Но, во всяком случае, жизнь ему времени на вторую половину царствования, лучшую половину, не отпустила. Судьба была безжалостна к Александру. В начале 1894 года сидевшая в нем болезнь (нефрит, толчком для возникновения которого считаются ушибы, полученные во время крушения императорского поезда на ст. Борки) начала быстро прогрессировать. Этот огромный сильный человек, наводивший страх, исхудал и истаял, виски впали, уши стали торчать. От слабости он впадал в забытие, даже во время разговора, жил между отчаянием и надеждой, периодически начиная уповать на какие-то простейшие средства лечения. И, не дожив до пятидесятилетия, скончался в Крыму в октябре 1894 года, оставив огромную страну старшему сыну, которого считал мальчиком, к государственной деятельности явно не готовым.

Взгляд современников на государственного деятеля и видение его потомками и — среди них — историками очень сильно разнятся. Последующие поколения умозрительно оценивают итоги его деяний, принимая их или не принимая; как правило, отвлекаясь от мелочей, не испытывая на себе ни обаяния, ни недостатков личности, не ощущая разлитых в тогдашнем обществе пристрастий или предубеждений. Всякое же историческое исследование является бóльшим или меньшим отстранением от частных, обобщением, систематизацией и известной схематизацией материала, сохранившихся свидетельств.

Но ведь история как наука и рождалась от стремления потомков узнать о прежних временах и людях не в общем, а в их конкретике: как было и какими они были. Этот вопрос задает себе всякое поколение, оборачиваясь назад, и удовлетворить эту потребность могут только «живые», необработанные записи современников. Приступая к формированию корпуса документов, рассказывающих об императоре Александре III, составитель оказался в нелегком положении. Царствование императора Александра III совсем недалеко отстоит от переломных событий 1917 года. До революции люди, близко его знавшие, не успели опубликовать свои воспоминания и записки: ведь существовала цензура Министерства императорского двора, тщательно просеивавшая все документы касательно особ царствующей династии, а для исторического материала определившая правило 50-летней давности. После революции такие воспоминания, если они были оставлены, оказались невостребованными, ибо новая власть нуждалась в новых идеалах и исторических источниках — о героях борьбы с самодержавием, о движении классов. За границей же эмиграция, естественным образом, принялась за осмысление последних событий и личности последнего монарха, Николая II.

Таким образом, круг опубликованных воспоминаний об Александре III оказался не слишком велик, а составитель задался целью показать императора с разных точек зрения, глазами непохожих людей и на протяжении всей его пятидесятилетней жизни. Пришлось конструировать том из разнообразных документов (воспоминаний, дневников, писем, зарисовок, очерков и пр.) разного объема и разной удаленности их авторов от предмета наших интересов. Отсюда появление таких кратких зарисовок, как выдержки из дневника А. Ф. Тютчевой или записок Д. С. Арсеньева, или, наоборот, крупные фрагменты воспоминаний С. Ю. Витте или В. П. Мещерского. В недавнее время, уже в период перестройки, стали появляться переводные воспоминания и дневники (записки вел. кн. Александра Михайловича или дипломата Г.-Л. Швейница), а также первые публикации мемуаров Н. А. Епанчина, С. Д. Шереметева, долго ждавшие своего часа. В книгу включены и пространные фрагменты их воспоминаний.

Каждый император встречался не только с министрами и генералами. Он был еще и человеком своего времени, своих понятий и страстей в литературе, живописи, музыке, а если он их и не имел, то деятели культуры ему о себе непременно напоминали. Поэтому в том попали и краткие свидетельства о встречах с императором художников, писателей, музыкантов. И наконец, читатель найдет в книге документы, вышедшие из лагеря, который противостоял самодержавию, — народовольцев, деятелей, демократически настроенных. Они помогают понять существо, причины тех или иных поступков императора и мотивы его политики.

За это время увидели свет (хотя и в неполном виде) дневники Николая II, которыми мы заключаем том: они, эти дневниковые записи, очень образно рисуют процесс перехода власти, практически мгновенный, что было бесспорным достижением монархического строя. Таким образом, в этой серии мемуаров читателю представлены рассказы современников о всех трех последних российских монархах — Александре II, Александре III, Николае II, разными путями пытавшихся вывести Россию на путь процветания и оказавшихся бессильными достичь цели.

¹ Бенуа А. Мои воспоминания: В 5 кн. Кн. I—III. М., 1980. С. 591.

² Татищев С. С. Император Александр III. Его жизнь и царствование. (Рукопись). РГИА. Ф. 878. Оп. I. Д. 4. Л. 83.

³ Там же. Л. 127.

⁴ Колокол. 1858. 1 ноября. С. 217—218.

⁵ Оом Ф. А. Воспоминания (1826—1865). М., 1896. С. 110.

⁶ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 329—330.

⁷ Литвинов Н. П. Из дневника // Исторический вестник. 1907. № 1. С. 43.

⁸ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. В 2 т. Т. II. М., 1961. С. 41.

⁹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. Т. II. М., 1966. С. 426.

¹⁰ Перетц Е. А. Дневник (1880—1883). М.; Л., 1927. С. 46.

¹¹ Чичерин Б. Н. Воспоминания: Земство и Московская дума. М., 1934. С. 109.

¹² Татищев С. С. Указ. соч. Л. 55.

¹³ Там же. Л. 327.

¹⁴ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 2. (1865—1881 гг.) Б/м, 1898. С. 4.

¹⁵ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. М.; Пг., 1923. С. 1008.

¹⁶ Милютин Д. А. Дневник. Т. I. М., 1947. С. 116.

¹⁷ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. С. 1009.

¹⁸ Старина и новизна. Кн. 2. СПб., 1898. С. 265—266.

¹⁹ Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия: Дневник // Литературное наследство. Т. 22—24. М., 1935. С. 235, 240.

²⁰ Милютин Д. А. Дневник. Т. 2. М., 1949. С. 101.

²¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. С. 1016.

²² Там же. С. 1019.

²³ Там же. С. 1041.

²⁴ Императорское русское историческое общество. 1866—1916. Пг., 1916. С. 7.

²⁵ Старина и новизна. Кн. 3. СПб., 1900. С. 314—338.

²⁶ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. С. 1035.

²⁷ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. I. Д. 189. Л. 32. Об. 33.

²⁸ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.; Л., 1924. С. 38.

²⁹ Милютин Д. А. Дневник. Т. 4. М., 1950. С. 79.

³⁰ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 10. М., 1982. С. 288—289.

³¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 1-й. М.; Пг., 1923. С. 46—47.

³² Schweinitz [H.-L.] Denkwürdigkeiten des Botschafters. В.2. Berlin, [1927]. S. 157.

- ³³ Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин, 1904. С. 75.
- ³⁴ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 1-й. С. 49.
- ³⁵ Красный архив. 1927. № 3. С. 250.
- ³⁶ Русский архив. 1906. № 4. С. 624.
- ³⁷ Милютин Д. А. Дневник. Т. 4. С. 155.
- ³⁸ Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания. Записки. Документы. Пг., 1916. С. 298—299.
- ³⁹ Ламздорф В. Н. Дневник. 1891—1892. М.; Л., 1934. С. 274.
- ⁴⁰ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. С. 542.
- ⁴¹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. I. М., 1966. С. 243.
- ⁴² Там же. С. 287—288.
- ⁴³ Картины этой политики воспроизведены в двух очень хороших работах — в обобщенном очерке С. Н. Валка и в конкретном исследовании П. А. Зайончковского. Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х—начале 90-х годов // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. I. М., 1951. С. 910—994; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х—начала 90-х годов). М., 1970. С. 446.
- ⁴⁴ Суворин А. С. Дневник. М.; Пг., 1923. С. 166.
- ⁴⁵ Ламздорф В. Н. Дневник (1886—1890). М.; Л., 1926. С. 159.
- ⁴⁶ Там же. С. 162.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕТСТВЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Давно уже друзья уговаривали меня поделиться с читающей публикой моими воспоминаниями о детских годах императора Александра III, но воспоминания эти так мне дороги, что жаль было предать их гласности. Теперь же, на старости лет, закинутая судьбой в глухую окраину, под свист и вой сибирских метелей, невольно переносясь в далекое прошлое, к милому, чистому детству, проведенному в тенистых парках Царского Села и у светлых прудов Павловска — в этих местах, полных мечтательной поэзии Александровской эпохи, может быть, и сентиментальной, но красивой другою, давно минувшей прелестью. Мысленно переживаешь далекие годы юности, когда я имела счастье почти ежедневно видеть, в самой интимной обстановке, нашего незабвенного государя Александра II и его августейших детей: наследника цесаревича Николая Александровича и великого князя Александра Александровича.¹ <...>

Я помню себя рано, но наиболее яркие воспоминания относятся к тем годам, память о которых мне наиболее дорога и мила.

Отец мой вышел в армейский полк, но на одном из смотров так поразил великого князя Михаила Павловича своей образцовой ездой, что тут же по приказанию его высочества был переведен в Кирасирский его величества полк, где и прослужил всю свою жизнь до чина генерала включительно.

Жили мы всегда в Царском, где стоял полк отца.

Мои первые воспоминания о наследнике, будущем императоре Александре II, относятся к тому времени, когда мне было всего лишь шесть лет и я с родителями в 1847 году поехала в Киссинген², где лечилась моя мать. В то же время туда приехал и наследник цесаревич Александр Николаевич³ с цесаревной Марией Александровной и старшей их дочерью маленькой великой княжной Александрой, скончавшейся в 1849 году.

Я была единственная русская, подходящая по годам к великой княжне, и так как отец мой был лично известен великому князю, то меня ежедневно водили играть с великой княжной. Цесаревич обожал свою дочь и часто сам принимал участие в наших играх. Игра

в лошадки была одна из самых любимых наших игр; в особенности нам доставляло удовольствие, когда наследника мы запрягали, а сами изображали кучеров и, нисколько не стесняясь, хлопали его бичом; забавляло ставить его высочество в стойло, которое устраивалось из стульев, обтянутых шальями, а затем водить его на водопой, причем всегда упрашивали дать «настоящей воды», и в конце концов сюртук великого князя, а также пол и все окружающие предметы были изрядно облиты водой.

Иногда цесаревич сажал нас к себе на плечи и бегал по комнатам, а мы, крепко уцепившись за его шею, прямо визжали от восторга.

Великая княжна Александра была олицетворение кротости и доброты, и я всеми силами моей детской души привязалась и полюбила ее и в продолжение шести недель, проведенных в Киссингене, буквально жила с ней одной жизнью, так как меня привозили к ней утром и увозили только вечером.

После отъезда из Киссингена я несколько лет не имела случая видеть наследника цесаревича, и только впоследствии судьба снова побаловала меня, послав счастье приблизиться к царской семье.

Жили мы в Царском, где в то время доступ в парк был свободен для всех и нередко в какой-нибудь отдаленной аллее можно было встретить наследника цесаревича, гуляющего со своей любимой собакой, черным сеттером Милордом.

Теперь, когда вся голова моя убелена сединами и никто не упрекнет меня в кокетстве, я могу сказать, что была прехорошенькая девочка с черными большими вьющимися локонами. Характер мой был очень веселый, я всегда была готова пошалить и извести свою почтенную англичанку.

Однажды, гуляя по парку, я решила убежать от англичанки и хорошенько напугать ее моим исчезновением. Выждав удобную минуту, я прыгнула за куст и затем стрелой помчалась в лес, не обращая внимания на отчаянные крики встревоженной мисс Жаксон.

Вдруг откуда-то выскочила на меня с громким лаем большая черная собака; я, конечно, испугалась, хотела бежать, оступилась, упала и залилась от страха горькими слезами. В ту же минуту около меня очутился военный, который начал меня ласкать и успокаивать. Когда я пришла в себя, то узнала цесаревича Александра Николаевича, которого мы постоянно видели в парке и на музыке и хорошо знали. Наследник тоже узнал во мне киссингенскую подругу его дочери, дочь лично ему известного полковника Золотницкого, и начал меня расспрашивать, куда и зачем я так стремительно бежала.

Цесаревич говорил со мной так ласково и просто, с такой беспредельной добротой, что я тут же чистосердечно объяснила ему, что спасалась от своей англичанки, с которой мне скучно, так как она постоянно делает замечания и не позволяет шалить. «А ты, должно быть,

большая любительница пошалить, — заметил, улыбаясь, цесаревич, — но все-таки надо тебе отыскать твою англичанку». На мое замечание, что мисс Жаксон, наверно, сердится на меня и я боюсь идти к ней, наследник взял меня за руку и сказал: «Пойдем вместе, я ее попрошу, чтобы она тебя не бранила, но и ты должна обещать, что не будешь больше от нее убегать».

После этого я много раз встречала в тенистых аллеях парка цесаревича, всегда с его собакой Милордом, с которым после первого моего неудачного знакомства завязалась у меня самая тесная дружба. Отправляясь на прогулку, я постоянно брала с собой для Милорда сахару или же бисквит, и, бывало, как только сеттер завидит меня, бросается ко мне со всех ног; однажды он так налетел на меня, что я, не выдержав толчка, упала и кубарем скатилась в канаву; увидя такую смешную картину, цесаревич от души хохотал и сам вытащил меня из канавы.

Вообще он очень любил детей, и, встречаясь с ним в парке, мы всегда бесстрашно подбегали к нему и рассказывали про наши шалости и игры; нередко можно было видеть его высочество идущим по аллее, окруженным целой массой детей.

Чтобы играть с наследником Николаем Александровичем и великим князем Александром Александровичем, меня с моим братом Николаем каждое воскресенье привозили во дворец, а также Никса и Володю Адлербергов⁴, Сашу Паткуля⁵ и Гогеля⁶.

Те часы, которые мы проводили во дворце, были для нас прямо чем-то сказочным.

В длинной галерее Большого царскосельского дворца были собраны всевозможные игрушки, начиная с простых и кончая самыми затейливыми, и нашему детскому воображению представлялся тут полный простор. Помню, как сейчас, длинную вереницу всяких экипажей, приводивших нас в неописуемый восторг.

Однако, несмотря на обилие, разнообразие и роскошь игрушек, одной из любимейших наших забав была игра в лошадки, а так как у меня, как я уже говорила, были длинные локоны, то я всегда изображала пристяжную. Великий князь Александр Александрович вплетал в мои локоны разноцветные ленточки, садился на козлы, и мы с гиком летели вдоль всей галереи, причем в пылу игры великий князь нещадно хлестал «лошадей» по ногам; доставалось, конечно, и платью, к великому негодованию моей чопорной англичанки, которой оставалось, однако, только кисло улыбаться.

Великие князья были очень ласковые и добрые дети, и если замечали, что сделали больно или же чем-либо обидели своих сверстников, то сейчас же старались загладить свою вину и утешить.

Часто наследник Александр Николаевич и цесаревна приходили смотреть на наши игры; помню, как однажды, в присутствии наслед-

ника, великий князь Александр больно ударил меня хлыстом, я рассердилась и без всякой церемонии ответила ему толчком в спину, а цесаревич заметил сыну: «И поделом тебе, Саша, не дерись».

В Царском Селе около сетки была устроена по всем правилам искусства маленькая крепость для игр и военных упражнений наследника цесаревича Николая и великого князя Александра: были воздвигнуты бастионы, выкопаны рвы, стояли пушки, и мы, дети, постоянно играли в войну, причем мне всегда приходилось изображать маркитантку. Помню, как одна из наших игр в войну не окончилась трагически только благодаря своевременному вмешательству воспитателя великих князей генерала Н. В. Зиновьева⁷.

Дело было летом, играли мы в поход, и я, конечно, изображала маркитантку, но в чем-то провинилась, и меня решили судить военным судом. Было устроено торжественное заседание, на которое меня привели со связанными руками и прочли мне целый ряд обвинений, после чего я была единогласно приговорена к смертной казни через расстреляние.

Мне завязали глаза, поставили к стенке и стали палить в меня из деревянных пистолетов. При первом залпе мне было приказано упасть, что я и выполнила, конечно, в точности, затем великие князья решили, что надо меня похоронить; недолго думая, схватили они меня за руки и за ноги и потащили к копне сена, где принялись устраивать мне могилу, причем я, только что расстрелянная, также принимала в этой работе самое деятельное участие; когда же все было готово, меня столкнули в яму и начали забрасывать сеном, а для того, чтобы лучше утрамбовать, вся компания уселась наверху. Вначале мне было весело и смешно, но вскоре я начала задыхаться, так как на мне сидели два великих князя, мой брат, Паткуль и два Адлерберга; двигаться я также не могла, так как была совсем придавлена тяжестью сидевших наверху. Не знаю, чем бы окончилась наша затея, если бы не подоспел генерал Зиновьев, который вытащил меня оттуда полумертвой и, о Боже, в каком виде. Нас всех за это выбрали и тотчас же увели по домам, но надо было видеть, как на другой день великие князья ласкали меня и радовались; они меня очень любили, потому что я была ужасный сорванец и никогда ни перед чем не останавливалась.

С тех пор во время наших игр всегда присутствовал где-нибудь поблизости один из воспитателей великих князей, и это было весьма кстати, так как прошло всего несколько дней после моих злосчастных похорон, как генералу Гогелю пришлось снова наложить свое veto на затею нашу⁸.

Играли мы как-то в парке в лошадки, я и брат изображали лошадей, наследник цесаревич Николай Александрович и великий князь Александр Александрович — кучеров, и вот нас повели поить к фонтану «La cruche cassée»⁹, но тут кто-то из великих князей заявил, что надо всегда купать лошадей для того, чтобы они были здоровы, а по-

этому решено было выкупать меня всю, с ног до головы. Моя несчастная англичанка пришла в полное отчаяние от такой затеи и, забыв все свое почтение, решилась остановить нас, но великие князья ее не слушали, я же пришла в такой дикий восторг от предстоящего купанья, что со мной уже больше не было никакого ладу. Мисс Жаксон, видя, что ее увещания ни к какому результату не приводят, решила побегать к дежурному воспитателю великих князей генералу Гогелю, и они вдвоем, к ужасному нашему огорчению, успели помешать импровизированному купанью, которое сулило быть таким веселым.

Однако настал-таки день, когда мне пришлось расплатиться за все мои необузданные выходки. Играли мы в охоту, я изображала зайца, а все мальчики — гончих, и вот, по данному знаку, пустились мы бежать, но в ту минуту, как я перепрыгивала через канаву, откуда-то выскочил великий князь Николай Александрович и так неудачно толкнул меня, что я упала прямо в канаву и повредила себе руку настолько сильно, что довольно продолжительное время носила ее на перевязи. Надо было видеть отчаяние наследника, который сам чуть не плакал, смотря на мои слезы.

Игра наша, конечно, прекратилась, меня отвезли домой, и я несколько недель пролежала на кушетке с повязанной рукой.

Каждый день из дворца приезжали узнавать о моем здоровье, а наследник присылал мне конфеты и фрукты из царских оранжерей. <...>

Спустя много лет, когда я была уже замужем за тверским помещиком Дмитрием Яковлевичем Бологовским, я еще раз имела счастье увидеть наследника цесаревича Александра Александровича, впоследствии императора Александра III, с которым были связаны самые лучшие воспоминания о проведенных вместе детских годах.

До нас дошли слухи, что великий князь Александр Александрович, будучи уже наследником, едет по Волге с великим князем Владимиром Александровичем и остановится в Твери.

Тверское дворянство решило устроить высоким гостям торжественную встречу и бал в дворянском собрании.

Я ехала на этот бал с замиранием сердца, так было радостно увидеть наследника цесаревича, с которым было связано столько приятных воспоминаний и которого я помнила еще маленьким мальчиком. Мне было страшно при одной мысли, что его высочество не узнает в замужней женщине веселую товарку своих детских шалостей.

О, счастье!.. Встретясь со мной в зале, он прямо подошел ко мне и, протянув руку, сказал:

— А помните, как мы с вами шалили и как нас постоянно бранили. Помните наши игры в Царском и как доставалось вашим локонам.

Я так была счастлива лаской наследника, его памятью о прежних детских беззаботных днях, что чуть не расплакалась от волнения. Да и теперь, уже дряхлой старухой, решившись наконец предать гласнос-

ти эти дорогие для меня воспоминания, я не могу писать их хладнокровно. Моя душа полна такой безграничной благодарности к императору Александру II и его наследнику императору Александру III за их бесконечную ко мне доброту.

Те, кто имел счастье приблизиться к этим двум обаятельным личностям, поймут меня. На мою долю выпала нелегкая жизнь, много невзгод и ударов принесла мне судьба, но каждый раз, когда в каком-либо несчастье я решалась обратиться за помощью сперва к императору Александру II, а после его мученической кончины к государю Александру III, я ни разу не получала отказа, и доброта их императорских величеств, как светлый луч, озаряла всю мою тяжелую жизнь.

Я кончаю эти мои маленькие, но дорогие мне воспоминания. Пусть будут они лишним цветком, вплетенным в надгробный венок тем, чья жизнь была дорога многим лицам, чье имя с глубокой признательностью будет произносимо потомками.

ДНЕВНИК

7 марта [1855]. <...> Маленькие великие князья, Николай и Александр, меня очень позабавили. Маленький великий князь Николай говорил с важным видом: «Папа¹ теперь так занят, что он совершенно болен от усталости. Когда дедушка² был жив, папа ему помогал, а папе помогать некому: дядя Константин³ слишком занят в своем департаменте, а дядя Никс и Миша⁴ слишком молоды, а я слишком еще мал, чтобы помогать ему». На что его брат Александр с живостью ответил: «Дело совсем не в том, что ты слишком мал, ты просто слишком глуп». — «Это неправда, что я глуп, — возразил наследник с сердцем, — я только слишком мал». — «Нет, нет, ты просто слишком глуп». Наследник престола, выведенный из терпения этим непочтительным утверждением, схватил подушку и бросил ее в спину своего брата. Великий князь Алексей счел уместным принять сторону оппозиции и в свою очередь стал кричать во все горло: «Ты глуп и просто глуп». Возникла драка, и няням пришлось вмешаться, чтобы восстановить мир, и наследник удалился, сильно обиженный недостатком доверия со стороны братьев к его способностям к управлению. <...>

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИЗНИ

<...> По возвращении из Парижа я получил приглашение через графа Перовского давать уроки статистики и полит. экономии наследнику цесаревичу, впоследствии императору Александру III. Приглашение это я должен был отчасти приписать тому, что я в то время уже пользовался некоторым именем в экономической литературе и вместе с тем, вероятно, тому обстоятельству, что я несколько лет давал уроки политической экономии герцогу Николаю Максимилиановичу Лейхтенбергскому; — поэтому предварительно коснусь несколько моих занятий с последним¹.

При герцоге Николае Максимилиановиче состоял воспитателем генерал Ребиндер, который очень был ему предан и посвящал себя всецело старанию дать Николаю Максимилиановичу отличное воспитание. Через него я и получил приглашение заниматься с герцогом. Николай Максимилианович отличался живым умом и большим интересом к науке, причем, традиционно следуя склонности отца, особенно интересовался геологией и делами горного департамента. Несомненно, если бы его жизнь протекла в России, то он много пользы принес бы своему отечеству. К сожалению, обстоятельства сложились иначе.

С самого начала моих занятий с Николаем Максимилиановичем между нами установились очень приятные, можно сказать даже почти интимные отношения. Они не ограничивались одним преподаванием, — я часто бывал у него по приглашению к завтраку и обеду, а иногда проводил с ним вместе вечера за чтением разных экономических сочинений и за беседами по этому поводу.

На первой моей лекции присутствовала великая княгиня Мария Николаевна, желая, вероятно, лично ознакомиться со мною и моим способом преподавания. По-видимому, она осталась довольно первым впечатлением и впоследствии уже на моих лекциях не появлялась. Близкий друг в то время еще Николая Максимилиановича, князь Константин Александрович Горчаков, а также и князь Мещерский, впоследствии известный издатель «Гражданина», просили моего разрешения присутствовать при моих занятиях с Николаем Максимили-

ановичем. Мещерский, сблизившийся впоследствии с государем наследником, перестал со временем посещать мои лекции, но Горчаков оставался до конца, так что мы постоянно занимались втроем.

<...> Теперь обращаюсь к моим занятиям с государем наследником.

После смерти бывшего наследником цесаревича Николая Александровича², наследником сделался великий князь Александр Александрович, и ему пришлось подготавливаться к трудному званию будущего государя. Ему предстояло пройти курс нескольких наук, <...> мне было предоставлено по четыре урока в неделю. Наши занятия продолжались в течение всей зимы 1865–66 г.; последние уроки происходили еще незадолго до отъезда его высочества за границу, в Данию, весной в Царском Селе.

Я тогда не предвидел, что много лет спустя мне самому придется в течение почти полугода докладывать ему по разным финансовым делам, во время моего управления министерством финансов, за болезнью Вышнеградского.

Я мог заметить во время моих занятий с его высочеством, что уже и в эти молодые годы в нем проявлялись те черты характера, которые впоследствии выступили у него еще с большей ясностью. Чрезвычайно скромный и даже недоверчивый к себе, государь наследник проявлял, несмотря на то, замечательную твердость в отстаивании раз сложившихся у него убеждений и мнений. Он всегда спокойно выслушивал все объяснения, не вдаваясь в подробное возражение против тех данных, с которыми он не соглашался, но под конец просто и довольно категорически высказывал свое мнение. Так, напр., по вопросу о таможенной охране, когда я объяснял ему вредные последствия чрезмерного таможенного покровительства, его высочество, внимательно выслушав все мои объяснения, под конец высказал мне откровенно, что по его мнению русская промышленность все же нуждается в значительной охране. Это, впрочем, был единственный пункт, в котором он высказал мне свое определенное мнение, не вполне согласное с тем взглядом, который я развивал на данный предмет³.

Не менее определительно у него уже тогда слагались понятия о лицах. Припоминаю один разговор, который происходил у нас по поводу эпизода с Огрызко⁴. Огрызко, состоявший тогда вице-директором акцизного департамента, оказался запутанным в политическом деле, по польскому вопросу. По этому поводу великий князь заметил, согласно ходившему тогда в некоторых ультраконсервативных кружках мнению, что вообще личный состав министерства финансов, по своему крайнему либерализму, не вселяет к себе особенного доверия благонадежности. В продолжившемся между нами разговоре я старался разубедить его в этом. Особенно относительно К. К. Грота⁵, который тогда был директором акцизного департамента, я объяснял ему, как легко ошибиться, приблизив к себе человека, необыкновенно

способного и умеющего до времени скрывать свои потаенные убеждения и планы, так как подобная ошибка может случиться со всяким, даже самым благомыслящим человеком. На это его высочество мне ничего не возражал, но, по-видимому, остался при своем мнении. Впоследствии, впрочем, когда он мог ближе оценить личность Грота, недоверие к нему совершенно устранилось. Константин Карлович занял в его царствование высокое положение. Но общее недоверие к крайнему либерализму чиновников министерства финансов у него оставалось до конца, и только по своему расположению к Н. Х. Бунге⁶ он не настаивал на изменении состава его ведомства. Когда же был назначен министром финансов Вышнеградский, государь прямо ему высказал свое опасение, что состав министерства финансов не вполне благонадежен, прибавив, что в министерстве финансов есть и очень благородные личности, как Тернер. <...>

ДНЕВНИК

1863 г. 28 ноября. <...> Александр Александрович был у наследника, у которого, кажется, новый нарыв, и он почти не ходит.

1864 г. 9 апреля. <...> Потом поехали с Владимиром Александровичем в jeu de raquette *, где застали уже давно игравшего Александра Александровича, так как Николай Александрович болен. <...>

10 апреля. <...> Александр Александрович был у наследника, который все еще страдает флюсом, и Александр Александрович, оставшись у него с государем, гулять не пошел. <...>

14 апреля. <...> Александр Александрович сидел до 11 ¹/₂ часов у Николая Александровича, у которого был князь Мещерский. Последний терпел почему-то насмешки от Александра Александровича. Я удивился этому и спросил Александра Александровича, что это ему вздумалось приставать; он пренаивно ответил, что так Никс делает ¹. — Вот уж ни на шаг от авторитета!

16 апреля. <...> После обеда все великие князья собрались у Николая Александровича; там были Николай Максимилианович и Евгений Максимилианович ². Разговор принял было игривый оттенок, но, к счастью, Николай Александрович остановил его, напомнив о принятии Св. Тайн. <...>

9 мая. <...> Были у Николая Александровича, у которого, от напряжения мускула в спине, были спазмы, стягиванье мышц живота, и он страдал. <...>

18 июня. <...> В 10 ¹/₂ час. собрались в церковь, где отслужили напутственный молебен по случаю отъезда наследника. Тотчас после обеда, несмотря на протесты Николая Александровича, великие князья надели парадную форму, и мы все, путешественники и провожавшие, поехали на станцию железной дороги, где простились с Николаем Александровичем и с отъезжавшими ³.

Александр Александрович теперь остался один! Дай Бог, чтобы лишением брата, к которому он так привязался, чтобы лучшего его друга не заменили ложные или вредные друзья!

* Здесь — зал для игры в мяч (франц.).

22 августа. Государь с великими князьями Александром Александровичем и Владимиром Александровичем поехал в Дармштадт, где была императрица с младшими великими князьями⁴.

16 сентября, среда (в Дармштадте). <...> К 8 часам мы были приглашены в собрание к императрице. Так как на другой день предполагали ехать, то мы думали проститься с государем и императрицей, что, в самом деле, и сделали; но только что вышли из комнаты, как государь позвал Бориса Алексеевича⁵ и объявил ему, что получена депеша от Николая Александровича, из которой явствовало, что он сделал предложение принцессе Дагмаре⁶ и что шлет молодого Барятинского⁷ с дальнейшими подробностями. Разумеется, при этом выставлено было на вид, что Александру Александровичу нельзя ехать, не выдавши Барятинского, и наш отъезд отложен был на неопределенное время.

Письмо покойного наследника Николая Александровича из Флоренции к Н. П. Литвинову

Флоренция. 22 ноября (4 декабря) 1864 г.

Воскресенье.

Любезный Николай Павлович!

Так как я с детства держусь правила — лучше поздно, чем никогда, то позвольте мне поблагодарить Вас от души за поздравительное письмо Ваше. Радостно отзывались во мне искренние приветы с родины, я верю, что они приносят счастье.

Хорошие я пережил минуты и искренно благодарю Бога, что нашел то, чего так желал, о чем так долго мечтал: любить и быть любиму. Лишь бы по плечу пришлось счастье!

Давно я не имею известий из родного гнезда и решительно не знаю, что у Вас делается. Хоть бы Вы заставили братьев писать мне изредка. Я и не надеюсь на Владимира и Алексея, но больно, что Саша мне не пишет. Очень люблю ему писать и писал ему довольно в последнее время, но он молчит и отбивает этим охоту к переписке. Неужели это лень? Пожалуйста, скажите ему это; он ведь знает теперь, куда посылать письма. Про мое путешествие не много могу рассказать любопытного. Мы попали в Италию в самое неблагоприятное время года; в Венеции застали дожди и холод, и должны были отказаться от поездки на озеро, одно из лучших мест всей Италии. Милан и Турин осмотрели мы только слегка, Геную видел я лишь вскользь. В Парму и Болонью мы совсем не попали, благодаря порче железных дорог. Наконец, я приехал во Флоренцию как нарочно, чтобы снова схватить сильный *lumbago*, который меня держит взаперти более недели. Несносно, до сих пор почти ничего и не видел здесь. Но что всего досаднее, это то, что мы не можем ехать в Рим, куда меня, да и всех нас, давно тянуло.

Стоит ехать в Италию и не видеть Рима. Итак, Вы не удивитесь, если я скажу Вам, что скучаю и с охотою вернулся бы в Россию на зиму. Хочется домой; и это чувство, я думаю, весьма понятно. Мысль так долго оставаться за границей мне просто неприятна. Тянет на родину. Но, даст Бог, вернусь к Вам и не один, а с будущей женою, которую прошу любить и жаловать.

До свидания, любезный Николай Павлович, крепко жму Вам руку. Кланяюсь Г. Т., К. Н., Ив. Вас. и Ал. Ив.

Не забывайте любящего Вас.

Николай.

1865 г. 2 апреля. Пятница. <...> Мы удивлены были прибытием графа Бориса Алексеевича (Перовского); за ним послал государь, чтобы объявить ему новость, которая производит сильное расстройство в нашем быту: в воскресенье, на Святой, Александр Александрович едет с графом Борисом Алексеевичем в Ниццу к Николаю Александровичу. Александр Александрович, конечно, очень рад; нельзя также не радоваться за наследника, которому это будет очень приятно.

5 апреля. Понедельник. В. к. Владимир Александрович обедал сегодня с государем у великой княгини Елены Павловны⁸. Я поехал за ним в 6¹/₂ часов, и уже застал его на подъезде в ожидании меня. Меня уж удивило то, что он так рано был готов, тогда как у Елены Павловны засиживались обыкновенно довольно долго; но мое удивление обратилось в испуг, когда я увидел, что на Владимире Александровиче, как говорится, лица не было.

Он встретил меня словами: «Какую телеграмму мы только что получили: — Никс (наследник Николай Александрович) опасно заболел воспалением в мозгу, и неизвестно, приведет ли еще Бог застать его в живых. Завтра в 11 часов утра мы едем в Ниццу». Это меня, как громом, поразило; многие и давно уже беспокоились за состояние его здоровья, но мне никогда и в голову не приходило, что эта болезнь может кончиться так ужасно. <...> Владимир Александрович был сильно потрясен, он сидел у себя в комнате над молитвенником и заливался слезами.

6 апреля утром было молебствие о здравии милого нашего Николая Александровича, много слез было пролито присутствующими. Часа в два государь ездил с Владимиром Александровичем в Казанский собор приложиться к иконам. (Александр Александрович уехал в Ниццу 4 апреля, с графом Б. А. Перовским.) Весь остаток дня проведен был в укладывании вещей и приготовлениях к отъезду. В 11 часов вечера поезд двинулся. Мы летели с ужасной быстротой и в три дня и четыре ночи достигли цели путешествия.

В Берлине нас встретил король⁹. Во время дороги получали беспрерывно депеши с известием о состоянии здоровья наследника цеса-

ревича; так как человек хватается в опасности за соломинку, то некоторые из них казались нам утешительными. В особенности доктор Каррель много придавал нам надежд своими толкованиями докторских донесений. В Париже встретил нас Наполеон¹⁰. С нашим государем обменялись визитами — государь вышел к нему на дебаркадер, а потом Наполеон вошел в вагон. Лицо его выражало скорбное участие, но каждый инстинктивно сознавал, что тут было больше соблюдения приличий, нежели истинного сочувствия.

10 апреля, в субботу, мы прибыли в Ниццу к 5 часам. Множество русских встретили государя. Все были с заплаканными глазами или очень печальными лицами, что составляло поразительный контраст с блестящими нарядами тех же плачущих дам и шитыми мундирами печальных мужчин. Первым государя встретил Александр Александрович; он был очень бледен и худ, глаза красны и распухли.

На дебаркадере была такая тишина, как будто рядом лежал трудный больной. Все говорили шепотом и на всех устах было имя наследника.

Я забыл прибавить, что по дороге, а именно в Дижоне, к нам присоединилась королева датская с принцессой Дагмарой.

У нее премилое лицо, и хотя на всех портретах она очень недурна собой, но, в действительности, она гораздо лучше.

Опять обращаюсь к Ницце.

Бедный Александр Александрович, приехавший сюда третьего дня, не видел еще своего брата; он целый день сидит в соседней комнате, слышит его голос, видит его кровать и ноги, а в комнату его не пускают; боятся, дескать, растревожить больного.

Императрица все время не отходила от Николая Александровича. Когда государь приехал, то она, желая приготовить Николая, сказала ему, что государя ожидают с часа на час; бедный наследник с какою-то особенною чуткостью, необыкновенно развившейся в последние дни болезни, сразу отгадал в чем дело и объявил, что: «папа здесь, в другой комнате, — пусть он войдет». Тут же вошел и Александр Александрович. Наследник очень обрадовался, всех узнал и всех перечеловал.

Он часто впадал в забытие, но большею частью был в памяти. К тому же, как я сказал, у него развилась замечательная чуткость, нечто вроде двойного зрения; так, например, не поворачивая головы в сторону вошедшего, он сейчас узнавал, кто входит. От него не ускользало ничего, что делалось кругом. Когда Здекауэр сидел подле него, то, думая, что больной уснул, он вышел в другую комнату и, вместо фрака, надел черный пиджак, который впотьмах решительно нельзя было отличить от фрака. Как только он вернулся, наследник, не поворачивая головы, сказал: «А, вы переоделись и надели пиджак». Потом, пользуясь минутным спокойствием наследника,

Здекауэр вышел немного покурить. Когда вошел обратно в комнату, наследник сказал: «А, вы курили папиросы, отчего же не сигары? Попробуйте мои сигары, кажутся ли они вам крепки?» Еще замечателен у него был бред. Раз ему показалось, что ему представляется депутация, и он произнес, обращаясь к ней, такую речь, что хоть сейчас в печать. Доктор Рехберг, сидевший подле, очень жалел, что не успел ее записать; в ней был смысл весьма правильный, и хороший слог. Другой раз он вдруг обращается к тем, которые были в его комнате, и спрашивает громким голосом, — как нравятся им черногорцы? Потом прибавил, что это прекрасный народ, что они стоят того, чтобы на них обратили внимание. По мере того, как он слабел, бред его становился менее связным и уже вместо длинных фраз он произносил отрывистые командные слова, воображая себя перед строем. Так, он произнес довольно громко, но отрывисто — «вперед, — за мною, — честь». Последнее его слово в бреде было морское — он скомандовал: «навались». Но, как я уже сказал, он гораздо более был в памяти, и в эти светлые минуты то, что он говорил, было поистине трогательно и непременно утешительно хорошим родителям-христианам, таковым, как наш государь и императрица. Говорят, что еще в первый день болезни, в понедельник, когда мы еще были в Петербурге и когда императрица предложила цесаревичу приобщиться Св. Тайн, то он на исповеди сказал, что чувствует за собой один важный грех — недостаток терпения. Бедняжка так много страдал физически и нравственно, что нужно удивляться, как он мало стеснял окружающих видом своих страданий.

Когда к больному жениху подошла принцесса Дагмара, то лицо Николая Александровича просияло радостью, он громко засмеялся от удовольствия, поцеловал у нее руку и, обращаясь к государю, сказал: «Не правда ли, как она мила, папа?»

Здекауэр и Пирогов подавали еще надежды и говорили, что стоит ему только хорошенько заснуть и можно будет надеяться на выздоровление. У кровати больного назначено было сидеть по очереди одному из докторов и по одному из свиты наследника; в число этих последних вошли великие князья Александр Александрович и Николай Максимилианович, которые показали себя в эти дни как нежные братья и самые искренние друзья.

В субботу вечером, в 11 часу, в день рождения Владимира Александровича, мы разошлись по своим комнатам, унося с собой слабый луч надежды, которому суждено было недолго ласкать нас. В 5¹/₂ часов утра, 11 апреля, на нашей вилле Verdier слышались тревожные шаги оторопевших людей, и нас разбудили страшными словами, что Николай Александрович кончается. Граф Перовский побежал немытый и небритый, еле накинув на себя платье. Я тоже скоро после него прибежал на виллу Пелион. В ночь Николаю Александро-

вичу сделалось гораздо хуже и перемена была такая быстрая, что все ожидали близкой кончины. В 7 часов послали за принцессой Дагмарой. Наследник всех еще узнавал и со всеми поздоровался. В 12 часу ему предложили приобщиться Св. Тайн, что он исполнил с полным сознанием. По окончании священного обряда он начал со всеми прощаться. Он каждого присутствующего называл по имени и говорил по два раза: «Прощай, прощай». Когда он со всеми простился, подле него остались только свои; в головах с правой стороны стоял Александр Александрович, а с левой принцесса Дагмара; наследник все время держал их за руки; принцесса часто становилась на колени и впивалась в левую руку умирающего жениха. Государь и императрица стояли по обе стороны больного в ногах; таким образом, отец и мать как будто уступали первенство подле больного его другу и его невесте. Цесаревич все еще был в полной памяти и говорил ясно. Так, после минутного забытья, он открыл широко глаза, взял за руку Александра Александровича и, обращаясь к государю, сказал: «Папа, береги Сашу; это такой честный, хороший человек». В забытии он часто поминал его имя. Вообще, он очень любил Александра Александровича; он часто говорил императрице, что он никому не пишет таких нежных писем, как «Саше», и даже, что он не может дать себе отчета, кого он больше любит — «Сашу или Дагмару». Часу в третьем он поднял руки и правой рукой поймал голову Александра Александровича, а левой искал как будто голову принцессы Дагмары. Тут язык у него стал значительно слабеть и скоро он произнес последнюю фразу, сказанную с полным сознанием, а именно, взяв за руку императрицу и указывая на нее Гартману, сказал: «*Soignez... la... bien*»*. После этого он ничего больше не говорил связного; это было в 4 часа, и с этого времени до самой кончины он только бормотал что-то в нос или проносил: «Бра, бра, бра». В этот день великие князья почти ничего не ели с утра; в шесть часов они пришли к столу, приготовленному подле виллы Пелион для кавалеров, и, проглотив немного пищи, снова побежали к больному брату. За исключением этого, Александр Александрович не отходил от постели. Целый вечер сидели мы в томительном ожидании в комнатах, смежных со спальней наследника. Доктора беспрестанно собирались в консилиум, толкуя о том, сколько осталось жить больному и какого рода болезнью он болен¹¹. Доктор Опольцер, приехавший из Вены сегодня утром, прежде нежели быть допущенным к наследнику, приглашен был на совещание докторов. Говорят, что первое его слово было: «Господа, разумеется, нам, прежде всего, нужно быть согласными во мнениях». Затем, увидав больного, он объявил, что мнение Здекауэра было справедливо и что у Николая Александровича действительно *meningitis cerebro-spinalis*, но

* «Позаботьтесь... о ней... хорошенько...» (франц.).

к этому прибавил еще — *tuberculosa*. Он сказал, что это такая болезнь, которой симптомы обнаруживаются всегда поздно и когда уже нет спасения больному. Сам Опольцер знает только 7 примеров такой болезни и то по истории медицины, а на практике еще никогда не видал подобных больных.

Николаю Александровичу беспрестанно давали мускус по настоянию Пирогова, который, со свойственной ему энергией, утверждал, что доктора не должны терять надежды до тех пор, пока в больном не перестанет биться сердце. Однако мускус только мучил больного. В 4 часа у него началась икота, и его беспрестанно рвало мускусом. Бедная принцесса Дагмара, стоя на коленях перед умирающим женом, все время вытирала ему рот и подбородок. Часов в 8 я пошел на виллу *Verdier*, чтобы напиться чаю, и вдруг встречаю принца Николая Петровича Ольденбургского. Он выразил желание войти в комнаты с тем, чтобы дожидаться конца агонии. Не считая себя вправе быть допущенным к государю, он только хотел вмешаться в толпу придворных. Этого ему, конечно, никто не мог бы запретить, и его пригласили войти в покои наследника. Владимир Александрович вышел ему навстречу и ввел в комнаты. После чаю, разумеется, мы снова пошли на виллу Бермон. Наследник час от часу был слабее и слабее; разумеется, всякая надежда пропала даже у самых упорных. Все разошлись по маленьким комнатам виллы и расположились группами. У всех, конечно, был один и тот же нескончаемый разговор о наследнике и его болезни. Крайнее напряжение сил с 5 часов утра так утомило всех, что нет ничего естественнее, что всех клонило ко сну; действительно, часу в первом ночи все, которые были со мною в комнате, в том числе и я, задремали, каждый в том положении, как разговаривали. Вдруг дверь с шумом отворяется и граф Строганов¹² с палкою в руках выходит из комнаты наследника и произносит: «Все кончено», и затем быстро скрывается. Мы все вскочили и перекрестились; я посмотрел на часы — было без 10 минут час ночи, следовательно, 12 числа апреля или 24 по новому стилю. Все, бывшие на вилле, без всякого разрешения, хлынули в комнату, где лежал наследник; оттуда неслись раздирающие душу стоны и рыдания. Громче всех плакал Владимир Александрович, меньше всех императрица; она была очень тверда. Принцессу Дагмару насилу оттащили от трупа и вынесли на руках. На бедного Александра Александровича было жалко смотреть. Через час стали омывать тело; Александр Александрович все время при этом присутствовал и сам надевал чистое белье на покойника.

12 апреля, в 10 час. утра — панихида. Священник и диакон не могли от слез начать службы. Все плакали навзрыд. Великие князья пожелали войти в очередь дежурных флигель-адъютантов при теле покойника.

14 апреля (среда) в 7 час. вечера, после литии, тело наследника перенесено было в русскую церковь, и затем были первые панихиды в церкви*.

16 апреля (пятница). Перенесение тела в Вилла-Франка (в гор. Вильфранш) и на фрегат «Александр Невский».

17 апреля в 7 час. вечера мы выехали из Ниццы в Дармштадт.

21 апреля (среда). Ездили в Дармштадт на панихиду, которую служили в одной из комнат дворца.

23 апреля (пятница). Целый день не видел великих князей. Александр Александрович весь день пробыл с принцессой Дагмарой и императрицей.

25 апреля (воскресенье). Из Дармштадта вернулись в Югенгейм, живо собрались в путь и в три часа поехали из Бакенбаха в Петербург. Провожали нас государь, Мария Александровна (великая княгиня), принц и принцесса Батенберг.

1 мая (суббота). После обеда Александр Александрович позвал меня к себе и предложил почитать с ним письма покойного Николая Александровича. Все 18 писем были прочитаны подряд; чтение — полное интереса и глубоко трогательное. Предпоследнее письмо, кажется, писанное в марте месяце, Александр Александрович читал, заливаясь слезами; кажется, родной отец не может дать таких прекрасных советов, какими было наполнено письмо покойного наследника. <...> Гр. Борис Алексеевич застал нас за чтением.

После чаю великие князья отправились опять к Евгении Максимилиановне. Лучшего общества нельзя им отыскать, да и самой Евгении Максимилиановне они составляют не последнее утешение в нынешнее горестное для нее время.

21 мая (пятница). <...> В 11¹/₄ час. утра Владимир Александрович поехал со мною на станцию железной дороги для того, чтобы ехать в Кронштадт; мы все-таки опоздали, так как государь только что перед нами приехал... Прибыли в Петербург, сели на пароход «Стрельна» и, при сквернейшей погоде, пошли в Кронштадт, подходя к которому погода чуть поправилась, и мы проходили вдоль эскадры броненосцев; на Большом рейде стояли винтовые суда. — Отряд, шедший с телом покойного наследника, показался вдали, и «Стрельна» пошла ему на-

* Вилла Бермон, в которой скончался цесаревич Николай Александрович, была приобретена в собственность государем императором Александром II, и на месте той комнаты, в которой цесаревич скончался, в 1868 году сооружена часовня в византийском стиле. В настоящее время, с разрешения государя императора, в саду близ часовни сооружается роскошный православный храм, так как старая церковь не может вмещать в себе всех молящихся, особенно в большие праздники. Новый храм заложен 12 апреля 1903 года, и в настоящее время работы по постройке этого роскошного памятника русского зодчества в полном ходу. (Прим. автора.)

встречу за Большой рейд. Встретившись с «Александром Невским», пересели на него и дошли до Малого рейда, где он остановился; с этим вместе прекратились и почести, которые отдавала покойному эскадра на рейде. Отслужили панихиду и пересели на «Стрельну» для обратного пути в Петербург и Царское Село.

25 мая (вторник). <...> В 8¹/₂ часов утра поехали в Петербург, оттуда на пароходе в Кронштадт для сопровождения тела покойного Николая Александровича. — От Английской набережной печальная процессия тронулась в Кронштадт.

27 мая (четверг). <...> Великие князья от обеда государева пришли в 7 часов, а в исходе 8-го поехали в крепость. По окончании панихиды остались там ожидать прибытия императрицы, которая в 9 часов приехала с государем с тем, чтобы проститься навсегда со своею утратою...

28 мая (пятница). <...> В 9 часов пошли в комнаты покойного Николая Александровича разбирать с Рихтером вещи и бумаги. К 11³/₄ час. государь приказал быть великим князьям на его половине, чтобы ехать на погребение. — Церемония кончилась в 1-м часу, и государь с великими князьями поехал в Зимний дворец. Александр Александрович много плакал и от этого у него целый день болела голова.

9 июня (вторник). Великие князья после утренних классов, в исходе 11-го, поехали в Петербург, в Зимний дворец, где они с государем и императрицею разбирали и разделяли между собою вещи покойного наследника.

1866 г. 12 апреля (вторник). <...> Были в соборе Зимнего дворца. Какой ужасный, томительный день был прошлого года в эту пору в Ницце!

В 12¹/₂ часов вышли на Иорданскую пристань¹³ и на катере отправились в крепость. Нас было: Александр Александрович, Владимир Александрович, Алексей Александрович, Мария и Николай Максимилиановичи, Шиллинг. Панихида, память об утраченном юноше растрогали всех, в особенности бедного Александра Александровича, лучшего его друга.

ИЗ ЗАПИСОК

/1865/ <...> Наконец приехал государь и с ним великий князь Алексей Александрович. С государем и великим князем приехали граф А. В. Адлерберг, князь Суворов¹, адмирал Посьет и доктора Каррель и Здекауэр, но и эти два медика не пролили никакого света на болезнь цесаревича и конечно не принесли никакой пользы.

Цесаревич узнал отца и братьев и не выразил никакого удивления их внезапному прибытию. Одновременно с государем прибыла в Ниццу и невеста цесаревича принцесса Дагмар. Цесаревич узнал и ее и, обратясь к родителям, сказал: «Неправда ли, какая она милая?»

Родители, братья и невеста проводили почти весь день у одра цесаревича, который большую часть находился в забытии и только временами приходил в сознание. В одну из таких минут он, взглянув на своего брата Александра Александровича, которого особенно любил, взял его руку и потом, посмотрев на принцессу Дагмар, взял и ее руку и соединил ее с рукою Александра Александровича. Тут невольно показалось, как будто цесаревич этим движением передавал свою невесту нежно любимому брату, которому он оставлял и свое место на земле.

Цесаревич прежде говорил часто про Александра Александровича, что у него такая честная натура и что у него *«нет ничего лисьего»*.

Часто во время своих страданий, в забытии он говорил: «Стоп, машина», и эти слова так болезненно отзывались в царившем глубоком безмолвии, и казалось, что это было как бы ощущением останавливающейся жизни, выражаемое этим термином из морской жизни и службы, которые цесаревич так любил.

Кн. В. П. Мещерский
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

1865 год

В это лето назначено было торжественное принесение присяги новым наследником престола¹. Двор накануне дня присяги переехал в Елагин дворец. Впервые после императора Николая двор поселялся в Елагином дворце.

Вечером я посетил цесаревича в одном из флигелей возле дворца. Он предложил мне с ним пойти пешком гулять. Во время прогулки великий князь был невесел и неразговорчив. Понимая его душевное состояние, я воздерживался от того, что называется занимать собеседника. На берегу Невы мы присели на скамейку. Цесаревич сел и вздохнул.

Я обернулся к нему и спрашиваю: тяжело вам?

— Ах, Владимир Петрович, — ответил мне цесаревич. — Я одно только знаю, что я ничего не знаю и ничего не понимаю. И тяжело, и жутко, а от судьбы не уйдешь.

— А унывать нечего: есть люди хорошие и честные, они вам помогут.

— Я и не думаю унывать. Это не в моей натуре. Я всегда на все глядел философом. А теперь нельзя быть философом. Прожил я себе до 20-ти лет спокойным и беззаботным, и вдруг сваливается на плеча такая ноша. Вы говорите: люди; да, я знаю, что есть и хорошие и честные люди, но и немало дурных, а как разбираться, а как я с своим временем управлюсь? Строевая служба, придется командовать, учиться надо, читать надо, людей видеть надо, а где же на все это время?..

Действительно, дела предстояло бедному великому князю страшно много. Ему надо было серьезно заниматься военной службою, и ему нельзя было избежать официальной стороны своего нового положения, т. е. приемы и обязанность быть везде там, где государь бывает. При покойном цесаревиче был граф Строганов, который отвоевывал для своего воспитанника право не ездить никуда в часы урочных занятий; но для нового наследника никто не мог отвоевывать ему от государя этих льгот, тем более что государь с самого начала начал показывать, насколько он дорожил тем, чтобы новый наследник везде являлся и везде его сопровождал.

После прогулки я проводил цесаревича до его жилища, и мы расстались... В этот же вечер государь пришел к своим сыновьям в комнаты и обоим старшим подарил флигель-адъютантские мундиры.

Несмотря на летнее время, съезд был к выходу многочисленный. Цесаревич прочел присягу взволнованным, но громким и ясным голосом. После присяги я зашел к цесаревичу поздравить его и передать ему впечатления торжества!

Люди! Все дело в них: от них зависят все впечатления, под влиянием которых известная личность мало-помалу обрисовывает свои взгляды на главные вопросы жизни и в особенности на свои нравственные обязанности относительно людей. Всякий воспринимает влияние людей не только смолоду, но в продолжение всей жизни. Это влияние происходит не от всех и не от всяких людей, но от тех, с которыми человек чаще всего и, так сказать, постоянно сталкивается... Эти люди составляют то, что принято называть средою...

Какая среда людей должна быть средою наследника престола, т. е. кто и где те люди, которые должны влиять на постепенное образование его личности и его взглядов на жизнь... <...>

В сущности, как я наблюдал за эти годы, великие князья знакомились с людьми в гостиных и виделись с ними в гостиных. В те годы главною сценою для знакомств и для сношений бывали зимние катанья на коньках в Таврическом саду, введенные в моду покойным цесаревичем. Буквально весь бомонд стал кататься на коньках, чтобы ежедневно бывать от 2 до 4 час. на Таврическом катке в обществе великих князей. Другой, более оживленной сцены для знакомств великих князей в то время не было.

Во всяком случае, они знакомились с людьми с парадной или чистой стороны, с людьми всегда улыбающимися, всегда соглашающимися с ними, всегда ими восхищающимися, а знакомство с человеком в его будничном неглиже для них не существовало... Вследствие этого об сей стороне людской жизни, к сожалению, они получали понятия только от услужливых сплетников, от любителей в великой науке придворных разговоров...

Само собой разумеется, что эта среда людей мало могла способствовать развитию в молодом человеке практических и серьезных в то же время взглядов на жизнь, и очень мало могла давать пищи, как духовный материал для саморазвития. В обоих случаях и те, которые хотели улыбками и лестью снискать себе благорасположение великого князя, и те, которые промышляли сплетнями и увеселительными разговорами, всего менее думали и могли думать о великом князе с точки зрения его пользы... И, увы, эта среда много заключает в себе прямо вредного, приучая молодой ум и молодое сердце, с одной стороны, к легкому обращению с вопросами серьезными и в том числе с личностью человека вообще, а с другой стороны — смотреть на людей, их

окружающих, свысока и даже презрительно... Как это делалось — я видел это ясно уже тогда: большая часть людей этой среды, разумеется, того не замечая, практиковали на самих себе школу пренебрежения к человеку: они на себе учили того или другого из великих мира сего в грош не ставить их достоинство и их личность, и сколько раз с удивлением мне приходилось видеть, что случайное проявление в великом князе к какому-нибудь человеку почти презрения доставляло этому человеку удовольствие: то, что французы называют: *être traité sous jambes* *, — считалось для иных признаком интимности...

Это была одна среда; другая была среда учебная и воспитательная; но она имела очень ограниченное влияние на развитие личности в великих князьях, так как к воспитателям они слишком привыкали, а учителей видели только в классах. И притом, учителя с влиянием на жизнь были редкостью. Таковыми были: Буслаев, Победоносцев и немного Бабст².

Но в эту минуту, когда Богу было угодно на великого князя Александра Александровича возложить призвание наследника престола, задавая вопрос: где люди и откуда их взять, — можно было в то же время быть уверенным, что та среда светско-придворная, о которой я сейчас говорил, на него влияния дурного уже иметь не будет...

Его нравственная личность до того была уже сложена твердо в свою самобытную, так сказать, конституцию, что опасений за тлетворное влияние куртизанов можно было не иметь...

Сознать это в такие наступившие трудные минуты жизни цесаревича — было неизмеримо отрадно... Много людей он перевидал в эти годы; но когда о них заговаривали, он скользил мыслью над ними, со дна его души вылетали отрывками воспоминания лишь о двух, трех друзьях или товарищах детства; детскую симпатию сменило уважение молодого человека к этим нескольким, а к массе придворных его не только не тянуло, но они не существовали для него... Как все это произошло, расскажу сейчас.

Цесаревич Александр Александрович в шутку называл себя философом.

Но это не было шуткою — он действительно был философом, в смысле такого им добытого мировоззрения и таких особенностей его духовного существа, которые позволяли ему, во-первых, жить отдельно от других жизнью и не испытывать влияния людей в той степени, в какой обыкновенно испытывает большая часть людей, а тем паче, влияния придворной людской среды...

Он мог казаться философом и в отсутствие в нем всяких, так сказать, прихотей материальной жизни: будь он перенесен сразу в крестьянскую избу, он не почувствовал бы ни лишений, ни стеснений для

* третируют (*франц.*).

своего физического существа; и, рядом с этим, он был философом в смысле отсутствия всяких телесных страстей...

Философом, но какой школы?

Разумеется, философом — христианской школы... Неверно было бы сказать, что он был просто хорошим христианином; нет, он именно был философом-христианином; потому что не из одного христианства он черпал свой стоицизм, но из своего собственного мышления, из того процесса саморазвития, который сложил его личность в безусловно оригинальную...

Она сложилась за последние годы под сенью, так сказать, и под влиянием духовного мира его старшего брата... Они жили эти последние годы, что называется, душа в душу... И это не было слепое подчинение младшего брата старшему; совсем нет, это был взаимный обмен и мыслями, и чувствами, и впечатлениями, при котором один дополнял другого. Дружба эта была объединением двух совсем различных и самостоятельных при том существ. В старшем брате не было никаких элементов философии; напротив, своим чутким и восприимчивым ко всем оттенкам окружавшего его мира, своим тонким и проницательным умом, понимавшим сразу намеки на мысль, он всецело воспринимал и влияния на себя жизни, или считался с нею, и признавал ее силу; младший брат потому и представлялся философом, что, наоборот, он не подчинялся, так сказать, силе окружавшей его жизни, не моделировал себя по ней, не дорожил никаким «*on dit*» *, и крупными и цельными, так сказать, штрихами выражал свой образ мыслей и свой духовный мир, минуя те оттенки и утонченности, которые в личности старшего брата играли свою роль и имели свое значение. Первый был художник мысли, второй был ее философ своей собственной школы; и чтобы конкретнее выразить это различие, я бы сравнил первого с искусным столяром, а второго с плотником с верным взглядом и с верною рукою.

И вот, в этом общении последних лет, именно под сенью своего даровитого, блестяще развившегося и богато образовавшегося брата, великий князь Александр Александрович воспринимал от него, не меняя своего характера, своего основного мировоззрения, множество мыслей, сведений, впечатлений, которые под влиянием самой полной и самой искренней дружбы сердца служили для него главным материалом и главным подспорьем для самообразования.

Когда в эту пору начались наши ежедневные беседы и занятия, я сразу убедился в двух вещах, которые слишком ясно доказывали, как ошибались те, которые, мало и только поверхностно зная великого князя Александра Александровича, могли думать, что он мало знает и мало думает... Одна вещь — была открытие, как мало из того, что

* что скажут (франц.).

приходилось ему сообщать, было ему неизвестно, и вторая — это невозможность поколебать известные им добытые основные взгляды и убеждения: до того они были в нем прочны и неотделимы от его духовного самобытного мира... Перед самою кончиною цесаревича Николая Александровича последний отклик своих умиравших умственных сил был для брата; умиравшую мысль, как потухавшее пламя, он на миг оживил последним дуновением своей любви к брату, чтобы поведать России, кому он оставлял свое преемство; в нескольких словах он сделал из характеристики его души чудную картину, и сделал потому, что он один в последние годы своей жизни понял и оценил и правдивую красоту и простую твердость его души. Он один понял эту душу, ибо, с одной стороны, лелеял ее и трудился над ее развитием, а с другой стороны — сам испытал на себе ее благотворное влияние и успел оценить ее самобытные качества...

Но, отстаивая всеми силами своей природы философа-христианина свою самобытность и свою самостоятельность в прекрасных чертах самой природы, великий князь Александр Александрович поражал тем, что насколько он своим качествам придавал инстинктивную, так сказать, цену, настолько он себе не придавал никакой цены, и именно поража́л своим смирением. <...>

Но кроме самого себя новый цесаревич вовсе не ценил еще другое: это усилия людей ему понравиться и обратить на себя его внимание...

Со светом и с придворным миром он успел уже ознакомиться настолько близко, что лесть, заискивание, ломанье шута или вкрадчивость куртизана — все это отталкивало от него человека под влиянием непосредственного и инстинктивного побуждения...

А в этих усилиях людей к нему прилаживаться недостатка не было. Можно сказать, что с первого же дня его нового положения и в свете и при дворе стали со всех сторон проявляться усиленные заботы и превозносить нового цесаревича, и заискивать у него, но на то и другое в ответ он оставался непобедимым философом, подтрунивая над тем, что вдруг для многих он сделался таким интересным.

В особенности он не любил фраз... Бедного Валуева³ он не любил именно за избыток фраз. Про него он весьма верно говорил: он столько наговорит постороннего и ненужного, что до нужного и не доберешься... Наоборот, краткая, простая, правдивая речь ему нравилась, и только к ней он прислушивался с доверием и со вниманием. Сколько раз, помню, приходилось видеть, как человек напрягал все свои усилия, чтобы пленить великого князя своим красноречием, говорил, говорил и уходил с упованием, что произвел впечатление, а великий князь с его уходом — говорил про него: какой болтун, или какой пустомеля. Придворный мир был не по сердцу великому князю издавна, по той простой причине, что он грешил двумя вещами, ему антипатичными, — отсутствием правдивости и избытком угодливости...

Те же причины в нем объясняли очень ясно одну из самых симпатичных и прекрасных черт его характера: уважение к чужому мнению. <...>

В мелочах чисто будничного обихода молодой цесаревич иногда бывал упрям, в главных принципах и основных убеждениях своих он был непреклонен, но затем между этою маленькою чертою и этою крупною чертою его характера — оставалась целая широкая область вопросов и мнений, по которым он любил выслушивать мнения людей и обязывал, так сказать, своего собеседника с ним спорить, и если ему удавалось доказать, что он прав и что не прав великий князь, то последний всегда убеждался...

Вот эта-то черта давала необыкновенную прелесть близким к нему отношениям... Слово, искренно сказанное, с целью или убедить или разубедить цесаревича, никогда не пропадало даром.

А затем, в заключение характеристики его духовной личности в то время, следует сказать, что уже тогда в нем образовалась одна прекрасная черта, которая в нем развилась и окрепла, — это прочность его привязанности к человеку... Он отстаивал против нападков того человека, которого он любил, и он презрительно относился к личностям тех, которые сплетничали или клеветали, стараясь вредить в его глазах человеку, которому он верил.

Черта эта была последствием двух внутренних причин... Одна происходила от его честности: честный во всем, в малом и большом, он был честен в своих привязанностях, а затем он отстаивал своего близкого и презирал на него клевету, потому что был философ; именно, как философ он был и снисходителен к слабостям людей, не ждал от них ни героизма, ни святости и, зная, что всякий человек имеет свои слабости, прощал их каждому и ценил в человеке хорошие стороны.

Из всего этого духовного материала, далеко не скудного, в день, когда великий князь стал наследником престола, у него сразу явилось владычествующим началом его жизни — сознание долга...

Он ясно и во всей его полноте сознал свой долг и начал для него жить, но опять-таки по-своему, без всяких манифестаций, без всяких фраз, без всякой наружной вывески, а совсем просто, совсем обыкновенно и почти незаметно...

Осень как лето, а зима как осень 1865 года прошли мирно и тихо. Осенью возобновились в Царском Селе простые вечерние собрания в Китайской гостиной, на которых очень редко присутствовала императрица, и эта тихая уединенная жизнь двора продолжалась и по переезде из Царского в Петербург в конце ноября. Ежедневно мы виделись с цесаревичем. В это время я дал ему совет, который ему понравился и который он принял: писать свой дневник, но аккуратно, то есть записывать каждый день, что случилось и дневные мысли и впечатления. Мне казалось, что ведение дневника, кроме удовольствия для будуще-

го, кроме практической пользы, как справочной книги, имело и ту пользу, что, с одной стороны, служило упражнением для памяти, а с другой стороны, приучало ум к резюмированию впечатлений и мыслей и могло изображать собою известную умственную гимнастику. Я подарил великому князю толстую переплетенную с замком книгу in quarto, и он начал ежедневно писать свой дневник; с своей стороны, и я в то время писал дневник, и ежедневно по вечерам, по окончании дня, мы обменивались чтением наших дневников, которые затем служили темами для разговоров, а разговоры, в свою очередь, служили темами для дневников.

Вспоминаю наше чтение 31 декабря. Около 11 часов вечера, по обычаю, я приходил к великому князю. Он возвращался к тому времени от своих родителей. На столе его ждал самовар. Он разливал чай, начиналась беседа, а потом мы переходили в его кабинет, где у письменного его стола начиналось чтение дневников. Цесаревич тогда жил один, в комнатах своего покойного брата, в павильоне, возле Эрмитажа. 31 декабря кончался печальный год. В эту ночь, около двенадцати часов, открылась дверь кабинета и вошел государь. Цель его посещения была приветствовать цесаревича с Новым годом и благословить его. Нежно обняв и благословив его три раза, государь и мне протянул руку, и при этом, сказав мне глубоко тронувшие меня сердечные слова, добавил: Я уверен, что ты будешь ему, — при этом государь положил руку на плечо сына, — всю свою жизнь верным слугою. Я поцеловал с глубоким волнением руку государя и чем иным, как не обетом жизнь свою посвятить цесаревичу, мог я ответить. Государь затем спросил, чем мы занимаемся, и удалился, провожаемый сыном. Я остался на несколько минут один в комнате.

Такой ночи мне не забыть. И доселе припоминается она мне, тихая, мирная, как она была, без шампанского, без гостей, без яркого освещения и без громких пожеланий, а все-таки в сиянии, но в сиянии чего-то торжественного, дорогого и таинственного. <...>

Чтением и мирною беседою мы встретили новый год. <...>

1866 год

К назначенному для отъезда дню все участвующие в поездке цесаревича и его брата великого князя Владимира Александровича по России должны были к вечеру собраться в Петергофе. К участию был приглашен и я, и на меня возложена была обязанность вести подробный дневник путешествия для государя. Приглашены были прежние спутники покойного цесаревича: К. П. Победоносцев, профессор политической экономии Бабст и художник Боголюбов⁴... Затем был граф Борис Алексеевич Перовский. Затем адъютанты цесаревича, князь Барятин-

ский и Козлов, перешедшие к нему от покойного брата, состоявший при великом князе Оом и доктор Гирш. Во дворце был отслужен напутственный молебен и затем мы собрались на поезд, где разместились по своим местам. Маршрут был следующий: Тверь, Рыбинск, Ярославль, Кострома, Нижний и Казань и обратно в Петербург через Москву.

Так как на все путешествие назначено было без малого две недели, то, само собою разумеется, пребывание в каждом городке было кратковременное.

Интерес этой поездки заключался только в том факте, что это была первая поездка молодого цесаревича по России, и первое, так сказать, свидание с ним России. В то же время путешествие это, недавно после 4 апреля, получило красноречивый характер сбирания для государя его сыном проявлений народной радости и народной любви.

Действительно, эти проявления народной любви с минуты, как мы попали на Волгу, представляли собою грандиозную картину безбрежного моря русского люда, отовсюду собиравшегося поклониться царским сыновьям. Первая остановка была в Твери. В ней мы пробыли день. Симпатичные впечатления цесаревич вынес от губернатора князя Багратиона и от губернского предводителя дворянства князя Бориса Васильевича Мещерского. Первый был умный, тонкий и хороший человек; второй был умный, хороший и с открытою и прямою русскою душою человек. Тут же великие князья познакомились с милым старичком поэтом Ф. Н. Глинкой и с ветераном-декабристом Муравьевым-Апостолом⁵, в мирном уединении Твери доживавшим свой долгий век. Из Твери мы поехали в Рыбинск, где пробыли тоже день и где знакомились с знаменитым канатным заводом Журавлева. Тут же купечество угостило цесаревича обедом на славу. Плавая по Волге, мы останавливались и в маленьких городах, выходили на берег, чтобы войти в церковь. Так сделали и в Угличе, но не без некоторого опасения. Мы постигли, что значит огромная толпа народа... Когда цесаревич поднялся по лестнице на берег, он вдруг очутился буквально в море десятков тысяч народа; все это восторженно зашевелилось и заревело... Цесаревич сел в коляску, чтобы ехать в собор; но не тут-то было: лошади, испуганные толпою, стали подниматься на дыбы. Цесаревичу пришлось выйти и идти пешком; двое полицейских с невероятным трудом прокладывали тропинку, и кое-как удалось добраться до церкви, а народу все прибывало... Толпы начали пытаться пробираться в собор: железные решетки ломались под напором народных масс.

Ввиду этого протоирей собора посоветовал Цесаревичу не идти на пароход обратным путем, ввиду страшных размеров толпы, опасаясь совершенно основательно скопления народа на самом берегу, над оврагом, не столько для великих князей, сколько для толпы людей, которая могла при этом напоре сорваться в обрыв.

Вместо прежнего пути протоиерей предложил таинственный ход подземельем прямо из церкви на Волгу, и при свете фонарей мы отправились обратно на пристань, куда прибыли благополучно, лишившись возможности, вследствие слишком большой толпы, осмотреть исторические примечательности Углича.

До самой последней минуты своего путешествия цесаревич был весел и в духе, и раз двадцать, по крайней мере, в течение своей поездки высказывал ту мысль, что ничто так не полезно, как ездить по России и разговаривать с живыми людьми. Очень просто и наглядно он высказал дважды эту мысль в таких словах: вот земство, например, — говорил великий князь, — я откровенно должен сказать, что слышал о нем в Петербурге, но имел самое смутное о нем представление, а понял я его суть только теперь, из разговоров на месте с местными людьми. Отчасти под впечатлением невообразимой давки толпы, даже в губернских городах, цесаревичу приходилось не раз высказывать удивление, как мала везде полицейская сила. На это ярославский губернатор, умный адмирал Унковской, очень верно ответил великому князю, что полиция в России имеет назначение чисто символическое: она ничего не охраняет, потому что не может ничего охранять, а она существует лишь для свидетельствования о силе русского Бога над Россией и над каждым ее уголком... Как сила, полиция есть только насмешка над силою, это такая же полиция, как та, которая фигурирует в иных пьесах в театрах... но, в то же время, чем же держится благоустройство в России, чем охраняются права жизни, собственности, как не силою русского Бога! <...>

От сентября до конца октября двор был всецело завоеван светлым событием, прибытием в Царское Село и пребыванием в нем невесты цесаревича, принцессы Дагмары, по миропомазании нареченной великой княжною Мариною Федоровною.

После миропомазания, 28 октября, в церкви Зимнего дворца состоялось венчание цесаревича, вслед за которым был обычный торжественный обед и куртаг, то есть кратковременный бал в мундирах.

После свадьбы я зашел к цесаревичу, пребывавшему еще тогда в своих комнатах Зимнего дворца, чтобы его поздравить.

— Да, — сказал он, — вы можете меня поздравить, я у пристани.

Он был весел и счастлив и при этом, как всегда, невозмутимо спокоен. <...>

1867 год

Наступил невеселый 1867 год.

Уже в начале его стали проникать разными окольными путями в Петербург слухи о наступающем быстро голоде в некоторых губерниях, так например: Смоленской, Новгородской и т. д. Слухи эти

стали намеками поступать в печать, но, к роковому для Валуева ослеплению, одно министерство внутренних дел не обращало на них внимания и всяким толкам об угрожающем голоде противопоставляло полную сладостного квиетизма улыбку Валуева, который говорил, что все это раздутые *cris d'alarme* * и ниоткуда нет оснований предвидеть угрозы голода.

Говорили и о том, что введенное во всех этих губерниях, постигнутых неурожаем, земство, от непривычки ли или от нерадения, застигнуто было врасплох и, потерявши головы, не знало, как начать борьбу с наступившею бесхлебицею, и все это вместе взятое рисовало картину будущего в весьма мрачных красках.

Разными путями эти тревожные вести доходили и до цесаревича. При нем был адъютантом, как я говорил, бывший кирасир П. А. Козлов. Это был с горячею кровью и воспламенительным ко всему доброму и хорошему сердцем прекрасный молодой человек.

Прислушиваясь к этим тревожным известиям, он немедленно возымел мысль — заинтересовать в этом вопросе отзывчивое сердце цесаревича. Это и удалось до такой степени, что в цесаревиче загорелась мысль стать во главе благотворительного предприятия в пользу страдальцев неурожая. Само собой разумеется, что цесаревич с самою искреннею энергиею принялся за немедленное осуществление своей мысли, и вот закипело в Аничковом дворце дело о помощи голодающим... Цесаревич испросил у государя согласие начать это дело. Я написал воззвание в *«Русском Инвалиде»* о пожертвованиях, принимаемых цесаревичем в Аничковом дворце, и деньги стали приливать потоком. В то же время, так как заведование этим делом требовало опытного хозяина, цесаревич пригласил тогдашнего председателя губернской земской управы в Новгороде Н. А. Качалова и пригласил его именно к себе в помощники... Тогда дело, ставши на свои ноги, перешло уже в государственное дело, ибо государь, сочувствуя инициативе цесаревича, поручил ему составить комиссию под его председательством, с приглашением в товарищи председателя генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева, и на эту комиссию возложено было не только заведование поступающими пожертвованиями, но и снабжение хлебом голодающих, которые тут же были названы *пострадавшими от неурожая*...

Вот тут-то приглашение с самого начала такого практически умного человека, как Качалов, и оказалось в высшей степени полезным... Качалов, в свою очередь, прямо сказал цесаревичу, что для успеха дела мало иметь расторопных распорядителей, а надо иметь торгового человека, практически знакомого с делом хлебной торговли, и указал на своего земляка, череповецкого купца Н. А. Милютина. Цесаревич

* крики тревоги (франц.).

немедленно пригласил Милютин, который с восторгом отдался весь этому святому делу. Тогда комиссия выработала с огромною быстротою целый план помощи для нуждающихся в хлебе.

План этот был ясен, прост и весьма разумен.

Главные деятели комитета представили великому князю, что помощь хлебом отнюдь не должна быть даровая; что раздача дарового хлеба гораздо более причинит вреда, чем принесет пользы, так как может приучить крестьян к мысли, что бояться неурожая нечего, все равно накормят и, следовательно, может отдалить его от главной обязанности — работать для приобретения хлеба... По их мнению, цель комитета должна заключаться в том, чтобы нуждающемуся в хлебе населению продавать его по обычной, доступной цене, и везде этою низкою ценою принуждать хлеботорговцев не поднимать цен на хлеб, а продавать его по той же цене, по какой продает его комитет...

Итак, дело выходило сразу огромное: не только поставлять хлеб, но бороться с такими гигантами, как хлебные торговцы, державшие в руках все хлебное дело в России. Цесаревич одобрил все представление комитета и затем поставил вопрос: как это сделать?

Качалов прямо ответил: прежде всего, надо соблюсти весь план действий в строжайшей тайне, дабы до закупок хлеба никто из хлеботорговцев не знал о намерении комитета покупать хлеб, во-вторых, надо все дело закупки хлеба поручить одному лицу, опять-таки для того, чтобы не разгласить дело закупки, также и для того, чтобы единство мероприятий по этой трудной операции могло помочь успеху дела, и, в-третьих, надо немедленно же просить у казны 1 миллион рублей для закупки хлеба на наличные деньги, заимообразно, с тем чтобы после операции осенью этот миллион вернуть казне...

Цесаревич поехал к государю и выпросил этот миллион, затем он призвал к себе Милютин и поручил ему заняться всем делом закупки хлеба. Милютин на другой же день выехал и стал появляться, как из земли выраставшая тень колоссального капиталиста, закупавшего для себя все имеющиеся между Москвою и Петербургом партии хлеба. Тайна и быстрота операций были до того строго соблюдены, что только тогда, когда главная часть партии хлеба была закуплена Милютиным, кулаки-хлеботорговцы вдруг узнали об этих огромных закупках, чуть ли не одновременно в разных местах сделанных.

Цесаревич не любил делать свое дело кое-как или мешкая. Буквально в его комитете кипела работа, и комитет, благодаря не только сильной энергии цесаревича, но и его любви к делу, на него возложенному, творил буквально чудеса.

Но одновременно с этим непосредственное заведование этим делом цесаревичем было причиною последнего часа, пробившего для 7-летней деятельности Валуева на должности министра внутренних дел. <...>

В эту зиму на 1868 год я предложил Цесаревичу устраивать в его честь маленькие беседы за чашкою чая с такими людьми, которые были ему симпатичны и между которыми живая беседа о вопросах русской жизни могла быть для него занимательна. Цесаревич с удовольствием принял это предложение и аккуратно достаивал эти скромные собрания своим присутствием. Беседы за самоваром длились от девяти до двенадцати. К двенадцати подавался ужин. Затем беседа продолжалась до двух часов, а иногда цесаревич так увлекался разговорами, так заинтересовывался вопросами и спорами, что оставался и до 3 часов утра... Собеседниками бывали: К. П. Победоносцев, князь С. В. Уваров, князь Дм. А. Оболенский, князь В. А. Черкасский, граф А. К. Толстой, Н. А. Качалов, Галаган, Катков и Аксаков, когда они бывали в Петербурге, и адъютанты цесаревича. Из этого перечня имен можно видеть, что сходились тут умные люди разных, так сказать, направлений, и именно это различие во взглядах и придавало беседам тот живой интерес спора по вопросам, который так любил цесаревич, любил, как он говорил, по двум причинам: во-первых, потому, что он наслаждался оживлением речи, и, во-вторых, потому, что он, прислушиваясь к этим спорам, с своим здравым, простым и чутким умом составлял себе о вопросах мнение, которого ни в делах, ни в книгах никак нельзя было бы найти...

С благоговейною памятью ко многим, уже давно уснувшим в могиле из тогдашних собеседников, я невольно вспоминаю о том такте, который царил на этих беседах и к коему вдохновляли то обаяние и та любовь, которые к себе внушала прелестная личность цесаревича.

Во имя этого такта никогда вопросы не ставились на почву либерального увлечения, никогда никто не забывал, что присутствие цесаревича обязывало к строгому уважению высшего правительства там, где обсуждались меры его; все имели в сыне отца и отца в сыне...

Но невзирая на то, мне скоро пришлось убедиться с грустью, что в этом, как и во всем, находятся люди, заинтересованные портить подозрениями самое невинное и самое хорошее. Как-то раз, при случайной встрече со мною, граф П. А. Шувалов, с своею тонкою дипломатическою улыбкою, спросил меня: не заходят ли подчас слишком далеко некоторые из моих собеседников в своих политических суждениях?.. Я на это ему ответил, что никогда, и в этом отношении не боялся бы самых чутких ушей какого угодно агента тайной полиции. Несколько времени спустя один очень близкий к государю человек говорит мне, что государю передавали, будто на моих вечерних беседах ведутся неправительственные беседы; на мой вопрос: неужели же государь может верить таким заявлениям? Нет, — отвечал мне этот человек, — но все-таки примите это к сведению... — А самое лучшее, знаете что, —

говорю я ему, — приезжайте сами на такой вечер, послушайте и затем передайте государю ваше впечатление. — Хорошо, — ответил он мне, — и, действительно, он приехал и пробыл целый вечер до 2 ¹/₂ часов.

— Ну, что? — спросил я его. — Я скажу государю, — ответил он мне, — что испытал большое наслаждение и революционных речей не слышал. Благодаря этому наши беседы перестали быть подозрительными.

С конца февраля месяца по средину апреля я пробыл с отцом моим в Ницце, когда к 12 апреля прибыли цесаревич с великим князем Владимиром Александровичем для присутствования при открытии часовни на том месте в бывшей вилле Бермон, где скончался покойный цесаревич. Мне было поручено цесаревичем приготовить ему помещение в гостинице и вообще все, что до его приезда в Ниццу могло относиться, и уезжая, цесаревич с ласковою улыбкою сказал мне, что остался своим походным гофмаршалом вполне доволен. Церемония освящения была сделана елико возможно торжественно, со всеми военными местными почестями. В Ницце цесаревич пробыл около двух дней. Странное действие производит Ницца. Граф Перовский, сопровождавший цесаревича, жаловался на полную бессонницу с минуты, как он приехал в Ниццу, я же с утра до вечера испытывал небывалую сонливость.

К концу апреля я вернулся в Петербург.

6-го мая у цесаревича родился первый сын в Царском Селе, в Александровском дворце.

В третьем часу дня я вошел в его кабинет, ожидая его появления с понятным волнением. Дверь отворилась, и он вошел, буквально сиявший счастьем. Выразительным в своих чувствах он никогда не был, но на этот раз счастье, так сказать, насильно вырывалось наружу, и не забуду того выражения, того звучного сладостного тона, с которым он сказал мне: если бы вы могли понять мое счастье, вы бы, пожалуй, позавидовали мне. Цесаревич предложил мне поехать с ним прогуляться в Павловск... По обыкновению, он сел на козлы в свой английский экипаж, чтобы править самому, а я сел рядом, и мы отправились в Павловск... Павловский парк был любимым местом гулянья цесаревича и его покойного брата с самого раннего детства...

С каждым уголком, с каждою аллеєю было связано какое-нибудь детское воспоминание. — День был прелестный, майское солнце грело весело и тепло, на душе счастливого отца было так легко, так весело, что мне казалось, слушая его поэтические воспоминания, его привольные излияния молодой наслаждающейся души, что его речи сливались с пением обрадовавшихся весне птичек в один аккорд...

Это поэтично счастливое настроение духа у цесаревича продолжалось все лето и переселилось в Петергоф, куда, после поправления цесаревны, совершился переезд в июле... <...>

1871 год

Осенью этого года я начал серьезно собираться издавать журнал «Гражданин». <...>

Затем я поговорил о моем намерении с цесаревичем. Он смотрел иначе на это дело, чем относились к нему при дворе. Он прямо мне сказал, что признает это дело хорошим и полезным и вполне ему сочувствует.

— Если печать имеет вредное влияние на нашу жизнь, — сказал мне, между прочим, цесаревич, — то надо надеяться, что она может тоже приносить пользу.

Но при этом я сказал цесаревичу, что меня смущает одно: это мысль, что все меня будут ругать и что тогда явится вопрос: не будет ли это ему неприятно ввиду тех отношений, которые судьба между им и мною создала?..

На что цесаревич мне ответил: когда человек честно исполняет свой долг, какое мне дело до того, ругают ли его или хвалят. <...>

1873 год

1873-й год в моей жизни был годом достопамятным. В этом году прекратились мои отношения к цесаревичу, и я, как говорили тогда в придворных кругах, сломал себе шею. <...>

Главную причину тех ссор, которые привели к печальной развязке наши 12-летние отношения, было то, что, по словам Данте, мостит подземелья ада, — добрые намерения, но, к сожалению, никогда не соображаемые с тем придворным миром, где я имел только двух доброжелателей, цесаревича самого и его адъютанта П. Козлова, и постоянно это забывал с весьма неблагоразумною беспечностью. В 1873 году меня глубоко потрясло событие, вследствие которого я лишился второго своего доброжелателя и союзника; это внезапно поразившая П. А. Козлова душевная болезнь, под гнетом которой, для меня незаметно, характер мой, вероятно, еще более стал беспокоен и раздражителен. С тою или другою политическою или общественною заботою минуты в душе, я продолжал разные идеальные желания предъявлять к цесаревичу, конечно, недостаточно соображая, что в его положении многое, что мне могло казаться ожиданием от него естественным, должно было быть подчинено тысячам условий такта, политики и т. д., и вот откуда исходили постоянные недоразумения; то я плакался, то вступал в самозванную роль советника, то расточал упреки, то видел и чуял интриги, и в конце концов расходился так, что один из многих шквалов превратился в ураган, и мой одинокий челн разбился о камни, которые я сам себе на своем узком и скалистом фарватере громоздил.

В эту критическую минуту я мог себе сказать: поделом, и почти сказал себе это, ибо натура, характер и душа цесаревича были такими, что всегда можно было быть выслушанным и понятым, избегая битья стекол и не насилюя его отзывчивой на все хорошее и благородное прекрасной души. Я натянул струну, и она порвалась.

Я помню последний вечер, проведенный у меня цесаревичем в эту печальную для меня зиму. Он приехал в 9 часов и пробыл до 5 часов утра, до такой степени он интересовался оживленною беседою, кипевшею вокруг него.

Когда в шестом часу утра цесаревич сказал: однако пора и честь знать, я суеверно почувствовал, что этот поздний час никем не будет мне прощен и что эта ночь была для моих собраний лебединая песнь. Оно так и случилось. Дышавшей жизнью беседе цесаревича с единомышленниками о России дан был смысл политической сходимости, и это подбавило масла в огонь против меня моих многих недоброжелателей.

Через несколько месяцев, увы, я получил свою отставку или, вернее, свой бессрочный отпуск. Говорю: бессрочный отпуск, ибо в конце года я имел удовольствие получить доказательства, что доброго своего расположения ко мне цесаревич не переменял. Однажды, когда обо мне заговорил с ним один из моих немногих доброжелателей, цесаревич спросил: ну, что он делает? А когда тот ответил, что грустит по вас, он улыбнулся и сказал ласковым голосом: пусть придет когда-нибудь...

Тут настала опять трудная психическая для меня минута.

Важность этого психического момента для меня, очевидно, заключалась в вопросе: должен ли я был или не должен я был воспользоваться милостивым зовом цесаревича, как удобным случаем для попытки возобновить прерванные отношения? Совесть, разум и сердце мне сказали: нет, и я с грустною покорностью подчинился их велениям. Как ни странно, но всего сильнее заговорило сердце. Эти несколько месяцев положения, в котором я и на свое прошлое, и на дорогой мне Аничков дворец мог глядеть только уже со стороны, как чужой, дали мне возможность спокойно обсудить две вещи: во-первых, самого себя по отношению к цесаревичу и, во-вторых, цесаревича как личность. Первое привело меня к неумолимому приговору над самим собой за все, что прежде я в себе, благодаря пребыванию в придворном мире, не успевал достаточно заметить и что теперь ясно разглядел: скверный характер мой обрисовался мне со всех его сторон и во всех его подробностях; причем я должен был и осудить, и обвинить себя в том, что мое самомнение в связи со скверным характером должны были *à la longue* * превратить меня в бремя для цесаревича. А второе — оценка личности цесаревича, когда я мог ее делать издали и со

* в конце концов (франц.).

стороны, скажу откровенно, так его ставила высоко, что главною сердечною заботою человека, преданного цесаревичу, но с отвратительным характером, должно было быть опасение и страх, как бы не приносить собою вред этой личности.

Теперь, когда все это стало давним прошлым, когда взглядом старика я гляжу на это прошлое совсем спокойно, я говорю себе: пригодилась ли кому-нибудь или чему-нибудь моя жизнь, — не мне об этом судить, но одно только могу сказать по отношению к описываемой мною теперь тогдашней минуте: Бог дал мне полюбить цесаревича настолько свято, что я мог свою мизерную личность тогда подчинить этому чувству, чтобы не предпочесть отрады его видеть и быть с ним в общении риску своим дурным характером ему приносить вред. <...>

И уже много лет спустя, когда мне пришлось заговорить об этом именно прошлом с хозяином Аничкова дворца, я имел отраду узнать от него, что он одобрял тогдашний мой образ мысли и действия. <...>

1880 год

Разумеется, взрыв динамита в Зимнем дворце сопровождался взрывом негодования и ужаса не только в Петербурге, но во всей России. Все поняли, что даже жилище царя, подобно улице, подобно полотну железной дороги, подвержено неумению охранять от горсти преступников правительственными слугами...

Увы, вправе был это понять прежде всего государь...

Только несколько месяцев назад вступили в свои диктаторские права новые генерал-губернаторы, и, между прочим, генерал-губернатор в Петербурге, и в результате три покушения на железной дороге и одно в Зимнем дворце, в течение 4 месяцев. Вопрос: что делать? — был у всех на уме и на устах. Он явился и у государя...

В ответ на этот вопрос учредились во дворце великого князя Константина Николаевича, по повелению государя, совещания из министров, для обсуждения темы: какими мерами остановить несомненно возрастающий успех крамолы... Совещание это получило громадное значение исторического события, но значение это было роковое...

Кроме министров в нем принял участие и цесаревич Александр Александрович.

После открытия этого совещания несколькими вступительными словами председателя, начался обмен мыслей. Мысли эти не выражали ничего нового, вращаясь в сфере разных полумер, перебивавших уже в головах министров на всех прежних совещаниях. К тому же совещание стояло перед тем действительным фактом, что, по-видимому, все возможное было сделано для противодействия крамоле: учреждены были с неограниченною почти властью генерал-губернаторы;

губернаторам даны были тоже усиленные полномочия: все политические преступления отданы были под военный суд; все пружины и струны строжайшего полицейского надзора доведены до тахитим'а напряжения... Что же еще оставалось делать?.. Поднят был снова вопрос об отношениях школы к крамоле, но, во-первых, граф Толстой, тогдашний министр народного просвещения, уверял, что им приняты были все нужные меры к прекращению зла, а во-вторых, время ли было в такую острую минуту, когда действовать надо было немедленно — приступать к сложному вопросу пересмотра нашей системы и наших учреждений народного образования.

Тем не менее, прижатое к стене возложенным на него государем поручением, совещание посвятило себя обсуждению разных мероприятий, предлагавшихся министрами и имевших характер усиления надзора, охраны и проявлений власти, но, к сожалению, как тогда говорили скептики, и весьма основательно, ничего не предвещавших, кроме усиления переписки и пререканий между разными ведомствами...

Вот в эту-то минуту, когда, казалось, исчерпаны были в головах государевых советников все меры, по их мнению, способные улучшить беспомощное положение правительства, раздался голос наследника цесаревича.

Тогда-то и наступила та важная историческая минута, про которую я сейчас сказал...

Голос наследника раздался потому, что он один был внутренне не согласен с тем, что говорилось около него, и он один признавал жизненную правду во всей ее печальной наготе.

Когда председатель совещания обратился к наследнику цесаревичу, молчливо слушавшему все происходившие обмены мыслей, с вопросом об его мнении насчет всего, в совещании проектированного, цесаревич сказал, что он не ожидает особенного успеха от предложенных мероприятий, так как видит, что главное зло, мешающее правительству быть действительно сильным в борьбе с крамолой и, вообще, с беспорядками, заключается, по его мнению, не в отсутствии мероприятий, которых очень много, а в разрозненности ведомств между собою, в отсутствии солидарности между ними, во внутреннем разладе между ними и что вследствие этого он полагает, что единственная мера, которая могла бы положить конец такому печальному порядку вещей, есть подчинение всех ведомств одному руководителю, ответственному перед государем в данную минуту за восстановление порядка, с тем чтобы по всем вопросам государственной внутренней безопасности министры обязаны были действовать сообща, подчиняясь воле одного лица. Таков был приблизительно ответ цесаревича.

Нужно ли говорить, что этот голос наследника престола, столь прямо и столь мудро указавший на главное больное место всего нашего тогдашнего строя, всех поразил своею неожиданностью. Нужно ли

прибавлять, что в то же время главная мысль этого мнения пришлось не по вкусу всем поразившимся им министрам и создала общую министерскую гримасу.

Но искренним, как всегда, оказался только председатель, великий князь Константин Николаевич. Разделял ли он мнение своего племянника или не разделял, никто знать того не мог, но, восприимчивый и умный, он сразу стал на подобавшую этой минуте патриотическую высоту.

Выслушав мнение наследника престола, великий князь сказал, что так как мысль его царственного племянника выходит по своей сущности из предоставленных ему государем полномочий, то он не считает себя вправе ее подвергать обсуждению, но в то же время считает своим долгом ее повергнуть на благоусмотрение государя и надеется, что цесаревич не откажется со своей стороны эти мысли высказать своему державному родителю. На это цесаревич ответил, что он принимает на себя эту обязанность.

И действительно, как цесаревич, так и великий князь Константин Николаевич при докладе его величеству о протоколах совещания довели до сведения государя и о мысли, высказанной наследником в совещании...

Государь ее признал не только достойною внимания, но требующею немедленного осуществления. <...>

В известных кружках тогда говорили, и не без основания, что в минуту, когда явилась мысль Цесаревича, требовавшая для ее осуществления особенно достойного лица, — выбор такого лица между тогдашними государственными людьми был более чем затруднителен, вследствие отсутствия такой выдающейся личности; прибавляли также, что само выделение из среды государственных лиц одного, для возложения на него диктаторских полномочий, было в принципе неудобно и практически неосуществимо в смысле полезности, ибо должно было вызвать в призванных подчиниться ему министрах завистливые и неискренние отношения, и что вследствие этого самым естественным и правильным казалось тогда эту диктатуру возложить на то единственное лицо в России, которое по своему положению могло стать выше всех, не возбуждая ни в ком зависти, то есть на самого Цесаревича. Но мысль эта государю не пришла. <...>

ПИСЬМО ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Ваше Императорское Высочество Милостивейший государь,

Дозвольте мне иметь честь и счастье представить вниманию Вашему труд мой. Это — почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не случайность, не единичны, а потому и в романе моем нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы, ибо раз с *гордостью* назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного *высокомерия* о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так «высокомерны» в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и *высокомерно* самостоятельными.

Так думать у нас теперь и высказывать такие мысли значит обречь себя на роль пария. А между тем главнейшие проповедники нашей национальной самобытности с ужасом и первые отвернулись бы от нечаевского дела. Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развившейся от отцов к детям,

я и хотел выразить в произведении моем. Далеко не успел, но работал совестливо.

Мне льстит и меня возвышает духом надежда, что Вы, государь, наследник одного из высочайших и тягчайших жребиев в мире, будущий вожатый и властелин земли Русской, может быть, обратите хотя малое внимание на мою попытку, слабую — я знаю это, — но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамообытной, но до сих пор еще остающейся во главе русской жизни.

Позвольте мне, всемилостивейший государь, пребыть с чувствами беспредельного уважения и благодарности Вашим вернейшим и преданнейшим слугою.

Федор Достоевский. 10 февраля 1873 г.

ИЗ ПИСЬМА П. В. АННЕНКОВУ

Суббота. 8-го ноября/27-го окт<ября 18>79 г. <...> Недавно за завтраком у Орлова познакомился с цесаревичем и его женой. Он мне понравился: чистое и открытое лицо. А впрочем...

М. И. Семевский

ВСТРЕЧА ТУРГЕНЕВА С АЛЕКСАНДРОМ III

Будучи еще наследником, Александр III приехал со своей молодой женою Марией Федоровной в Париж. Он неоднократно посещал русского посла во Франции, графа Орлова. Узнав о том, что в Париже в это время находится столь популярный в России и за границей И. С. Тургенев, Александр III пожелал с ним познакомиться.

Граф Орлов сообщил об этом А. В. Топорову, по настоянию которого Тургенев согласился встретиться с будущим российским императором.

У графа Орлова был устроен «чай». Тургенев нарядился в сюртучную пару и отправился к графу Орлову. Встреча Александра с Тургеневым происходила в одном из зал русского посольства.

Наследник с женою приехал к графу Орлову несколько раньше И. С. Тургенева. Обменялись рукопожатиями. Уселись. Вначале разговор не клеился.

Наследник заговорил первым.

— У вас, Иван Сергеевич, два отечества — Россия и Франция. И в том, и в другом отечестве вас хорошо знают.

Тургенев был почему-то смущен.

М. И. Семевский. Встреча Тургенева с Александром III

— Я читал ваши охотничьи рассказы, — продолжал далее наследник, — видно, вы хорошо знаете крестьянскую жизнь, а также природу. Собираетесь ли вы обратно в Россию?

В ответ Тургенев что-то пробормотал. Разговор еще продолжался около пяти минут.

И. С. Тургенев рассказывал после этого, что наследник произвел на него впечатление очень посредственного человека.

В беседе принимала также участие великая княгиня. Она объяснялась с Тургеневым по-французски. А. В. Топоров передавал, какое впечатление произвела княгиня на писателя.

«Она, — рассказывал Тургенев, — сыпала фразу за фразой, торопилась, задавала нелепые вопросы и перескакивала с предмета на предмет, не высказав ни одной стройной мысли. Она, как наивная институтка, спросила, между прочим, меня, почему я не пишу свои произведения по-французски. На это я ответил ей дословно следующее: „Как русский человек, воспроизведя кого-либо, я ставлю себя на его место, как бы я сделал сам, но в шкуру французу как бы я мог взойти...“»

Беседа великой княгини с Тургеневым также продолжалась не более пяти минут. Затем на 4 персоны был сервирован стол. Пили чай.

Выходя на улицу из посольского дома, Тургенев покался и очень пожалел об этой встрече.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ III

В ноябре 1897 года исполнилось 25 лет со дня первого собрания «Общества любителей духовой музыки», которое было основано в 1872 году по желанию покойного государя Александра Александровича и которое называлось в то время «хором наследника цесаревича Александра Александровича».

Его величество изволил лично участвовать в этом музыкальном кружке в продолжение девяти лет вплоть до своего восшествия на престол, после чего этот хор продолжал существовать, но был переименован в «Общество любителей духовой музыки». <...>

Мысль об основании музыкального кружка появилась у его высочества не вдруг; она созревала в нем постепенно, по мере того, как возрастала в великом князе любовь к музыке. Я был свидетелем, как постепенно развивался в цесаревиче музыкальный вкус, как выростала в нем потребность пополнить наш в то время маленький репертуар для духового септета более серьезными пьесами, как наконец появилось у его высочества желание участвовать в большом духовом, медном, оркестре.

Наш скромный медный септет, собиравшийся в самом начале (1869 г.) в числе девяти человек у наследника цесаревича, конечно, не мог передать того, чего желал его высочество: исполнение серьезных, грандиозных пьес было нам не под силу, для того требовался больший состав оркестра. <...>

В 1869 году вместе со мною в Преображенском полку служили трое принцев Ольденбургских: Александр, Георгий и Константин Петрови-чи. Первый и третий играли на медных инструментах, а второй на виолончели. Узнав, что я играю на скрипке, принц Георгий Петрович не раз высказывал мне свое желание поиграть струнные квартеты. Как-то раз мы с ним решили об этом более уже не говорить, а прямо приняться за дело.¹ <...>

В назначенные дни мы все собирались у его высочества во дворце и по целым вечерам с увлечением музицировали в большой белой зале. Пьесы аранжировались для такого оригинального оркестра по специальному заказу, так что их выбор был всегда очень хороший. <...>

Эти веселые музыкальные собрания были единственными в своем роде; мы все были тогда еще молоды, беззаботны; здесь сходилась музыкальная молодежь из лучшего общества; здесь знакомились, сближались между собой. <...>

Весть о наших симпатичных собраниях дошла до наследника цесаревича; его высочество выразил желание послушать нашу игру, и в один из назначенных вечеров прибыл во дворец принца, захватив с собой на всякий случай корнет. Видя, что кроме участвующих никого более в зале не было, великий князь подсел к медным инструментам, вынул из ящика корнет и промузицировал вместе с нами весь вечер. Его высочество явился на этот вечер не новичком в деле совместной игры; еще до того времени цесаревич игрывал квартеты с покойным наследником цесаревичем Николаем Александровичем, генералом Половцовым, Вурмом и Тюрнером.

Игра в большом оркестре понравилась цесаревичу. В один из последующих вечеров его высочество сыграл на корнете с аккомпанементом оркестра маленькую арию из оперы «Фауст» Гуно; а после ужина, когда мы, по обыкновению не вставая из-за стола, пели по нотам известные квартеты из Liedertafel², великий князь, сидя рядом с бароном Владимиром Александровичем Фредериксом, очень твердым певцом, пел вместе с ним партию 2-го тенора. Известный квартет Härtel'a «Ich grüsse dich»³, вещь полная вдохновения, осталась на всю жизнь любимым квартетом великого князя. Этот квартет был аранжирован, по его желанию, на все лады: и для септета, и для большого медного оркестра; каждый раз, вспоминая о нем, цесаревич начинал слегка его напевать, а на его лице можно было прочесть воспоминание чего-то хорошего, мягкого, выливавшегося прямо из глубины души.

Наши музыкальные вечера продолжались не особенно долго: они были нарушены безвременною кончиной принца Георгия Петровича Ольденбургского, одного из самых мягких и добрых людей, которых я когда-либо встречал. Неожданность события поразила наш тесный кружок более, чем кого-либо; несколько дней тому назад мы видели его в самом жизнерадостном настроении; принц играл с нами с увлечением, был здоров и весел.

Наследник цесаревич не мог оставаться долго без музыки, к которой все более и более привязывался. Его высочеству захотелось поиграть септеты для медных инструментов. Это желание проявлялось в особенности по веснам, которые великий князь проводил обыкновенно в Царском Селе.

В числе постоянных участников септета были следующие лица:

Наследник цесаревич. корнет.

Принц Александр Петрович Ольденбургский. альтгорн.

Граф Адам Васильевич Олсуфьев. корнет.

Граф Александр Васильевич Олсуфьев. корнет.

Генерал Михаил Викторович Половцов. альтгорн.
Я. бас.

Кроме нас, любителей, его высочество приглашал еще трех артистов: Шрадера, Тюрнера и Бергера. В позднейшее время примкнул к нашему септету барон Александр Егорович Мейендорф (альтгорн).

Проводя раннюю весну в Царском Селе, его высочеству, как я упомянул выше, вдруг приходило желание поиграть на чистом весеннем воздухе; нам рассылались телеграммы, и мы все являлись в Царское Село. Для игры мы устраивались обыкновенно в саду, где-нибудь в тени. Медные инструменты звучали на воздухе мягко; прохожие и проезжие останавливались и прислушивались к звукам. Это тешило великого князя, а нас заставляло лучше играть. Но иногда во время игры появлялись вовсе не желанные слушатели: нас сильно заедали комары. Живо припоминаю один очень жаркий день, когда нам пришлось от них плохо; нам было жутко и в то же время смешно, когда во время исполнения какого-то *adagio* не переставали раздаваться удары, один другого звучней, то по лбу, то по затылку, которыми мы убивали неслыханных музыкантов, освобождая для того каждый раз, не более как на одно мгновение, левую руку. Цесаревна и принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская смеялись от души при виде наших мук, которые мы добровольно на себя налагали. Это *adagio*, которое нам казалось бесконечным, имело решающее значение — наши затылки до того вспухли от укусов, что мы были принуждены забрать пюпитры и войти в комнаты. <...>

В то давно прошедшее время наследник цесаревич командовал 1-й гвардейскою пехотною дивизией. Приезжая на несколько дней в Красное Село для учения и смотров, его высочество собирал по вечерам наш маленький кружок. <...> Вечером мы вместе с принцем Александром Петровичем Ольденбургским отправились в Красное Село к наследнику цесаревичу. В то время был период царских смотров, так что и покойный государь Александр Николаевич жил тоже в Красном Селе. Во время нашего отдыха между игрой вдруг с шумом открывается дверь и врывается в комнату черный сеттер государя Милорд. Цесаревич промолвил, что вероятно к нам идет государь император. Мы побросали папироски, привели себя в должный порядок и машинально, точно по команде «разбирай ружье», взялись за инструменты, которые лежали по столам и стульям. Великий князь Владимир Александрович, сидевший тут же в комнате с графом Владимиром Петровичем Клейнмихелем, встал и вместе с цесаревичем направился навстречу к государю.

Его величество подошел к нам и с самою добродушной улыбкой, чрез которую проглядывало не особенно большое доверие к искусству участвующих, просил нас что-нибудь сыграть. Мы все, не исключая и цесаревича, сконфузились и засуетились. Один предлагал сыграть

одну пьесу, другой другую, перелистывая тетрадь то вправо, то влево, и наконец, в суматохе, точно нарочно порешили сыграть пьесу вовсе некрасивую, которая к тому же нам плохо удавалась. Мы ее играли и в то же время раскаивались в неудачном выборе; это был старый немецкий полонез, который часто играется музыкантами, шляющимися по петербургским дворам. Во время нашей игры государь не переставал добродушно улыбаться, а когда мы кончили, то его величество сказал: «Ну, неважно; могло бы быть лучше». За нашу робость и неумение показать товар лицом мы получили от государя то, что на этот раз заслужили, а между тем у нас было немало пьес, которые звучали стройно и красиво. <...>

Желание цесаревича организовать большой медный оркестр надо отнести к лету 1872 года; первая же вербовка членов графом Олсуфьевым совокупно со мной происходила осенью того же года.

Самый стройный медный квартет мы нашли в л.-гв. егерском полку: трое братьев Базилевских и поручик Суворов показали нам свое искусство полностью. <...> Основные силы, так сказать, ядро для будущего оркестра было найдено. Егеря-молодцы указали нам те пути, по которым мы уже доходили в дальнейших наших поисках до талантов, скрывавшихся в других гвардейских полках.

Таким образом был составлен довольно обширный список могущих участвовать; оставалось только доложить наследнику и назначить первое собрание.

Большую залу морского музея в здании адмиралтейства одолжил нам безвозмездно и с освещением морской министр адмирал Краббе, предложив нам вместе с тем выбрать любой день на неделе. Цесаревич выбрал четверг; этот день не менялся вплоть до 1881 года, когда номинально «хор цесаревича» перестал существовать. <...>

Итак, наши четверги начались. Оркестр был исключительно медный с прибавлением одного контр-баса (на котором играл ротмистр Дмитрий Антонович Скалон) и турецкой музыки. Цесаревич приезжал аккуратно каждый четверг к 8 часам и своим личным примером приучил и нас всех быть такими же аккуратными.

Обыкновенно к 8 часам все уже были в сборе и ожидали приезда великого князя, который всегда отсылал свой экипаж обратно во дворец и приказывал приезжать за собой к полуночи. Он входил в залу всегда с сияющим лицом, высказывал свое удовольствие, когда не было отсутствующих членов кружка; его высочество любил, чтобы все были бы налицо, чтоб оркестр был бы сильный, могучий. Мы это знали, а потому старались меняться в полку дежурствами, отговаривались от всяких родственных и других собраний, только ради того, чтобы не пропустить музыкальный вечер.

У генерал-лейтенанта Адельсона и графа Олсуфьева сохранены собственноручные записки цесаревича, которые он писал в тех случа-

ях, когда по каким-нибудь, не зависящим от его высочества причинам, он не мог прибыть в наш кружок или когда музыкальный вечер, назначенный в Аничковом дворце, приходилось откладывать до другого раза. По этим письмам можно видеть, что пропустить какое-нибудь одно собрание было уже большим лишением для цесаревича. Так, например, в одной записке его высочество пишет: «К сожалению, мы так давно не играли»; в другой: «К великому огорчению, вечер придется отложить». <...>

Его высочество исполнял в кружке партию самого низкого баса на очень большом медном инструменте геликоне, в который надо было сперва влезть головой, а уже потом положить его на плечо. Великий князь заказал себе инструмент особенно больших размеров, потому что в геликоны обыкновенных размеров ему было трудно влезать. Этот инструмент своей тяжестью до того сильно давил на левый погон скюртука, что цесаревич перед игрой обыкновенно снимал скюртук и заменял его пиджаком, который оставался тут же в музее. <...>

В самом начале оркестром дирижировал Беккель, помощник заведующего хорами гвардии; после его смерти его заменил Шрадер; в позднейшее же время заведование перешло к Вурму, заведующему хорами гвардии, а Шрадер, как чудный корнетист, стал исполнять партию 1-го корнета.

Недостатка в хороших пьесах не было; выписанные из-за границы партитуры живо перекладывались на наш состав: потом аранжировались новые серьезные пьесы. Я сам увлекался аранжировками и бывало, сидя где-нибудь в карауле, работал там над пьесами, которые часто были мне указаны самим цесаревичем.

Таким образом в нашем репертуаре появились композиторы серьезные как, например, Бетховен, Глинка, Шуман, Вагнер, Мейербер и др. Все увидели, что эта музыка требует мягких губ, изящного исполнения; все начали стараться насколько могли и были в полном восхищении, когда какая-нибудь трудная пьеса удавалась. Я ни разу не замечал, чтобы великий князь выказывал бы малейшее нетерпение во время скучного, но необходимого разучивания пьес. Напротив того, он был всегда рад, когда Вурм добирался до басов и проходил с ними отдельно их партию. В таких случаях его высочество всегда бесприкословно и с большим терпением исполнял все требования дирижера, который относился к басам не менее требовательно, чем к другим голосам.

Сильный инструмент цесаревича гудел на всю залу и заглушал все остальные басы. Великий князь знал это качество своего геликона, а потому не щадил своих сил. Наконец музыкальная фраза, не дававшаяся басам, разучена; Вурм оставляет их в покое, а мы все громко хором высказываем басам одобрение: «браво, басы, брависсимо, басы». Басы устали, басы горды, басам дается отдых, и они, вполне доволь-

ные собой, закуривают папироски. Но иногда цесаревич, улыбаясь, скажет Вурму: «Что же это вы, Василий Васильевич, все пристаёте к басам; проберите лучше третьи корнеты, там что-то не совсем ладно». Все дружно со смехом подхватывают замечание его высочества; дело в том, что около партии третьего корнета пристроились не особо твердые генералы. Теперь настает публичная попытка третьим корнетам, окончание которой тоже встречается общим браво. <...>

Кроме наследника цесаревича, из высочайших особ членами нашего кружка состояли трое принцев Ольденбургских, Николай, Александр и Константин Петровичи. Хотя наш кружок имел чисто военный характер, но в виде исключения были приняты в число членов некоторые и не военные лица, лично известные великому князю, как, например, А. А. Волков, П. К. Альбрехт, князь А. А. Прозоровский-Голицын, В. Е. Бок, И. И. Горбунов, Н. А. Вонлярлярский, А. А. Александров и артисты, участвовавшие в нашем первоначальном септете. В один из зимних сезонов был введен в наш кружок американец N. N., приехавший в Петербург концерттировать. Этот артист обладал такой феноменальной беглостью, даже виртуозностью на корнете, что трудно было себе вообразить что-нибудь подобное; я даже не подозревал, что на корнете можно исполнять скрипичные пассажи с беглостью, не уступающе хорошему скрипачу. Мы все были поражены его игрой; а наш кружок так ему понравился, что он играл с нами целых два месяца, потешая нас своими оригинальными выходками чисто американского характера. В оркестре он оказался самым неутомимым и полезным деятелем. С моноклем в глазу, он напоминал своими жестами и приемами скорей циркиста с бичом в руках. Он носил какой-то американский орден, изображавший локомотив.

По окончании сезона цесаревич прислал ему на память ценный перстень. На первом же собрании N. N. подошел к великому князю, сам взял его высочество за руку, сердечно ее пожал в знак благодарности и сказал: «I thank you very much for the ring; the jeweller told me that the ring costs four hundred rubles; I am very obliged to you» *.

Добродушная и наивная практичность американца не могла не вызвать улыбки на лице цесаревича, который после его удаления вполголоса сказал: «Какой оригинал».

На наших собраниях время было распределено таким порядком: с 8 до 10-ти — игра, с 10 до 10¹/₂ — чай, с 10¹/₂ до 12 — опять игра; в 12 часов ужин, а во втором часу все разъезжались. Его высочество всегда оставался с нами ужинать. <...>

Однажды, за ужином, кто-то рассказал, что у артиста Александрова, постоянно игравшего с нами, украли все его имущество из его квар-

* Очень благодарен вам за кольцо; ювелир сказал мне, что оно стоит четыреста рублей; вы меня крайне обязали (англ.).

тиры в то время, когда он был на службе в театре. Его высочество сейчас же подал благую мысль ему помочь и собственноручно пометил на листе бумаги ассигнуемую им сумму. За ним подписались все остальные члены. Когда же Александров увидел поданный ему подписной лист, то он был очень тронут вниманием цесаревича и членов кружка к его несчастью. Цесаревич же был доволен тем, что его мысль так быстро и удачно была приведена в исполнение. <...>

Раз в месяц весь наш кружок собирался в Аничковом дворце у ее высочества. Выходило так, что три четверга подряд мы играли в адмиралтействе, а четвертый четверг во дворце. Пьесы, назначенные к исполнению во дворце, разучивались весьма тщательно. На этих вечерах во дворце все были в сюртуках с погонами, а цесаревич, по своему обыкновению, в тужурке и белом жилете. Приглашенных на эти музыкальные собрания было всегда немного, человек шесть—восемь, и то все приближенные их высочеств. Эти вечера устраивались для цесаревны Марии Федоровны, которая с тех пор, как наш первобытный септет преобразился в большой оркестр, была лишена возможности послушать музыку, в которой участвовал великий князь.

Весьма часто приезжал нас послушать государь император Александр Николаевич. В эти вечера мы были по обыкновению в сюртуках с погонами; но цесаревич к приезду его величества надевал тоже сюртук, который тотчас же по отъезде государя снова заменялся тужуркой — любимым одеянием его высочества. В продолжение вечера государь многократно выходил к нам в залу из покоев цесаревны, расположенных возле этой залы. Его величество слушал нашу игру, иногда просил исполнить его любимые пьесы; во время же нашей игры не переставал с улыбкой следить за своими тремя свитскими генералами, подвизавшимися на турецкой музыке.

Покойный великий князь Николай Николаевич Старший несколько раз исполнял в оркестре на этих вечерах партию маленького барабана, его высочество выбивал дробь отчетливо и красиво. В наш кружок попал маленький барабан, привезенный мною из похода в Турцию в 1877 году; я его добыл в городе Софии. Думал ли тот мастер, который его делал в Турции для турецкой армии, что его барабан попадет в Аничков дворец и что на нем будут играть наши великие князья.

На этих вечерах государь был всегда в духе, разговаривал с некоторыми из наших членов, хвалил нашу игру, а меня однажды даже похвалил за аранжированную мною пьесу из Оберона. <...>

Как-то раз цесаревич передал нам желание его родительницы, государыни Марии Александровны, послушать нашу музыку у нее в Зимнем дворце. Великий князь волновался не менее нас; мы начали серьезно готовиться к концерту.

В назначенный день весь наш кружок собрался в Зимнем дворце в гостиной императрицы. Ее величество отнеслась к нам очень при-

ветливо, подошла к самому оркестру, рассматривала ноты, расспрашивала о нашем кружке и не оставила без особенного внимания great attraction нашего кружка — турецкую музыку.

Концерт прошел благополучно, хотя резонанс, при обилии в гостиной мягкой мебели, не был так хорош, как в пустой зале адмиралтейства. <...>

Вспоминая некоторые эпизоды из прошлого, чтобы дать хоть небольшое понятие о нашем музыкальном кружке, об отношениях к нему наследника цесаревича и вообще всей царской семьи, я не могу умолчать о том, как однажды на одном из вечеров во дворце цесаревна Мария Федоровна нас поразила музыкальной памятью. Мы играли «Frühling's Erwachen»⁴ Баха; сыграли эту пьесу как будто хорошо; но цесаревна подошла к оркестру и заметила цесаревичу, что самый конец пьесы передан нами не совсем верно. И действительно, тот, кто аранжировал эту пьесу, не обратил должного внимания на характер конца; он вышел в нашем исполнении грубый, тяжелый, тогда как у Баха в оригинале он был мягкий, изящный. Во всяком случае ее высочеством была замечена музыкальная тонкость, доступная далеко не всем.

Вечера в Аничковом дворце всегда оканчивались роскошным ужином, которым угощал радушный хозяин своих музыкальных коллег.

С наступлением весны и с переездом цесаревича в Царское Село музыкальные собрания назначались уже не в адмиралтействе, а в Царском Селе. Наши поездки туда всем кружком принадлежат к лучшим воспоминаниям того времени. Мы приезжали туда обыкновенно к часу; в ожидании завтрака мы, как дети, вырвавшиеся после зимы на волю, тешились находившимися в большой зале дворца игрушками августейших детей цесаревича. Все это делалось при его высочестве: одни катались на детских велосипедах, другие, стоя, скользили вместе с великим князем с деревянной горы, устроенной тут же в зале. Затем следовал завтрак, после которого начиналось сыгрывание. От 5-ти до 6-ти часов предпринималась прогулка пешком по парку, во время которой молодежь иногда состязалась с американцем N. N. в скороходном шаге; обогнать его этим аллюром, несмотря на его маленький рост, было невозможно; ловкий янки шагал чуть не саженями.

В 6 часов был сервирован обед, а после него следовала прогулка уже в экипажах. Цесаревич давал нам свои самые фантастические экипажи; мы катались по паркам и приезжали к 8-ми часам в Павловск на музыку. Сначала публика недоумевала и никак не могла понять, зачем возят в царских экипажах такой пестрый букет из самых разнообразных форм, между которыми были и прапорщики, и генералы, и цилиндры. Для нас выбегали караулы, офицеры становились во фронт, штатские снимали шляпы; все предполагали, что между нами непременно должен находиться кто-нибудь из царской фамилии. Мы

всегда сажали на самое видное место генерала Половцова; он брал на себя труд откланиваться за всех направо и налево. В 9¹/₂ часов вечера все были снова в сборе во дворце, и музыка продолжалась до ужина. Экстренный поезд только с одним прицепленным вагоном привозил нас в Петербург уже на рассвете. В вагоне мы вынимали наши инструменты и играли наизусть марши. <...>

В течение всего периода существования нашего кружка (1872–1881) у нас было два перерыва музыкальных занятий: один по причине серьезной болезни цесаревича, а другой во время турецкой войны (1877 г.). Смело можно сказать, что во всей России не нашлось бы ни единого человека, который скорбел бы так сильно о захворавшем великом князе, как мы, члены нашего кружка. Кто знает тот психологический факт, что музыка в состоянии усиливать симпатию к людям, что музыка есть цемент, весьма часто связывающий людей, тот вполне поймет мою мысль. Живо припоминаю первый приезд цесаревича после тифа в наш кружок. При виде его бледного, похудевшего после болезни лица, у меня сжалось сердце; но его прежняя приветливая улыбка и ясность взора немного сгладили во мне первое тяжелое впечатление. Когда же цесаревич заиграл на своем геликоне с прежнею силою, тогда я воочию уверовал в его полное выздоровление. <...>

Мне остается еще вспомнить о тех редких случаях, когда наш замкнутый кружок переставал быть таковым и когда мы выступали на суд публики.

Наш первый концерт был весьма скромный; его даже нельзя назвать концертом, — это была скорей генеральная репетиция той программы, которая должна была исполняться в Аничковом дворце. Дело вышло так: однажды за ужином в адмиралтействе зашла речь о том, что семейства и родные членов кружка уже давно горят желанием хоть раз послушать нашу игру. Это желание показалось цесаревичу весьма естественным и понятным. Сейчас же было решено устроить как-нибудь утром тут же в зале музея маленький домашний концерт и разрешить каждому из членов провести в залу, конечно *gratis*⁵, по пяти человек. <...> День был назначен, билеты розданы. Публики набралось человек до двухсот пятидесяти. Мы все были уверены, что его высочество не прибудет; во-первых, цесаревич легко мог быть в это утро занят, а во-вторых, это собрание имело лично для него мало интереса; члены кружка собрались не для музыкальных упражнений, а с специальною целью только потешить своих родных. Вдруг вбегает к нам матросик со словами: «Его высочество изволил приехать». Приезд великого князя всех приятно поразил. Он был немного взволнован и, по своему застенчивому характеру, ни за что не хотел войти первым в залу, где сидела публика. Тогда мы решили войти густой толпой в боковую дверь залы; пройдя таким образом незаметно между нами

в оркестр, его высочество избегнул официальной встречи, мысль о которой его так сильно волновала. <...>

В другой раз наш кружок выступил уже в большом концерте, данном нами в пользу раненых нижних чинов л.-гв. егерского полка, в котором служил убитый под Телишем член нашего кружка шт.-кап. Базилевский. Мысль устроить концерт в память убитого музыкального коллеги подал нам цесаревич. Его высочество принял самое живое участие в устройстве этого концерта; сам раздавал билеты между царской фамилией, собрал более полутора тысяч рублей, которые привез в один из четвергов в адмиралтейство и сдал их заведующему хозяйственной частью кружка полковнику Адельсону. Великая княгиня Екатерина Михайловна предложила нам чудную залу в ее дворце и поцарски угостила всех присутствующих. На этом концерте присутствовала вся царская фамилия и избранная петербургская публика. Сбор составил очень значительную сумму.

В конце 70-х годов его высочество пригласил весь наш кружок в полном составе к фотографу Левицкому и приказал снять со всего оркестра фотографию. При всем нашем желании, чтоб цесаревич сидел впереди на первом плане, нам не удалось этого достигнуть. Великий князь пожелал, чтобы, во-первых, у всех были бы в руках инструменты, а во-вторых, чтобы все голоса были бы расположены на фотографии в таком же порядке, как и во время сыгрывания, так что басам, в том числе и цесаревичу, пришлось сидеть совсем сзади. Но господину Левицкому пришлось ждать довольно долго, пока мы все успокоились. Группа удалась не сразу; впереди цесаревича сидел поручик конного полка барон А. Е. Мейендорф, человек неизменно веселого духа. Великий князь, во время первого же сеанса, среди самой глубокой тишины, вероятно, желая испытать выдержку барона в такую минуту, в которую сохранить серьезность нельзя без некоторого напряжения, кольнул его слегка в оба бока. Барон не выдержал и вдруг подскочил на стуле, а главное, так неожиданно для всех, что веселый дух снова нами овладел. Наша оживленная компания не могла не смущать фотографа; старик Левицкий уже начал терять всякую надежду на успех. Тогда цесаревич ради шутки сказал, что провинившиеся впредь должны будут уплатить по три рубля штрафа. Никто уже более не нарушал тишины, и группа удалась прекрасно.

Всем членам кружка цесаревич подарил на память по группе.

Кроме того, его высочеством был утвержден для ношения жетон с инициалами и царской над ним короною. Внутри жетона помещалась миниатюрная фотография цесаревича замечательно отчетливой работы. Переходя из поколения в поколение как дорогая память о покойном государе, этот знак будет вместе с тем напоминать о том времени, с которого началось заметное оживление музыки в России. Этим я не хочу сказать, что наш скромный кружок имел бы какое-либо непо-

средственное отношение к развитию музыки в России; между кружком и этим развитием никакой прямой связи и не могло существовать. Я хотел только сказать, что наследник цесаревич пристрастился к музыке нигде иначе, как в нашем кружке. Только благодаря нашему кружку и могла развиться в нем такая сильная любовь и интерес к музыке, а этого уже было вполне достаточно для того, чтобы всюду начали играть и петь. В корпусах, в гимназиях, на заводах и проч. — везде завелись собственные оркестры, везде встречали государя с музыкой и пением; все только и думали об одном, как бы увлечь его величество в мир звуков.

Учреждение придворного оркестра, единственного в своем роде во всей Европе, состоялось тотчас же по воцарении государя, по его личной инициативе. Это была его любимая затея, которая, со времени его воцарения, заменила ему наш кружок. <...>

По словам графа Александра Васильевича Олсуфьева, государь император, желая вспомнить в часы досуга прошлое, играл иногда на валторне. Граф сам имел однажды случай слышать игру его величества на этом инструменте: это было летом в Александрии.

Зная по опыту, как трудно дается хорошее исполнение, государь высказывал всегда верные суждения о музыке и был всегда тонким ценителем хорошего исполнения. Музыкальный слух покойного государя, привыкший к чудному исполнению придворного оркестра, не мог не замечать той громадной разницы в исполнении, которая существовала между этим оркестром и хорами гвардейских полков. Незадолго до своей смерти, слушая музыку какого-то гвардейского полка, его величество высказал графу А. В. Олсуфьеву свою мечту услышать когда-нибудь совсем стройную музыку и в гвардейских полках.

Медный инструмент, на котором играл покойный государь, хранится в придворном оркестре и будет служить нашим потомкам памятью не только о любви покойного государя к музыке и его желании поднять ее в России на должный уровень, но и о широком покровительстве его величества музыкальному делу в России.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЕГО (28 февраля 1845 г. — 2 марта 1881 г.)

В день своего рождения, 26 февраля 1845 г., император Александр III, тогда еще великий князь, был назначен шефом Астраханского Кабардинского полка, с зачислением в списки л.-гв. Гусарского, Преображенского и Павловского полков. Его отец, цесаревич Александр Николаевич, встретив в этот день караул от л.-гв. Павловского полка, сказал начальнику караула прапорщику Гершельману: «Сегодня Бог дал мне сына, и государь повелел зачислить его к вам в полк; когда придешь в казармы, передай полковому командиру об этой новой милости его величества для объявления по полку». В том же году, 7 июня новорожденный назначен шефом л.-гв. Финляндского стрелкового батальона, а 28 января 1848 г., в день пятидесятилетнего юбилея генерал-фельдцейгмейстера великого князя Михаила Павловича, Александр Александрович назначен состоять по гвардейской конной артиллерии.

В 1851 г. Александр Александрович нес впервые служебные обязанности: 1 августа, одетый в форму рядового л.-гв. Павловского полка, он стоял на часах у открывавшегося в Гатчине памятника императору Павлу Первому.

26 февраля 1852 г., в день семилетия со дня рождения, Александр Александрович, державною волею императора Николая I, пожалован в прапорщики, а ровно через год — в подпоручики. 22 июля 1855 г. он зачислен в стрелковый полк императорской фамилии, а 24 декабря того же года, «за успехи в науках, оказанные на экзамене в присутствии их величеств, произведен в поручики». 26 февраля 1856 г. он зачислен в л.-гв. Конный полк, а 17 апреля назначен шефом Переяславского драгунского полка, 26 февраля 1858 г. произведен в штабс-капитаны, 26 февраля 1862 г. в капитаны, 30 августа 1862 г. назначен флигель-адъютантом к его императорскому величеству и 6 сентября 1863 г. произведен в полковники.

В 1864 г. Александр Александрович впервые отбывал лагерный сбор при Красном Селе, командуя стрелковою ротой учебного пехотного батальона. В этом же году, 6 августа, он получил первый орден за личную свою службу, Св. Владимира 4 ст.

За кончиною своего старшего брата, манифестом 12 апреля 1865 г. Александр Александрович объявлен наследником престола. 29 мая того же года он назначен атаманом всех казачьих войск и шефом л.-гв. Атаманского казачьего и 3-го уланского Смоленского полков и поселенного № 9-го Выборгского стрелкового батальона и зачислен в л.-гв. Кавказские казачьи эскадроны собственного его величества конвоя, в л.-гв. Уральский казачий дивизион и в л.-гв. Донскую казачью батарею. В день принятия присяги, 20 июля, цесаревич Александр зачислен в полки Кавалергардский, л.-гв. Семеновский, Кирасирский его величества, Измайловский, Гатчинский, Уланский его величества и Гренадерский, в батальоны л.-гв. Стрелковый и Саперный, в л.-гв. 1-ю артиллерийскую бригаду и в гвардейский экипаж.

С 22 июля по 7 августа 1865 г. цесаревич Александр находился вторично в лагерном сборе, командуя 1-м батальоном л.-гв. Преображенского полка, а 30 августа того же года произведен в генерал-майоры, с назначением в свиту его величества.

В лагерном сборе 1866 г. цесаревич Александр командовал л.-гв. Преображенским полком; 28 октября того же года он назначен вторым шефом всех полков и частей гвардии, шефом которых состоял император Александр II; 6 октября 1867 г., он назначен состоять при войсках гвардии, 18 апреля 1868 г. — генерал-адъютантом к его императорскому величеству; с 22 апреля по 19 мая 1868 г. временно командовал 2-ю гвардейскою пехотною дивизиею, с 3 июня по 19 июля бригадою из л.-гв. Уланского и Гусарского его величества полков и 24 сентября произведен в генерал-лейтенанты.

23 февраля 1870 г. цесаревич Александр назначен командовать 1-ю гвардейскою пехотною дивизиею, 23 апреля назначен шефом 145 пехотного Новочеркасского полка; 30 июля пожалован орденом Св. Владимира 2 ст. и 25 ноября зачислен вторым шефом 1-й его величества батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады, 22 августа 1871 г. назначен вторым шефом 1-го лейб-гренадерского Екатеринбургского его величества полка, 30 сентября — таковым же шефом 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка, 26 апреля 1872 г. назначен начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии, 11 августа — шефом л.-гв. Донской конно-артиллерийской батареи, 6 мая 1873 г. зачислен в списки л.-гв. Резервного пехотного полка, 26 февраля 1874 г. назначен вторым шефом полков его величества: 68-го лейб-пехотного Бородинского, 1-го лейб-драгунского Московского, 2-го лейб-уланского Курляндского и 2-го лейб-гусарского Павлоградского, а также 1-го Павловского и 3-го Александровского военных училищ, 30 августа 1874 г. произведен в генералы от инфантерии и генералы от кавалерии, с назначением командиром гвардейского корпуса.

21 июля 1875 г. цесаревич Александр зачислен в полки л.-гв. Литовский и Гродненский гусарский, а 26 июля 1877 г., на основании

приказа главнокомандующего действующею армиею от 22 июля, вступил в командование Рушукским отрядом. Во время командования этим отрядом Александр Александрович участвовал: 12 октября — в усиленной рекогносцировке неприятельского расположения и 30 ноября — в сражении у Трестеника и Мечки. 15 сентября он пожалован кавалером ордена Св. Владимира 1 ст. с мечами при рескрипте, в котором, между прочим, было изложено: «Благоразумные распоряжения Вашего Императорского Высочества во время командования отдельным значительным отрядом в действующей армии, вполне соответствующие видам главнокомандующего и общему плану кампании, дают Вам право на особенную Нашу признательность; предводительствуемые Вами храбрые Наши войска неоднократно отражали все нападения превосходившего их численностью неприятеля и выказали при том свои превосходные качества». 30 ноября цесаревич пожалован кавалером ордена Св. Георгия 2 ст. В данном по этому случаю рескрипте было, между прочим, приведено: «Рядом доблестных подвигов, совершенных храбрыми войсками вверенного Вам отряда, блистательно выполнена трудная задача, возложенная на Вас в общем плане военных действий; все усилия значительно превосходившего численностью неприятеля прорвать избранные Вами позиции, в течение пяти месяцев, оставались безуспешными и, наконец, 30 ноября сего года отчаянные атаки на Мечку мужественно отбиты под личным Вашим предводительством». 3 декабря он назначен шефом 2-го пехотного Софийского полка, с 10 по 13 января 1878 г. участвовал в наступлении войск Северного отряда под личным своим начальством и преследовании Турецкой армии от Коло-Лам к кр. Шумле, а 26 февраля того же года ему пожалована золотая, бриллиантами украшенная, сабля с надписью: за отличное командование Рушукским отрядом.

Цесаревич Александр, принимая видное участие в последней Русско-турецкой войне и получив за нее три боевых награды, возвратился в Петербург 6 февраля 1878 г., пробыв в отсутствии без двух дней десять месяцев (он выехал в Кишинев совместно с императором Александром II 8 апреля 1877 г.).

1 марта 1879 г. Александр Александрович назначен вторым шефом 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка, 30 августа — таковым же шефом 16-го стрелкового его величества батальона, с 4 по 25 мая 1880 г. временно командовал войсками гвардии и Петербургского военного округа, 22 июля — зачислен в л.-гв. Кирасирский ее величества полк, 17 августа — назначен командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, а 2 марта 1881 г. вступил на Всероссийский престол.

ЗАБОТЫ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА О ПЕРЕВООРУЖЕНИИ РУССКОЙ АРМИИ

Во время Севастопольской войны только что вступивший на престол молодой государь Александр Николаевич пожелал видеть действия англо-французского флота, который в июне 1855 года подходил к Кронштадту. 10 июня государь с императрицею и своими августейшими детьми Николаем и Александром Александровичами отправились в Кронштадт. Здесь они видели, как союзный флот открыл пушечный огонь по нашим берегам и по крепости, и наблюдали за полетом снарядов. Союзники не могли подойти близко к крепости, так как она была ограждена пороховыми минами, не допускавшими союзный флот к Кронштадту; поэтому неприятель принужден был довольно далеко держаться в виду крепости, производя бесцельную стрельбу.

При посещении Кронштадта царская фамилия встретила кадетов Морского корпуса, которые были вызваны для замены моряков, отправленных на пополнение Севастопольского флота.

Слишком плоский горизонт Кронштадтской крепости не давал возможности хорошо наблюдать за действиями союзного флота, и потому, на другой день, государь с семьей переехали на более возвышенный берег у Ораниенбаума.

Эти дни, в связи с рассказами о Севастопольской обороне, произвели огромное впечатление на душу юного 10-летнего великого князя Александра Александровича, который впоследствии горячо принялся за изучение Севастопольской войны.

Во время прохождения курса наук с такими учителями, как: капитан Демьяненко, читавший великому князю курс артиллерии, капитаны Драгомиров и Карцев, читавшие курс тактики, полковник Герн — фортификацию и полковник Энгельстром — огнестрельное оружие, великий князь Александр Александрович легко усвоил преподаваемые ими военные предметы, и многому он научился от этих научных светил; они же рассказали ему весь ход обороны Севастополя и какими средствами мы обладали по сравнению с неприятелем.

Стоя так близко к военному миру, так любя русского солдата-героя, так заботясь о всех его нуждах, будучи наследником, цесаревич Александр Александрович не мог остаться чуждым того духа патриотизма,

тизма и уважения к героическим подвигам русского оружия, которые всегда являлись самым дорогим заветом русской армии.

14-го сентября 1869 года, ровно через 15 лет после начала обороны Севастополя, когда воспоминания о Крымской войне сделались достоянием каждого русского человека, из посильных приношений членов военной русской семьи представилась возможность положить основание патриотическому музею в Севастополе, который своим возникновением обязан инициативе наследника цесаревича.

Существование музея было обеспечено высочайше дарованным государем участком земли в Таврической губ., пространством 1936 десятин. Денежные пожертвования в первое же время достигли значительной суммы.

Образованный, с высочайшего соизволения, комитет по устройству музея состоял под покровительством великого князя Николая Николаевича старшего. Комитет поставил своей задачей собрать в музей все, что было связано с именем Севастополя и славными днями его бессмертной обороны.

В октябре 1870 г. на помощь делу севастопольцев раздался призыв наследника цесаревича Александра Александровича, который обратился с своим воззванием ко всем, знающим что-либо достоверное о Севастопольской защите, с просьбой прислать на *Его Высочества* имя все то, что знает, помнит и может написать о защите Севастополя. Это воззвание было обнародовано во всех газетах того времени и начиналось так: «От имени *Его Императорского Высочества* Наследника Цесаревича ко всем знающим что-либо о Севастопольской защите». Оканчивалось это воззвание следующими словами: «Веденные во время осады дневники, записки, воспоминания и письма о Севастопольской обороне, простой рассказ малейшего эпизода ее или подвига, или того, что кто-либо помнит, как очевидец, без стеснения формами и формальностями, вот что нужно. Одно лишь условие должно быть свято соблюдено — это истина. Написанное каждый пусть отправит по следующему адресу: *Его Императорскому Высочеству*, Наследнику Цесаревичу, в собственные руки. В С.-Петербург. От Севастопольца...» <...>

Инициатива в деле перехода у нас к металлическим патронам была взята на себя наследником Александром Александровичем, который горячо интересовался делом реорганизации нашей армии и близко принимал к сердцу все неудачи, связанные с перевооружением наших войск по системам Терри-Норман и Карле. Наследник решился за свой счет и риск переделать на заводе Путилова 10 000 шт. 6-линейных винтовок по вновь предложенной Барановым системе с металлическим патроном. <...>

В январе 1869 года наследник цесаревич Александр Александрович писал своему августейшему дяде, великому князю Михаилу

Е. Каменский. Заботы цесаревича Александра Александровича...

Николаевичу и бывшему в то же время наместником на Кавказе: «...месяц тому назад мне принесли ружье, предложенное одним моряком, лейтенантом Барановым, которое он предлагал два года назад для переделки наших 6-линейных ружей, вчетверо проще и удобнее принятых нами теперь игольчатых ружей, но несмотря на это, ему было отказано в ученом комитете, и он больше не являлся, а между прочим, в Бельгии начали производить опыты над этим ружьем и, упростив его, приняли во всю бельгийскую армию. Результаты опытов были блистательны. Меня это ружье очень заинтересовало, и я просил Баранова прийти ко мне и показать это ружье. Механизм самый простой; нет ни одной пружины и нет иглы; важные недостатки нами принятых ружей, где механизм страшно сложен для работы и для чистки ружья. Я тогда решился сделать что-нибудь, чтобы провести это ружье в наши войска; начал собирать о нем сведения и наконец справился о переделке ружей по этой системе; оказалось, что эта переделка будет гораздо легче, чем игольчатые, и один из лучших наших фабрикантов, г. Путилов, взялся переделать эти ружья. Тогда я решился показать это ружье Папа и просил у него позволения дать в мое распоряжение 10 000 ружей шестилинейных с тем, чтобы сделать первый опыт переделки и вместе с тем практическую стрельбу в войсках. Мне было разрешено. Я забыл сказать, что перед тем, чтобы показать Папа ружье, я просил заехать к себе военного министра и дядю Низи, которым я передал мое желание и мое предложение, и только с одобрения и согласия я решился показать ружье Папа...

На первых же порах после того, что было разрешено Государем это дело, я начал встречать сопротивление <...> я тогда попросил к себе Баранцева, который стал мне объяснять о переделке игольчатых ружей и почему оно так туго идет и почему артиллерийский комитет остановился на этой системе. Я, к несчастью, знаю слишком хорошо все дело, довольно жалкое... потому что вот уже два года, что начала переделка, а мы имеем только 60 000 переделанных ружей, а нам их нужно до 800 000. Я старался доказать Баранцеву, что в войсках новыми ружьями недовольны и что рано или поздно придется переменить систему, и что теперь самое выгодное время, потому что у нас еще много неперделанных ружей, которые прямо можно будет переделывать по новой системе. Баранцев не соглашался, но наконец обещал помочь делу, хотя против своего убеждения. Потом вторично просил Баранцева заехать ко мне и, в присутствии г. Путилова, мы толковали более часа, и Баранцев был совершенно разбит, и ему доказали преимущества новой системы над игольной. Наконец он обещал мне вторично помогать средствами артиллерийского ведомства... Путилов начал переделку, и в начале февраля все 10 000 ружей будут переделаны, а если позволят продолжать, то к весне он берется своими собственными средствами переделать до 150 000 ружей, чего все

казенные заводы с их громадными средствами не могли сделать в два года... Морское министерство с радостью дало сейчас же все свои средства, чтобы помочь делу.

Я в особенности горячо взялся за это дело, потому что и Бог знает еще, что будет у нас с весны; пожалуй, и война, а ружей решительно нет. Наши заводы казенные оканчивают свои контракты и свою переделку только в 1870 году, и то сам Баранцев говорит, что этого они не могут сделать, а кроме того, просят прибавки цены до 10 руб. за ружье; тогда как Путилов переделывает по 5 руб. и даже надеется впоследствии уменьшить плату.

Теперь еще продолжение этого дела; нужны медные патроны для новых ружей, и я просил Баранцева позволить делать их в казенной мастерской на Литейной. Этот завод стоит больше года и ничего не работает... Когда я просил одного артиллерийского офицера съездить посмотреть эту мастерскую и узнать, как скоро можно приготовить патроны, то начальник завода преспокойно ответил, что года через три, пожалуй, завод начнет работать вполне... Спасибо дяде Низи, он и гвардейское начальство мне помогают и назначил несколько офицеров, чтобы принять ружья и смотреть за работами.

В Учебном батальоне делаются опыты над ружьями и потом, надеюсь, гвардия начнет делать сама опыты, и я надеюсь все-таки провести это дело до конца и показать, что можно скоро и быстро переделывать, обучить войска и сейчас же на практическую службу.

Посылаю тебе, милейший Дядя, новое ружье с твоим Вульффертом, который взялся довести его к тебе. Это ружье переделано было в Бельгии, и разница с нашими состоит только в пружине, которая в этом ружье внутри для задержки механизма, а на наших будет снаружи.

Надеюсь, что ты убедишься в превосходстве этого ружья над нашим уже принятым, игольчатым ружьем. Я не теряю надежды, что кончится это дело хорошо и что окончательно решат принять систему Баранова, потому что невозможно оставаться нам в теперешнем положении, почти безвыходном, благодаря кого — я не знаю, но не желал бы быть на месте того, который довел нас до этого...» <...>

Почти одновременно поступило заявление с указанием, что австрийский оружейный мастер Кренке изобрел механизм, которому следует предоставить значительное преимущество перед всеми системами ружей, стрелявших металлическим патроном, благодаря простоте своего устройства, дешевизне и скорости, с какой могли быть переделаны наши 6-линейные винтовки.

Рассматривая обе системы, оружейная Комиссия дала заключение в пользу системы Кренке с металлическим патроном. Тогда было испрошено высочайшее повеление на образование новой комиссии, под председательством великого князя Николая Николаевича старшего, в состав которой были назначены: его высочество наследник цесаре-

Е. Каменский. Заботы цесаревича Александра Александровича...

вич и 9 генералов. Произведено было новое испытание обеих систем, и комиссия решила, что система Кренке имеет преимущества над системой Баранова. Результатом чего и было введение в нашей армии системы Кренке, с которой войска выступили в Турецкую войну 1877–78 гг. <...>

В 1870 г. Михайловская артиллерийская академия праздновала свой пятидесятилетний юбилей, на котором конференция Академии положила ходатайствовать о дозволении поднести звание почетного члена академии его высочеству наследнику цесаревичу Александру Александровичу, за постоянное внимание, которое его высочество обращает на предметы военной техники и близкое участие в преуспевании отечественной артиллерии, на что и последовало высочайшее соизволение. <...>

ПОХОДНЫЕ ПИСЬМА 1877 года

22 июня. Зимница (бивак) [1877]. <...> Наследник будет командовать двумя корпусами (Ванновского и князя Шаховского), предназначенными для осады Рушука и обеспечения нашего тыла, тогда как сам Николай Николаевич ¹ с 4-м корпусом пойдет на Адрианополь к Константинополю. Ванновский будет начальником штаба у наследника, а Дохтуров (лучший офицер Генерального штаба) — помощником. Корпусом Ванновского будет командовать великий князь Владимир Александрович. Не сомневаюсь, что Рушук будет взят и что их высочества приобретут полезную военную опытность, славу и георгиевские знаки. Но жалко, что цесаревича подвергают опасностям, и молю Бога, чтобы глупая турецкая бомба его не задела. <...>

7 июля. Бивак у сел. Павлово. <...> Наследник и Владимир Александрович выступили с 3¹/₂ дивизиями пехоты и 7 полками кавалерии (дивизия Дризена, бригада из дивизии Манвелова, да казаки), подчиненными графу Воронцову, к Рушуку, куда они должны подойти 8-го. Они все надеются, что турки выйдут из укреплений в чистое поле, чтобы дать себя разбить. Сомневаюсь. Турки первоначально укрепили только восточный фронт, ожидая оттуда нашего подхода. Но со времени движения к Никополу, а в особенности высадки в Систове употребили все старания, чтобы усилить западный фронт. Нам достанется Рушук не даром, разве что пособят батареи, устроенные у Журжево и Слободзеи и могущие действовать в тыл турецких укреплений, из которых самый важный форт Levant Tabia.

<...> Вечером 5-го государь решил отправить с наследником Сергея Александровича, а при нем ментора — твоего крымского почитателя Арсеньева. Велика решимость царя-отца отправить трех своих сыновей в одно место против турецкой крепости, вооруженной сильною артиллериею. Самоотвержение излишнее. Но наследнику и Сергею Александровичу высказал я откровенно, что Русь больше огорчится, если они из-за турки подстрелены будут, нежели если Георгия не получат. Идти под ядра бесполезно при осаде крепости. <...>

30-го [июля]. Вчера опять съехались к завтраку к государю главнокомандующий с начальником штаба и Левицким, наследник, пере-

шедший со своею Главною квартирою из Обертина на р. Ломе ближе к войскам корпуса Гана и к туркам. Владимиром Александровичем его подчиненные и даже начальник штаба Косич крайне недовольны. Он избалован, самоуверен, дурно воспитан, все рубит сплеча, поверхностно судя о предметах, и никого не хочет слушать. Лично не трус, но все говорят уже теперь, что с ним пропадешь в деле серьезном. К счастью и к моему великому удовольствию, о наследнике судят совершенно иначе. Все хвалят его хладнокровие, осмотрительность, распорядительность и внимательность к подчиненным. Это хорошие задатки. У него положительно много здравого ума. А это так редко встречается! Приближенные (Олсуфьев и др.) говорят, что он сознает опасность и глупость положения, в которое поставлен, но что не хочет показать вида, чтобы не сказали, что желает уехать. Притом цесаревна изъясляет чувства чистой спартанки и имеет в этом отношении на него влияние. Дай Бог, чтобы ей не пришлось раскаиваться. <...>

[31 августа] Бивак у Раденицы. <...> Наследник, хотя и бросил свою позицию на р. Ломе, но не переходил за р. Янтру, сосредоточил свои войска и приготовился встретить ожидаемое наступление Мегмеда Али². Главная квартира его высочества в Дольнем Монастыре, впереди на 15 верст от Белы; впереди сего последнего селения на высотах устроены укрепления. Недостаток этой укрепленной позиции, что она растянута и потребует много войск для обороны. <...>

В Раденице побыли мы часа два в ожидании известий с позиции, так как огонь с наших батарей был открыт с 6 час. утра, а также от наследника, о котором весьма справедливо сильно беспокоился государь ввиду настойчивого наступления на р. Лом турецкой армии. До с. Раденицы проведен полевой телеграф от Главной квартиры наследника в Кацелево на р. Черный Лом. Прежде чем пуститься к Плевно, надо было знать, в каком положении находится наследник. Судя по телеграммам, полученным в это время и потом в 8 час. вечера по возвращении в Раденицу, положение было незавидное не только для наследника российского престола, но и для всякого простого генерала. Передовые войска наши должны были уступить напору турок, понеся потери значительные. Дризен, оборонявший позицию на р. Ломе у с. Облава с 17-ю батальонами и 3-мя кавалерийскими полками, после 12 часов упорного боя против самого Мегмеда Али, руководившего войсками, высланными из Разграда, должен был оставить позицию, ибо войска были изнурены, понесли огромные потери, а дождь, шедший два дня сряду, до такой степени испортил дороги, что нельзя было подвозить заряды, патроны и продовольствие. Наследник выразил опасение, что дальнейшее наступление Мегмеда Али отрежет его от Владимира Александровича, стоящего у Пиргоса, под Рушукком, и намерение отступить за р. Янтру, перенеся Главную квартиру свою в с. Бела. Три сына царских в войсках, которые подавлены многочисленным

неприятелем, умерщвляющим всех отсталых и раненых! Наследник, принужденный отступать и терпеть поражение от Мегмеда Али! Можно себе представить, что происходило в эти минуты в царской душе. Как тяжело было его сердцу и какие тягостные думы теснились в голове! Тошно было смотреть на нервное, напряженное выражение лица, силившегося под притворным спокойствием скрыть волнение душевное. Зная меня и мой образ мыслей, ты поймешь, что и мне было нелегко, хотя я был внутренне убежден, что телеграммы написаны под первым впечатлением и влиянием окружающих, не привыкших к бранным тревогам и весьма недовольных рискованным положением, в которое поставлен великий князь Александр Александрович. Мне казалось невероятным, чтобы Мегмед Али, которого я знаю за человека не храброго, но ловкого, умного и хитрого, пустился вразрез между двумя русскими корпусами и преследовал наследника до Янтры.

Приехавший 29-го из Главной квартиры наследника флигель-адъютант князь Долгорукий (вам знакомый) вполне подтвердил мое предчувствие. Он говорит, что если бы наследник не был поражен громадностью потерь наших войск и лежащею на нем ответственностью при ропоте свиты (ворчащей на то, что наследника оставили с двумя корпусами против 100 тыс. турецкой армии), то он не отправил бы обеспокоивших государя телеграмм. Через час после их отправки, получив более успокоительные сведения с аванпостов и из частей войск, его высочество нашел, что положение не так худо, как оно ему представлено было, и жалел, что отправил телеграмму, которая должна была встревожить отца-государя. Все отдают справедливость хладнокровию и твердости наследника. <...>

**Великий князь
Александр Михайлович**

**КНИГА
ВОСПОМИНАНИЙ**

В воскресенье, 1 марта 1881 года мой отец поехал, по своему обыкновению, на парад в половине второго. Мы же, мальчики, решили отправиться с Никки и его матерью кататься на коньках. Мы должны были зайти за ними в Зимний дворец после трех часов дня.

Ровно в три часа раздался звук сильнейшего взрыва.

— Это бомба! — сказал мой брат Георгий.

В тот же момент еще более сильный взрыв потряс стекла окон в нашей комнате. Мы кинулись на улицу, но были остановлены воспитателем. Через минуту в комнату вбежал запыхавшийся лакей.

— Государь убит! — крикнул он. — И великий князь Михаил Николаевич тоже! Их тела доставлены в Зимний дворец.

На его крик мать выбежала из соседней комнаты. Мы все бросились к выходу в карету, стоявшую у подъезда, и помчались в Зимний дворец. По дороге нас обогнал батальон л.-гв. Преображенского полка, который, с ружьями наперевес, бежал в том же направлении.

Толпы народа собирались вокруг Зимнего дворца. Женщины истерически кричали. Мы вошли через один из боковых входов. Вопросы были излишни: большие пятна черной крови указывали нам путь по мраморным ступеням и потом вдоль по коридору в кабинет Государя. Отец стоял там в дверях, отдавая приказания служащим. Он обнял матушку, а она, потрясенная тем, что он был невредим, упала в обморок.

Император Александр II лежал на диване у стола. Он был в бессознательном состоянии. Три доктора были около него, но было очевидно, что Государя нельзя было спасти. Ему оставалось несколько минут жизни. Вид его был ужасен: его правая нога была оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой — смотрел перед собой без всякого выражения.

Каждую минуту входили один за другим — члены Императорской фамилии. Комната была переполнена. Я схватил руку Никки, который стоял близко от меня, смертельно бледный, в своем синем матросском костюмчике. Его мать, цесаревна, была тут же и держала коньки в дрожащих руках.

Я нашел цесаревича по его широким плечам: он стоял у окна.

Княгиня Юрьевская вбежала полуодетая. Говорили, что какой-то чрезмерно усердный страж пытался задержать ее при входе. Она упала навзничь¹ на тело Царя, покрывая его руки поцелуями и крича: «Саша! Саша!» Это было невыносимо. Великие княгини разразились рыданиями.

Агония продолжалась сорок пять минут. Все, кто были во время ее, никогда не могли ее забыть. Из всех присутствовавших никого, кроме меня, не осталось в живых. Большинство из них погибло 37 лет спустя от руки большевиков. Комната была убрана в стиле «ампир»; с драгоценными безделушками, разбросанными по столам, и многочисленными картинами по стенам. Над дверями была повешена наша увеличенная фотография моих братьев Николая, Михаила, Георгия и меня, снятых на уроке артиллерии у орудия в Тифлисе. Вид этой картины разрывал мое сердце.

— Спокойнее держись! — прошептал наследник, дотрагиваясь до моего плеча.

Прибывший градоначальник сделал подробный рапорт о происшедшей трагедии. Первая бомба убила двух прохожих и ранила казачьего офицера, которого злоумышленник принял за моего отца. Император вышел из экипажа невредим. Кучер умолял его вернуться боковыми улицами обратно во дворец, но Государь стал оказывать помощь раненым. В это время какой-то незнакомец, который все время стоял на углу, бросил вторую бомбу под ноги Государю. Это произошло менее чем за минуту до появления моего отца; его задержал визит к великой княгине Екатерине Михайловне. Задержка спасла ему жизнь.

— Тише! — возгласил доктор. — Государь кончается!

Мы приблизились к умирающему. Глаз без всякого выражения по-прежнему смотрел в пространство. Лейб-хирург, слушавший пульс Царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку.

— Государь Император скончался! — громко промолвил он.

Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала, как подкошенная, на пол. Ее розовый с белым рисунком пенюар был весь пропитан кровью.

Мы все опустились на колени. Влево от меня стоял новый Император. Странная перемена произошла в нем в этот миг. Это не был тот самый цесаревич Александр Александрович, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Никки тем, что разрывал руками колоду карт или же завязывал узлом железный прут. В пять минут он совершенно преобразился. Что-то несоизмеримо большее, чем простое сознание обязанностей Монарха, осветило его тяжелую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах. Он встал.

— Ваше Величество, имеете какие-нибудь приказания? — спросил смущенно градоначальник.

— Приказания? — переспросил Александр III. — Конечно! Но, по-видимому, полиция совсем потеряла голову! В таком случае армия возьмет в свои руки охрану порядка в столице! Совет министров будет собран сейчас же в Аничковом дворце.

Он дал рукой знак цесаревне Марии Федоровне, и они вышли вместе. Ее миниатюрная фигура подчеркивала могучее телосложение нового Императора.

Толпа, собравшаяся пред дворцом, громко крикнула «ура». Ни один из Романовых не подходил так близко к народным представлениям о Царе, как этот богатырь с русой бородой.

Стоя у окна, мы видели, как он большими шагами шел к коляске, а его маленькая жена еле поспевала за ним. Он некоторое время отвечал на приветствия толпы, затем коляска двинулась, окруженная сотнею Донских казаков, которые скакали в боевой готовности, и их пики ярко блестели красным отблеском в последних лучах багрового мартовского заката. <...>

Бесчисленные огни высоких свечей. Духовенство в траурном облачении. Хоры придворных и митрополичьих певчих. Седые головы коленопреклоненных военных. Заплаканные лица великих княгинь. Озабоченный шепот придворных. И общее внимание, обращенное на двух Монархов: одного, лежащего в гробу с кротким, израненным лицом, и на другого, стоящего у гроба, сильного, могучего, преодолевшего свою печаль и ничего не страшящегося.

В течение семи дней мы присутствовали два раза в день на торжественных панихидах в Зимнем дворце. На утро восьмого дня тело торжественно перенесли в собор Петропавловской крепости. Чтобы дать возможность народу проститься с прахом Царя-Освободителя, был избран самый длинный путь, и, таким образом, траурная процессия прошла по главным улицам столицы.

Нервы наши были напряжены до последней степени. Физическая усталость, в соединении с вечной тревогой, довела нас, молодежь, почти до истерического состояния. <...> Идиллическая Россия с Царем-Батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 г. Мы понимали, что русский Царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием. Не сможет, забыв цареубийство, всецело отдаться государственным делам. Романтическая традиция прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов — все это будет погребено вместе с убитым Императором, в склепе Петропавловской крепости. Взрывом прошлого воскресенья был нанесен смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только Российской империи, но и всего мира зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царем и стихиями отрицания и разрушения.

К счастью для России, Император Александр III обладал всеми качествами крупного администратора. Убеденный сторонник здоровой национальной политики, поклонник дисциплины, настроенный к тому же весьма скептически, Государь вступил на престол предков, готовый к борьбе. Он слишком хорошо знал придворную жизнь, чтобы не испытывать презрения к бывшим сотрудникам своего отца, а его основательное знакомство с правителями современной Европы внушило ему вполне обоснованное недоверие к их намерениям. Император Александр III считал, что большинство русских бедствий происходило от неуместного либерализма нашего чиновничества и от исключительного свойства русской дипломатии поддаваться всяким иностранным влияниям.

Через 24 часа после погребения Александра II Александр III особым манифестом дал перечень намеченных им реформ. Многие подлежали коренному изменению: методы управления, взгляды, сами сановники, дипломаты и пр... Граф Лорис-Меликов и другие министры были уволены в отставку, а их заменили люди дела, взятые не из придворной среды, что вызвало немедленно возмущение в петербургских аристократических салонах².

— Наступили дни «черной реакции», — уверяли безутешные сторонники либеральных реформ, но биографии новых министров, казалось бы, опровергали это предвзятое мнение. Князь Хилков, назначенный министром путей сообщения, провел свою полную приключений молодость в Соединенных Штатах, работая в качестве простого рабочего на рудниках Пенсильвании. Профессор Вышнеградский — министр финансов — пользовался широкой известностью за свои оригинальные экономические теории. Ему удалось привести в блестящее состояние финансы Империи и немало содействовать повышению промышленности страны. Заслуженный герой русско-турецкой войны генерал Ванновский был назначен военным министром. Адмирал Шестаков, высланный Александром II за границу за беспощадную критику нашего военного флота, был вызван в Петербург и назначен морским министром. Новый министр внутренних дел граф Толстой был первым русским администратором, сознававшим, что забота о благосостоянии сельского населения России должна быть первой задачей государственной власти.

С. Ю. Витте, бывший скромным чиновником управления Юго-Западных железных дорог, обязан был своей головокружительной карьерой дальнорукости Императора Александра III, который, назначив его товарищем министра, сразу же признал его талант³.

Назначение Гирса, тонко воспитанного, но лишенного всякой инициативы человека, на пост министра иностранных дел вызвало немалое удивление как в России, так и за границей. Но Александр III только усмехался. Охотнее всего он предпочел бы быть самолично русским

министром иностранных дел, но так как он нуждался в подставном лице, то выбор пал на послушного чиновника, который должен был следовать намеченному им, Монархом, пути, смягчая резкие выражения русского Царя изысканным стилем дипломатических нот. Последующие годы доказали и несомненный ум Гирса. Ни один «международный властитель дум и сердец», ни один «кумир европейских столиц» не мог смутить Гирса в его точном исполнении приказаний Императора. И, таким образом, впервые после вековых ошибок, Россия нашла свою ярко выраженную национальную политику по отношению к иностранным державам.

Сформировав Совет министров⁴ и выработав новую политическую программу, Александр III обратился к важному вопросу обеспечения безопасности Царской семьи. Он разрешил его единственным логическим способом — именно переехав на постоянное жительство в Гатчинский дворец. Гордость Царя была задета: «Я не боялся турецких пуль и вот должен прятаться от революционного подполья в своей стране», — говорил он с раздражением. Но Император Александр III признавал, что Российская Империя не должна подвергаться опасности потерять двух Государей в течение одного года.

Что же касается его государственной работы, то она только выиграла от расстояния, отделявшего Гатчину от С.-Петербурга. Это расстояние дало Александру III предлог для того, чтобы сократить, елико возможно, обязанности по представительству, а также уменьшить количество визитов родственников. Император томился на семейных собраниях. Он находил бесцельной тратой времени — бесконечные разговоры со своими братьями, дядями и двоюродными братьями. Он не имел ничего против самых маленьких — Сергей и я почти ежедневно посещали Никки и Жоржа (Георгия Александровича), но для взрослых, осаждавших его вечными просьбами, у Царя не было ни терпения, ни времени.

В продолжение царствования Александра III Гатчинский дворец стал наконец тем, чем он должен был быть, — местом трудов самого занятого человека России.

Мы обязаны Британскому правительству тем, что Александр III очень скоро выказал всю твердость своей внешней политики. Не прошло и года по восшествии на престол молодого Императора, как произошел серьезный инцидент на русско-афганской границе. Под влиянием Англии, которая со страхом взидала на рост русского влияния в Туркестане, афганцы заняли русскую территорию по соседству с крепостью Кушкой⁵. Командир военн. округа телеграфировал Государю, испрашивая инструкций. «Выгнать и проучить как следует», — был лаконичный ответ из Гатчины. Афганцы постыдно бежали, и их преследовали несколько десятков верст наши казаки, которые хотели взять

в плен английских инструкторов, бывших при афганском отряде. Но они успели скрыться.

Британский Ее Королевского Величества посол получил предписание выразить в С.-Петербурге резкий протест и потребовать извинений.

— Мы этого не сделаем, — сказал Император Александр III и наградил генерала Комарова, начальника пограничного отряда, орденом Св. Георгия 3-й степени. — Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию, — заявил Государь.

Гирс задрожал.

— Ваше Величество, это может вызвать вооруженное столкновение с Англией.

— Хотя бы и так, — ответил Император.

Новая угрожающая нота пришла из Англии. В ответ на нее Царь отдал приказ о мобилизации Балтийского флота. Это распоряжение было актом высшей степени храбрости, ибо британский военный флот превышал наши морские вооруженные силы по крайней мере в пять раз.

Прошло две недели. Лондон примолк, а затем предложил образовать комиссию для рассмотрения русско-афганского инцидента.

Европа начала смотреть другими глазами в сторону Гатчины. Молодой русский Монарх оказался лицом, с которым приходилось серьезно считаться Европе.

Виновницей второго инцидента оказалась Австрия. Венское правительство противилось нашему «непрерывному вмешательству в сферу влияния Австро-Венгрии» на Балканах, и австро-венгерский посол в С.-Петербурге угрожал нам войною.

На большом обеде в Зимнем дворце, сидя за столом напротив Царя, посол начал обсуждать докучливый балканский вопрос. Царь делал вид, что не замечает его раздраженного тона. Посол разгорячился и даже намекнул на возможность, что Австрия мобилизует два или три корпуса. Не изменяя своего полунасмешливого выражения, Император Александр III взял вилку, согнул ее петлей и бросил по направлению к прибору австрийского дипломата:

— Вот что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами, — спокойно сказал Царь.

— Во всем свете у нас только два верных союзника, — любил он говорить своим министрам: — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас.

Это мнение Александр III выразил однажды в очень откровенной форме на обеде, данном в честь прибывшего в Россию князя Николая Черногорского, в присутствии всего дипломатического корпуса. Подняв бокал за здоровье своего гостя, Александр III провозгласил следующий тост:

— Я пью за здоровье моего друга, князя Николая Черногорского, единственного и верного союзника России вне ее территории.

Присутствовавший Гирс открыл рот от изумления; дипломаты побледнели.

Лондонский «Таймс» писал на другое утро «об удивительной речи, произнесенной русским Императором, идущей вразрез со всеми традициями в сношениях между дружественными державами».

Но в то время, как Европа все еще обсуждала последствия инцидента под Кушкой, русское Императорское правительство сделало новое заявление, заставившее лондонский кабинет запросить по телеграфу Петербург о достоверности полученной в Лондоне ноты. Не признавая условий позорного Парижского мира 1855 г., по которому России было запрещено иметь на Черном море военный флот, Александр III решил спустить на воду несколько военных кораблей именно в Севастополе, где коалиция европейских держав унизила русское имя в 1855 году. Царь выбрал для этого чрезвычайно благоприятный момент, когда никто из европейских держав, за исключением Англии, не был склонен угрожать войною России. Турция еще помнила урок 1877–78 гг. Австрия была связана политикой Бисмарка, который мечтал заключить с Россией союз. Проект Железного канцлера был бы несомненно осуществлен, если бы Александр III не чувствовал бы личной неприязни к молодому неуравновешенному германскому Императору, а Вильгельм II и его «Свенгалли» — Бисмарк — не могли понять характера русского Императора. Во время их визита в С.-Петербург они оба вели себя совершенно невозможно. Вильгельм II держал громкие речи, а Бисмарк позволил себе прочесть Александру III целую лекцию об искусстве управления Империей. Все это окончилось плохо. Бисмарку объявили выговор, а Вильгельма высмеяли. Оба Монарха — русский и германский — представляли своими личностями разительный контраст. Вильгельм — жестикулирующий, бегающий взад и вперед, повышающий голос и извергающий целый арсенал международных планов; Александр III — холодный, сдержанный внешне, как бы забавляющийся экспансивностью германского Императора, но в глубине души возмущенный его поверхностными суждениями.

Те из нас, которым пришлось быть свидетелями событий 1914 года, склонны упрекать Александра III в том, что в нем личные чувства антипатии к Вильгельму II взяли перевес над трезвостью практического политика. Как могло случиться, что русский Монарх, бывший воплощением здравого смысла, отклонил предложения Бисмарка о русско-германском союзе и согласился на рискованный союз с Францией? Этому можно найти очень простое объяснение. Не будучи провидцем ошибок, допущенных в иностранной политике в царствование Николая II, и последствий неудачной русско-японской войны и революции 1905 г., Александр III, кроме того, переоценивал наше военное могущество.

Он был уверен, что в Европе воцарится продолжительный мир, если Россия морально поддержит Французскую республику, предостерегая таким образом Германию от агрессивности 1870 г. Возможность вмешательства Франции в решительную борьбу между Англией и Германией за мировое владычество на морях — просто не приходила Царю в голову. Если бы он остался бы долее у власти, он с негодованием отверг бы роль франко-английского парового катка, сглаживающего малейшую неровность на их пути, каковая роль была навязана России в 1914 году.

Он жаждал мира, сто лет ненарушимого мира. Только открытое нападение на Россию заставило бы Александра III участвовать в войнах. Горький опыт XIX века научил Царя, что каждый раз, когда Россия принимала участие в борьбе каких-либо европейских коалиций, ей приходилось впоследствии лишь горько об этом сожалеть. Александр I спас Европу от Наполеона I, и следствием этого явилось создание на западных границах Российской Империи — могучих Германии и Австро-Венгрии. Его дед Николай I послал русскую армию в Венгрию для подавления революции 1848 г. и восстановления Габсбургов на венгерском престоле, и в благодарность за эту услугу — Император Франц-Иосиф потребовал себе политических компенсаций за свое невмешательство во время Крымской войны. Император Александр II остался в 1870 году нейтральным, сдержав таким образом слово, данное Императору Вильгельму I, а восемь лет спустя на Берлинском конгрессе Бисмарк лишил Россию плодов ее побед над турками.

Французы, англичане, немцы, австрийцы — все в разной степени делали Россию орудием для достижения своих эгоистических целей. У Александра III не было дружеских чувств в отношении Европы. Всегда готовый принять вызов, Александр III, однако, при каждом удобном случае давал понять, что интересуется только тем, что касалось благосостояния 130 миллионов населения России.

Двадцать шесть месяцев, протекших между убийством Александра II и коронацией Александра III, могли бы быть отмечены прямо магическим улучшением международного положения России. Мудрый гатчинский самодержец нанес революции сокрушительный удар. Большинство русских революционеров были арестованы и понесли наказание. Другие спрятались в подполье или же бежали за границу. «Новая эпоха для крестьян», провозглашенная с высоты трона, означала, что Царь понимал необходимость тесного общения с русским народом. Учреждение должности земских начальников в 1882 г. заполнило пробел, оставленный освободительной реформой⁶. Действуя в качестве представителей власти на местах, земские начальники значительно способствовали упорядочению русского крестьянского быта. Они разрешали споры по вопросам крестьянского землевладения и землеполь-

зования, отправляли функции судей первой инстанции по мало-
важным делам, способствовали переселению малоземельных в Сибирь
и в Туркестан и содействовали развитию сельской кооперации. Но
самоеглавное это то, что они повели беспощадную борьбу с подсозна-
тельным духом анархии среди крестьянства, являвшимся последстви-
ем исторических процессов — как-то: татарского ига, пугачевщины
и крепостного права. Чтобы оценить эту реформу Александра III, нуж-
но иметь в виду, что русское крестьянство любило Монарха и относи-
лось к правительству с недоверием. Еще не сознавая государственной
необходимости какого бы то ни было правительства, наша деревня взи-
рала на власть, как на аппарат принуждения, высасывающий из наро-
да соки и ничего не дающий взамен. Правительство требовало рекру-
тов, взимало подати, поддерживало авторитет запретительных мер
и мало поощряло народные массы. Пока русские крестьяне находились
в крепостном состоянии, они сознавали, что помещики, как бы плохи
они ни были, охраняли их от нажима власти. Получив в 1861 году воль-
ную, русские крестьяне не могли больше надеяться на опеку своих
прежних господ и сделались добычей революционных агитаторов, обе-
щающих золотую эру свободы и безначалия по ниспровержении само-
державия. Вполне понятно, что вначале введение института земских
начальников было встречено в левых русских кругах враждебно. Рус-
ское «общественное мнение» находило, что правительство, в лице
земских начальников, учредило на местах новые должности прави-
тельственных шпионов. К тому же задача новых должностных лиц
оказалась непосильно тяжелой: кроме больших знаний и опытности,
должность земского начальника требовала от вновь посвященных боль-
шого такта и даже дипломатических способностей. Шаг за шагом дол-
жны были земские начальники завоевать доверие крестьян.

Император Александр III с большим интересом следил за успеха-
ми своих посланников, аккредитованных при «Их Величествах —
Мужиках». Конечной целью задуманной реформы было увеличение
площади крестьянского землевладения. К сожалению, преждевремен-
ная кончина Государя помешала ему осуществить его заветную мечту
создания в России крепкого класса крестьян — мелких земельных соб-
ственников. Тем не менее введение института земских начальников
имело для сельского населения России положительное значение, луч-
шим доказательством чему явилась та враждебность, с которой отнес-
лись к реформе революционные круги. Разговаривая с делегацией кре-
стьян во время коронационных торжеств в мае 1883 г. в Москве, Царь
просил их высказать свое откровенное мнение об учреждении долж-
ности земских начальников. В этой делегации участвовало свыше
десяти тысяч крестьян со всех концов необъятной России. И вот
и старые, и молодые — высказались все единогласно в пользу новых
царских чиновников, которые относились к сельскому населению

с большой заботой и дружелюбием, причем крестьяне даже просили, чтобы судебные функции земских начальников были по возможности расширены.

Ни один очерк царствования Императора Александра III не в состоянии дать более яркой характеристики новой эпохи русского самодержавия, чем описание коронавания Их Величеств в 1883 г. Иностранные гости, проводшие в Москве незабвенную неделю с 10 по 17 мая, почувствовали, что они присутствовали при том, как создавалась история новой России. Казалось, что новая Россия, со всеми ее неограниченными возможностями, выявила свой полный новый облик в древней столице русских царей. С конца апреля прилив сотен тысяч приезжих из различных губерний и областей, а также из-за границы, почти утроил население Первопрестольной. Экстренные поезда прибывали в Москву почти каждый час и доставляли коронованных особ Европы, членов царствовавших домов и представителей иностранных государств. Министр Императорского двора, бывший председателем комитета по приему высоких гостей, буквально разрывался на части, с трудом поспевая с вокзала на вокзал, следя за последними приготовлениями и за строгим исполнением служебного церемониала. По установившемуся обычаю, прибывавших высочайших особ должны были встречать на вокзале и сопровождать повсюду лица по положению равные, а это означало, что мы, великие князья, должны были все наше время уделять прибывшим высоким гостям. Я должен был оказывать знаки гостеприимства эрцгерцогу Карлу-Людвигу австрийскому и его поразительно красивой жене Марии Терезии. Мы очень быстро подружились, хотя меня и утомляло сопровождать их повсюду, давая бесконечные объяснения относительно церквей, музеев, исторических зданий и Святых Кремля. Должно быть, я хорошо справился с моей не слишком завидной миссией, так как к концу празднеств мои высокие гости выразили желание посетить С.-Петербург и просили Царя, чтобы я их сопровождал в столицу.

Коронационные празднества открылись торжественным въездом Государя и его семьи в Москву. В половине девятого утра великие князья и иностранные принцы ожидали верхом на конях у крыльца Троицкого дворца⁷ выхода Александра III, чтобы сопровождать его при въезде в Кремль. Ровно в 10 час. утра Царь вышел из внутренних покоев, сел верхом на коня и подал знак к отбытию. Он ехал один, впереди нас всех, эскадрон кавалергардов ехал впереди кортежа и возвещал его приближение народу и войскам, которые стояли шпалерами вдоль всего пути следования. Длинный поезд золотых карет следовал за нашей кавалькадой. В первом экипаже сидела Императрица Мария Федоровна с восьмилетней великой княжной Ксенией и Королевой греческой Ольгой. Остальные великие княгини, прин-

цессы королевской крови и заслуженные статс-дамы разместились в остальных каретах кортежа.

Громовое «ура» сопровождало нас по всему пути следования до Иверской часовни, где Император сошел с коня и, в сопровождении Императрицы, вошел в часовню, чтобы поклониться иконе Иверской Божией Матери. Мы въехали в Кремль через Спасские ворота и подъехали к Архангельскому собору. Официальная программа дня закончилась молебствием, отслуженным митрополитом Московским при участии хора Придворно-певческой капеллы. Вторая половина дня 12 мая и весь следующий день были заняты обменом визитов между членами Императорской фамилии и иностранными высочайшими особами, а также различными развлечениями, данными в их честь. 15 мая началось салютом в 101 выстрел со стен Кремля. Мы собрались в зале Большого дворца. На этот раз мы представляли собою очень живописную группу, так как каждый из великих князей и иностранных принцев был одет в форму своего полка. Вспоминаю герцога Эдинбургского, младшего сына Королевы Виктории, чрезвычайно элегантного в форме адмирала британского флота. Русские великие князья надели, ради торжественного случая, цепи ордена Св. Андрея Первозванного, украшенные бриллиантами, с бриллиантовыми же двуглавыми орлами. На великих княгинях и иностранных принцессах были великолепные драгоценности, и я думаю, что ни я, ни кто другой не видал такого количества роскошных украшений, как в этот день 15 мая 1883 года.

В зале царила полная, как бы священная тишина. Все замерло в течение нескольких минут до выхода Государя и Государыни. Мы все находились под впечатлением предстоящего таинства и понимали, что слова излишни в такой день, когда русский Самодержец получает благословение Всевышнего и помазание на Царство. Конечно, последняя фраза может показаться наивной многим убежденным демократам, но многочисленные сцены «народных вотумов», которые мне приходилось наблюдать в демократических странах, заставляют меня относиться с большим недоверием и к демократии, и к ее всем формам.

Государь и Государыня появились, когда часы пробили девять. Привыкнув к скромной жизни Гатчинского двора, Александр III был явно недоволен окружавшей его пышностью. «Я знаю,— говорило выражение его лица,— что мне через это надо пройти, но чем скорее все это будет окончено, тем для меня будет приятнее». Императрица, по-видимому, наоборот, наслаждалась. Ей было приятно видеть своих родных. Она любила торжественные церемонии. Миниатюрная, по сравнению с великаном — Царем, она расточала всем присутствовавшим свою ласковую чарующую улыбку. Залитая драгоценностями, как некое восточное божество, она двигалась вперед маленькими шагами, и четыре камер-пажа несли ее длинный, вышитый золотом и отороченный горностаем шлейф. После традиционного целования руки, в котором приняли

участие все присутствовавшие и дамы в том числе, во время которого Государь стоял посередине зала и наблюдал за происходящим из-под своих густых бровей, гофмаршал объявил, что все готово к выходу. Государь подал руку Императрице, и шествие двинулось к выходу через залы, наполненные придворными, дипломатами, министрами и военными.

Следуя церемониалу, Императорская чета вышла на Красное Крыльцо и, по старинному обычаю, трижды земно поклонилась многотысячной толпе, стоявшей в Кремле. Оглушительные крики «ура» встретили Высочайший выход. Это был самый лучший момент коронационных торжеств, заставивший нас вспомнить о древних русских царях: начиная с Ивана III, все русские Цари выражали свою готовность служить народу этими тремя земными поклонами со ступеней Красного Крыльца. Затем шествие двинулось на специально сооруженный деревянный помост, покрытый красным сукном, который вел в Успенский собор. С своего места я видел российские императорские регалии, которые важно несли высшие сановники двора: государственное знамя, меч, скипетр, державу, щит и замечательно красивую Императорскую корону.

Восемь генерал-адъютантов держали над Государем красный с золотом балдахин; восемь камергеров держали такой же балдахин над Императрицей, два фельдмаршала — мой отец и мой дядя Николай Николаевич — шли непосредственно за Государем, остальные члены Императорской фамилии, а также иностранные принцы и принцессы следовали за Императрицей.

Дворцовые гренадеры в формах 1812 года и в медвежьих шапках стояли вдоль пути царского следования. С колокольни Ивана Великого раздался тяжелый удар большого колокола, и тотчас же вслед за ним сорок сороков московских храмов начали торжественный перезвон. Раздались величавые звуки народного гимна, который исполнял хор в пятьсот человек. Глядя с высоты вниз на океан мелькающих рук и непокрытых голов, я видел и лица, мокрые от слез. Я сам старался проглотить слезы, волнение сдавило мне горло, — Россия в эту минуту во мне победила кавказца.

Три митрополита и сонм архиепископов и епископов встретили Их Величества при входе в собор и проводили к тронам, сооруженным посреди храма. Большая ложа направо была предназначена для Царской фамилии и иностранных принцев, ложа налево — для высших сановников Империи, военных и иностранных дипломатов.

Я с нетерпением прослушал длинную торжественную службу, которую служил Высокопреосвященнейший Исидор, митрополит С.-Петербургский, как старший по посвящению митрополит.

Когда наконец наступил долгожданный момент, митрополит взял с красной бархатной подушки Императорскую корону и передал ее в руки Царя. Александр III возложил собственноручно корону на свою

голову и затем, взяв вторую корону Императрицы, повернулся к коленопреклоненной Государыне и надел ей на голову корону. Этим обрядом символизировалась разница между правами Императора, данными ему свыше, и прерогативами Императрицы, полученными ею от Императора.

Императрица поднялась с колен, и Царская чета повернулась лицом к нашей ложе, олицетворяя собою гармонию сурового могущества и грациозной красоты.

Затем Император подошел к иконостасу, чтобы принять Св. Причастие. Так как русский Монарх является главою русской православной церкви, то, причащаясь в день коронации, он берет чашу из рук митрополита и причащается сам. После этого причастили Императрицу, и коронование закончилось. Шествие в том же порядке возвратилось во дворец, колокола опять звонили, слышался пушечный салют, и народ выражал криками еще больший восторг при виде коронованных Государя и Государыни. Достигнув Красного Крыльца, Царь и Царица еще раз трижды земно поклонились народу, после чего направились в самую древнюю часть дворца, в так называемую Грановитую Палату, где на высоком помосте состоялась Высочайшая трапеза.

Остальные три дня празднеств оставили во мне только чувство приятной усталости. Верная традициям гостеприимства, Москва и на этот раз поразила всех своим хлебосольством. Мы танцевали на балу, данном московским дворянством. Мы были в числе восьми тысяч приглашенных на балу, в Большом Кремлевском дворце. Мы завтракали в городской думе, обедали у земства и ужинали в офицерских собраниях. Мы разъезжали по улицам, на которых раздавались непрерывно музыка и пение. Мы смотрели на раздачу подарков 500 000 рабочих и крестьян на Ходынском поле. Мы отдали должное талантам повара митрополита Московского, известного искусным приготовлением постного стола. Мы принимали делегации, присутствовали ежедневно на представлениях Императорского балета, провожали иностранных принцев и принцесс при отходе их экстренных поездов, причем гости и гостеприимные хозяева еле держались на ногах от усталости.

18 мая Император отправился отдохнуть в свою резиденцию под Москвой — Нескучное, расположенную на берегу Москвы-реки под сенью векового парка.

Лежа в высокой, сочной траве и слушая пение соловьев над нашими головами, мы четверо — Никки, Жорж, Сергей и я — делились между собою тем совершенно новым, поразительным чувством спокойствия, полной безопасности, которое было у нас в течение всех коронационных празднеств. <...>

В январе 1893 г. один из наиболее новых русских крейсеров «Дмитрий Донской» должен был, возвращаясь из Китая, отправиться

в Соединенные Штаты, чтобы поблагодарить американцев за оказанную ими минувшим летом во время недорода на юго-востоке России продовольственную помощь. Для меня представился единственный случай посетить страну моих юношеских мечтаний. Я решил просить об откомандировании меня на «Дмитрий Донской», но так как я должен был ходатайствовать об этой милости лично у Государя, то я полагал, что могу просить его еще кое о чем. Это «кое-что» было рукою его дочери великой княжны Ксении.

Император принял меня с обычной сердечностью. Взрослый офицер, я был для него все тем же «маленьким кузеном» Сандро, который когда-то играл с его сыновьями, Никки и Жоржем, в садах Ливадийского дворца.

— У тебя какой-то секрет, — с улыбкой спросил он меня, — разве ты не видишь меня достаточно часто дома, чтобы тебе понадобилась официальная аудиенция.

Признаюсь, что я высказал причину моего визита не слишком красноречиво. Пристальный, слегка насмешливый взгляд Государя лишил меня всякого мужества. Я заикался и бормотал. Фразы, которые звучали так красноречиво, когда я произносил их пред собой дома, не производили в этом маленьком уютном кабинете, наполненном портретами и картинами, ожидаемого эффекта.

— Дело относительно перевода на крейсер «Дмитрий Донской» обстоит весьма просто, — решил Государь после минутного размышления, — мне кажется, что это будет очень хорошо, если представитель нашей семьи передаст мою личную благодарность президенту Соединенных Штатов. Что же касается твоей просьбы руки Ксении, то мне кажется, что до меня ты бы должен был переговорить с нею.

— Я уже говорил с нею, и мы решили, что я должен просить у Вашего Величества аудиенции.

— Понимаю. Ну что же, принципиально я не против этого. Я тебя люблю. Если ты любишь Ксению и она тебя любит, то я не вижу никаких препятствий, чтобы вам пожениться. Но придется немного подождать. Императрица не хочет, чтобы Ксения выходила слишком рано замуж. Мы окончим этот разговор не ранее чем через год.

Я горячо поблагодарил Государя и бросился к Ксении, чтобы сообщить ей результат нашего разговора. Мы надеялись получить согласие Императрицы ранее чем через год.

Я отправился в Америку со спокойным сердцем.

Мне исполнилось ровно 27 лет в тот туманный весенний день, когда крейсер «Дмитрий Донской» бросил якорь в Гудзоновом заливе.

Официально я приехал выразить благодарность президенту Клевелэнду от имени моего кузена, Императора Александра III за помощь, оказанную Соединенными Штатами России во время неурожая. Не-

официально я хотел бросить взгляд на эту страну будущего и надеялся, что и она определит мою судьбу.

Всемирная выставка должна была открыться приблизительно ко времени нашего прибытия, и вся страна находилась в большом напряжении. Никогда еще до того времени столько наций не посылали своих флотов к берегам Соединенных Штатов. Великобритания, Франция, Германия, Италия, Россия, Австро-Венгрия, Аргентина — все были представлены на блестящем международном смотре в Нью-Йоркском порту в мае месяце 1893 г.

Посещение инфанты испанской Евлалии явилось сенсацией выставки. Император Вильгельм послал самого выдающегося дипломата Германии фон Булова для противодействия этой «испанской интриге». Шотландские горцы играли на волынках, а французы были представлены специальным оркестром Республиканской Гвардии. И тот факт, что все великие державы боролись за расположение и дружбу Соединенных Штатов, — был весьма знаменателен. Однажды жаркой июльской ночью, проезжая по декорированному пятому авеню в резиденцию Джона Джакоба Астора и глядя на ряды освещенных домов, я внезапно ощутил рождение новой эпохи. <...>

— Когда же твоя свадьба? — спросил меня отец, когда я возвратился в С.-Петербург.

— Я должен ждать окончательного ответа Их Величеств.

— Находиться в ожидании и путешествовать, кажется, две вещи, которые ты в состоянии делать, — нетерпеливо сказал отец. — Это становится уже смешным. Ты должен наконец создать свой домашний очаг. Прошел целый год с тех пор, как ты говорил с Государем. Пойди к Его Величеству и испроси окончательный ответ.

— Я не хочу утруждать Государя, чтобы не навлечь его неудовольствия.

— Хорошо, Сандро. Тогда мне придется самому заняться этим делом.

И не говоря ни слова, отец мой отправился в Аничков дворец, чтобы переговорить с Государыней окончательно, оставив меня в состоянии крайнего волнения. Я знаю, что отец мой обожает великую княжну Ксению и сделает все, что в его силах, чтобы получить согласие ее царственных родителей на наш брак. Но я знал также и Императрицу. Она не переносила, чтобы ее торопили или же ей противоречили, и я опасался, что она сгоряча даст отрицательный ответ и отрежет возможность дальнейших попыток.

Я помню, что сломал в своем кабинете по крайней мере дюжину карандашей, ожидая возвращения моего отца. <...>

Вдруг раздался звонок в комнате его камердинера, и вслед за тем я услышал его знакомые твердые шаги. Он никогда не поднимался быст-

ро по лестнице. На этот раз он поднимался прямо бегом. Лицо его сияло. Он чуть не задушил меня в своих объятиях.

— Все устроено, — сказал он входя, — ты должен отправиться сегодня к Ксении в половине пятого.

— Что сказала Императрица? Она рассердилась?

— Рассердилась? Нет слов, чтобы описать ее гнев. Она ужасно меня бранила. Говорила, что хочу разбить ее счастье. Что не имею права похитить у нее ее дочь. Что она никогда не будет больше со мною разговаривать. Что никогда не ожидала, что человек моих лет будет вести себя столь ужасным образом. Грозила пожаловаться Государю и попросить его покарать все наше семейство.

— Что же ты ответил?

— Ах — целую уйму разных вещей! Но к чему теперь все это. Мы ведь выиграли нашу борьбу. А это главное. Мы выиграли, и Ксения — наша. <...>

Гоф-фурьер Ксении Александровны Березин сидел на стуле и читал газету.

— Доложите, пожалуйста, обо мне Ее Императорскому Высочеству.

Березин удивленно посмотрел на меня. Такая официальность была для него новостью — я всегда входил без доклада. Он улыбнулся, или же мне это так показалось, и повел меня в салон великой княгини. Еще вчера мы пили веселой компанией чай в этой чудесно обставленной комнате, но сегодня мне уже все казалось другим. Я стоял и смотрел на дверь в спальню Ксении.

— Как странно, — подумал я, — что она так долго не идет...

И вдруг она вошла с опущенными глазами, в простой белой шелковой блузе и синей юбке. Она остановилась у окна в выжидательной позе. Я взял ее за руку и повел к двум мягким креслам. Мы говорили почти шепотом, и мне казалось, что мы говорили одновременно. Раньше мы обменивались поцелуями, но это были поцелуи кузенов. Теперь я поцеловал ее как ее будущий супруг...

— Пойдем к папá и мамá, — сказала Ксения. — Будь осторожнее с мамá. Она еще сердится. Она прямо хотела уничтожить твоего отца за его настойчивость добиться ее согласия.

Я рассмеялся. В этот момент я был готов бороться против всех императриц мира.

Стараясь выглядеть не рассерженной, Императрица поцеловала меня и сказала:

— Я не должна была бы тебя целовать. Ты ведь отнимаешь у меня дочь. Но что я могу поделать? Пожалуйста, передай своему отцу, чтобы он, по крайней мере, в течение года не показывался бы мне на глаза.

Император приветливо кивнул мне. Он уже успел позвонить по телефону моему отцу, прося немедленно прибыть в Аничков дво-

рец. И через пять минут главный виновник происшествия вошел в салон Императрицы, невозмутимо улыбаясь. Александр III отдал приказание прислуге предупредить всех членов Императорской фамилии о том, что сегодня в половине девятого состоится обед, на котором будет объявлено о нашей помолвке.

За столом Ксению и меня посадили рядом. Государь выглядел довольным, и царило приподнятое настроение. <...>

20 октября 1894 г. Никки и я стояли на веранде чудесного Ливадийского дворца с мешками кислорода в руках: мы присутствовали при последних минутах Александра III.

Даже соленое дыхание южного моря не могло вернуть к жизни человека, поставившего себе целью жизни предотвратить беспощадный ход революции. Кончина Александра III была подобна его жизни. Являясь убежденным врагом звучных фраз и мелодраматических эффектов, Царь при приближении последней минуты лишь пробормотал короткую молитву и простился с Императрицей.

Люди умирают ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особого значения смерти тех, кого мы любим, но тем не менее смерть Императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. <...>

Александра III все боялись как огня.

— Перестань разыгрывать Царя, — телеграфировал Александр III тому же Сергею Александровичу в Москву.

— Выкинуть эту свинью, — написал Царь на всеподданнейшем докладе, в котором описывались скандальные действия одного сановника, занимавшего ответственный пост, который ухаживал за чужой женой.

— Когда Русский Царь удит рыбу, Европа может подождать, — ответил он одному министру, который настаивал в Гатчине, чтобы Александр III принял немедленно посла какой-то великой державы.

Однажды какой-то чрезмерно честолюбивый министр угрожал отставкой Самодержцу. В ответ на эти угрозы Царь взял его за шиворот и, тряся как щенка, заметил:

— Придержите-ка ваш язык! Когда я захочу вас выбросить, вы услышите от меня об этом в очень определенных выражениях.

Когда Вильгельм II предложил Александру III «поделить мир между Россией и Германией», Царь ответил:

— Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. <...>

Трагедия России заключалась в том, что такому волевому человеку было суждено умереть в возрасте сорока девяти лет.

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД

<...> Я бросилась к своим; на улицах повсюду шел говор и было заметно волнение: говорили о государе, о ранах, о крови и смерти. Когда я вошла к себе, к друзьям, которые еще ничего не подозревали, то от волнения едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала, как и другие: тяжелый кошмар, на наших глазах давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван; ужасы тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников — все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить место обновлению России.

В этот торжественный момент все наши помыслы заключались в надежде на лучшее будущее родины.

Через короткое время приехал Суханов, радостный и возбужденный, обнимавший и поздравлявший всех по поводу этого будущего. Редактированное нами через несколько дней письмо к Александру III достаточно характеризует общее настроение петербургских членов партии в период, последовавший за 1 марта. Оно составлено с умеренностью и тактом, вызвавшим сочувствие во всем русском обществе. Опубликованное на Западе, оно произвело сенсацию во всей европейской прессе; самые умеренные и ретроградные органы заявили одобрение требованиям русских нигилистов, находя их разумными, справедливыми и значительной частью своей вошедшими давным-давно в повседневный обиход западноевропейской жизни.¹ <...>

Ожидания общества

Исполнительный комитет — говорю о Комитете 1879 года — в сущности кончил свое бытие, а между тем Россия, взволнованная царевубийством, была еще полна отголосками 1 марта. Общественное мнение широкой публики, остававшейся впотьмах относительно реальных сил партии², ослепленное деятельностью Комитета, сильно преувеличивавшее их, ожидало еще великих потрясений впереди: ведь Коми-

тет в своих изданиях неоднократно заявлял, что царевубийство будет производиться систематически и оружие не будет сложено до тех пор, пока самодержавие не сдастся и свободные учреждения не заменят царского режима. Здесь не лишнее рассказать об одном эпизоде, относящемся к тому времени.

3 марта Кибальчич, сильно взволнованный, неожиданно явился к нам на квартиру у Вознесенского моста, куда он не должен был приходить без особого оповещения. Он сообщил, что квартира Саблина и Геси Гельфман на Тележной взята полицией. Саблин застрелился, а Тимофей Михайлов арестован на лестнице по дороге к ним. Это событие ставило на очередь судьбу магазина сыров на М. Садовой. Он еще не был ликвидирован нами, и его хозяева, Богданович и Якимова, оставались на своих местах в нем. Каждую минуту он мог быть открыт полицией. Часа в два, когда на квартире кроме меня и Исаева присутствовали Тихомиров, Перовская, Ланганс, Якимова³ и еще человек шесть из Комитета, вопрос о ликвидации магазина был поставлен на обсуждение, и было постановлено, что это должно быть сделано немедленно, причем хозяева покинут Петербург в тот же вечер. Одна я была другого мнения: я предлагала сохранить магазин еще на 2—3 дня на случай, не поедет ли новый император, живший с императрицей в Аничковом дворце, в Михайловский манеж по той же Малой Садовой, по которой ездил его отец, и если это произойдет, взорвать мину, предназначавшуюся для Александра II. Я указывала, что рисковать в этом случае лицами, которые останутся в магазине, стоит, и Исполнительный комитет имеет право на такой риск... Однако присутствовавшие все были против. У меня вырвался возглас: «Это трусость!» Тогда Тихомиров и Ланганс, стоявшие рядом со мной, с гневным жестом подняли крик: «Вы не имеете права говорить так!..» Остальные молчали, и дело было снято с очереди.

Было решено, что Якимова, придя в магазин, скажет Богдановичу о постановлении Комитета, и он уедет из Петербурга с первым поездом, а Якимова в обычный час запрет магазин и уйдет, чтобы с другого вокзала оставить город. Так Кобозевы⁴ и сделали: сначала ушел Богданович, а вечером в обычное время Якимова закрыла магазин, зажгла перед образом Георгия Победоносца лампадку и вышла с маленьким узелком через ворота мимо дремавшего дворника.

Утром 4 марта дворник, встревоженный тем, что время проходит, а магазин не открывается и хозяева не обнаруживают признаков жизни, дал знать в полицию, которая явилась делать свое дело.

На прилавке она нашла кучку медяков и записку: хозяйка просила в ней передать прилагаемые деньги мяснику за печенку, которую она забирала для кота Васьки.

За невозможностью немедленного второго царевубийства наступило затишье. С нашей стороны оно было вынужденным, но обществен-

ное мнение толковало его как затишье перед грозой. Само правительство разделяло такой взгляд и ожидало новых трагических событий. Напряженное ожидание было, можно сказать, характерным признаком общественного настроения того времени. Действия Комитета за весь истекший период были окружены тайной: никто не знал, когда именно, в какой момент и в какой форме загремит удар. Никто не знал и того, какими средствами в смысле персонала и техники располагает Народная воля. Эту полную неизвестность и вместе с тем признание Исполнительного комитета в данное время вершителем судеб России в смысле поворота к свободе или еще большего усиления реакции в шутиливой форме, метафорически выразил Глеб Иванович Успенский: в беседе со мной как-то после 1 марта и в связи с этим событием он сказал: «Что-то с нами теперь сделает Вера Николаевна?» — подразумевая под Верой Николаевной Исполнительный комитет.

После краткого периода неопределенности и колебаний, которые отражались в чиновничьей части публики предвещаниями, что на 25 лет воцарится злейшая реакция, стало ясно, что от нового царя ждать перемен нечего. Реакционное направление внутренней политики стало пред всеми совершенно определено: манифест 29 апреля объявил принцип самодержавия незыблемым; отставка Лорис-Меликова, Милютин и Абазы показывала, что либеральные потуги дать хоть какое-нибудь удовлетворение общей потребности в свободе кончились и все останется по-старому.

Но революционная партия, Исполнительный комитет — замолчит ли он после всех заявлений, после письма Александру III, в котором были формулированы требования, не получившие удовлетворения? Все недовольные старым порядком верили, хотели верить, что нет. Поведение правительства поддерживало эту веру: новый император не короновался, об этом и помина не было, и единственным объяснением служит страх перед террористами. Сказочные слухи ходили в публике насчет их намерений и планов. Говорили, что в Москве в ожидании будущей коронации наняты помещения, из которых ведутся подкопы, чтобы взорвать коронационное шествие, и заняты чердаки, чтоб с них бросать бомбы. Из уст в уста шла молва, что сам сыроторговец Кобзев (Богданович) с теми же террористическими замыслами берет подряд по устройству праздничной иллюминации. Говорили, что он продолжает торговать сырами, закупает их в провинции и эти сыры, начиненные динамитом, ввозятся в Москву и т. п. На деле Исполнительный комитет не помышлял ни о чем подобном. В первые дни после 1 марта Перовская в крайне возбужденном состоянии от всех переживаний, словно обуреваемая манией, забыв о благоразумии только и думала о подготовке к новому покушению на цареубийство. Она наводила разные справки, отыскивала прачек и модисток, обслуживающих население дворцов, собирала повсюду указания на

лиц, имеющих возможность при тех или иных условиях встречаться с царствующими особами (например, на празднике георгиевских кавалеров). Она лично делала наблюдения над выездами царя из Аничкова дворца, пока не была наконец арестована вблизи него. С ее задержанием и переездом членов Исполнительного комитета в Москву эти конвульсивные попытки прекратились. Мы знали, что царь спрятался в Гатчине и живет там, как узник, доступ к которому невозможен. Никаких изысканий, собирания сведений и тем более наблюдений Комитет не предпринимал, и никаких проектов воспользоваться коронными торжествами в Комитете не возникало. Даже самый вопрос о цареубийстве не поднимался. Ни разу в течение моего пребывания в Москве на совещаниях об этом не говорили, до такой степени была очевидна полная невозможность ставить такое дело при наших тогдашних силах. <...>

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III

Ваше Величество! Вполне понимая то тягостное настроение, которое Вы испытываете в настоящую минуту, Исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями.

Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего происшедшего в течение последнего десятилетия она являлась совершенно неизбежной, и в этом ее глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе правительственной власти. Объяснить подобные факты злоумышлением отдельных личностей или хотя бы «шайки» может только человек, совершенно не способный анализировать жизнь народов. В течение целых 10 лет мы видим, как у нас, несмотря на самые строгие преследования, несмотря на то что правительство покойного императора жертвовало всем — свободой, интересами всех классов, интересами промышленности и даже собственным достоинством, — безусловно всем жертвовало для подавления революционного движения, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая к себе лучшие элементы страны, самых энергичных и самоотверженных людей России, и вот уже три года вступило в отчаянную, партизанскую войну с правительством.

Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойного императора нельзя обвинять в недостатке энергии. У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых «вожаков» переловлены, перевешаны. Они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло. Да,

Ваше Величество, революционное движение не такое дело, которое зависит от отдельных личностей. Это процесс народного организма, и виселицы, воздвигаемые для наиболее энергичных выразителей этого процесса, так же бессильны спасти отживающий порядок, как крестная смерть Спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства.

Правительство, конечно, может еще переловить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных революционных групп. Допустим, что оно разрушит даже самые серьезные из существующих революционных организаций. Но ведь все это нисколько не изменит положения вещей. Революционеры создают обстоятельства, всеобщее неудовольствие народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредством репрессий: неудовольствие, напротив, растет от этого. Поэтому на смену истребляемых постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные. Эти личности в интересах борьбы, разумеется, организуются, имея уже готовый опыт своих предшественников; поэтому революционная организация с течением времени должна усиливаться и количественно и качественно. Это мы видим в действительности за последние 10 лет. Какую пользу принесла правительству гибель долгушинцев, чайковцев, деятелей [18]74 г. ¹? На смену их выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессии вызвали затем на сцену террористов [18]78—[18]79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальских, Дубровиных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушало десятки революционных кружков. Из этих несовершенных организаций путем естественного подбора вырабатываются только более крепкие формы. Появляется, наконец, Исполнительный комитет, с которым правительство до сих пор не в состоянии справиться.

Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера повторяться все более обостренно; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп все более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране между тем увеличивается; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка.

Чем вызывается, обуславливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите этого за фразу.

Исполнительный комитет императору Александру III

Мы лучше, чем кто-либо другой, понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии на деле разрушения, в кровавых схватках, в то время когда эти силы при других условиях могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитие народа, его ума, благосостояния, его гражданского общежития. Отчего же происходит эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, Ваше Величество, что теперь у нас настоящего правительства в истинном его смысле не существует. Правительство по самому своему принципу должно только выражать народные стремления, только осуществлять народную волю. Между тем у нас — извините за выражение — правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской шайки гораздо более, чем Исполнительный комитет. Каковы бы ни были намерения государя, но действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлениями. Императорское правительство подчинило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает все в большее рабство, все более эксплуатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения, несвободны от самого обидного надзора даже у своего домашнего очага, не властны даже в своих мирских, общественных делах. Покровительством закона и правительства пользуется только хищник, эксплуататор: самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждет человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое — правительство, охраняющее подобный «порядок»? Неужели это не шайка, неужели это не проявление полной узурпации?

Вот почему русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как цареубийство, вызывает в огромной части населения радость и сочувствие! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно.

Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к Вашему Величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести, Вы можете

Исполнительный комитет императору Александру III

смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исполн[ительный] комит[ет] сам прекратит свою деятельность, и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем Вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости.

Мы обращаемся к Вам, отбросивши всякие предубеждения, подавивши то недоверие, которое создала вековая деятельность правительства. Мы забываем, что Вы представитель той власти, которая столько обманывала народ, сделала ему столько зла. Обращаемся к Вам как гражданину и честному человеку. Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в Вас сознания своих обязанностей и желания знать истину. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от Вас.

Мы не ставим Вам условий. Пусть не шокирует Вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их.

Этих условий, по нашему мнению, два:

1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями.

<...> Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия, со своей стороны, безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием.

Итак, Ваше Величество, решайте. Перед Вами два пути. От Вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы Ваш разум и совесть подсказали Вам решение, единственно сообразное с благом России, с Вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной.

Исп[олнительный] ком[итет], 10 марта 1881 г.

Типография «Народной воли», 12 марта 1881 г.

ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА АЛЕКСАНДРУ III

Сегодня отправил я к вашему высочеству, между прочим, объявление, вырезанное из газеты «Голос», о потере зонтика государынею цесаревной. Это объявление здесь удивило многих, — не знаю, кем оно сделано, и с вашего ли согласия: в конторе ничего об этом не знают. В нынешнее смутное время невольно приходит на мысль, не подает ли этот зонтик повода неизвестным людям проникнуть в Александрию.

Ах! К несчастью моему, я вижу вблизи и слышу всех этих людей, которые ныне держат в руках своих судьбы государства. Не могу выразить, какую жалость и горькую печаль они возбуждают: никого не видно, кто знал бы, чего хочет, кто желал бы горячею душой, кто решился бы действовать твердою волей, кто видел бы правду, кто говорил бы правду твердым словом. Все какие-то *скопцы*, а не люди, — самые лучшие из них колеблются, трусят, раздвоены в своей мысли и оттого говорят только, но не действуют, и все врозь друг с другом, и нет единой решительной воли, которая связала бы их вместе и направила. Про таких-то людей в Апокалипсисе сказано: «Знаю твои дела: ты не холоден, ни горяч. Пусть бы ты был либо горяч, либо холоден, но ты только тепловат; не могу тебя терпеть, выплуну тебя из уст моих».

Они все живут так, как будто величие их власти им принадлежит, а дело их идет само по себе. И горько слышать пустые и громкие их речи, когда знаешь жалкие дела их. <...>

Вот теперь заседает еженедельно комиссия, которой поручено изыскать способы к умиротворению государства и к водворению порядка. Председателем ее сам первый мастер пустозвонной фразы Валуев, посевший в практике громких речей, из которых ничего не выходит, кроме лести и заблуждения, почерпающий из лондонского «Times» свои вдохновения и государственные взгляды. Когда видишь перед собою репейник, можно ли ждать, что на нем виноград вырастет. Не будет и тут винограда!

Вот на днях один из чинов этой комиссии шептал мне на ухо, что Валуев зачинает странные речи, задумывает какую-то конституцию своего изобретения, говорит о необходимости «призвать из общества охранительные элементы к участию в государственной деятельности».

И я уверен, что все эти члены, которые шепчут на стороне свои жалобы на такие замыслы, молчат в самом заседании и не посмеют сказать свое твердое слово или не сумеют сказать его. Итак, — чего доброго, не успеем оглянуться, как возникнет в русской земле и в русском управлении новая лесь, горше всех прежних, явится какой-нибудь бессмысленный парламент на конечную гибель России и на радость друзьям нашим англичанам, немцам, французам и особенно полякам, которые только этого и ждут, чтобы достигнуть своей цели. Что-то роковое толкает нас в эту бездну со всех сторон, и — увы! — как видно, и со стороны правительства, которое поистине не знает что делает.

О нынешних смутах, злодействах и заговорах мнение мое сначала было и есть такое, что в центре всего этого дела — польский комитет. Он все завел и все держит, и все направляет искусною, дьявольскою интригой. Все эти социалисты, кинжальщики и пр. не что иное, как собаки, спущенные с цепи: они работают бессознательно не на себя, а для польского гнезда, которое рассчитало свой план очень ловко и может достигнуть его *с помощью наших государственных людей*, проповедующих, как, напр., Валуев, примирение с поляками и превосходства польской цивилизации.

Не погневайтесь, ваше высочество, за эти откровенные и невеселые письма. Говорить вам на словах редко приходится, а у меня душа болит невыразимо от всего, что вижу и слышу, и не терпится иногда сказать вам на письме слово о нынешнем положении, которое вас должно тяготить более, чем кого-нибудь. Но вы живете на высотах и многого, что видим мы, не можете видеть.

Да сохранит вас господь и да вразумит на лучшее!

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

17 мая 1879.

Ваше императорское величество.

Не могу успокоиться от страшного потрясения. Думая об вас в эти минуты, на кровавом пороге, через который богу угодно провести вас в новую судьбу вашу, вся душа моя трепещет за вас — страхом неведомого, грядущего на вас и на Россию, страхом великого, несказанного бремени, которое на вас ложится. Любя вас как человека, хотелось бы, как человека, спасти вас от тяготы в привольную жизнь; но на это нет силы человеческой, ибо так *благоволил бог*. Его была святая воля, чтобы вы для этой судьбы родились на свет, и чтобы брат ваш возлюбленный, отходя к нему, указал вам на земле свое место.

Народ верит в эту волю Божию и по его велению возлагает надежду свою на вас и на крепкую власть, богом врученную вам. Да благословит бог! Да ободрит вас молитва народная, а вера народная да даст вам силу и разум править крепкой рукой и твердой волей.

Письма К. П. Победоносцева Александру III

Простите, ваше величество, что не могу утерпеть и в эти скорбные часы подхожу к вам с своим словом: ради бога, в эти первые дни царствования, которые будут иметь для вас решительное значение, не упускайте случая заявлять свою решительную волю, прямо от вас исходящую, чтобы все слышали и знали: «Я так хочу, или я не хочу и не допущу».

Гнетет меня забота о вашей безопасности. Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном дворце. Мысль эта вкоренилась в народе.

Смею еще напомнить вашему величеству о Баранове. Это человек, преданный вам, — я знаю, — и умеющий действовать, когда нужно. Его ждут сюда из Ковно послезавтра.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

3 марта 1881.

Ваше императорское величество.

Измучила меня тревога. Сам не смею явиться к вам, чтоб не беспокоить, ибо вы стали на великую высоту. Не знаю ничего, — кого вы видите, с кем говорите, кого слушаете и какое решение у вас на мысли. О, как бы я успокоился, когда бы знал, что решение ваше принято и воля вашего величества определилась.

И я решаюсь опять писать, потому что час страшный и время не терпит. Или теперь спасти Россию и себя, или никогда.

Если будут вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, — о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и ваша: это ясно для меня, как день. Безопасность ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить. Победить не трудно: до сих пор все хотели избегать борьбы и обманывали покойного государя, вас, самих себя, всех и все на свете, потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники.

Нет, ваше величество: один только и есть верный, прямой путь — встать на ноги и начать, не засыпая ни на минуту, борьбу, самую святую, какая только бывала в России. Весь народ ждет вашего властного на это решения и, как только почует державную волю, все поднимется, все оживится, и в воздухе посвежеет.

Народ возбужден, озлоблен; и если еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы.

Последняя история с подкопом приводит в ярость еще больше народное чувство. Не усмотрели, не открыли; ходили осматривать и не нашли ничего. Народ одно только и видит здесь — *измену*, — другого слова нет. И ни за что не поймут, чтоб можно было теперь оставить прежних людей на местах.

И нельзя их оставить, ваше величество. Простите мне мою правду. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если вы отдадите себя в руки ему, он приведет вас и Россию к гибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет, — что я сам ему высказывал неоднократно. И он — не патриот русский. Берегитесь, ради бога, ваше величество, чтоб он не завладел вашей волей, и не упускайте времени.

А если не он, то кто же! Ваше величество, — я их всех вижу и знаю, каких грошей они стоят. Из всех имен смею назвать вам разве гр. Николая Павл. Игнатьева. Он имеет еще здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения — между простыми людьми. Возьмите его на первый раз, но кого-нибудь *верного* надобно взять немедленно.

Петербург надобно было с первого же дня объявить на военном положении: в Берлине после покушения тотчас сделали это и умели распорядиться немедленно.

Это — проклятое место. Вашему величеству следует тотчас после погребения *выехать отсюда* в чистое место, — хотя бы в Москву, — и то лучше, а это место бросить покуда, пока его еще очистят решительно. Пусть здесь остается новое ваше правительство, которое тоже надобно чистить сверху донизу. — Здесь, в Петербурге, люди найдутся, авось. Завтра приедет сюда Баранов; еще раз смею сказать, что этот человек может оказать вашему величеству великую службу, и я имею над ним нравственную власть.

Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходов, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного.

Сабуров не может быть долее терпим на месте: это совсем тупой человек, и тупость его наделала много бед, и с каждым днем больше делает. В приискании ему преемника было бы не так много затруднений. Из называемых кандидатов всех серьезнее барон Николай: но в ожидании прочного назначения есть возможность немедленно поручить управление Делянову, которого знает все ведомство очень близко и человек здорового духа.

Ваше величество. Простите меня за откровенную речь. Но я не могу молчать, — долг мой говорить вам; если не ошибаюсь, вам никогда не было неудобно слушать меня. Вы, конечно, чувствовали, при всех моих недостатках, что я при вас ничего не искал себе, и всякое слово мое было искреннее. Бог меня так поставил, что я мог говорить вам близко, но верьте, счастлив бы я был, когда бы не выезжал никогда из Москвы и из своего маленького домика в узком переулке.

Страх берет меня, когда думаю, что вы одиноки и не на кого вам опереться. Ради бога, если бы вы пожелали ближе поговорить о том, что я пишу, прикажите мне явиться, — я каждый час и каждую минуту на службе вашей. Сам собою я теперь не вправе явиться к вам. Позовите к себе старика *С. Гр. Строгонова*: он человек правды, старый слуга ваших предков, свидетель и деятель великих исторических событий. Он на краю гроба, но голова его свежа, и сердце его русское. Нет другого человека в России, с кем было бы благоприятнее вам иметь совет в эту страшную минуту. Сегодня он приезжал ко мне, взволнованный, расстроенный, исполненный тревожной заботы об вас и об России.

Боже, боже! Спаси нас!

Но мы люди божии и должны *действовать*. Судьбы России на земле — в руках вашего величества. Благослови боже вам сказать слово правды и воли, и вокруг вас соберется полк истинно русских, здоровых людей вести борьбу на жизнь и на смерть за благо, за всю будущность России.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

6 марта 1881.

Ваше императорское величество.

С каждым днем больше убеждаюсь в основательности того, что писал вам 6-го марта, и вновь горячо прошу вникнуть в тогдашние слова мои.

Именно в эти дни нет предосторожности излишней для вас. Ради бога, примите во внимание нижеследующее:

1. Когда собираетесь ко сну, извольте запирайте за собою двери — не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

2. Непременно наблюдать каждый вечер, перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать.

3. Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке.

4. Один из ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от вас, в этих же комнатах.

Письма К. П. Победоносцева Александру III

5. Все ли надежны люди, состоящие при вашем величестве? Если бы кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его.

Дней через десять, через пятнадцать многое может разъясниться; но до тех пор, ради бога, будьте осторожны на каждую минуту.

Бог да хранит вас со всем вашим домом. Много простых душ за вас молятся.

Вашего императорского величества верноподданный

К. Победоносцев.

11 марта 1881.

Ваше императорское величество.

Простите ради Бога, что так часто тревожу Вас и беспокою.

Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Слух этот дошел до старика гр. Строгонова, который приехал ко мне сегодня в волнении.

Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет — этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили *убийц отца Вашего*, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропшет, что оно замедляется.

Если бы это могло случиться, верьте мне, государь, это будет принято за грех великий, и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, Ваше величество, — да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

30 марта 1881 г.

Петербург.

Будьте спокойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь. А.

По случаю нынешних ужасных событий святейший синод положил издать ко всему народу пастырское послание. Это будет соответствовать действительной потребности, отовсюду заявленной. Подобные

примеры бывали в случаях гораздо менее важных, например, после истории Петрашевского в 1848 году.

Определение синода пропущено мною сегодня и на днях подлежит исполнению.

Копию с предполагаемого послания имею честь представить при сем Вашему императорскому величеству.

Перед Пасхою представляют обыкновенно на высочайшее воззрение предположения о наградах по духовному ведомству. Если Вашему императорскому величеству благоугодно сохранить тот же порядок, то буду ожидать приказания, когда явиться с сим докладом в Гатчину.

Константин Победоносцев.

2 апреля 1881 года.

Петербург.

Совершенно одобряю эту мысль. Если желаете меня видеть, то приезжайте в Гатчину в понедельник в 12 часов.

Ваше императорское величество.

Вчера вечером Набоков принес в заседание министров манифест, который был прочитан по отъезде вел. кн. Владимира Александровича. Смущение было общее, но, кроме смущения, у некоторых явно выказывалась досада. Лорис-Меликов и Абаза прямо сочли себя обиженными, — они с Милютиным удивлялись, можно ли было после того заседания 21 марта¹, где государь «выразил доверие к ним» и, так сказать, вступил с ними в «соглашение», издать такой акт без совещания с ними. И Лорис, и Абаза заявили свое намерение просить об увольнении.

Спрашивали, кто писал манифест. Разумеется, я сказал, что писал я по приказанию вашего величества. Затем я молчал, пока они говорили, — не потому, что я не имел что сказать, но для того, чтоб они не подумали, что я говорю от вашего имени.

Но теперь хочу доложить вашему величеству, что *нравственное* ваше отношение к этому делу и к министрам совершенно незыблемо, и напрасно они хотели бы, может быть, выставить, что вы как будто нарушили какой-то мнимый завет ваш с ними. Никакого завета в этом смысле, сколько я знаю, не было: он существует в их воображении.

Я сказал бы им: если вы столь легкомысленны, что обижаетесь, то вам же хуже. Вы не конституционные министры. Какое право имели бы вы требовать, чтобы государь обращался в важных случаях к народу не иначе, как через вас или по совещании с вами. Он считает себя самодержавным государем и хочет иметь к народу прямую волю и прямое слово. Если б еще слово его противоречило ходу вашего управле-

ния и мешало вам делать ваше дело, — вы были бы в затруднении. Но что вы находите в этом обращении государя к народу, кроме того, что в народе само собою разумеется, что составляет связь его с государем, и что в последнее время смущало всех русских людей под каким-то тяжким сомнением. Это слово государя не может мешать вам, и вы можете только ему радоваться. Изъявляя претензию на то, что государь предоставляет в важных случаях самому себе держать слово к народу, — по меньшей мере странно.

Вот что сказал бы я им и что теперь хочу выразить вашему императорскому величеству. Только что встало утро 29 числа, — многие за вас молятся, да сохранит вас господь и да благословит!

Верноподданный

Константин Победоносцев.

29 апр. 1881.

Ваше императорское величество.

Опять берусь за перо, чтобы беспокоить вас, потому что всякую минуту об вас думаю.

После вчерашнего совещания не знаю, о чем будут совещаться Лорис-Меликов с Абазою, но они, несомненно, совещаются, что им делать. Вчера они совещались уходить, сегодня, может быть, придут к иному решению. Но я *убежден*, что своей политики они не переменят, и отношение их к вашему величеству не станет искреннее. А теперь для вас, по крайнему моему разумению, всего важнее и всего дороже, чтоб у власти были люди, которым вы верите. Насильственное, натянутое продолжение тех же отношений поведет только к усиленному раздражению. Они чувствуют, что вы им не доверяете, и *раздражены*, а раздражение — плохой советник. Итак, если они заговорят о желании отойти от дел, ради бога, ваше величество, не удерживайте их: удерживая их, вы им сделаете уступку и тем ослабите нравственное свое положение. Если не будет на ту минуту готовых людей на их место, — это не беда: можно подождать и удовольствоваться на первый раз временным состоянием. Важнее всего, чтобы поле было расчищено, чтоб не было людей с раздраженным и раздраженным самолюбием и властолюбием, преследующих свои цели; важно, чтобы прекратилась, наконец, эта глухая борьба ваша с министрами и восстановилось, сколько можно, правильное и спокойное течение дел. Нельзя забывать, что в этой игре остается еще до сих пор еще человек с раздраженным властолюбием, — вел. кн. Константин Николаевич. А Лорис чувствует себя глубоко оскорбленным и раздражен сильно, — это видно по всему. Время, в которое мы живем, — смутное время. Опасно оставлять у кормила правления людей, потерявших голову. Они вообразили себе теперь, что в заседании 21 марта вы связали себя с ними взаимным обязательством

и что вы нарушаете его. Ссылка на самодержавие в манифесте представляется им обидою.

Остаюсь навсегда вашего императорского величества верноподданным и вернопреданным.

*Константин Победоносцев.
Петербург. 29 апреля 1881.*

Заседание 21 марта у В. в. имело результатом покуда лишь сближение между лицами, на первый раз и это хорошо; я радуюсь, что со мною говорят без принуждения те, которые до сих пор избегали меня. С того дня я еще не видел никого из министров. Жду с нетерпением, когда мы соберемся для общего совещания. Вел. кн. Владимир Александрович заметил, что все бывшее доньше разногласие происходит лишь от недоразумений, но я боюсь, что эти недоразумения глубже, чем кажется, и должны обнаружиться всякий раз, когда придется не говорить только речи, а приступать к действиям и к распоряжениям. Нетрудно рассуждать, причем для избежания разногласий сглаживаются фразы, резкие оттенки взглядов и мнений; но когда надобно приступать к действию решительному, тут обнаруживается рознь и сила действия парализуется.

В публике ходили на прошлой неделе и продолжают до сих пор самые странные слухи и ожидания по случаю этого совещания. Многие были уверены, что 15, потом 17, 18 числа произойдет и объявится нечто необычное. Поднялись опять толки о представительстве — авось-либо теперь они затихнут. Но смущение не успокоится, я убежден в том, покуда правительство не заявит себя такими действиями, которые ни в ком не оставляли бы сомнения или раздвоенной мысли.

Смею думать, Ваше императорское величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени Вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех благонамеренных прямых людей. Первый манифест был слишком краток и неопределен. Я попробую, если угодно будет, придумать соответственную редакцию и представить на Ваше усмотрение.

Вместе с тем продолжаю думать, что Вашему величеству необходимо появиться в Петербурге. Постоянное, безвыездное пребывание Ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов самых невероятных, но тем не менее принимаемых на веру. Нынче из народа уже спрашивали, правда ли, что государя нет уже на свете и что это скрывают. Распространение, усиление таких слухов может быть очень опасно в России, и люди злонамеренные, их ныне так много, пользуются ими, чтобы смущать народ. Много таких в России — все они ждут в волнении и страхе, в чем выскажется, куда направится настоящее правительство.

Ваше императорское величество.

Позвольте мне еще раз обеспокоить вас по тому же делу.

От появления высочайшего манифеста донныне продолжается недоумение. На другой день мне стало известно, что ваше величество приняли просьбу Лорис-Меликова об увольнении и в том же смысле отвечали на просьбу Абазы. И слава богу. Слух об этом распространился в городе, но указы до сих пор еще не появились, чем поддерживается общее недоумение. Жаль, что они не появились тотчас же.

Сегодня, к удивлению моему, я видел Абазу в государственном совете, а потом узнал, что ваше величество, по просьбе Бунге, изволили согласиться, чтоб Абаза продолжал исполнять свои обязанности до закрытия сессии в государственном совете.

Простите, ваше величество, если я скажу, что это известие привело меня в крайнее смущение. Бунге мог не знать все предшествовавшие обстоятельства, но вашему величеству они были известны. По крайнему моему убеждению, необходимо было немедленное увольнение Абазы.

Ваше величество, не извольте обманываться. С 29 апреля эти люди — *враги ваши*. Они хотят доказать во что бы то ни стало, что они были правы, а вы не правы, и средства для этого не следовало никак оставлять еще на две недели в руках у Абазы. У него в руках биржа, и он стал с первого же дня действовать на падение курсов. Он поддерживает слухи, что партия, желавшая свободы и блага, проиграла, и что настает, хотя и временно, период реакции. А теперь он стоит в таком положении, как будто его просили из одолжения остаться.

Что касается до Милютина, то он, конечно, не покажет на лице своем знаков раздражения. Но он раздражен до крайности и озлоблен: я так и думал, но все, что слышу об нем от гр. Игнатьева, подтверждает мое предположение. Верьте, ваше величество, эти люди могут быть только опасны для вас в настоящую минуту.

В среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением: не мог и я ожидать такого безумного ослепления. Зато все здоровые и простые люди несказанно радуются. В Москве ликование, — вчера там читали его в соборах и было благодарственное молебствие с торжеством. Из городов приходят известия о всеобщей радости от появления манифеста. Слышно, что из Москвы готовится благодарственный адрес вашему величеству.

Лишь бы только не замедлили теперь явственные знаки той политики, которая возвещена в манифесте. Теперь подступили люди новые, во всяком случае с прямою и честною мыслью, которые не будут говорить одно, а думать другое. Гр. Игнатьева вы изволите знать, а Островский подлинно честный человек и с сердцем. <...>

Время тяжкое. Я не успокоюсь, покуда здесь еще остаются и граф Лорис-Меликов, и Абаза, и великий князь Константин Николаевич. Дай

бог, чтобы все они ушли и разъехались как можно скорее. Толки в обществе улягутся, как скоро сделано будет решительное действие, не допускающее возврата. Но сегодня уже распространился слух в городе, что все вновь переделалось, что Л.-Меликов и Абаза остаются на своих местах. Надобно спешить, чтобы положить конец этой смуте.

Боюсь еще, как бы граф Игнатьев не разошелся с Барановым, если они не поймут друг друга. Это будет бедствие, и Игнатьев останется без рук в деле первой важности. Баранов в эту минуту необходим; к счастью, он, кажется, сошелся и с новым директором полиции, Плеве. Трудно представить себе, чтобы кто-нибудь мог теперь заменить его.

Простите, ваше величество, за все мои писания. Они вызваны одной заботой об вас, не дающею мне покоя.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 4 мая 1881.

Заметка для памяти

Рассуждали много, и все вертелось около учреждения quasi-конституционного. Вел. кн. Владимир в конце выразился, что надо отложить дело.

Когда вышли, Набоков заявил новость о манифесте и прочел. Взрыв негодования. Абаза, выходя из себя, кричал: надо остановить, надо требовать, чтобы государь взял назад это нарушение контракта, в который он вошел с нами...

Тут Лорис-Меликов остановил его.

Тут Абаза с азартом сказал: Кто это писал этот манифест?

Я выступил и сказал: я.

Минута драматическая. Я поспешил уехать.

Любопытно, что после этого многие отворачивались от меня и не подавали руки. Негодовал сильно Набоков.

Все это происходило на Фонтанке, в кабинете Лорис-Меликова.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕГОВОРАХ «ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА НАРОДНОЙ ВОЛИ» С «ДОБРОВОЛЬНОЙ ОХРАНОЙ»

Летом 1882 года, когда я уже совсем собрался уезжать из Парижа в Марсель, откуда с ожидавшим меня там Н. Судзиловским мы должны были отправляться дальше в Константинополь, я вдруг получил телеграмму от Михаила Петровича Драгоманова: он звал меня в Женеву «по очень важному делу». <...>

В Женеве на квартире Драгоманова я был представлен какому-то господину, со своей стороны рекомендовавшемуся мне под польской фамилией, которую с точностью не могу теперь припомнить *. Так как, по его словам, у него в Петербурге имелось где-то гидротерапевтическое заведение, то я буду называть его просто «Доктором», хотя был ли он на самом деле доктор или нет, я этого утверждать не могу. То был человек на вид лет около сорока, полный, белобрысый, в золотых очках. С первых же слов он заявил, что состоит членом организации «Добровольной Охраны», во главе которой стоит Шувалов¹ (при этом, помню, он подчеркнул имя *Петра* Шувалова в отличие от какого-то другого Шувалова) и что приехал он из Петербурга за границу с тою целью, чтобы отыскать пути к «Исполнительному Комитету» для вступления с ним в соглашение. На вопрос, — что за организация «Добровольная Охрана» и каковы ее цели, — Доктор рассказал, что в правительственных, придворных кругах существует два течения — враждебные, борющиеся между собою, — реакционное и либеральное, и что либеральное течение, поставившее своей целью проведение конституционной реформы в России, именно и создало организацию «Добровольной Охраны»; а самое название «Охраны» организация присвоила потому, что ближайшей задачей своей ставит охрану царя от убийства, которым угрожают ему революционеры. При этом Доктор напирал на то обстоятельство, что не должно смешивать «Добровольной Охраны» с обыкновенной полицейской охраной, окружающей царя, так как если полиция свои усилия направляет на то, чтобы переловить

* Я почти уверен теперь, что фамилия его была *Новинский*, но я должен объяснить, что эта уверенность сложилась у меня окончательно после того, как я встретил эту фамилию в журнале «Былое». (Прим. автора.)

так называемых злоумышленников, то «охранцы» никоим образом не ставят себе подобной задачи. «В опасные моменты,— говорил Доктор,— охранцы просто-напросто окружают царя, не подпускают к нему никого постороннего и защищают его, так сказать, собою, своими собственными телами. И если заметят злоумышленника, то не будут предавать его полицейским властям, а возьмут за руку и отведут в сторону». Здесь я должен оговориться, что в безусловной подлинности приводимых мною слов и выражений — конечно, я не могу ручаться. <...>

Так как члены «Исполнительного Комитета» внутри России держались конспиративно и не было никакой возможности вступить с ними в прямые сношения, то поэтому «охранцы» наметили трех лиц за границей, как посредников для предполагаемых переговоров, и с этими тремя лицами Доктор и должен был видаться и начать переговоры. Эти три лица были: Михаил Петрович Драгоманов, Петр Лаврич Лавров и я. Почему выбор пал на Драгоманова и Лаврова, само собою понятно: то были самые видные представители нашей заграничной прессы, и, следовательно, «охранцы» имели основание считать их влиятельными среди революционеров; но почему намечен был я — нахожу нужным сделать некоторые разъяснения. В то время почти все наши эмигранты, проживавшие в гг. Женеве и Париже, были лица, покинувшие Россию значительно раньше народовольческого периода; я же бежал за границу уже после царевубийства; это обстоятельство, по-видимому, давало основание «охранцам» предполагать, что у меня имелись прямые связи с «Исполнительным Комитетом», а это им и нужно было. <...>

Но «охранцы» ошибались относительно меня: прямых сношений с «Исполнительным Комитетом» у меня не было. Поэтому вместо себя я предложил ввести в переговоры Марину Никаноровну², а для этого нужно было мне обратно ехать в Париж. Переговоривши обо всем с Драгомановым, мы так и решили сделать; в тот же день с вечерним поездом Доктор и я отправились в Париж. <...>

В Париж наш поезд прибыл ранним утром. Доктор остановился в отеле; я же, чтобы не застать Петра Лаврича еще в кровати, сначала побродил немного по улицам и бульварам и потом зашел к нему. Сообщивши в общих чертах о деле, я предложил ему пойти вместе к Марине Никаноровне, чтобы условиться, где и в котором часу должна была произойти встреча с Доктором. У Марины Никаноровны опять рассказал суть дела и затем, договорившись собраться спустя час времени на квартире Петра Лаврича, куда я должен был привести Доктора, я отправился в отель за Доктором.

Но вот мы и собрались уже у Петра Лаврича на его бессменной квартире в улице St. Jacques. Петр Лаврич поместился в кресле за своим длинным рабочим столом; Марина Никаноровна стояла сзади его;

Доктор с низко остриженной, белобрысой головой сел на стуле и, поворотившись лицом к Петру Лавричу и блестя золотыми очками, принялся излагать все по порядку. Он начал с заявления о том, что он член организации, называющейся «Добровольная Охрана», разъяснил, какого рода была эта организация, каковы были ее цели, состав. <...> Одним словом, повторил то, что я уже передал выше. Но теперь из его слов для меня яснее очертился характер борьбы, ведшейся партиями при дворе царя. Обе партии, преследуя различные цели, одна — реакционные, другая — либеральные, для достижения этих своих целей шли одним и тем же путем, держались одного и того же средства, именно стать к царю ближе своих противников. Так что все дело сводилось к тому, которой из двух партий удастся заручиться большим доверием у царя Александра III. «Под страхом угрозы „Исполнительного Комитета“, — говорил далее Доктор, — царь легко может склониться в сторону реакционеров. Чтобы уменьшить их шансы на успех, „охранцы“ решили войти в переговоры с „Исполнительным Комитетом“, убедить „Исполнительный Комитет“, так сказать, кассировать свой смертный приговор над царем Александром III». «Охранцы» надеялись, что когда Александр III не будет ощущать занесенной над собой руки революционеров, то им возможно будет удержать свое влияние при дворе и провести известные политические реформы. При этом Доктор высказал уверенность, что конституцию желают все в России и, вероятно, точно так же и социалисты. Но Петр Лаврич на это стал возражать. «Без всякого сомнения, социалисты ставят в свою программу завоевание свободы, — говорил он, — но свобода, к которой стремятся социалисты-революционеры, ничего общего не имеет с конституцией, которая нужна буржуазии, так как истинная свобода не может быть достигнута до тех пор, пока не будет уничтожена экономическая эксплуатация». Потом Петр Лаврич стал укорять русских либералов за то, что они малодеятельны, не энергичны, не предпринимают решительных мер для осуществления своей программы. <...>

Таким образом, предложение «Добровольной Охраны», как это выяснилось для меня на этом собрании, состояло в том, чтобы «Исполнительный Комитет» снял с царя свой приговор (объявленный в одной из прокламаций, не помню когда и по поводу чего выпущенной «Исполнительным Комитетом»), о чем и должен был опубликовать; «охрана» же со своей стороны надеялась провести конституционную реформу в России.

Но разговаривая с нами от лица «Добровольной Охраны», Доктор не мог, конечно, не понимать того обстоятельства, что для нас, не посвященных в придворные тайны, эта представляемая им «охрана» могла казаться просто-таки мифом, вымыслом; <...> не знаю, заметил ли Доктор у кого-либо из присутствовавших сомнение, или же все это раньше было им обдуманно, но вот как он пошел навстречу этому

щекотливому положению вещей. «Мое положение, господа, выгоднее вашего, — заметил он, — я знаю, кто вы все. Но я для вас неизвестная величина и, следовательно, ко всему тому, что я здесь говорю и предлагаю, вы имеете основание относиться с недоверием. Чтобы вы могли увериться в том, что наша организация представляет действительную силу, я предлагаю следующее доказательство: кого хотите из эмигрантов „Добровольная Охрана“ возьмется легализировать и даст возможность воротиться в Россию». Исключению подлежали только двое: П. Кропоткин, легализация которого невозможна была, насколько припоминаю, по словам Доктора, по той причине, что о нем в самых высших сферах составилось мнение как о весьма опасном человеке, и еще кто-то, но я забыл, кто именно.

Вот более или менее все, что тогда говорилось на этом собрании.

Сколько раз после того еще собирались и беседовали с Доктором, введен ли был еще кто-нибудь из эмигрантов в эти переговоры и до чего в конце концов договорились, рассказать не могу, так как своим отъездом из Франции я совершенно устранил себя от дальнейшего участия в переговорах. Я в тот же день уехал из Парижа.

* * *

Прошло после того четыре года. Мне случилось жить в Женеве. В этот свой приезд я близко сошелся и полюбил Михаила Петровича Драгоманова. <...> Между прочим он рассказал мне, что после Доктора приезжал еще какой-то господин от «Добровольной Охраны» и вел переговоры с Тихомировым, но что все эти переговоры ни к каким важным последствиям не привели, так как в придворных интригах «охранцы» потерпели неудачу, попали в немилость и потеряли влияние на дела. Реакционеры взяли верх. Далее Драгоманов рассказал, что спустя некоторое время ему пришлось встретиться с одним из главарей этого придворного течения, высокопоставленным лицом (не помню, чтобы он называл имя этого человека), приезжавшим за границу. Из беседы с ним Драгоманов узнал, что освобождение Чернышевского из Сибири³ было устроено ими уже после того, как они потеряли влияние при дворе; что с этим им пришлось обратиться к кому-то из великих князей, который будто ответил, что в факте освобождения Чернышевского он не усматривает ничего политического, а лишь простой гуманный поступок, и дал свое согласие ходатайствовать; после чего и был освобожден Чернышевский. Кроме того, Драгоманов передавал, что тогда же делались попытки вступить в соглашение с «Исполнительным Комитетом» и другими правительственными лицами, так сказать «правым» крылом его; переговоры эти велись в тюрьме с некоторыми из подсудимых по так называемому процессу семнадцати. Господа «правые» (реакционеры) сулили какие-то экономические реформы для народа.

В. К. Дебогорий-Мокриевич. К вопросу о переговорах...

Не помню, от Драгоманова или от кого-то другого я слышал, будто бы «Исполнительным Комитетом» тогда же (1882–1883 г.) была сделана публикация в желательном для «охранцев» смысле в одном из польских революционных изданий, в газете, что ли, печатавшейся, кажется, в Варшаве.

Но об этом лучше пусть расскажет кто-нибудь другой, ближе знакомый с этим делом.

ВОСПОМИНАНИЯ

<...> Переговорив с моим старым приятелем Бобринским, который был губернским предводителем, я отправился к генерал-губернатору с официальным письменным прошением, не благоугодно ли будет государю принять праздник от города, но при этом заявил, что поеду сам, чтобы лично пригласить его величество. «Зачем вам ехать? — с неудовольствием воскликнул Долгорукий, который любил, чтобы все делалось не иначе как через него. — На днях, я сам еду в Петербург и все вам устрою». Я отвечал, что, когда город дает праздник в честь государя, он не может довольствоваться официальною бумагой; голова должен лично просить государя. «Да ведь никогда нельзя знать, в какую минуту попадешь, — возразил Долгорукий, — ну если вас не примут?» — «Это будет афронт городу, и я выйду в отставку». — «Вы это так принимаете?» — «Точно так». — Он знал уже, как я отношусь к царской немилости, и не настаивал. С тем я и уехал.

По приезде в Петербург я немедленно отправился к Рихтеру и просил его сообщить государю о цели моего приезда и при этом внушить, что если меня не примут, то это будет оскорбление Москве, чего желательно избежать. Если меня не хотят, то пускай мне скажут, и я тотчас выйду в отставку, не желая быть помехой в таком торжестве. <...>

Я поехал. Народу было множество. Тут был и Бобринский. Я стал на пути государя и императрицы при выходе из церкви. Они остановились, я просил их принять городской праздник. Оба весьма любезно изъявили согласие. Меня пригласили к завтраку. <...> Неделю спустя по возвращении в Москву я получил через генерал-губернатора официальное уведомление от министра внутренних дел, что государю угодно принять праздник. Бюрократическая комедия шла своим чередом.

Приготовления к коронации требовали больших хлопот и поглощали все время. Надобно было в Сокольниках построить павильон для массы гостей, заказать посуду для войска, приготовить яства и некоторое угощение для избранной публики. Город же должен был устроить трехдневную иллюминацию вне пределов Кремля, который находился в ведении Дворцового управления. Наконец, мы должны были

поставить подмостки для публики в день въезда и раздавать билеты. <...> Голова шла кругом.

Еще до праздника предстояло на другой день после коронации торжественною депутациею подносить государю хлеб-соль. Я полагал, что от имени Москвы придется сказать несколько слов, и желал, чтобы эти слова имели некоторое значение. Набросив проект краткой речи, я показал его Щербатову и Самарину¹. Мы тщательно взвесили все выражения. Однако я не считал возможным сказать что бы то ни было, не заручившись заранее согласием государя. Поэтому в самый день приезда императорской фамилии в Петровский дворец, я поехал к Рихтеру. Не зная, застану ли я его дома, я в письме к нему изложил побуждения, руководившие мною. Но он меня принял и тут же, прочитав письмо и речь, передал то и другое Воронцову, который в эту минуту шел к государю. <...>

Вскоре по возвращении домой я получил официальное уведомление, что государю не угодно, чтобы при поднесении хлеба-соли произносились какие бы то ни было речи. Приказ, по-видимому, был отдан уже накануне, ибо бумага была помечена предшествующим числом. Граф Толстой догадывался, что могут что-нибудь сказать, и хотел это предупредить. Мне это было все равно, ибо до сведения государя было уже доведено то, что я хотел высказать, а это было все, что требовалось. На следующий день я встретил князя Долгорукого на вечере у Гирса. «А вы опять обратились к государю помимо меня!», — воскликнул он с неудовольствием. «Я, князь, не хотел ставить вас в ложное положение, — отвечал я. — Если бы я мог прямо через вас испросить волю государя, я был бы очень рад; но вы знаете, что просьба опять пойдет через министра внутренних дел, а это не может быть приятно ни для меня, ни для вас. Поэтому я и избрал другой путь».

Ввиду столь недавних злодеяний, все опасались за въезд. И точно, немудрено было из несметной толпы, наполнявшей подмостки, окна и крыши, бросить маленькую бомбу. Об этом ходили тревожные слухи. Однако все обошлось благополучно. Въезд был торжественный и великолепный: раззолоченные кареты, запряженные цугом, придворные и сановники в великолепных мундирах, пышно одетые дамы, разнообразные войска в полной парадной форме, азиатские инородцы в своих пестрых и оригинальных костюмах, и при этом звон колоколов и массы ликующего народа, все это представляло зрелище, какое редко удается видеть. И как напоминание о всех великих эпохах русской истории, по всему пути, между убранными зеленью арками, расставлены были по мысли и рисункам Шервуда красивые, украшенные флагами хоругви, с портретами замечательнейших русских государей, св. Владимира, Александра Невского, Калиты, Дмитрия Донского, Ивана III, Михаила Федоровича, Петра Великого, Екатерины, Александра I и Александра II, с надписями, приличными каждому и могущими иметь значение для настоящего дня. <...>

Для Думы устроен был особый павильон, где я во главе городских представителей должен был встретить царя. Толстый и неуклюжий, он ехал впереди свиты, мало от нее отделяясь. Раскланявшись, я поспешил на Красную площадь, где на громадной эстраде собраны были ученики городских школ. При проезде государя они все хором должны были петь: боже, царя храни! К сожалению, я не успел к этой минуте, которая, говорят, была удивительно торжественна.

15 мая была коронация. С утра нас собрали во дворец и разместили по группам для церемониального шествия. Городские головы собрались со всей России и даже из дальней Сибири. Столичные шли во главе и одни имели доступ в Успенский собор. <...>

Я стоял в группе, помещавшейся сзади эстрады, и видел только спины государя и императрицы. При таких условиях коронация не произвела на меня особенного впечатления. Самый Успенский собор с поновленною позолотою потерял тот почтенный вид древности, который придает ему величие и красоту. По окончании службы из церкви двинулось длинное шествие по соборам и оттуда во дворец. День был великолепный; Кремль был полон народа; церкви сияли, колокола гудели. Новый царь в порфире и короне шел прикладываться к мощам и затем поднялся по ступеням Красного крыльца. В массе господствовало одно чувство беспредельной любви и восторга. Для тех, кто умели думать и останавливались не на мимолетном настроении минуты, а на том будущем, которое возвещалось нынешним торжеством, оно представлялось покрытое мраком. Надежда своим светлым ликом не осеняла всенародного ликования. Вслед за царем мы вошли во дворец. Государь вышел на балкон, чтобы показаться народу. При обратном шествии я стоял на пути. Он прошел мимо меня, с своим спокойным и светлым взором, который произвел на меня хорошее впечатление. Мне показалось, что он лучше того, что его окружает.

После того во дворце был парадный обед. Цари церемониально кушали в Грановитой палате, возобновленной к этому дню в чисто лубочном стиле какими-то нарочно выписанными для того провинциальными мазилками, которые расписали ее невероятно безобразными сценами из св. писания. Это был настоящий позор. На следующий день был коронационный бал. Тут зрелище действительно было волшебное. Великолепные залы Кремлевского дворца сияли бесчисленными огнями. Их наполняла густая толпа разодетых дам в русских нарядах, осыпанных жемчугами и драгоценными камнями, и мужчин в вышитых золотом мундирах. Все с напряженным вниманием ожидали царского шествия, которое потянулось длинною вереницею, с императором во главе, и за ним вся царская фамилия, съехавшиеся отовсюду иностранные принцы и послы и высшие сановники государства. Внутренней пышности соответствовало и наружное великолепие. С террасы Кремлевского дворца, на которую двери были отворены настежь,

открывался совершенно фантастический вид: кругом пылающие огнями Кремлевские башни, а внизу отражающая блески река и за нею бесконечная даль Замоскворечья, с улицами, домами и колокольнями, освещенными миллионами плашек. Иллюминация возобновлялась три дня; целую ночь несметная толпа двигалась по улицам, и пешая и в экипажах.

Городские головы решили ознаменовать это единственное для них собрание совокупным обедом. Как хозяин Москвы, я был приглашен на него гостем и посажен на председательское место. Если мне казалось неуместным, чтобы царь и народ соединились в общем торжестве чисто церемониальным образом, не сказавши друг другу ни слова, то еще более я считал неприличным, чтобы собравшиеся один раз в жизни городские головы ограничились обычным в России поглощением яств и питей и выкрикиванием официальных тостов, не обменявшись мыслями, не сказавши разумного слова. И кому же было сказать это слово, как не представителю Москвы, умственного и нравственного центра России, принимавшего гостей у себя. Я решил, что мне необходимо сказать речь. А об чем было говорить, как не об отечестве, о его настоящем положении и о его будущем? Недавно произошла страшная катастрофа, торжество разрушительных сил; и теперь еще мы трепетали каждую минуту, чтобы чего-нибудь не случилось. Царь не смел показаться народу без явной и тайной охраны. Неужели при этих условиях мы могли молчать? Тема была дана: единение всех для отпора разрушительным элементам. <...>

Я и поныне убежден, что на моем месте молчать было неприлично, а ограничиться пошлостями позорно. Для провозглашения тостов и для хозяйственных распоряжений можно было в московские городские головы выбрать другое лицо: я же считал себя обязанным поддерживать нравственное значение и достоинство Москвы, и эту обязанность я исполнил.

Между тем, предстоял Сокольничий праздник. Он удался как нельзя лучше. Погода была благоприятная, зрелище восхитительное. Красивый павильон, весь убранный флагами и хоругвями, среди свежей зелени Сокольничьей рощи, представлял нечто необыкновенно оригинальное и живописное. Толпа народа была громадная и внутри и вне павильона. Для царской фамилии и свиты была построена особая эстрада с угощением. Для войск снаружи были расположены столы, на которых были расставлены яства и питье. Все вышло вполне удачно, за исключением приготовленного для офицеров завтрака, который был съеден публикой, проголодавшейся в ожидании государя. Он в это утро был у обедни в Измайловской богадельне и там принял завтрак, вследствие чего он прибыл в Сокольники двумя часами позднее, нежели было назначено. Я повел его на видное место, приготовленное для приветствия войскам, стоявшим у своих столов. Тут сто-

яла водка. Государь спросил, что он должен сказать? Я отвечал, что он это лучше меня знает. Он поднял чарку за здоровье войск, которые отвечали оглушительным ура. Я повел его по всем столам; затем, побыв немного времени, он уехал с императрицею. Мало-помалу разъехались и остальные гости. Войска, довольные угощением, потребовали меня и стали меня качать. Пришлось не в первый раз вытерпеть это не совсем приятное изъявление благодарности.

Празднества завершились освящением храма Спасителя. Это было торжество, которое всего более произвело на меня впечатление. Погода была прелестная. И площадь, и берега Москвы-реки, и крыши домов были усыпаны народом. И когда из храма вышла процессия с царем и царицею, с духовенством в полном облачении, с развевающимися хоругвями, и за ними войска с своими покрытыми славою знаменами, среди которых, как величавые памятники славной старины, красовались изодранные знамена двенадцатого года, с шедшими возле них немногими, оставшимися в живых ветеранами, когда вся эта процессия двинулась вокруг собора, при громе пушек, при звоне колоколов, нельзя было не почувствовать в себе какой-то подъем духа, какое-то восторженное состояние. Это было не мимолетное торжество настоящего дня. Россия праздновала свое величие, освящала память знаменательнейшего события в ее истории, того, которое выказало перед лицом мира всю несокрушимую стойкость народного духа. С тех пор прошло семьдесят лет, и она стояла, обновленная, свободная, отрешившись от уз, которые сковывали ее в течение веков, ожидая только державного слова, чтобы с верою и надеждою двинуться на новый, открывшийся перед нею путь.

Но это слово не было произнесено. Коронация Александра III была официальным обрядом, а не живым действием, соединяющим царя и народ в единой мысли и в едином чувстве. Несмотря на весь блеск и на все великолепие, она оставила во мне тяжелое впечатление. Царь явился, окруженный людьми, которые способны были возбуждать только негодование и презрение. Им он вверял управление обновленной России. Всякая разумная мысль, всякое живое чувство отвергались и подавлялись. К престолу допускалось одно только раболепное, закоснелое в рутине, интригующее в личных видах высшее чиновничество. В будущем представлялась бесконечная тьма, сквозь которую не пробивался ни единый луч света. Внешняя удача коронационных празднеств утверждала только ту бездушную систему управления, которая водворилась в России.

Проводив царских гостей, я почувствовал, что у меня как будто гора свалилась с плеч. Я был страшно утомлен и жаждал только одного: уехать на две-три недели в деревню, чтобы отдохнуть от всех этих тревожений. Но прежде этого мне еще нужно было покончить некоторые городские дела, запущенные во время коронации. Все, казалось,

успокоилось: даже толки о моей речи замолкли, как вдруг в «Московских ведомостях» появилась статья, в которой мне приписывались совершенно нелепые мысли, со слов иностранных газет, передавших мою речь в извращенном виде. Поднятие вновь этого вопроса, после того как о нем, по-видимому, забыли, и газетам воспрещено было даже упоминать о моей речи, было неожиданностью. <...> Ему [Каткову] очень хорошо было известно, что ничего подобного я не только не говорил, но и не мог говорить. Это было не даром. Я отвечал в «Руси» следующей заметкой.

«В № 187 „Московских ведомостей“ приведены из иностранных журналов отрывки из речи, произнесенной мною 16 мая на обеде городских голов. Здесь сказано и подчеркнуто: „Власть не там уже, где она была прежде; власть принадлежит нам, представителям народа“. Считаю нужным заявить, что ничего подобного я не говорил. Содержание моей речи было передано в № 12 „Руси“ на основании подлинного документа, и если редакция „Московских ведомостей“, вместо того, чтобы черпать свои сведения из достоверного источника, настойчиво продолжает ссылаться на заведомо искаженный текст и делает выписки из журнала, где рядом с превратным изложением смысла речи говорится, что за такую смелость я был отставлен от должности и сослан в деревню, то это лишь один из тех обычных газетных приемов, которые, к сожалению, слишком часто встречаются в известного рода печати. Будучи приглашен гостем на обед городских голов, о чем же я мог говорить, как не об единении земских людей на помощь правительству против врагов общественного порядка. Зная наши нравы, я прибавил, что враги свободных учреждений, пожалуй, усмотрят в этом опасность. Те свободные учреждения, о которых я говорил, это — учреждения, дарованные императором Александром II, а кто их враги, все мы знаем: это те, которые ежедневно и неустанно изливают свою злобу на все, что вызвано к жизни царем-освободителем и что дорого русскому человеку, на независимый суд, на земские учреждения, на Городовое положение. Я заметил, что мы можем оставаться совершенно равнодушными к таким нареканиям, ибо мы знаем, что нас одушевляет одно общее чувство: верность престолу и любовь к отечеству, которое служит нам связью. Я и теперь не считал бы нужным обращать внимание на эти пустые газетные толки, если бы я, по своему положению, не должен был иметь в виду тот, к сожалению, слишком еще многочисленный у нас класс читателей, которые, несмотря на ежедневный опыт, добродушно продолжают верить всему печатному.

30 июня 1883 г.»

Но Катков продолжал свои инсинуации. «Гражданин» ему вторил в свойственном ему нахально-раболепном тоне. Очевидно, что-то готовилось. <...>

Я уехал в деревню <...>, как вдруг я получил от генерал-губернатора следующее *конфиденциальное* сообщение:

«Милостивый государь, Борис Николаевич. Письмом от 23 сего июля за № 526 г. министр внутренних дел уведомил меня, что „государь император, находя образ действий доктора прав Чичерина не соответствующим занимаемому им месту, соизволил выразить желание, чтобы он оставил должность московского городского головы“.

О таковой высочайшей воле имею честь уведомить вас, м. г., покорнейше прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности. Кн. Вл. Долгорукий.

№ 2588. 27 июля 1883 г.»

Я немедленно поехал в Москву, где всем уже было известно, что мне велено подать в отставку. Я написал прошение в следующей форме:

«Исполняя волю вашего императорского величества, покорнейше прошу уволить меня от занимаемой мною должности московского городского головы».

Это прошение я отвез к князю Долгорукову, которого не застал дома. На следующее утро он прислал просить меня к нему заехать. «Вы хотите подпустить мне камуфлет, — сказал он, — в ответе на конфиденциальное сообщение вы пишете: „исполняя волю вашего величества“». — «Что же тут конфиденциального, когда все об этом знают? — отвечал я. — Да я вовсе не намерен это скрывать. Я даже не имею права этого делать в виду своих избирателей». Он стал убеждать меня, чтобы я написал: «по домашним обстоятельствам», но я согласился только написать просьбу, не выставляя причины. Приводить фиктивные мотивы я не хотел, но не хотел и препираться о фразе, имея в виду написать письмо прямо государю с объяснением своего поведения. При этом князь Долгорукий рассказал мне, что все это дело шло совершенно помимо его, уверяя, что даже и теперь он ничего об нем не знает: он приехал в Петербург к именинам императрицы и не успел даже повидаться с министром внутренних дел, который в тот же день уехал в отпуск, оставив ему присланное ему сообщение. Разумеется, это была такая же ложь, как и все его уверения. После я узнал, что они вместе с Толстым обработали это дело во время приезда Долгорукого в Петербург. Последний заявил даже, что он не ручается за спокойствие столицы, если я останусь головой.

Подав прошение, я написал государю следующее письмо:

«Всемилоостивейший государь. Вашему императорскому величеству угодно было признать мой образ действий не соответствующим занимаемому мною месту и приказать мне подать в отставку. Исполняя волю вашего величества, я подал прошение об увольнении меня от должности, но, не сознавая за собою дурного умысла, осмеливаюсь просить позволения объяснить свое поведение.

Два раза я имел несчастье навлечь на себя неудовольствие вашего величества. В первый раз я в неофициальном собрании, не как городской голова, а как старый профессор и старый студент среди старых студентов, говорил в защиту существующего закона, который подвергался и доселе подвергается рьяным и недобросовестным нападкам со стороны некоторых газет. Я сам участвовал в обсуждении этого закона, видел его на практике и глубоко убежден, что предлагаемые перемены принесут гораздо более вреда, нежели пользы. Мог ли я думать, что лицу, занимающему должность городского головы, воспрещено, даже в частном собрании, выступать в защиту закона, когда журналам дозволяется нападать на него самым резким образом, взваливая на него то, в чем он совершенно неповинен? Мне казалось, что, становясь представителем общества, городской голова не перестал быть гражданином своего государства. Если я в этом случае ошибался, то ошибался добросовестно. Вашему величеству угодно было приказать объявить мне за это высочайший выговор.

В другой раз мне довелось во время коронации говорить на обеде, на который я был приглашен гостем собравшимися в Москве городскими головами. Отвечая на тост, я не мог молчать. Мне казалось, что не за тем собрались на общую трапезу русские люди со всех концов земли, чтобы довольствоваться обычным обедом и провозглашением тостов, не выразив ни единой мысли, не вспомнив об отечестве, об его положении и об его будущем. Коронация, государь, это — символ новой эры, будущность отечества, и я, говоря об этой будущности, высказал то, что, по моему глубокому убеждению, составляет нашу насущную потребность, наше единственное спасение: это — союз всех общественных сил против врагов общественного порядка. Зная, что эти желания могут быть истолкованы криво, я прямо и буквально заявил, что мы не становимся в оппозиционное отношение к правительству, не требуем себе прав, а должны только быть готовы на случай призыва к содействию. Правительство само не раз зывало к этому содействию, и я всегда был глубоко убежден, что и способ и время могут быть определены только самою верховною властью, которая одна должна окончательно решить, что нужно для блага России.

Между тем, в самую ночь после произнесения этой речи, не спросивши у меня даже текста, в газеты был разослан циркуляр с воспрещением упоминать о ней, так как я, будто бы, просил конституции. Вследствие этого в обществе возникли преувеличенные толки, которые перешли и в иностранную печать. Моя речь была кем-то сообщена в иностранные газеты в совершенно извращенном виде: меня заставили говорить то, чего я не только как русский, но и как здравомыслящий человек никогда не мог сказать. Уверяли даже, что все это я произнес перед лицом вашего величества. Затем, несмотря на запрещение, и в русских газетах стали взводить на меня самые

гнусные клеветы. Я счел нужным печатно заявить, что я не говорил того, что мне приписывают. Но публиковать истинный текст я не мог; я принужден был в защиту себя и в опровержение нелепых толков ограничиться частным сообщением списков некоторым лицам, которые меня о том просили. Не знаю, было ли и в каком виде все это передано вашему императорскому величеству, но как честный человек, считаю долгом заявить, что мною не было сказано ни единого слова, кроме того, что заключается в сообщенном мною тексте. Если что-либо проникло в заграничную печать, то это сделалось без моего ведома и согласия.

Таков мой образ действий. Вины за собою не знаю. Я мог ошибаться в своих суждениях и поступках, но я поступил, как честный гражданин, воодушевленный одним нераздельным чувством верности престолу и любви к отечеству. Это чувство всегда останется для меня самою заветною святынею моей жизни.

Одно мне горько, Государь. Если бы я был удален от должности немедленно после коронации, все бы знали, что я подвергнулся опале за ту речь, которую я произнес. Но после того как в печати были пущены против меня всякого рода клеветы, нынешняя моя отставка служит им как бы официальным подтверждением. Удаляясь в частную жизнь, утешаю себя сознанием, что я, по совести и разумению, исполнил свой долг перед государём и перед отечеством».

<...> Ответа не последовало. Я просто получил отставку. Исправлявший в то время должность министра внутренних дел Иван Николаевич Дурново рассказывал тогдашнему правителю канцелярии Воейкову, что государь с раздражением отзывался обо мне, говоря, что он имеет против меня документ, причем показал изданную за границу брошюру, где напечатана была моя речь, с предисловием, содержащим в себе резкие нападки на министра внутренних дел. Эта брошюра была мне тут же доставлена. Кем она была напечатана, я до сих пор не знаю, но наверное радикалом, ибо в ней есть маленькое, не лишнее знаменательности искажение. Вместо фразы: «нас одушевляет одно общее чувство, которое служит нам связью: верность престолу и любовь к отечеству», поставлено просто: «нас соединяет одно общее доброе чувство», а какое, неизвестно, так что выходит некоторая бессмыслица. Печатавший брошюру, по-видимому, не хотел допустить в русских людях верности к престолу. Эту брошюру Толстой представил государю, приписывая ее мне и указывая на все неприличие такого рода нападок на министра внутренних дел со стороны подчиненного. От меня, конечно, не думали потребовать объяснений, а просто велели подать в отставку. Таким образом, я был удален от общественной должности за действия лица, совершенно мне неизвестного. Так у нас водится. После этого я вправе был говорить, что я всю свою жизнь честно и бескорыстно работал для пользы отечества, и единственная

награда, которую я за это получил, состояла в том, что меня на старости лет выгнали из службы, не сказавши даже за что. Прежние государи отвечали, по крайней мере, хоть одним словом на представляемые им оправдания обвиненных; теперь и это считается лишним.

Живя целые века под самодержавною властью, русское общество до такой степени привыкло к этому образу действий, что оно никого не возмущает. Даже те, которые признавали, что со мною сделали гадость, обвиняли графа Толстого и князя Долгорукого, бережно обходя главного виновника. Но я всегда утверждал, что нечего пенять на диких зверей за то, что они терзают свою добычу; на то они и звери. Но можно и должно пенять на хозяина, который своих собственных слуг отдает на жертву зверям. Делая гадости, негодяи исполняют свое назначение, — но монарх, который эти гадости утверждает своим словом и дает им силу, идет наперекор своему высокому призванию, и за это он нравственно ответственен. Извинение есть знак раболепства.

Сам виновник этих приключений, по-видимому, даже и не сознавал, что он делал. Года два или три спустя я жил в Ялте, в то время как царская фамилия была в Ливадии. Случилось однажды, что мы с женою гуляли пешком по Массандровской дороге. Жена пошла в лес рвать цветы, а я остался сидеть на скамейке. В это время проехала коляска. Жена слышит, что сидящий в ней военный самым дружеским голосом воскликнул: «А, Борис Николаевич!» Вышедши из лесу, она спросила: «Какой это генерал так дружелюбно с тобой раскланялся?» — «Государь император». — На следующий день нас приглашали к обеду в Ливадию. Жена отказалась вследствие нездоровья, а я поехал. Государь старался быть возможно любезным. Через несколько дней они уехали, но я на проводы не пошел, что многих удивило. Все думали, что царского милостивого слова достаточно, чтобы все загладить. Я объяснил, что я не собачка, которую можно прогнать пинком, а затем подождал, когда гнев хозяина прошел, и она будет, махая хвостом, лизать у него руку. Когда меня зовут, я считаю долгом явиться и тем оказать уважение царю, но сам от себя ни в каком случае не пойду. После этого я видел его еще раз на свадьбе Петра Капниста, которая происходила в Петергофском дворце. Жена была посаженою матерью у своего брата, а я, как близкий родственник, был в числе приглашенных. Государь с нами обоими опять старался быть любезным, что от него всегда требует некоторого усилия над собой. Тем наши сношения и кончились. После этого царская фамилия бывала в Ливадии, в то время как мы жили в Ялте; я не являлся на встречах, и нас уже не приглашали.

<...>

ЗА КУЛИСАМИ ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ (1848–1896)

«Диктатура сердца»¹ завершилась страшною катастрофой 1 марта. Я говорю «страшною», но так ли это? Помню ясно ужасное, потрясающее впечатление, произведенное на всех покушением Каракозова², но с тех пор целый ряд злодейств такого же рода в связи с подробными о них отчетами, наполнявшими страницы газет, притупили нервы публики. Мало-помалу она привыкла к событиям такого рода и уже не видела в них ничего необычайного. Около 3 часов дня я узнал, что государь тяжело ранен, а вскоре затем пришла весть и об его кончине. Все мы дома находились в крайне угнетенном состоянии духа, хотелось знать, как произошла катастрофа, кто ее виновники, и вечером я отправился в сельскохозяйственный клуб, где собиралось обыкновенно много посетителей и можно было, следовательно, собрать какие-нибудь сведения. Странное зрелище представилось мне: как будто не случилось ничего особенного, большая часть гостей сидели за карточными столами, погруженные в игру; обращался я и к тому, и к другому, мне отвечали наскоро и несколькими словами и затем опять: «два без козырей», «три в червях» и т. д. В следующие дни такая же притупленность: некоторые высказывали прямо, что в событии 1 марта видят руку провидения; оно возвеличило императора Александра, послав ему мученическую кончину, но вместе с тем послужило спасением для России от страшных бедствий, угрожавших ей, если бы еще несколько лет оставался на престоле несчастный монарх, который давно уже утратил всякую руководящую нить для своих действий, а в последнее время очутился в рабском подчинении княгине Юрьевской.

Известно, что упразднение «диктатуры сердца» вызвано было манифестом нового государя — манифестом, в котором было заявлено о самодержавии как коренной, незыблемой основе нашего государственного строя. К. П. Победоносцев рассказывал мне, что еще в самый день 1 марта поздно вечером явился он в Аничков дворец и умолял государя уволить Лорис-Меликова. Государь не счел это возможным. Очень понятно, что под влиянием страшного удара, разразившегося над ним, он растерялся, не отдавал себе ясного отчета в положении дел и считал возможным удержаться в управлении

Лориса и его друзей. Быть может, они и пользовались бы — по крайней мере на некоторое время — властью, если бы упомянутый манифест не привел их в неистовое раздражение. По рассказам весьма сведущих лиц, они (говорю о Лорис-Меликове, Абазе и Милютине) были убеждены, что государь не может обойтись без них, не найдет советников, которые пользовались бы такою же популярностью, а потому подали просьбы об отставке с твердою уверенностью, что останутся на местах, но случилось иначе. Кстати, о манифесте³: нередко приходилось мне слышать, будто он был сочинен совместно Победоносцевым и Катковым, — что за нелепость! Во-первых, Каткова не было тогда в Петербурге, а во-вторых, он ни тогда, ни впоследствии не одобрял манифеста, автором коего был Победоносцев. И действительно, к чему было это торжественное заявление перед лицом всего народа? В предшествовавшее время было немало заявлений подобного рода, и общество изверилось в них, приучилось не придавать им серьезного значения; требовалось действие, а не более или менее пышные формы; если государь хотел засвидетельствовать, что со вступлением его на престол порвана всякая связь с прежним направлением, то достаточно было бы просто-напросто уволить министров, которые в общем мнении служили наиболее видными представителями этого направления. Всякий бы понял смысл этой меры.

Тяжкое наследие Лорис-Меликова перешло к графу Н. П. Игнатьеву. При назначении его министром внутренних дел А. А. Абаза говорил Сольскому: «Вскоре вы убедитесь, что этот человек способен пойти гораздо дальше нас...» Пророческие слова! С Николаем Павловичем познакомился я тотчас по переезде моем на службу из Москвы в Петербург, когда он занимал должность директора Азиатского департамента. Кому в России неизвестна была печальная черта его характера, а именно необузданная, какая-то ненасытная склонность ко лжи? Он лгал вследствие потребности своей природы, лгал, как птица поет, собака лает, лгал на каждом шагу, без малейшей нужды и расчета, даже во вред самому себе. <...>

Никакой программы у него не было, и ничего близко не принимал он к сердцу. Это был ловкий Фигаро, мастер на всякого рода интриги и неразборчивый на средства. Одному говорил он одно, другому другое, и никто не мог разобраться в этой путанице; всех директоров департаментов сбил он с толку; предместник мой князь Вяземский рассказывал мне, что иногда по целым дням не распрягали у него карету, потому что ему приходилось беспрерывно скакать к министру, — какая, кажется, заботливость о печати, а между тем ничего не выходило; директорам назначались определенные дни для докладов, но никто из них не был уверен, состоится ли доклад утром или поздно вечером или вовсе будет отменен; это потому, что двери министерского кабинета были постоянно открыты для посетителей, с которыми граф

Николай Павлович занимался болтовней. При нем созываемы были из губерний для разъяснения разных вопросов так называемые сведущие люди, с ними-то преимущественно любил он беседовать: людям, известным своим консервативным образом мыслей, он толковал, что надо раз навсегда положить конец всяким поползновениям к правовому порядку, а либералам делал достаточно ясные намеки на свою готовность идти по следам Лорис-Меликова. Разумеется, они поверяли друг другу свои впечатления, недоумевая, кто же из них говорит правду и кто лжет, пока не убедились наконец, что враньем щеголяет только сам министр. <...>

Неудивительно, что ничто не двигалось вперед и настроение общества было тревожное. Наступил уже второй год по восшествии государя на престол, но не делалось вовсе приготовлений к коронации, так как опасались, что революционеры воспользуются этим торжеством для своих адских замыслов. Правда, Н. П. Игнатьев уверял, будто он переловил всех нигилистов и что остались только какие-то двое или трое самые зловредные, которых он еще не успел захватить в свои тенета, но слушатели только покачивали головой. В сущности, он сам недоумевал, что следовало бы предпринять среди тяжких обстоятельств. Наконец совет явился к нему со стороны, и он схватился за него с восторгом.

Дело шло о пресловутом Земском соборе⁴. Первое сведение о нем получено было от И. Н. Дурново. Не могу не остановиться здесь на этой личности. Иван Николаевич наследовал от отца очень значительное состояние, но, подобно многим помещикам, вслед за освобождением крестьян не умел сохранить его за собой или сохранил только остатки; воспитывался он в каком-то военном училище, служил в гвардии, занимал должность черниговского предводителя дворянства и наконец назначен был губернатором в Екатеринослав. Повсюду и на всех местах умел он снискать общее расположение; не встречал я человека, который сказал бы о нем дурное слово. В Екатеринославе оставался он довольно долго, и заветною его мечтою было попасть в Сенат, но мечта эта казалась почти неосуществимою, как вдруг и совершенно неожиданно для него произошел счастливый переворот в его судьбе. Товарищ министра внутренних дел Готовцев расстался по каким-то причинам с Игнатьевым, который не знал, кем заменить его, и в это время почтенный старик, генерал-адъютант князь С. П. Голицын указал ему на И. Н. Дурново.

Известен рассказ о свидании Наполеона I с Гёте в Эрфурте; когда знаменитый писатель вошел к императору, тот внимательно посмотрел на эту величавую фигуру и воскликнул, обращаясь к окружающим: «Voilà un homme!» *

* Вот — человек! (франц.)

Едва ли не те же самые слова были в устах всех, когда И. Н. Дурново появился на петербургском горизонте; как будто все долго ждали и искали человека и наконец человек нашелся. Особенно следует это сказать о высших придворных сферах — наглядное доказательство того, какие господствовали там скромные и незатейливые требования. Государь и императрица были в восторге от Дурново; награды и почести полились на него дождем; в течение каких-нибудь пяти лет, если еще не менее, сделан был он сенатором, членом Государственного совета, статс-секретарем, занял место во главе IV отделения собственной е. и. в. канцелярии, обе его дочери были назначены фрейлинами и т. д. Ярких способностей государственного человека он не обнаруживал, образование его было незavidное, я сомневаюсь даже, случилось ли ему когда-нибудь прочесть серьезную книгу, не отличался он сколько-нибудь самостоятельными взглядами и идеями, но если он проложил себе дорогу, то отнюдь не искательством и интригой. Своими успехами Дурново обязан был исключительно своему необычайно симпатичному и в высшей степени доброжелательному характеру; это был в полном смысле слова хороший человек, который считал себя счастливым, когда мог оказать кому-либо услугу, отзывчивый на всякое горе, не способный ни при каких обстоятельствах покривить совестью. Когда появлялся он где-нибудь, всем становилось светло на душе, все спешили к нему с приветствиями, в обществе даже не слышалась его фамилия, все знали, о ком идет речь, когда называли «Ивана Николаевича»: все это весьма характеристично, особенно если принять во внимание необузданную нашу страсть к злословию и пересудам. Повторяю еще раз, политическим деятелем он не мог быть и, кажется, сам отлично сознавал это; недостаток способностей возмещался в нем редким тактом, умением держать себя, не преклоняясь ни перед кем, тщательно сохраняя свое достоинство. Шутники называли его «le bon roi Dagobert» *.

Однажды (это было в начале апреля 1882 года) И. Н. Дурново приехал к М. Н. Островскому и поведал ему под секретом удивительные вещи. Игнатьев, очень озабоченный предстоявшею коронацией и не зная, как и когда ее устроить, решил созвать Земский собор. Впрочем, эта оригинальная мысль явилась не у него самого, а была внушена ему со стороны: в Петербург прибыл с поручением от И. С. Аксакова один из близких ему людей, Голохвастов, который успел убедить графа Николая Павловича, что есть только одно вернейшее средство произвести коренную и самую счастливую перемену в настроении общества, а именно созвать представителей всех сословий; если государь согласится на такую меру, то сделается идолом народа; торжественное его коронование должно совершиться в следующем году, на

* Добрый король Дагоберт (франц.).

второй день Пасхи, а вслед за тем откроются в Москве же заседания Собора. По словам Дурново, Игнатъев вполне усвоил себе эти предположения, он непрерывно совещается с Голохвастовым, и все его старания были направлены к тому, чтобы мало-помалу подготовить государя.

Все это походило на какую-то сказку, и М. Н. Островский решительно не хотел ей верить. Оставалось искать объяснения в том, что И. Н. Дурново, как человек новый, не успел еще достаточно изучить Игнатъева и принимал его вранье за чистую монету. Возможно ли было допустить, чтобы министр внутренних дел, при всем своем легкомыслии, отважился на дело такой важности, не посоветовавшись предварительно ни с кем из своих товарищей, чтобы он задумал преподнести им Земский собор в виде сюрприза? Дурново сообщил, однако, такие подробности, которыми, по-видимому, нельзя было пренебрегать; он уверял, что Игнатъевым уже составлен манифест о Соборе, что манифест этот должен появиться через несколько недель, а именно 6 мая и т. д.

С целью выведать, сколько было во всем этом правды, М. Н. Островский после беседы своей с Дурново не раз заводил речь с Игнатъевым о предстоявшей коронации, но получал в ответ, что еще ничего не решено, что приходится ждать более благоприятных обстоятельств, что он не остановился ни на каком плане; точно так же и из разговоров с Победоносцевым можно было заключить, что и до него не достигал ни малейший слух о Соборе, а между тем Победоносцев пользовался таким положением при государе, что графу Игнатъеву следовало бы, кажется, прежде всего заручиться его содействием. Прошло несколько времени, и мы с М. Н. Островским перестали даже говорить о пресловутом Соборе — так все это казалось невероятным. Но мы ошибались. Накануне 6 мая, того самого дня, когда, как упомянуто выше, должно было состояться обнародование манифеста, граф Игнатъев неожиданно приехал к Островскому. С первого взгляда нетрудно было убедиться, что он находился в весьма тревожном настроении. Поговорив немного о разных делах, он обратился к тому, что составляло настоящую цель его посещения. «В следующем году во время Пасхи, — начал он, — необходимо устроить коронацию; это торжество должно отличаться всенародным характером, чтобы все могли убедиться воочию, какую беспредельной преданностью проникнута Россия к своему монарху; что же лучше для достижения такой цели, как созвать в Москву выборных от разных классов народонаселения? С целью польстить им можно было бы дать этому сборищу наименование Собора, государь обратился бы к выборным с несколькими милостивыми словами, они заявили бы, пожалуй, о своих нуждах, тем дело и кончилось бы; произведен был бы эффект, а вреда не произошло бы ни малейшего». По словам Игнатъева, государь отнесся будто бы довольно сочувственно к этому плану, но все-таки считает не лишним

посоветоваться о нем с другими министрами. «Вероятно,— продолжал он,— совещание состоится на днях, и я надеюсь, что встречу с вашей стороны поддержку». Вообще он повествовал о своем замысле таким тоном, как будто это дело было бы самое заурядное и не требующее того, чтобы долго ломать над ним голову.

Островский понял, что, несмотря на все усилия расположить к своему плану государя, Игнатьев потерпел в самую последнюю минуту поражение и что только вследствие необходимости подвергнуть мысль о Земском соборе общему обсуждению он вынужден заискивать перед своими товарищами. Если бы можно было устроить иначе, то он нисколько не поцеремонился бы с ними. На все его доводы М. Н. Островский отвечал, что ему трудно высказать определенное мнение о деле, о котором он слышит впервые и которое может иметь чрезвычайно важные последствия.

— Да что же тут важного? — воскликнул Игнатьев. — Поймите, что хочется только устроить как можно более пышную обстановку, это будет не более как декорация.

— И вы думаете,— возразил Островский,— что Земский собор удовлетворится такою ролью и не попытается подвергнуть своему обсуждению общее положение дел, не предъявит известных требований?

— В этом вы можете рассчитывать на меня. Скажу без похвалы, что я пользуюсь достаточно широкою популярностью и что никакие выборные не станут мне противодействовать, когда я чего-нибудь не захочу. Конечно, на Соборе найдется немало болтунов, да к чему приведет их болтовня? Ведь тотчас после коронации все мы, правительственные лица, уедем в Петербург, они останутся одни, поболтают и разойдутся...

М. Н. Островский счел излишним затягивать беседу с этим пустейшим человеком и отделался от него, не приняв на себя никаких обязательств. По отъезде Игнатьева он отправился к Победоносцеву; тот уже знал все, государь еще накануне сообщил ему о намерениях министра внутренних дел. И он был в ужасе от проектированного Земского собора; свое мнение он подробно изложил в письме к государю. Между тем граф Николай Павлович, видя настроение некоторых из своих товарищей, понял, что дело должно принять крайне неблагоприятный для него оборот, а потому с обычною своею изворотливостью вознамерился тотчас же отступить от него, предать его забвению. Но это ему не удалось благодаря Победоносцеву, который при личном свидании с государем доказывал, что надлежало бы раз навсегда положить конец попыткам производить опасные эксперименты над коренными основами нашего государственного строя, которые, к счастью, не удались графу Лорис-Меликову и к которым с еще большею дерзостью задумал прибегнуть его преемник. К тому же слухи об его замыслах проникли и в печать; Катков выступил в «Московских ведо-

мостях» с громовой статьей, в которой беспощадно клеймил его безрассудство. Так как Игнатьеву было известно, что я нахожусь с Катковым в тесной дружбе, то он заподозрил меня, и вполне основательно, в сообщении ему сведений о том, что не только для публики, но и для многих лиц, принадлежавших к правительству, оставалось тайной, и выражал по этому поводу свое негодование М. Н. Островскому. Как увидим сейчас, он пошел даже дальше.

Граф Игнатьев хотел замять дело, а Победоносцев настаивал, чтобы оно было подвергнуто обсуждению, и государь согласился с ним. Чрез несколько времени, а именно 27 мая, приглашены были в Александрию Рейтерн, Игнатьев, Делянов, Островский и Победоносцев, причем граф Николай Павлович предполагал, что государь намерен побеседовать с ними о каком-нибудь другом вопросе, но отнюдь не о Земском соборе, который, казалось ему, был уже окончательно устранен и не оставил по себе следа.

Все, что происходило на упомянутом совещании, мне доподлинно известно по рассказу М. Н. Островского, и кроме того, я пользовался набросанными им беглыми заметками.

Упомянув в нескольких словах о предложении графа Игнатьева созвать Земский собор, государь сказал, что он желает уяснить раз навсегда, в какой мере удобно возбуждать подобные вопросы. Граф Николай Павлович начал уверять, будто он вовсе и не думал о Земском соборе как о постоянном и правильном учреждении, будто созванием выборных от сословий он хотел только возвысить характер торжества, но, к сожалению, печать вмешалась в это дело и своими лжетолкованиями исказила настоящие его намерения; здесь следовала ожесточенная диатриба против «Московских ведомостей», причем Игнатьев заметил: «Я уже имел счастье докладывать вашему величеству, кто именно, находясь в близких отношениях к Каткову, сообщил ему сведения о моем проекте». — «Конечно, — сказал государь, — печать не должна была касаться этого, но все-таки статья „Московских ведомостей“ очень хороша, в ней выражены вполне верные мысли». В длинном объяснении граф Николай Павлович заботился только о том, чтобы выпутаться из неприятной для него истории, но это положительно ему не удалось. Государь дважды прерывал его словами: «это не так», «это неправда». Рейтерн говорил, что если действительно выборные должны служить лишь более пышною обстановкой при коронации, то, быть может, в этом и нет большой беды. Тогда Победоносцев, решившийся вывести дело начистоту, обратился к государю с вопросом, нет ли каких-нибудь письменных документов, по которым можно было бы судить о настоящем значении задуманной меры; государь встал и вынул из конторки проекты манифеста и рескрипта на имя Игнатьева; сам граф Николай Павлович должен был прочесть их, и тут-то ясно обнаружилось, до какой степени все, только что сказанное им, проникнуто было ложью.

— Теперь другое дело, — начал Рейтерн, — теперь я вижу, что министр внутренних дел имел в виду создать у нас нечто вроде конституционных учреждений; от воли вашего величества зависит утвердить или отвергнуть его предложение, но долг совести заставляет меня высказать, что если созван будет Собор, то не пройдет много времени, как разрушится самодержавие; Собор не обеспечит благоустройства страны, не прекратит, а только усилит смуту.

М. Н. Островский говорил в таком же смысле, коснувшись, между прочим, довольно подробно вопроса, что представляли собой Соборы в прежнее время, почему со времен Алексея Михайловича они не возобновлялись и почему при изменившихся условиях нашей государственной жизни и опасно, и нет никакой разумной цели восстанавливать искусственно эти отжившие учреждения. В совещании не послышалось ни одного голоса в пользу Игнатьева; если бы, видя неминуемую беду, он отступил, по крайней мере, с достоинством, но нет — он прибегал к самым мальчишеским изворотам, противоречил себе на каждом шагу, обнаружил полное незнание со старинными Земскими соборами, видимо, не дал даже себе труда прочесть то, что проповедовал о них Аксаков, — словом, сцена для всех присутствующих была весьма тяжелая или, как выразился М. Н. Островский, сцена невообразимая. Государь не раз уличал Игнатьева, ставил ему в вину, что у него нет никакой программы, и даже у него вырвалось выражение, что Министерство внутренних дел занималось только интригами.

<...> Еще накануне совещания, происходившего в Гатчине *, Победоносцев, беседуя с Островским, высказывал предположения о том, кем желательно было бы заменить графа Игнатьева в случае его удаления. «Мне кажется, — заметил он, — что единственно пригодный человек в настоящее время — это граф Толстой; у него есть громадные недостатки, но по крайней мере он представляет собой целую программу; имя его служит знаменем известного направления, уж никак нельзя от него ожидать, чтобы он покусился на такие меры, к которым хотели прибегнуть Лорис-Меликов и Игнатьев». Из этого можно заключить, что назначение графа Толстого было подсказано государю Победоносцевым, который прямо из Гатчины и отправился переговорить с ним об этом. По словам его, графу Дмитрию Андреевичу⁵ стоило немало усилий, чтобы сдерживать свой восторг, он чуть не прыгал от радости. И понятно. Он уже считал свою карьеру вполне законченною, оскорбленное самолюбие разъедало его, и вдруг открывается пред ним широкий путь к новым почестям, он садится на место, которое занимал виновник его падения Лорис-Меликов, снова представляется ему возможность упиваться обаянием власти. Это была, конечно, одна из самых счастливых минут его жизни. Не-

* Очевидно, описка. Совещание происходило в Петергофе. (Прим. ред.)

возможно себе и представить, какой эффект произвело назначение графа Толстого уже потому, что оно было совершенно неожиданно; можно сказать без преувеличения, что до той самой минуты, когда указ о нем появился в «Правительственном вестнике», не более десяти человек знали о готовившейся перемене. Вся либеральная партия ахнула от негодования, в этом отношении Победоносцев был прав, говоря, что в мнении публики появление на сцене графа Толстого должно было свидетельствовать о решительном повороте в политике правительства. <...>

Суждено было мне снова встретиться с графом Толстым на служебном поприще. С этой минуты, следя близко за его деятельностью, я мог составить себе верное понятие о том, в какой мере принесла она пользу. При первом же слухе об его назначении некоторые были в восторге, другие же приходили в ярость, и все это на основании упрочившейся за ним репутации необычайно энергичного человека. По общему мнению, теперь должна была наступить диктатура не сердца, а совсем другого рода, которая укрепит власть и суровыми мерами положит конец всем неприглядным явлениям в нашей общественной жизни. Думали, между прочим, что Толстой приобретет сильное влияние на государя, будет для него не только советником, но и руководителем. Конечно, в руководстве государь нуждался; намерения его были самые чистые и благородные, прямота и искренность составляли отличительные свойства его характера, не лишен был он в значительной степени и здравого смысла, но умственное его развитие стояло очень низко. Воспитателем его был А. И. Чивилев, наш профессор в Московском университете. Когда скончался цесаревич Николай Александрович, он ужаснулся, что на основании закона наследником престола провозглашен был Александр Александрович. «Как жаль, — говорил он К. Н. Бестужеву-Рюмину, — что государь не убедил его отказаться от своих прав: я не могу примириться с мыслью, что он будет управлять Россией». Конечно, опасения эти были преувеличены, но нельзя отрицать, что в интеллектуальном отношении государь Александр Александрович представлял собой весьма незначительную величину — плоть уж чересчур преобладала в нем над духом. С течением времени, когда будет обнародовано все или многое, что выходило из-под его пера — разные резолюции и заметки, — когда люди, находившиеся в непосредственных к нему отношениях, поделятся своими воспоминаниями о нем, то общее впечатление будет, конечно, таково, что нередко случалось ему высказывать очень здравые мысли, а наряду с ними такие, которые поражали чисто детской наивностью и простодушием.

— Главная задача графа Игнатьева, — говорил наперсник его Воейков, — состоит в том, чтобы воспитывать государя, развивать в нем политический смысл...

Должно быть, хорошо было это воспитание! Что касается графа Дмитрия Андреевича, то он и не помышлял о подобной задаче. На основании всего, что я видел и слышал, меня всегда удивляли отношения его к верховной власти: он благоговел перед нею, старался быть ей всегда угодным и приятным, но у него не всегда хватало мужества твердо и с достоинством высказывать то, что он считал истиной, если только замечал, что это могло бы не понравиться. Положительно, что при покойном государе разыгрывать подобную роль было бы ему трудно; Александр Николаевич не любил советов, и даже люди, стоявшие при дворе гораздо тверже, чем граф Толстой, не дерзали затрагивать вопросы, о которых не спрашивали прямо их мнения. «Покойного императора Николая Павловича все трепетали, — рассказывал мне князь Н. А. Орлов, — а между тем с ним можно было говорить подчас и откровенно; это я знаю по опыту; иногда, слыша что-нибудь несогласное с его мнениями, он сердился, даже прогонял меня, но не ставил мне этого в вину. Совсем другое теперешний государь (Александр Николаевич): ведь мы были почти воспитаны вместе, я находился к нему в весьма близких отношениях, но у меня положительно слова замирают на языке, когда он уставит на меня тусклый, безжизненный взгляд, как будто и не слышит, о чем я говорю».

Можно ли было требовать от Толстого, чтобы при своем малодушии он навлек на себя неудовольствие Александра Николаевича! Но при новом государе положение его изменилось. Он не старался попасть снова в министры, не старался потому, что не имел никакой надежды достигнуть этого; сам государь обратился к нему, положившись на уверения Победоносцева, что это будет *the right man in the right place* *, единственно способный водворить порядок в России; пред ним открылась чрезвычайно широкая сфера деятельности: не только как министр внутренних дел, но и как шеф жандармов имел он полную возможность в беседах с государем касаться решительно всего, что считал нужным для своих целей; ему нечего было выжидать счастливого случая, чтобы его вызвали на тот или другой разговор; как удобно мог бы он пользоваться этим, чтобы просветить государя насчет настоящего положения дел и указывать ему на средства изменить к лучшему это положение. Но для этого требовалось, чтобы у человека, выступавшего в роли советника, была определенная ясная программа и чтобы в груди его теплился священный огонь, который побуждал бы его употреблять все усилия, чтобы осуществить эту программу на деле. И того и другого не доставало графу Толстому. Конечно, он отличался твердостью некоторых своих воззрений, ненавидел либеральные веяния, достигшие пышного процветания при Лорис-Меликове, относился с негодованием к недостаткам нашего судебного устройства, порицал самоуправле-

* Человек на своем месте (англ.).

ние во всех его видах, причинявшее у нас так много зла, и т. д., но как изменить все это, оставался он в совершенном неведении. С ним случилось то же самое, что при назначении его министром народного просвещения: он вопил тогда против преобразований, совершенных Головинным, но не знал, как поправить дело; на выручку ему явились Катков, Леонтьев и Георгиевский; теперь же довольно долго не являлось никого, кто мог бы оказать ему такую же услугу. Что же стал бы он проповедовать государю, какие правила политической мудрости был бы он в состоянии преподать ему?

Вследствие сего он не был опасным соперником для Победоносцева, который один из всех пользовался влиянием на государя. <...>

В первые годы царствования императора Александра Александровича говорили, что, в сущности, Россией управляет триумвират, а именно: Победоносцев, граф Толстой и Катков. Как это было мало похоже на правду! Мнимый союз трех названных лиц напоминал басню о лебеде, щуке и раке. Относительно основных принципов они были более или менее согласны между собой, но из этого не следует, чтобы они могли действовать сообща. М. Н. Катков кипятился, выходил из себя, доказывал, что недостаточно отказаться от вредных экспериментов и обуздать партию, которой хотелось бы изменить весь политический строй России, что необходимо проявить энергию, не сидеть сложа руки; он был непримиримым врагом застоя, и ум его неустанно работал над вопросом, каким образом можно было бы вывести Россию на благотворный путь развития. Граф Толстой недоумевал, с чего же начать, как повести дело; он был бы и рад совершить что-нибудь в добром направлении, но это «что-нибудь» представлялось ему в весьма неясных очертаниях; что касается Победоносцева, то, оставаясь верным самому себе, он только вздыхал, сетовал и поднимал руки к небу (любимый его жест). Неудивительно, что колесница под управлением таких возниц подвигалась вперед очень туго. Катков и Толстой вовсе не видались, Победоносцев видался с Катковым, но после каждого почти свидания раздражался жалобами — так солоно приходилось ему от беспощадных нападок Михаила Никифоровича. Вообще он вполне сочувствовал его образу мыслей, но никак не хотел идти за ним, когда тот предлагал осуществить свои идеи в той или другой форме. <...>

Надо сказать, что император Александр Александрович относился к Каткову вообще несравненно более сочувственно, чем его отец; в этом можно было убедиться, между прочим, из отметок его на так называемых «царских обозрениях»⁶, которые Главное управление по делам печати посылало ему ежедневно; статьи «Московских ведомостей» по разным вопросам вызывали постоянно одобрение государя, но кроме того Катков нередко представлял государю подробные записки о положении дел, и все они были принимаемы в высшей степени благосклонно. Замечательно, между прочим, что одна из них, подан-

ная в декабре 1886 года чрез графа Толстого, была посвящена отношениям России к Германии и Франции, причем Катков очень убедительно настаивал на сближении нашем с последнею из этих держав. Вот что государь написал по этому поводу графу Толстому: «Прошу вас передать Каткову мою благодарность и скажите ему, что я не сомневаюсь в его преданности и в его желании служить интересам отечества, как он их понимает и как может». Но наряду с этим проглядывало иногда и недовольство. Статьи Каткова по вопросам международной политики были проникнуты безграничным презрением к нашему Министерству иностранных дел, он не щадил самых мрачных красок для изображения той печальной роли, на которую была осуждена Россия; конечно, все это должно было производить сильное впечатление на публику — впечатление неблагоприятное не для одного только Гирса, ибо кто же не понимал, что жалкий Гирс был не более как исполнитель? И он, и ближайшие его сотрудники говорили во всеуслышание кому угодно, что руководителем нашей внешней политики является исключительно сам государь, и этому можно было верить. Есть немало доказательств этого. Неудивительно поэтому, что наиболее запальчивые статьи «Московских ведомостей» раздражали государя, иногда он высказывал по их поводу свое неудовольствие графу Дмитрию Андреевичу, и раза два или три мне приходилось частным образом сообщать Каткову, чтобы он был осторожнее, но предостережения эти несколько не действовали на него.

Наконец разразилась буря.

Это было в марте 1887 года. Надо заметить, что за несколько дней пред тем (1 марта) открыт был замысел цареубийства, главными виновниками коего оказались некоторые из студентов С.-Петербургского университета: это событие, хотя государь вообще отличался невозмутимым спокойствием, не могло, конечно, не породить в нем сильное раздражение. Среди этих обстоятельств, когда только что начиналось следствие, графу Дмитрию Андреевичу нужно было бы оставаться в Петербурге, но так как здоровье было для него дороже всего, то он имел бестактность отпроситься в Москву для свидания с Захарьиным. В среду 11 марта получил я от Плеве, исправлявшего его должность, приглашение посетить его по особенно важному делу. Оказалось, что государь возвратил ему царское обозрение, в котором была резюмирована передовая статья № 66 «Московских ведомостей» со своими отметками. Вот что было написано им на первой странице: «В высшей степени неприличная статья. Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия, а не г-н Катков; *приказываю* дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы уговорить его безумие и что всему есть мера». Против того места статьи, где говорилось о несчастном

для нас Тройственном союзе (России, Германии и Австрии), государь написал: «Если он это узнал, то только от изменника; требую, чтобы Катков назвал личность, от кого получил все эти сведения». Далее, там, где в статье говорилось о предстоявшем прибытии в Петербург германских военных чинов с их новой амуницией, стояла пометка: «Личная любезность старика-императора ко мне; неприличная и грубая выходка».

Нетрудно было предугадать последствия карательной меры против «Московских ведомостей»: не говоря уже о том, что это было бы великою радостью для ненавистников господствовавшего режима, я не сомневался ни на минуту, что Катков прекратит вовсе свою деятельность. В его положении нельзя было бы и поступить иначе. Я не считал, однако, дело окончательно проигранным. Прежде всего я отправил графу Толстому зашифрованную телеграмму, в которой спрашивал его, не найдет ли он возможным подействовать на государя в таком смысле, чтобы вместо публичного порицания Каткову ограничиться келейным ему внушением. Ночью был получен мною ответ такого содержания: «Высочайшее повеление должно быть исполнено немедленно; сегодняшняя статья против Гирса еще несравненно сильнее; следует ее поименовать в предостережении, чтобы не давать разом двух предостережений одного за другим». Ничего другого я и не ожидал; конечно, трудно было графу Толстому, сидя в Москве, обмениваться с государем телеграммами, когда дело требовало личного объяснения; к тому же и не в характере графа Дмитрия Андреевича было выступить в решительную минуту с инициативой, которая могла быть встречена неблагосклонно. Обратился я к нему, так сказать, *par acquit conscience* *, — обойти его было нельзя, а возлагал я все свои надежды только на Победоносцева. Настойчиво убеждал я его немедленно написать государю, и после некоторых колебаний он согласился; на другой день и сам он должен был ехать в Гатчину, чтобы давать урок цесаревичу⁷, но не знал, удастся ли ему видаться с государем. Между тем собрался совет Главного управления печати, предостережение было заготовлено — все это старался я затянуть до последней возможности в надежде, что дело примет другой оборот; и действительно, поздно вечером Плеве привез мне только что полученную им от государя следующую записку: «По разным соображениям я передумал дать Каткову предостережение, а скажите Феоктистову, чтобы он ехал в Москву, и передайте ему статью с моими замечаниями, чтобы лично прочесть их Каткову и передать ему, что я уверен, что на будущее время Катков воздержится от подобных статей о внешней политике. Если бы он обращался, как прежде, за сведениями в Министерство иностранных дел, то знал бы, что и как писать(!), и мог бы действительно приносить пользу. Только из уважения к личности Каткова я не хочу ка-

* Для очистки совести (франц.).

рать его гласно, а предпочитаю сделать это таким путем. Можете дать Феоктистову и это мое письмо, чтобы он мог прочесть его Каткову». Таким образом, гроза миновала! Победоносцев, вернувшись из Гатчины, рассказал мне, что нашел государя, уже прочитавшего его письмо, в совершенно спокойном настроении. «Я поступил сгоряча, — выразился государь, — конечно, дать предостережение „Московским ведомостям“ по многим причинам неудобно, но они должны изменить тон; слышал я, что Катков собирается в Петербург; как только он приедет, уведомьте меня, я позову его к себе и сам сделаю ему внушение». <...>

Чрез несколько дней после приезда своего в Петербург Катков был вызван в Гатчину. Вернулся он оттуда в совершенном восторге. Этого и следовало ожидать. Государь, как уже замечено выше, способен был выразиться крайне резко на бумаге (*il a la plume feroce* *, говорил о нем Гирс), но при личном объяснении он конфузился, как бы совестился сказать что-нибудь неприятное человеку, возбудившему его неудовольствие, у него не хватало духа распечь его в глаза. По словам Каткова, государь начал строгими замечаниями, но затем разговор перешел вообще к направлению нашей внешней политики, и Катков имел возможность изложить по ее поводу свои соображения. Все они встречали одобрение императора, который утверждал только, что и Гирс вполне разделяет их и что нет никакого основания раздражать против него общественное мнение постоянными намеками, будто он не сочувствует национальной политике. Катков позволил себе заметить, что Гирс не может пользоваться доверием публики уже потому, что носит нерусское имя.

— Я знаю, — сказал государь, — что его считают иностранцем; это очень удручает его, и уже как усердно старается он выставить себя русским! При теперешних обстоятельствах он для меня как нельзя более пригоден. Если бы война когда-нибудь возгорелась, что я считаю великим бедствием, то это будет война продолжительная, беспощадная; было бы безумно отважиться на нее, не приготовившись как нужно; поневоле надо медлить, стараться выиграть время, не надо зарываться, а Гирс такой человек, что не зарвется; осторожность — драгоценное в нем качество.

Государь особенно настаивал на том, чтобы Катков сблизился с Гирсом.

— Вы будете, по крайней мере, — заметил он, — иметь все данные, чтобы судить безошибочно о положении дел; по моему приказанию Гирс ничего не будет утаивать от вас.

Между прочим, зашла речь и о том, кто сообщил Каткову нежелательные для оглашения сведения о Тройственном союзе, государь даже прямо спросил, не получил ли он их от нашего бывшего посла в Берли-

* У него грозное перо (франц.).

не Сабурова (родного брата того, который управлял Министерством народного просвещения). Катков старался уверить, что никто не разоблачал ему тайны, что это было с его стороны делом догадки, что многое объяснилось для него мало-помалу из случайных его разговоров с разными лицами, близкими к дипломатическому миру. Как увидим, ответ этот показался государю — иначе и не могло быть — далеко не удовлетворительным, но при свидании, о котором я рассказываю, он ничем не обнаружил своего неудовольствия.

Дня через два после этого Победоносцев писал мне: «Катков доволен. Не знаю, довольно ли он научен после свидания. Я говорил ему, но при случае и вы скажите: эй, завяжи на память узелок! Чтобы ему *fortiter in re, suaviter in modo*... * А я в другой раз едва ли решусь вмешиваться в дело».

Подобные увещания были бы совершенно бесполезны уже потому, что Катков вышел из кабинета государя еще более уверенным в себе, еще тверже проникнутым мыслью, что он должен идти неуклонно по избранному им пути. Согласно выраженному государем желанию, он сделал визит Гирсу, но тот не мог забыть нанесенных ему оскорблений и визита не отдал. Так они никогда уже и не видались.

* Твердо в деле, мягко в манере (лат.).

ДНЕВНИК

*13 марта*¹ [1881]. <...> в мой кабинет ворвался дворецкий Гес с сообщением, что в императорскую карету бросали бомбы, император ранен. Я тотчас помчался в Зимний дворец; на площади стояло несколько сот человек; меня не пропускали, попасть во дворец мне так и не удалось. Я поехал к генералу Трепову узнать подробности, затем вернулся домой, чтобы отправить телеграммы. О смерти императора я узнал от графа Валуева. <...> Приходили многие мои коллеги, которые оставались целый вечер, были все представители посольства. В городе не было заметно никакого особенного волнения, лишь перед Аничковским дворцом стояли люди и тупо взирали на окна; просторная площадь у Зимнего дворца была почти пуста; по Большой Морской прогуливались, весело болтая, как это обычно бывает в воскресенье. Никаких прокламаций; на улицах не видно и военных. <...>

19 марта. <...> Почившему императору довелось еще при жизни увидеть, как последствия прекрасно задуманных им реформ обернулись против него же; Господь все же уберег его от разочарования, призвав к себе прежде, чем созрели наихудшие плоды милютинской военной реформы. Будем надеяться, что преемнику почившего императора удастся предотвратить ее последствия, и он сумеет возродить преданность династии в офицерском корпусе, большая часть коего воспитана в милютинских военных гимназиях, и тем самым спасет армию от окончательного превращения в народное ополчение.

Изложив свой взгляд на столь печально закончившийся период правления, я не могу не задать себе вопрос: что же должен предпринять новый император в тех обстоятельствах, что сопутствуют его восшествию на трон? Повторю, что репрессии, учитывая характер государя и отсутствие органов, годных для их проведения, кажутся мне средством неподходящим. В бытность свою престолонаследником, Александр III не смог привлечь в свое окружение ни одного сколько-нибудь значительного лица; возможно, теперь все переменится, но по сию пору рядом с императором нет ни одного человека, которому он мог бы доверять и на чью поддержку мог бы рассчитывать. Пока кажется, что он желал бы сохранить графа Лорис-Меликова и г-на Аба-

зу; это возможно, но лишь на какое-то время и ценой уступок. Мне кажется вероятным, что государь пойдет на это; я склонен думать, что программу, подготовленную и разработанную почившим императором, должно привести в исполнение. Вероятно, тут возможно *mutatis mutandum* *, нечто, сходное с нашим соединенным ландтагом 1847 г.

В конце своих размышлений я не могу не сослаться на очень важное заверение Гирса, подтвержденное им письменно: император совершенно тверд в намерении не менять линии внешней политики в отношении нас и Австрии, коей придерживался его почивший отец в последние годы; при этом он следует не только заветам своего отца, но и собственному убеждению. Надеюсь, что Гирс останется советником государя во внешних делах продолжительное время; личность министра иностранных дел ныне станет важнее любой другой, ибо юный монарх далеко не так опытен в дипломатии, да и никогда не проявлял к ней такого интереса, как его незабвенный отец.

20 марта. Вчера, в теплый солнечный день, при сильном ветре, в три четверти одиннадцатого погребальная процессия отправилась в свой путь от Зимнего дворца. Император следовал за гробом; полный достоинства, с мужественной выправкой; за ним великие князья; на путь до крепости длиною всего в пять верст потребовалось более двух часов. Дипломатический корпус собрался у крепостной церкви. Ожидалось, что церемонию похорон будут сопровождать беспорядки, недопустимые при подобных мероприятиях, если бы речь шла и не о столь высокой персоне. Были предприняты разнообразные предохранительные меры. <...>

21 марта. <...> Вероятно, каждому, кто внимательно следил за внутренними делами России в последние годы и кто пусть не удивлен, но безусловно глубоко потрясен ужасным провалом попыток Лорис-Меликова привести общество к успокоению, приходит в голову одна и та же мысль: император теперь должен уехать в Москву! Действительно, теперь можно выбирать лишь между двумя вариантами: европейские реформы Петербурга или автократия Московского царства. Газеты северной столицы, лишь за одним исключением, требуют либеральных реформ и с насмешкой отвергают предложение Каткова и Аксакова о переезде правительства в Москву. Я согласен, что в предложении сем есть разумное зерно, но не верю в его исполнимость; это было бы слишком неудобно. Тем не менее снова и снова задаешь себе вопрос: что для нас лучше — конституционная монархия Петербурга или автократия Кремля? <...>

8 апреля. Формой, соблюдение коей очень важно и в частной жизни, а уж в дипломатическом общении совершенно необходимо, полностью пренебрегают в России; традиции хорошего тона до основания

* сообразно с новой обстановкой (лат.).

забыты. Три или четыре дня спустя после ужасного события я как дуайен дипломатического корпуса обратился к государственному секретарю Гирсу с просьбой разрешить нам, представителям европейских держав, лично выразить Их Величествам наши соболезнования и добрые пожелания. Прием был в конце концов назначен на сегодняшний день, то есть на последний день перед уже решенным переездом императорской семьи в Гатчину. Их Величества держались очень достойно и одновременно просто, и, окружив их, мы забыли о некотором недостатке подобающей случаю галантности, замеченном нами ранее. У двери, через которую вошли Их Величества, стояли камердинер в галстукه весьма сомнительной чистоты и лакей в гамашах и заношенной ливрее без малейшего намека на траур; за нею слышались крики играющих детей, оттуда выглядывали любопытные физиономии; в зал, где проходил прием, на несколько секунд явились также мопс и шпиц умного вида. В приемной императора я встретил графа Игнатьева и поздравил его с назначением министром государственных имуществ; оказывается, царь желал видеть его министром народного просвещения, но Игнатьев решительно отклонил сие, и тогда император вынудил его встать во главе названного Министерства. Каким же рисуется мир человеку, коему могла прийти в голову мысль препоручить графу Игнатьеву воспитание молодого поколения?

12 апреля. Граф Кальноки² был у меня вечером и рассказал некоторые подробности первого дня, проведенного Их Величествами в Гатчине. Grand Marechal* все приготовил наилучшим образом для приема высоких особ — ужин, свиту, но император ничего и слышать об этом не пожелал; надел австрийскую блузу, ужинал только со своей семьей, после лег в шезлонг, курил сигареты, никого не принимая и не читая. Впрочем, в его окружении никого и нет, с кем можно было бы говорить о чем-либо серьезном.

22 апреля. Император по-прежнему в Гатчине; оттуда мало что слышно, лишь от принца Альтенбургского, который меня иногда навещает, я узнаю кое-какие курьезные мелочи. Наиболее важная новость следующая: 20 марта в Аничковском дворце состоялось совещание под председательством императора³; обсуждалось решение, принятое почившим императором прямо перед смертью, о созыве делегаций от земств. Министр внутренних дел настаивал на исполнении этого решения, но не смог найти достаточной мотивировки и защититься от нападок восьмидесятилетнего графа Строганова и что-либо противопоставить страстной речи обер-прокурора Священного Синода. Граф Валуев говорил мне, что проект этого решения исходил вовсе не от Лорис-Меликова, а от Абазы. Последний тоже пытался сказать свое слово, но, кажется, не произвел большого впечатления. Г-н Сольский,

* гофмаршал (франц.).

устав наталкиваться на полнейший отпор графа Строганова и г-на Победоносцева даже при всех сделанных им уступках, потребовал наконец от них предложить со своей стороны нечто позитивное. Этого сделать они не смогли, и совещание закончилось, таким образом, без какого-либо результата.

27 апреля. <...> Их Величества уже 17 дней в Гатчине; император ни разу за эти дни не появлялся в столице. Генерал Трепов⁴ был у вел. кн. Владимира и просил его убедить брата появиться перед войсками; это уж во всяком случае необходимо. Вчера обнародован факт весьма сомнительного характера: князь Ливен получил некогда в дар от покойного императора лес; нынешний император сместил его с поста главы Министерства лесных угодий и вынудил его вернуть дар в казну. Первое верно, второе — нет. Взяв в качестве примера сей прецедент, кто-либо впоследствии может вознамериться провести ревизию всех императорских земельных даров, и это приведет к великому судилищу над классом, коий вот уже двадцать лет роскошествует, не обременяя себя властью, и богатеет не трудясь; нельзя сказать, чтоб суд сей был им не заслужен, но и не следовало бы императору нынешнему подвергать сомнению верность прежних высочайших решений, если он сам не хочет лишиться власти. <...>

14 мая. <...> Время, прошедшее с того дня, как я в последний раз писал в этой тетради, было весьма оживленным в политическом отношении. 5-го имел беседу с Валуевым; спрашивал его, слышал ли он что-либо о совещании 3-го; он ответил отрицательно; на совещание это он не был приглашен, из чего сделал вывод, что предвидятся перемены, в коих ему не найдется места. «Я слишком европеец, — сказал он, — посему никак не могу согласиться с идеей насильственной русификации».

8-го был парадный прием у нас и 10-го — у графа Кальноки; все, с кем я встречался, считают утверждение программы Лорис-Меликова за дело решенное. <...>

11-го Их Величества прибыли из Гатчины в столицу; парад прошел благополучно и быстро; после него император отправился к завтраку во дворец тяжелобольного герцога Ольденбургского, оттуда в Зимний дворец, где вручал депутациям полков, командиром коих является, части униформы своего отца. Из Зимнего дворца Их Величества поехали в часовню на Екатерининском канале. В этот момент стали распространяться слухи о странном манифесте, в коем император объявляет, что не поступит своими правами самодержца. Всех очень удивило это известие, ибо слухи, ходившие о состоявшемся 3-го числа в Гатчине совещании⁵, говорили совсем о другом. Манифест написан в поповском эпистолярном стиле Победоносцева; непонятно, что это: либо только проповедь, либо программа к действиям, — тогда все прекрасно. Таковыми (действиями) должны быть в первую очередь

учреждение Особой комиссии по безопасности и образованию отдельного Министерства, которое возглавил бы человек консервативных взглядов, например граф Шувалов.

18 мая. <...> Создание «империи правды», возведенное Александром III в Манифесте, инаугурировано назначением министром внутренних дел известного лжеца. Граф Игнатьев, однако ж, является личностью выдающейся не только в области псевдогосударственности, он полон идей, ловок, деятелен, умеет с любым найти общий язык и привлечь к делу людей лучших, чем сам. Для меня же наиболее важным предметом в моих размышлениях является вот что: в делах внутренних император во всем следует советам Победоносцева и московских политиков Каткова и Аксакова; как только позволят обстоятельства, их мнение будет решающим и в вопросах политики внешней. Гирс совершенно со мной в этом согласен.

26 мая. <...> переговоры с Берлином и Веной идут медленно, но (мнение Гирса) все же подвигаются к цели. Не могу скрыть, что этим важным вопросом и в Вене, и здесь занимаются вяло... Ни там, ни здесь не стремятся к истинному согласию. <...> Император Александр пока придерживается линии своего отца; но недавно им были произнесены такие слова: «Не значит ли все это, что соглашение с Австрией вовсе невозможно?» <...>

12 июня. У князя Горчакова; старик старался всячески подчеркнуть свое восхищение императором: «Он русский,— восклицал князь в разговоре со мной,— до кончиков ногтей; он пьет только квас!» Пока не последовало никаких определенных распоряжений императора о том, остается ли Горчаков канцлером, и о том, что он продлевает срок его полномочий, как это принято; то есть все остается по-старому; князь получает 40 000 рублей годового содержания, имеет сотню комнат, путешествует за границей и читает романы, а Гирс продолжает трудиться по-прежнему, то есть без <определенного> чина, прибавки к годовому содержанию и годной для житья квартиры.⁶ <...>

10 июля. Александр III уже четыре месяца на троне, и я пока не смог сделать никаких выводов о характере его правления ни по тому, что он совершил за это время или, наоборот, чем пренебрег, ни по тому, кого он предпочел или, наоборот, послал в отставку; до сих пор мне не ясен ни личный характер «самодержца», ни система его взглядов, но так же мало ощущается и влияние кого-либо, советующего ему; в общем, можно предположить, что вовсе нет ни характера, ни системы, ни руководящей воли. При общем честном стремлении способствовать добру и не допустить зла, насколько это возможно без особого напряжения физических и душевных сил, император как отличный семьянин может уже служить добрым примером для своего народа; но это то воздействие, которое требует продолжительного времени; нынешняя же ситуация требует быстрого и мощного

вмешательства самодержавных принципов, к тому же так помпезно заявленных; <поскольку этого нет>, то всеобщее недовольство растет день ото дня. Здесь теперь много говорят о простосердечии нового правителя, но пусть даже к достоинствам хорошего семьянина прибавятся достоинства бесхитростного человека, все это, однако ж, еще не дает нам никаких гарантий; при недостаточном знании людей и неопытности в делах император в какой-либо критический момент может быть побужден к действиям, последствий которых не предвидит, о которых потом, возможно, пожалеет, но ничего уже не сможет изменить.

12 июля. Сегодня в Петергофе имел беседу с Гирсом, длившуюся несколько часов; он намекал, что есть намерение — правда, пока весьма неопределенное — встречи императора Александра с нашим императором, в случае если последний во время осенних маневров остановится невдалеке от русской границы. <...>

5 декабря. Граф Кальноки сегодня покидает Санкт-Петербург, увозя с собой, если я не ошибаюсь, впечатление, что внутренние дела России безнадежны, армия вследствие дурной дисциплины и неумелого командования деградирует, а руководство внешней политикой находится пусть и в благородных, но слабых руках. В последнее время он имел возможность убедиться в доверии и уважении, питаемым Их Величествами к государственному секретарю Гирсу, но не может заблуждаться относительно того, что граф Игнатьев и московская партия, как и прежде, всячески противодействуют его политике, а методы их противодействия будут наносить менее вреда лишь в том случае, если при прежнем Министерстве иностранных дел дела внутренние перейдут в другие руки, причем в скором времени. В моих последних беседах с графом Кальноки я старался всячески подчеркивать, что те печальные впечатления, кои получает сейчас в Петербурге иностранец, не должны привести к недооценке русской мощи; она, на мой взгляд, в целом или, если можно так сказать, в смысле грубой силы все та же; лишь престиж ее слегка пострадал по вине неумелых дипломатов и военных; и людей, и вооружений, да и денег все еще достанет на то, чтобы пойти на глупые и преступные авантюры, стоит лишь сломить добрую волю нынешнего властителя. Для начала денег хватит, хоть, возможно, затем возникнут затруднения; хватит их пока и для того, чтобы поддерживать беспокойные слои в славянских странах. На мой взгляд, до тех пор, пока внутренняя политика здесь находится в столь диаметральной противоречии с внешней, наша задача заключается в том, чтоб сохранять в вопросах последней нашу превентивную доверительность, но ни в коей мере не забывать о кознях, чинимых через первую. <...>

4 января. Десять месяцев, прошедшие со дня убийства императора Александра, кажутся десятью годами, когда видишь, как много потерял престиж монархии за это время. Пугающее равнодушие к смерти прошлого монарха, обидное безучастие к судьбе нынешнего доказывает, что такие понятия, как отношение вассала к суверену, чувство пие-тета в отношении династии суть в России неизвестны. Единственный существующий здесь импульс к действию — это желание что-либо приобрести и страх что-либо потерять; но теперь уже не ждут, как бывало, благ от короны; добродетели нынешнего царя, его экономность, его нежелание выдвигать недостойных, вредят ему так же много, как и ошибка, совершаемая им, когда он не спешит приблизить достойных.

Оба министра, кои пользуются здесь особым влиянием, натуры прямо противоположные; один не имеет никаких принципов, никаких убеждений, алчен и стремится лишь к увеличению власти, популярности, при этом умен и находчив, неистощим в изобретении новых приемов в своих действиях, искушен в знании человеческой природы; другой бескорыстен, цель его борьбы — благо, и благо божественное он ставит выше ценностей земных; но при этом он человек весьма ограниченный, образован, но не обладает ни малейшим пониманием как физических, так и духовных нужд народа. Между ними двумя, Игнатьевым и Победоносцевым, — «самодержец», изолировавший себя от мира; за ними стоят, используя их как свои безответные орудия, московские журналисты, поносящие все существующие государственные институты, органы правления, чиновничество, методично уничтожающие авторитет государства, короче, как они это называют, жаждущие убрать все преграды меж царем и народом.

Император, похоже, охотно внимает всем этим крикам. Обреченный ежечасно опасаться за свою жизнь, зная о существовании многочисленных врагов, которые хотят выместить на нем свою ненависть за грехи его бюрократии, монарх может найти утешение лишь в любви простого народа. Сей действительно привязан к своему царю, видит в нем своего защитника от угнетения и ждет, чтобы он отнял землю у помещиков и передал ее крестьянам. Не следует переоценивать пользу этой любви крестьянской массы, и корыстной и инертной, в деле восстановления государственного порядка, практической политики, общественной безопасности и финансов. Дворянство совершенно бессильно, бюрократия дискредитирована, так что необходимо было бы иметь какое-то среднее звено, уважаемое высшими и способное оказать влияние на низших, но возможности к созданию этого среднего звена отсутствуют, как, впрочем, и воля.

Здесь всегда ищут средства, кои могли бы помочь сразу; но таких не существует; два года назад энергичные, последовательно проводи-

мые репрессии все же обеспечивали спокойствие и порядок и вдобавок создавали запас времени, необходимый для проведения консервативных реформ. <...>

12 января. Два раза охотился на Охте с Шуваловым, имел с ним очень интересные беседы; недавно его посетили две гатчинские «gros bonnets» *; разговор наш зашел о том, что граф вообще думает о переезде императорской семьи в Гатчину, где два-три человека завладели привилегией развлекать и защищать монарха. Шувалов прямо объявил этим господам, что считает это неестественным; тогда его спросили, возьмет ли он на себя ответственность сказать императору, как недавно Игнатьев, что тот может возвращаться в Петербург. На это Шувалов ответил: «Я сказал бы императору не „Vous pouvez retourner“, но „Vous devez retourner“» **. Правитель России не имеет права уединяться в сельской глуши, словно английская королева». Я думаю, что люди, ответственные за охрану императора, боятся грозящей ему опасности и стремятся защитить от нее и его и, прежде всего, себя; по-человечески их поведение понятно, но, конечно, оно далеко от героического. Вероятно, они рассчитывают на то, что в России ничто не продолжается долго, периоды пожаров и заговоров сменяются затишьем, и точно так же будет и с нигилистами; наверное, в этом есть доля истины, и моя единственная надежда на прекращение эпидемии убийств покоится на том, что русские в зле так же непоследовательны, как и в добре. <...>

16 января. У меня был Гирс; вели продолжительную конфиденциальную беседу. Я сообщил ему о постановлении Берлина, где имеются выдержки из сообщений наших полицейских агентов в Лондоне и Париже. Они утверждают, что нигилисты готовят покушение на императора Александра и всю его семью; причина подготовки нового злодеяния в том, что нигилисты опасаются краха своего дела (которое и возможным-то стало лишь из-за попустительства образованных классов), в случае, если царь решится принять конституцию. <...>

12 февраля. В последние дни несколько раз беседовал с Победоносцевым; давно уж я не встречал в России человека, отличающегося столь непоколебимыми убеждениями, как этот господин. Хорошо образованный, красноречивый, признанный в юриспруденции авторитет, он тем не менее производит впечатление анахорета, для коего, лишь речь заходит о ритуальных вопросах, перестают существовать и государственное, и народное право. Пытаясь понять, как отзываются во мне самом слова этого человека, я вынужден признать, что они, видимо, не могут не производить впечатления на императора, когда тот, ежечасно подвергаемый опасности смерти, не видит рядом с собой

* «шишки» (франц.).

** Вы можете вернуться. Вы должны вернуться (франц.).

бескорыстного и справедливого советчика. Любая сильная убежденность, пусть даже односторонняя и ошибочная, не может не накладывать отпечатка на медиума, у коего отсутствуют в данный момент ясные представления и воля. Но эта убежденность г-на Победоносцева носит характер критики нимало не созидательной; таким образом, много разумного из-за его вмешательства не находит себе дороги. «Он может иметь дело лишь с херувимами», — так отзывался недавно в разговоре со мной граф Игнатъев об этом странном святом. <...>

19 и 20 марта. <...> Накануне дня рождения императора великая княгиня Constantin⁷ давала парадный обед, на который кроме нас, генерала Вердера и секретарей были приглашены Гирс и некоторые другие. Не скрою, требовалось некоторое мужество, чтобы пойти на демонстративный шаг, не дожидаясь решения императора о традиционном парадном приеме в честь своего дня рождения, и решение это, по всей вероятности, далось императору нелегко; лишь в последний момент, когда у гофмаршала едва достало времени сделать необходимые приготовления, последовало высочайшее распоряжение; г-жа Нарышкина рассказывала, что ее супруг разбудил ее в 2 часа пополудни и усадил надписывать пригласительные билеты, а некоторые компоненты блюд прибыли из Парижа всего за два часа до начала обеда. Празднество у великой княгини было устроено со всей возможной тщательностью и потому оставило очень приятное впечатление; в проникновенных выражениях, исполненных чувства преданности и почтения, великая княгиня пожелала здоровья императору.

22-го в посольстве для поздравлений явилось людей более, чем когда-либо в прежние годы; были почти все великие князья, граф Игнатъев и генерал Обручев. В 4.15 мы отбыли в Гатчину к парадному обеду; едва войдя в здание дворца, я сразу заметил, как сильно в лучшую сторону изменился порядок там с тех пор, как должность гофмейстера принял Etanuel Нарышкин. Во время обеда я сидел справа от императрицы; она с признательностью стывалась о деятельности Гирса; я подчеркнул в разговоре с императрицей, как важно было бы, чтоб верный и бескорыстный слуга Их Величеств обрел наконец и внешние атрибуты своей многотрудной должности, блестяще исполняемой им вот уже скоро шесть лет, и как благотворно это отразилось бы на уважении, питаемом к нему и нами, дипломатами, и его коллегами. <...> Император обратился ко мне с тостом: «Je bois à la santé de S. M. L'Empereur d'Allemagne, mon meilleur ami et allié; que Dieu le préserve encore de longues années pour le bonheur de son propre pays et pour la tranquillité de l'Europe!» *

* Я пью за здоровье Его Величества императора Германии, моего лучшего друга и союзника; да хранит Господь его еще долгие годы на счастье его страны и для мира и спокойствия во всей Европе! (*франц.*)

Когда все уже встали из-за стола, я поблагодарил императора за эти прекрасные слова, и он сказал мне, что они исходили из самого сердца, и, кроме того, выразил надежду, что эти мысли и настроения разделяют и у нас. <...>

5 апреля. Для глумливых и отчасти даже противозаконных нападок Игнатьева на евреев я не нахожу другого объяснения, кроме как стремления любым способом скандализировать общество и направить его дурные страсти на чужаков. Впрочем, когда пытаешься дать оценку происходящему здесь, следует заранее отказаться от надежды понять действия, предпринимаемые правительством, и мотивы поведения различных общественных слоев. <...> Здесь лишь один девиз: «Будем пить и жрать, потому что завтра умирать». К «пить и жрать» надо было бы добавить еще «и в карты играть!». Кому бы из знакомых мне помещиков, чиновников, генералов, в столице и в провинции, я не задавал вопрос, почему бы людям благородным, достойным, влиятельным не попытаться каким-либо образом объединиться и что-либо предпринять, устно ли, письменно, чтобы как-то обезопасить свое положение, в ответ всякий раз я слышал «Нет!», а когда затем спрашивал: «Но чем же они, в таком случае, занимаются?» — мне отвечали одно и то же: «Играют!» О чудовищной серьезности положения здесь никто не имеет ясного представления, к сожалению, как и в Гатчине; Победоносцев печется о небесах, Катков — о народе, Игнатьев направляет воды Ахерона, остальные, ни о чем не помышляя, живут без всяких забот. <...>

6 мая. <...> Иногда устаешь писать о России, а еще более читать различные статьи о ней, где нет и следа поиска той объединительной героической силы, могущей противопоставить себя процессу разложения, происходящему в крупнейшем государственном организме мира. Над восьмидесятимиллионным народом глумится несколько сот тысяч бюрократов; преувеличением было бы говорить о прямом насилии или грабеже, да и слишком много чести для «чиновников»; это не жестокость, но хитрость и отличное умение использовать все выгоды своей должности для корысти, путем ли незаконных трат, созданием ли таких обстоятельств, при коих им вынужденно дают взятку, для того, чтобы они выполнили свой служебный долг, или же, наоборот, им пренебрегли. Чернь терпеливо сносит такое положение, да и общество не торопится выразить свое презрение. <...>

4 июня. Лигово [на даче]. <...> Ни одно из многочисленных начинаний графа Игнатьева на посту министра не привело к какому-либо результату; даже травля евреев не принесла успеха. Теперь он вынужден искать что-то новое. «Новое время» заговорило с его слов о Земском соборе. Катков тотчас же ответил в самых резких выражениях. Сейчас вступил Победоносцев; я думаю, он нашел бы способ внушить императору, что принципы, провозглашенные апрельским (1881)

манифестом, видимо, вполне соединимы с идеей Земского собора, созывавшегося при прежних царях, даже при Иване Грозном; но пока кажется, что Победоносцев жаждет объединиться с Катковым против Игнатьева и Аксакова. Граф Шувалов уверен, что император не согласится на этот шаг. На мой взгляд, не стоило бы так легко отказываться от идеи, осуществление коей в той или иной форме многим видится единственным мирным способом выхода из нынешней смуты. <...>

13 июня. По возвращении с верховой прогулки с Вильгельмом мне был передан егерем прибывший из города портфель; в нем содержалось официальное письмо, извещавшее, что Игнатьев по причине нездоровья подал в отставку и министром внутренних дел назначен граф Дмитрий Толстой. Бывший министр народного просвещения — орудие в руках Каткова и при этом является фигурой не только не популярной, но просто-таки ненавидимой. «Отцу лжи»⁸ не изменили ни его искусство, ни счастье; искусство в том, что после всех своих фокусов он сумел достойно отступить, развернув при этом знамя либерализма со словами «Земский собор»; счастье же его в том, что на его место заступает личность крайне непопулярная и оттого контраст будет особенно выгоден для ушедшего.

14 июля. Граф Игнатьев пожертвовал своим постом не какому-либо принципу; он просил об отставке или потому, что понял невозможность для себя и далее исполнять эту должность, или потому, что момент для ухода нашел крайне для себя выгодным. То, что император тотчас согласился на его просьбу об отставке, объясняется тем, что чаша переполнилась, и, кроме того, монарх, имеющий крайне ограниченный круг приближенных лиц, сумел наконец понять, что он остался единственным, кого могли провести интриги Игнатьева. Месяц назад министр внутренних дел предложил на рассмотрение императора свой проект созыва в Москве, по старомосковскому обычаю, Земского собора, в ознаменование коронации. Сам по себе проект сей не вызывает возражений; возможно, это единственный выход из лабиринта. Все зависит лишь от того, из кого будет составлено это собрание и какими оно будет облечено полномочиями; вероятно, проект Игнатьева, опубликованный Катковым, был слишком фантастичен; император, получив его, прочел и обсудил с несколькими своими советниками — Победоносцевым, Островским и Деляновым; все трое высказались решительно против, и, таким образом, вопрос был закрыт; судьба отвергнутого проекта графа Игнатьева беспокоила мало. Тут в аксаковской газете («Русь») появляется статья о Земском соборе, игнатьевское «Новое время» выступает с критикой, а Катков обрушивается на статью с уничтожающими грубостями. Из-за сей полемики дело получило совершенно новую окраску. Отклонение императором какого-либо предложения своего министра — дело совершенно обыкновенное, касающееся лишь их двоих. Когда же министр открыто

оповещает публику о попытке осуществить ее страстную, питаемую всеми мечту, но невозможности преодолеть сопротивления трона, — это уже нечто совсем другое, и именно на сию сторону дела было обращено высочайшее внимание. Характерная деталь происшедшего: Победоносцев упрекал графа Игнатьева в том, что такое важное мероприятие, как созыв Земского собора, он пытался устроить за спиной своих коллег; граф в ответ на этот упрек напомнил обер-прокурору Священного Синода некрасивую историю с апрельским манифестом, когда тот поступил точно таким же образом.

Два года назад граф Лорис-Меликов в разговоре со мной назвал самым значительным своим достижением смещение графа Толстого, «*âme damnée de Katkow*» *; узнав о его отставке, люди обнимались на улицах; подобно пасхальному «Христос воскресе!», люди, встречаясь, говорили друг другу: «Толстой смещен!» О том же и в еще более сильных выражениях писали в те дни газеты. Именно этому человеку телеграфировал император 11-го вечером, велел прибыть на следующее утро в Петергоф. Граф был поражен предложением императора, напомнил ему о своей непопулярности и открыто объявил, что и впредь не намерен ее искать. Ответ императора был: ему это известно, и в качестве подтверждения того, как мало значения он придает пресловутой популярности, его величество привел свой отказ от очевидного шага, какой предлагался ему для ее обретения. Граф Толстой изложил императору свою программу; она — полная противоположность всему, что свершалось здесь в последние десять лет. Граф прямо заявил, что не мыслит себе императора вне связи с дворянством и не приемлет лозунга «Царь и народ». Царь со всем согласился. Никто не поручится нам, что через год, много два, он не одобрит и предложения Черняева!⁹ <...>

* Здесь: правая рука Каткова (франц.).

НА СЛУЖБЕ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ

1

Начало царствования императора Александра III было грустное, даже жуткое. Все были взволнованы мученической кончиной его отца; не ясно было, какое направление даст новый государь внутренней политике, недостаточно известно было, как он относится к преобразовательной деятельности его отца... Как это часто бывает, наследник был не совсем в ладах с отцом <...>

Отчасти такое явление объясняется психологическими причинами и наблюдалось во всех странах, где был монархический образ правления. При самых добрых, искренних, сердечных отношениях между отцом и сыном бывает и натянутость отношений между монархом и его наследником. Монарх невольно чувствует в сыне лицо, которое будет ему наследовать, и именно после его смерти; это невольно порождает известную ревность, подозрительность; монарх невольно видит в сыне человека, как бы ожидающего открытия вакансии. Наследник тоже по психологическим причинам видит в отце лицо, которое как бы задерживает его воцарение. Кроме того, в этом вопросе две стороны — отцы и дети, а между ними не может не быть разницы в воззрениях на жизнь, и то, что отцы считают несвоевременным или преждевременным, дети считают неотлагательным, необходимым.

В отношениях императора Александра II и его наследника была еще особая причина разногласия и даже, в известной степени, охлаждения — это условия их семейной жизни.

Цесаревич отличался спокойным темпераментом, и его семейная жизнь была образцовой; не то было у императора Александра II. Супруга его много страдала нравственно, вследствие измены мужа, и это не мог не принимать к сердцу сын ее, цесаревич.

Вследствие этих условий между отцом и сыном не было тесных, дружеских, родственных отношений. Было немало случаев, доказывающих, какие трения были между отцом и сыном.

Одна из причин — это, по-видимому, то обстоятельство, что в семье любимым сыном был старший, цесаревич Николай Александрович. Я не хочу сказать, что остальных детей родители не любили,

а говорю только, что в семье Александра II, как это часто бывает, одного из детей больше любили, как бы предпочитали остальным. <...>

Вообще цесаревича¹ окружала атмосфера симпатий, и понятно, что родители не могли не любоваться им, ценить его и гордиться им.

Не то было с Александром Александровичем. По внешности — некрасивый, мешковатый — ни в мать, ни в отца, не изящного, но крепкого, можно сказать, богатырского сложения: недаром В. М. Васнецов изобразил его в известной картине «Русские богатыри».

Итак, с первого взгляда, Александр Александрович не вызывал особых симпатий, но о нем не следовало судить по «внешности»; да и вообще при суждении о людях следует помнить слова Спасителя: «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Ин., VII, 24).

У Александра Александровича была душа добрая, чистая, незлобивая, сердце было золотое; старшего брата он уважал, и тот отвечал ему тем же; вот эти данные не были, к сожалению, оценены родителями. Воспитание и образование Александра Александровича было далеко не такое тщательное, как цесаревича Николая Александровича; это условие было отчасти тоже общего характера, так бывало нередко в семьях монархов в разных странах, в разное время. Как будто считали, что наследник престола застрахован от несчастий, от смерти, а это может случиться в любую минуту, и только тогда обнаруживалась сделанная ошибка.

Генерал-адъютант Оттон Борисович Рихтер говорил мне подробно и не раз о воспитании Александра Александровича.

Когда скончался цесаревич Николай Александрович, 12 апреля 1865 г., в Ницце, и наследником престола стал Александр Александрович, то государь пригласил к себе О. Б. Рихтера и поручил ему руководить подготовкой Александра Александровича к предстоявшим ему обязанностям. Оттон Борисович говорил мне, что он пришел в ужас, когда узнал, как пренебрегали образованием Александра Александровича. По-русски он писал едва-едва грамотно, познания его по всем научным предметам были весьма ограничены, и это было последствием работы его преподавателей, а не его отношения к учебным занятиям и его способностей.

О. Б. Рихтер был честный, благородный человек, серьезный и скромный. Он в свое время кончил Пажеский корпус, много читал, пополнял свое образование и, как в высшей степени добросовестный человек, считал, что не имеет достаточной подготовки для такого важного дела, как подготовка наследника престола к его будущим царственным занятиям. Он откровенно говорил об этом государю, но Его Величество, хорошо зная Рихтера и ценя светлые стороны его личности, настоял на том, чтобы он продолжал порученное ему дело.

Тогда Оттон Борисович выработал план занятий на два года, пригласил лучших профессоров и, как он мне говорил, присутствуя на всех занятиях, основательно дополнил свое образование.

Александр Александрович занимался хорошо, усердно исполнял учебную работу и проявил одну из основных черт своего характера — добросовестное отношение к своим обязанностям.

Он не был быстр на соображение, но вдумчиво вникал в учебные занятия и, уяснив себе какой-либо вопрос, уже твердо держался усвоенного, не меняя мнения легкомысленно, неосмотрительно, под влиянием случайных впечатлений от услышанного или прочитанного. Если же возникали новые условия, то он вновь тщательно, вдумчиво разбирался в них.

Такое отношение к учебным занятиям дало ему определенность, устойчивость в решениях, что так характерно проявилось при исполнении им впоследствии его царственного долга.

Конечно, весьма поздно спохватились в деле образования цесаревича Александра Александровича, и это важное дело не могло быть проведено с должной планомерностью, но все же было сделано то, что еще было возможно, и образование наследника престола было пополнено. Цесаревич вдумчиво следил за внутренними делами России. Его внимание привлекали частые покушения на государя и на государственных деятелей, брожение в обществе, крестьянские волнения, революционная пропаганда — все это беспокоило его и заставляло задуматься о причинах тех условий, в которых была Россия.

Мало-помалу у него сложилось убеждение, что одна из главных причин общего неудовольствия та, что «правда не доходит до Царя»; в этом отношении он совершенно усвоил сознание массы русских людей, особенно крестьян, которые были глубоко убеждены в том, что царь желает знать правду, но ее до него не допускают чиновники; русский человек не допускал мысли, чтобы царь мог действовать не по правде; крестьянство считало, что царь ему желает добра, но помещики, «баре», противодействуют Царю. Не выразилось ли все это в народной пословице «Жалует царь, да не жалует псарь».

Я уже приводил мнение императора Николая I из его дневника, где он незадолго до кончины записал: «Вступая тридцать лет тому назад на престол, я страстно желал знать правду, но слушая в течение тридцати лет ежедневно лесть и ложь, я разучился отличать правду от лжи».

Бюрократия, начиная с министров, образовала между царем и народом так называемое «средостение», и царь знал о том, что делается в его царстве, почти только через его докладчиков. Докладчики были разные, но результат был тот же. Были докладчики умные и честные, но они могли ошибаться, а положение государя, если бы у него во время доклада возникло сомнение, было крайне трудное. Как бы осторожно, деликатно монарх не дал бы понять министру, что дело ему кажется не совсем таким, как оно ему доложено, все же это было бы знаком недоверия к докладчику и ставило последнего в весьма щекотливое положение.

Но могли быть докладчики, недостаточно соответствующие своему назначению, а ведь это при единоличных докладах не так-то легко обнаруживается; ведь назначения на соответствующие должности и увольнения от них — дело сложное, и далеко не всегда такой вопрос монарх может решить своевременно и справедливо.

Затем мог быть и третий тип докладчиков — лица недобросовестные. К горю монарха и России, и у нас бывали такие. Монарху разобраться во всех частностях крайне трудно, ведь он ежедневно слушает доклады нескольких министров и главноуправляющих ведомствами по самым разнообразным, сложным, иногда совершенно специальным вопросам. Самое тяжкое для государя было то, что ответственность ложилась исключительно на него, если доклад удостаивался высочайшего утверждения, и министр (конечно, не всякий) мог на обращенные к нему вопросы отвечать: «Так угодно Государю».

Были, конечно, министры, но редко, которые не только не подводили государя, но твердо возражали его величеству, если считали, что это необходимо для пользы дела, для самого государя, — это была оппозиция не его величеству, а оппозиция его величества, <...> но такие лица были редкостью.

Когда цесаревич Александр Александрович убедился, что правда не всегда доходит до царя, он стал обдумывать, как выйти из этого положения.

Он обратился за содействием в этом деле к графу Н. П. Игнатьеву, который был убежденным сторонником созыва Земского Собора² на старорусском начале: «Мнение — земле, решение — царю». Игнатьев предложил привлечь к этой работе профессора Самоквасова, знатока вопроса о Земских Соборах, и результатом работы цесаревича и двух его сотрудников было составление положения о Земском Соборе. Надо подчеркнуть, что цесаревич предпринял это важное дело не под влиянием своих сотрудников, но по своему глубокому убеждению в необходимости создания таких условий, при которых царь мог узнавать о нуждах его подданных через людей, знакомых с местными делами, и чтобы об этих нуждах царь узнавал не по единоличным докладам министров, не через чиновников, а через свободное обсуждение выборов от народа людей.

Царь мог согласиться с мнением большинства или меньшинства, как это уже практиковалось при утверждении мнений Государственного Совета; эти мнения представлялись государю всесторонне освещенные, и таким образом мог государь сознательно, со спокойной совестью принять решение, выслушать мнение представителей народа, без участия «средостения».

Работа по этому вопросу должна была производиться без огласки; даже от императора-отца цесаревичу приходилось вести это дело скрытно.

Конечно, император Александр II сознавал, что вопросы высшего управления должны быть поставлены иначе, но нелегко ему было изменить давно установленный порядок.

В обществе также сознавали, что нужно изменить порядок направления государственных дел, но большинство видело весь вред только в отсутствии конституции в западноевропейском духе; в таком направлении шла пропаганда — революционные силы открыто требовали конституции.

Между тем ясно было, что Россия не подготовлена к такой реформе, но это мало кто понимал, а распространенное мнение состояло в том, что так как конституция есть в Европе, то следует завести ее и у нас, что самодержавие отжило свой век и тому подобное. Такие взгляды проповедовали не только революционеры, но о них открыто говорили в земских собраниях, о них писали в адресах царю.

Александр II все это знал и яснее понимал дело, чем многие его подданные. Если он не решался дать конституцию, «увенчать здание», как говорили тогда, то не из опасения умалить свою власть³.

Однажды государь принял в Ильинском, под Москвой, в имении его супруги императрицы Марии Александровны, предводителя местного дворянства Голохвастова⁴ и в продолжительной, спокойной беседе с ним изложил свое мнение о даровании конституции России: «Если бы я был убежден, что это принесет пользу России, то я бы это сделал, ибо желаю России только добра. Но этого убеждения у меня нет, и я не могу действовать против моей совести».

Император Александр II сознавал, что необходимо устроить так, чтобы голос народа доходил до царя не через посредство бюрократии, и решил образовать при Государственном Совете особое присутствие из сведущих лиц и земских деятелей; заключения этого присутствия представлялись в Государственный Совет, и с его мнением восходили к монарху.

Это положение император Александр II подписал утром 1 марта 1881 г., а в тот же день в 3 ч. 30 м. дня его не стало.

Для разработки этого положения государь привлек цесаревича Александра Александровича и вел. кн. Константина Николаевича, и после подписи государя были подписи и этих двух великих князей.

Страшное событие 1 марта не поколебало императора Александра III в его мнении, что голос народа должен доходить до царя. Незадолго до 1 марта 1881 г. император Александр II поручил графу М. Т. Лорис-Меликову выработать проект ряда преобразований по внутреннему управлению России. Предполагалось упразднить III Отделение Собственной Его Величества Канцелярии, ограничить административный и цензурный произвол, расширить круг действий земского и городского самоуправления и создать при Государственном Совете присутствие из земских деятелей и сведущих людей, частью по избра-

нию, частью по назначению правительства. Заключение этого присутствия предполагалось направлять в Государственный Совет. Таким образом работа этого присутствия имела бы только совещательный характер. Конечно, призыв выборных для суждения о государственных делах явился бы началом народного представительства в государственном управлении, но не имел ничего общего с конституцией. Затем предполагалось установить согласованность действий министров, что не было новостью, ибо для сего был Совет министров, но министры не любили собираться в Совет, а предпочитали единоличную деятельность.

Проект призыва выборных был одобрен и подписан государем 17 февраля 1881 г., причем государь повелел Лорис-Меликову изготовить оповещение во всеобщее сведение о принятом решении в виде «правительственного сообщения», что делалось нередко.

Проект этого правительственного сообщения был утвержден государем утром 1 марта 1881 г. перед отъездом на развод.

Слухи об этих мерах проникли в широкие круги общества и вызвали у одних успокоение и надежды на лучшее будущее, в других неудовольствие, а в третьих решительное сопротивление; эти третьи — темные силы — сознавали, что Великий Государь ведет Россию к величью, но им не нужна была Великая Россия, им нужны были великие потрясения.

Как это случается в политической жизни, и в этом случае крайние левые сошлись с крайними правыми, которые, конечно, не стремились к великим потрясениям, но своей близорукой, ретроградной работой помогали левым в их преступных намерениях против государя и России.

В этом случае крайние правые делали все возможное, чтобы обратить всю Россию в «стоячее болото», совершенно упуская из виду мудрую пословицу «Было бы болото, а черти найдутся», а разве черти могли сделать что-либо полезное России; напротив, они расчистили пути, сравняли горы, засыпали доли и облегчили прибытие в Россию сатаны, и он ныне воцарился на Руси.

Слухи о готовящихся преобразованиях не только не остановили действий революционной партии, но побудили к скорейшему исполнению злодейского покушения на жизнь государя, чтобы помешать ожидавшемуся успокоению. В спокойной России их работа становилась много труднее, им нужно было торопиться, и революционные заграничные комитеты побуждали русских террористов продолжать их работу в надежде вызвать в России революцию.

Новому государю, императору Александру III, надо было решить вопрос, как поступить с проектом призыва выборных, подписанным его покойным отцом перед самой его кончиной.

Для решения этого дела государь назначил на 8 марта заседание Государственного Совета под своим председательством⁵.

На этом заседании «за» высказались: великий князь Константин Николаевич, Сольский, Абаза, граф Валуев, Милютин и некоторые другие. Граф Д. А. Милютин горячо поддерживал необходимость обнародования последней воли покойного императора. Он смелым, искренним, правдивым словом очертил политический момент, переживавшийся тогда Россией. «Представляемая вашему императорскому величеству мера, по моему мнению, совершенно необходима именно теперь. В начале каждого царствования новый монарх для пользы дела должен заявить народу свои намерения и виды относительно будущего. По части внешней политики взгляд вашего величества нашел себе прекрасное выражение в циркулярной депеше министра иностранных дел: как видно из известий, приходящих из разных концов Европы, депеша эта повсюду произвела наилучшее впечатление. Но она касается собственно международных наших отношений; из нее не видно, какой внутренней политики будет держаться император Александр III. Между тем вопрос этот естественно озабочивает всю Россию. Безотлагательное его решение представляется мне в высшей степени необходимым. Покойный государь по вступлении на престол предпринял целый ряд великих дел. Начатые им преобразования должны были обновить весь строй нашего отечества. К несчастью, выстрел Каракозова остановил исполнение многих благих предначертаний великодушного монарха. Кроме святого дела освобождения крестьян, которому покойный государь был предан всей душой, все остальные преобразования исполнялись вяло, с недоверием к пользе их, причем нередко принимались даже меры, не согласные с основной мыслью изданных новых законов. Понятно, что при таком образе действий нельзя было ожидать добрых плодов от наилучших даже предначертаний. И действительно, в России все затормозилось, почти замерло; повсюду стало развиваться глухое недовольство.

В самое последнее время только общество ожило, всем стало легче дышать, действия правительства стали напоминать первые, лучшие годы минувшего царствования. Перед самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположения, рассматриваемые нами теперь. Слух о них проник в общество, и все благомыслящие люди им от души сочувствовали. Весть о предполагаемых новых мерах проникла и за границу».

На этом месте император Александр III прервал Милютина, заявив, что император Вильгельм I собственноручным письмом умолял императора Александра II не давать России «конституцию» и уже в случае крайности, если нельзя будет обойтись без народного представительства, советовал устроить его как можно скромнее, дав представительству поменьше влияния и сохранив власть за правительством. Понятно, что для Германии было выгодно возможно более продолжительное существование смут всякого рода в России, чтобы

легче было подчинить ее своему политическому и культурному влиянию; надо сказать, что в этом отношении Германия действовала в трогательном единомыслии с революционерами, подготовлявшими ужасное событие 1 марта.

Враждебное отношение Германии к России под личиной дружбы и добрых родственных отношений было вовсе не новостью: еще перед войной 1877—1878 гг. император Александр II успел убедиться, к глубокому своему разочарованию, в двойственной, обманчивой политике по отношению России его столь любимого дяди, императора Вильгельма I, руководимого Бисмарком.

Вильгельм I пользовался влиянием на своего царственного племянника, чтобы удержать его на пути преобразований, необходимых для внутренней жизни России. Этим путем надеялись создать в ней почву для действий революционной партии и ослабить мощь России.

«Ваше Величество,— продолжал Милютин,— не о конституции идет речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильном основании то, что, в сущности, было и прежде...

Когда рассматривался проект крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз, с соизволения покойного государя, приглашаемы были, для предварительного обсуждения этих проектов, люди практические, которые знают действительную жизнь, потому что живут не в столице, а в уездах и в деревнях, где многие вопросы представляются совсем в ином свете, нежели в нашей среде.

Теперь предстоят важные законодательные труды по окончанию сенаторских ревизий. Естественно, что для успеха дела необходимо сообразить их всесторонне, т. е. не с канцелярской или бюрократической точки зрения. Ввиду этого, Ваше Величество, я позволяю себе горячо поддерживать предложение графа Лорис-Меликова».

Затем полились страстные речи против проекта весьма скромного представительства, в коем видели первый шаг к конституции.

Говорили граф Строганов, Маков, К. П. Победоносцев и др. Особенно решительно возражал против проекта Победоносцев, и речь его имела решающее значение. По свойству критического ума, Победоносцеву не составило особого труда отыскать в проекте Лорис-Меликова слабые места.

Как понять, что Победоносцев, человек умный, образованный, вышедший из народа (дед его был священником в Звенигородском уезде), с большой практикой житейской и служебной, отнесся отрицательно к обсуждавшемуся вопросу? Объяснение можно найти, отчасти, в его «Московском Сборнике», где изложено его profession de foi *, религиозное, философское и политическое. Все положительное, что там изложено, бледнее отрицательного; положительное

* Кредо (франц.).

изложено в виде принимаемых на веру аксиом и является наглядным доказательством большей силы автора в анализе и в отрицании, нежели в синтезе и творческой работе. Об этой особенности склада ума Победоносцева говорил мне и граф Н. П. Игнатьев. Он подчеркивал, что особенность мышления Победоносцева была та, что тот все отрицал, считая, что в наших русских делах никаких перемен не нужно. <...>

Итак, приходится подчеркнуть, что К. П. Победоносцев сыграл крайне печальную роль в историческом заседании Государственного Совета 8 марта 1881 г., и ему, по праву, можно присвоить титул «злого гения России». Последствием этого заседания была дальнейшая наша внутренняя политика. Все проекты предполагавшихся преобразований были сданы в архив. Лорис-Меликов и Милютин покинули свои посты, уволен был и генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, а Победоносцеву пришлось написать манифест, не оставивший в современниках никакого сомнения, что не будет допущено никакое общественное участие в делах государственного управления.

Единомышленники считали Победоносцева спасителем самодержавия, а противники — «вдохновителем реакции», надвинувшейся на Россию с мартовских дней 1881 г.

Император Александр III вовсе не был таким обскурантом, как можно предполагать, судя по результатам заседания Государственного Совета 8 марта 1881 г. Как я уже писал, он ясно сознавал, что необходимо дать народу возможность доводить до сведения царя о своих нуждах непосредственно, а не только через чиновников, и это привело его к мысли созывать Земские Соборы по примеру царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Это намерение не было покинуто им и после страшного события 1 марта. В мае 1881 г. граф Н. П. Игнатьев был назначен министром внутренних дел; как я уже писал, он помогал цесаревичу Александру Александровичу в его работе по проекту созыва Земского Собора. Государь собственноручно написал манифест о созыве Собора; его предполагалось созвать в Москве, во время венчания на царство императора Александра III. Открытие действий Собора должно было иметь совершенно русский характер, а именно: в Успенский собор должны были собраться члены Собора, сановники, свита и те лица, которые приглашались в торжественных случаях. Перед молебном царь Александр Александрович, в короне и порфире, решил лично с амвона прочесть манифест. Уже одно это начало в православно-русском духе придавало созыву Собора совершенно особое значение.

Несомненно, что если бы осуществилась воля царя Александра Александровича, она была бы принята с глубокой благодарностью Россией, и с течением времени русские люди, отвыкшие от участия

в государственных делах, приобрели бы необходимый навык, постепенно выработались бы приемы и условия нового порядка, и надо думать, что исчезли бы многие трения между верховной властью, правительством и народом.

Но дело получило иное направление. Когда государь внес проект о Земском Собрании в особое совещание под своим председательством, то этот проект встретил сильное противодействие, особенно со стороны К. П. Победоносцева, который упорно противился всякому нововведению. В Земском Собрании он видел парламент и считал, что это принесет России вред, между тем как Земский Собор ничего общего с парламентом, в западноевропейском смысле, не имел.

Под влиянием Победоносцева благое намерение императора Александра III было отложено. Весьма возможно, что государь желал поступить осмотрительно, ближе войти в условия жизни русского народа и исполнить лелеянное им желание при более благоприятных обстоятельствах, а не тотчас же после трагической кончины его отца. Но время шло, каждый день имел свои заботы, свои требования, и во внутренней политике наступило торжество реакции, бюрократия получила первенствующее значение, а общественное неудовольствие росло, и года за три до кончины Александра III стало ясно, что так дальше идти нельзя. Но богатырские силы его были ослаблены нефритом, и уже не было той силы воли, каковая нужна была для решительной, настойчивой работы в новом духе.

2

8 августа 1894 г., меньше чем за три месяца до кончины императора Александра III, я имел продолжительную беседу с цесаревичем Николаем Александровичем. Это было во время призовой стрельбы в Преображенском полку, в самом конце лагерного сбора под Красным Селом. <...>

Накануне, 7 августа, около 5 час. дня, государь посетил наш полк в лагере при Красном Селе. <...> Командир полка великий князь Константин Константинович встретил государя на подъезде, а все офицеры выстроились в одну шеренгу в большом зале офицерского собрания. На правом фланге стали батальонные командиры по порядку батальонов, т. е. цесаревич стоял первым, как командир 1-го батальона, рядом с ним стоял я, как командующий 2-м батальоном, и т. д.

Утром в этот день был большой парад всех войск лагерного сбора, и мы во время парада заметили, что государь производил впечатление больного человека. О болезни государя было уже известно, но когда он вошел в собрание, нам сразу стало очевидно, что он чувствует себя весьма нехорошо. Он не без труда передвигал ноги, глаза были

мутные, и веки приспущены. Подойдя к нам, государь остановился против меня и тихим голосом, с расстановкой, с трудом поднимая веки, видимо, стараясь быть любезным, но чувствовалось, как он пересиливал себя, сказал мне: «Вам должно быть очень приятно командовать батальоном в родном полку, вернуться в строй полка после большого перерыва. Вы поступили в Академию в чине капитана?» Этот вопрос поставил меня в затруднительное положение: в Академию нельзя поступить в чине капитана, а не старше чина штабс-капитана. Государь, конечно, знал это, но в эту минуту упустил из виду. Я ответил, что поступил в Академию в чине поручика. Государь медленно провел рукой по лицу и сказал: «Да, что я говорю, ведь в Академию нельзя поступить в чине капитана».

Тягостное, но и симпатичное впечатление произвел на меня ответ государя. Видно было, с каким усилием он говорил, стараясь быть любезным и ласковым.

После обхода офицеров государем он и все августейшие особы приняли чай, во время которого шел общий оживленный разговор, в котором государь принимал только малое участие.

Когда государь уехал, мы все с горечью и тревогой обменивались впечатлениями.

На другой день во время беседы с цесаревичем на призовой стрельбе, я спросил его, как здоровье государя, и сказал, что вчера все мы заметили болезненный вид Его Величества. На это цесаревич ответил, что государь уже давно чувствует себя нехорошо, но что врачи не находят ничего особенно угрожающего, но они считают необходимым, чтобы государь уехал на юг и меньше занимался делами. У государя неудовлетворительно действуют почки, и врачи считают, что это в значительной степени зависит от сидячей жизни, которую в последнее время ведет государь. Прежде государь любил физические упражнения, пилил дрова, занимался греблей на большом Гатчинском озере, старался много ходить, разгребал снег с дорожки в саду при дворце.

Но в последние примерно три года он почти прекратил эти занятия, и образ его жизни стал иным. С 9 час. утра начинались доклады министров и главноуправляющих ведомствами, единоличные, с глазу на глаз. Некоторые из них имели по несколько докладов в течение недели. Такой порядок требует от государя чрезвычайного напряжения, внимания, памяти, быстрой реакции на докладываемые дела, чтобы не утвердить доклады без достаточной оценки их.

К этому присоединялись соображения и заботы нравственного значения. У государя окончательно складывалось убеждение, каковое у него было и в бытность его наследником, что правда до него не всегда доходит, по вольным или невольным ошибкам докладчиков.

Когда это убеждение окрепло у государя, у него явилось недоверие к докладчикам, но он, не желая обижать их, прибегал к такому

приему: если доклад казался ему недостаточно обоснованным или возбуждал какие-либо сомнения, то государь просил министра оставить доклад у него, приводя какую-либо благовидную причину невозможности решать дело в тот же день.

Эти доклады государь изучал единолично по вечерам и, кроме того, повелел передавать ему отчеты министров и главноуправляющих, генерал-губернаторов, губернаторов, командующих войсками и пр.

Таким образом у государя собирался огромный склад дел, кои он изучал по ночам, ибо весь день уходил на доклады и приемы. Семье государь мог уделять только немного времени, преимущественно во время стола.

Государь уходил к себе около 9 час. вечера и занимался делами в одиночестве. Вследствие настояний императрицы и врачей, он дал слово, что будет заниматься только до 3 час. ночи, и приказал своему человеку докладывать ему, когда будет 3 часа, и, если бы государь не прекратил занятий, то камердинер должен был доложить второй раз, после чего он обязан был тушить свет, хотя бы государь и сопротивлялся этому. Иногда между императором и его слугой происходили пререкания, и слуга решительно докладывал, что он имеет высочайшее повеление и должен его исполнить.

В результате такого образа жизни император Александр III мало спал и вел сидячую жизнь, и это, разумеется, крайне неблагоприятно отразилось на его здоровье.

С другой стороны, он сознавал, что ему одному совершенно не под силу разбираться в массе государственных дел, весьма разнообразного, специального содержания, — нужна была помощь.

Государь остановился на мысли иметь несколько помощников, достойных полного доверия, и он выбрал трех: графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, генерал-адъютанта Оттона Борисовича Рихтера и генерал-адъютанта Петра Александровича Черевина — и просил их помогать ему разбираться в докладах и отчетах.

О. Б. Рихтер говорил мне подробно об этом решении государя. Он рассказал, что все трое были против этого предложения: они доложили государю, что, конечно, постараются сделать все возможное, что в их силах, но откровенно указывали, что подобное решение представляется не только неудобным, но и опасным. При всем желании невозможно будет сохранить тайну в этом деле. Министры, естественно, примут такой новый порядок как знак недоверия к ним: в обществе пойдут разговоры и пересуды, сочтут, что новый порядок есть ограничение самодержавной власти монарха в пользу триумvirата; получится впечатление, что вместо самодержавного монарха Россией правит олигархия. Но государь настоял на своем решении, и оно было приведено в исполнение.

Избранные государем лица отличались безусловной честностью и преданностью государю и России. Министр Двора граф Воронцов-

Дашков был благородный человек, способностей средних. О. Б. Рихтер имел большой опыт в делах, как долгое время бывший главным-управляющий Собственной Его Величества Канцелярией по принятию прошений, но и он способностей средних, с нешироким образованием, что он сам признавал.

В делах комиссии прошений вскрывается вся внутренняя жизнь России, с ее правдами и чаще с ее неправдами, и знание этих условий было драгоценно для негласного помощника монарха, страстно желавшего знать правду. Государь мучительно страдал от сознания, что правды нет на Руси. Однажды, как мне говорил О. Б. Рихтер, государь просил его откровенно сказать о внутреннем положении России.

«Я чувствую, — говорил он, — что дела в России идут не так, как следует; я знаю, что вы мне скажете правду; скажите, в чем дело?» «Государь, — ответил Рихтер, — Вы правы; дело в том, что у нас есть страшное зло — отсутствие законности». — «Но я всегда стою за соблюдение законов и никогда их не нарушаю». — «Я говорю не о вас, а об нашей администрации, которая слишком часто злоупотребляет властью, не считаясь с законами». — «Но как же вы себе представляете положение России?» На это Рихтер ответил: «Я много думал об этом и представляю себе теперешнюю Россию в виде колоссального котла, в котором происходит брожение; кругом котла ходят люди с молотками, и когда в стенах котла образуется малейшее отверстие, они тотчас его заклепывают, но когда-нибудь газы вырвут такой кусок, что заклепать его будет невозможно, и мы все задохнемся...» Государь застонал от страдания... Да, котлу необходим был предохранительный клапан.

П. А. Черевин был человек острого ума, имевший опыт в административных делах; недаром М. Н. Муравьев пригласил его, молодого полковника, на должность начальника канцелярии Виленского генерал-губернатора, когда Муравьев был назначен для усмирения Литвы⁶. Черевин в известной степени злоупотреблял спиртными напитками, но это, безусловно, не мешало ему работать как следует.

Вот характеристика этого триумвирата, и, как видно, отличительной чертой этих трех лиц была полная порядочность, что так важно вообще и особенно в том деле, к которому пригласил их государь. Работа началась. Государь передавал им те доклады и отчеты, по которым он желал иметь их мнения, но вскоре выяснилось, что «шила в мешке не утаишь». Каким-то образом узнали про этот негласный комитет, и пошли сплетни, именно в том духе, какой нетрудно было предвидеть. Кроме того, члены комитета убедились, что они далеко не всегда в состоянии разбираться в многочисленных сложных делах, которые они должны были обсуждать, и как честные люди, они доложили об этом государю. Александр III был чрезвычайно взволнован. «И вы меня покидаете», — упрекнул он их, но иначе поступить они не могли.

Вот тут-то и сказалось снова отсутствие того совещания, которое утвердил император Александр II 1 марта 1881 г. и которое было похоронено усилиями Победоносцева.

Здоровье государя все ухудшалось: сначала медицинский надзор и врачебная помощь были не совсем удовлетворительны; дело в том, что врачом при государе состоял лейб-медик Густав Иванович Гирш, очень хороший человек, но врач старого закала и едва ли такой, какой должен быть при государе. Но когда говорили государю, что ему необходимо иметь при себе более искусного врача, то он отвечал, что Г. И. вполне на месте, «когда я захвораю, он пригласит, кого следует». Государь был богатырского сложения и так силен, что сгибал пальцами серебряный рубль, и он считал лишней медицинскую помощь.

По установленному порядку, ежедневно производился анализ мочи и прочих выделений, но государь относился к этому пренебрежительно, и мне говорил Г. И. Гирш, что государь бросал в ночную вазу окурки папирос, что, конечно, несколько не мешало производить анализы, а только несколько усложняло это дело.

Когда анализы показали неправильное действие почек, Гирш принял все необходимые меры; были приглашены врачи-специалисты и выписан из Берлина профессор Лейден; он нашел, что главная причина недомогания государя — отсутствие движения и чистого воздуха, что сидячая жизнь привела к образованию засорений в организме; Лейден говорил, что, как и всех людей, государя можно сравнить с печкой, в которую кладут топливо, но если не выгребать золу, то внутренность печки засоряется, а могучий организм Александра III нуждался в особенно тщательной чистке. Врачи пришли к заключению, что государю необходимо пробыть известный срок времени в Египте или, по крайней мере, на о. Корфу. На это государь ответил, что если ему суждено умереть, «то русский царь должен умереть в России». <...>

3

В последние годы жизни в характере императора Александра III произошла значительная перемена: твердая воля ослабела, он постепенно стал медлительным, подозрительным, даже робким. При полном сознании, что государственные дела идут не так, как следует, уже не было достаточной твердости вести их так, как он сам считал необходимым.

Следующий случай определенно указывает, как к концу царствования изменился характер государя. С половины сентября 1893 г. до половины сентября следующего года я, как офицер Генерального Штаба, командовал 2-м батальоном в моем родном Преображенском полку. В феврале я, как командующий батальоном, был назначен

дежурным по караулам первого отделения и должен был находиться целые сутки при карауле, стоявшем в Аничковом дворце, отлучаясь только для проверки караулов этого отделения. В тот же день дежурным флигель-адъютантом при государе был командовавший нашим полком великий князь Константин Константинович.

После завтрака у государя великий князь посетил караул, проверил несение службы и затем зашел в комнату дежурного по караулам, где, с глазу на глаз со мною, рассказал мне следующее.

Во время завтрака легко было заметить, что государь чем-то расстроен. Встав из-за стола, он пригласил великого князя к себе в кабинет и сообщил ему, что утром в тот же день он пережил тяжелые испытания.

В этот день морской министр адмирал Николай Матвеевич Чихачев доложил ему дело о гибели броненосца береговой обороны «Русалки». Этот броненосец осенью 1893 г., идя из Ревеля в Гельсингфорс, затонул во время бури в Финском заливе, причем погибла вся команда. Следствие не выяснило истинных причин гибели «Русалки», но во флоте и в обществе эту гибель приписывали дурному состоянию корпуса судна. <...> Предполагали, что от сильной качки корпус судна дал сильную течь, и судно пошло ко дну.

Государь, так сильно любивший морское дело, много сделавший для усиления нашего флота, воскресивший, так сказать, Черноморский флот, принял гибель «Русалки» близко сердцу, следил за ходом следствия и настаивал, чтобы место гибели было тщательно протрале-но, чтобы корпус броненосца был найден и осмотрен водолазами. Специалисты считали, что все это было возможно, а после тщательного осмотра судна можно было бы судить, действительно ли морское начальство пустило его в плавание без должного ремонта.

И вот государь с большим волнением стал рассказывать великому князю о докладе, бывшем утром в тот же день. Доклад был составлен в том смысле, что все было благополучно и что гибель «Русалки» есть несчастие, в котором никто не виноват, и что «Русалку», несмотря на все усилия, найти не удалось.

Государь подвел великого князя к большой карте Финского залива, висевшей на одной из стен кабинета, и с раздражением говорил, что решительно не согласен с заключением доклада и что он убежден, что расследование было произведено не так, как следует.

Указывая на курс, по которому шел броненосец, государь говорил с волнением, что траление было произведено намеренно неправильно. «Ты подумай, — говорил государь, указывая на карту, — они должны были тралить здесь, а тралят тут, где „Русалки“ не могло быть».

Долго, с волнением, с раздражением объяснял государь, как ему представлялось дело, и затем сказал: «Так вот в чем я убежден — и что же? После долгого доклада мне не оставалось ничего другого, как утвердить его; ты понимаешь ужас моего положения!»

Великий князь был глубоко потрясен рассказом государя, тем беспомощным положением, в котором оказался неограниченный самодержец России, вынужденный против своего убеждения утвердить доклад, который он считал неверным.

В этом случае, с одной стороны, поражало горячее желание государя узнать истину, а с другой — недостаток воли настоять на своем.

Объяснить это можно было только тем болезненным состоянием, в котором он находился и которое через восемь месяцев привело его к преждевременной кончине, ранее 50 лет.

Горе государя Александра III состояло в том, что, при полном его желании добра России, при его воистину русской душе, преданности своему царственному долгу, о его работе на благо Богом вверенного ему народа этот народ почти ничего не знал.

Замкнутая жизнь в Гатчине, вся посвященная государственным делам и заботам, образцовая семейная жизнь, но почти никакого общения с миром. Страшное событие 1 марта и продолжавшиеся покушения на государя⁷ вынуждали принимать меры тщательной охраны, как в Гатчине, так и при поездках по России; царский поезд шел, окруженный мерами охраны, — и страшно сказать, а надо сказать: царя возили по России, как везут самого страшного преступника. А между тем император Александр III терпеть не мог охраны, и в Гатчине, а также и в других местах его пребывания охранники должны были тщательно скрываться от царя.

Тотчас после похорон отца император Александр III переехал на жительство в Гатчину. Со времени императора Павла Петровича в Гатчине почти никто из царского дома не жил, за исключением императора Николая Павловича, который иногда жил в Гатчине; император Александр I никогда там не бывал, император Александр II никогда тоже не жил в Гатчине, но изредка бывал на охоте. Вследствие этого Гатчина потеряла характер царской резиденции; там царили тишина и патриархальность. Со своими чудными парками она походила на спящую красавицу.

Известный врач лейб-медик Сергей Петрович Боткин считал, что Гатчина обладает всеми качествами курорта: высота над морем — 350 футов, чистый воздух, отличная вода, обширные парки. Боткин усердно советовал петербуржцам жить в Гатчине и, по крайней мере, проводить там большую часть года, избегая сырого, болотистого и шумного Петербурга. Сам Боткин приобрел в Гатчине большую дачу с хорошим садом, прямо против вокзала Варшавской железной дороги, что было не совсем удобно и гигиенично, ибо дачу его обкуривали многочисленные поезда, да и шум от них был немалый.

Пропаганда Боткина цели не достигла, и даже придворные, падкие на то, чтобы попасть чаще на глаза государю, не переселились в тихую, но и скучную Гатчину.

Там было два коменданта, генерал Багговут и генерал Шлосман, было дворцовое правление, но все это дремало.

Мы жили в Гатчине в летнее время в 1866 г., в 1870 г., а в 1872 г. отец мой купил дачу на Люцевской улице по очень сходной цене. <...>

Когда решен был вопрос о переезде в Гатчину государя императора Александра III, то там был принят ряд мер для обеспечения Его безопасности. Это было, безусловно, необходимо, ибо Гатчина, так сказать, поросла «травой забвения». <...>

Вследствие этого был выработан новый порядок охраны в Гатчине, и, ввиду спешности, все предположенные меры были утверждены министром Двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым и объявлены как высочайшие повеления для немедленного исполнения.

Но, по существовавшему порядку, министр хотя и имел право объявлять Высочайшие повеления в случаях спешных, но обязан был докладывать государю для утверждения.

За несколько дней до переезда государя в Гатчину к отцу моему приехал помощник гофмаршала генерал Милий Милиевич Аничков, лично хорошо знавший моего отца. Аничков объявил отцу моему высочайшее повеление о закрытии калитки в заборе, отделявшем сад нашей дачи от Приоратского парка, — такие калитки были разрешены для всех дач, садики которых упирались в стену парка. Это было большое удобство, так как в парк можно было входить через эти калитки, а не проходить по улице до ближайшего входа в парк. Так было установлено с давних пор, и отец мой говорил, что у него в Гатчине два сада: один небольшой, за которым он сам ухаживает, а другой — большой, Приоратский парк, которым он пользуется как своим, но за ним ухаживает государь император.

Было решено отменить право входа в парк через дачные калитки, чтобы в него не проникли злоумышленники. Надо сказать, что такое распоряжение не достигало цели, ибо в парк легко было пробраться со стороны полей, его окружавших, а от них парк был отделен неглубокой канавой с валиком, обсаженным акацией. Со стороны полей охрана парка была возложена на конные дозоры.

Разумеется, отец тотчас же отдал генералу Аничкову ключ от калитки и велел заколотить ее.

Через несколько дней по прибытии государя в Гатчину к отцу моему вновь приехал генерал Аничков и объявил, что высочайше разрешено пользоваться калитками по-прежнему, и возвратил ключ. Оказалось, что когда Воронцов-Дашков докладывал государю о мерах охраны, принятых в Гатчине, и когда речь зашла о калитках, то государь сказал, что он не желает стеснять жителей и дачников Гатчины, и шутя прибавил: «Неужели же им удобнее будет лазить через забор».

В этом, хотя и мелком, случае сказался и здравый смысл, и чисто русский юмор Александра III.

Для характеристики государя как человека приведу несколько случаев из его жизни.

12 января 1881 г. генерал М. Д. Скобелев взял Геок-Тепе, и этот решительный удар заставил текинцев покориться под руку Белого Царя. Скобелев был произведен в полные генералы и награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. По принятому обычаю, Скобелев послал государю донесение об этой победе с сыном покойного генерал-губернатора Туркестана генерала К. П. Кауфмана. С давнего времени был обычай, что государь назначает в свою свиту таких посланцев, так было и при императоре Александре II. Но Кауфман прибыл в Петербург вскоре после 1 марта, и донесение он представил уже новому императору — Александру III.

Выслушав доклад Кауфмана, государь сказал ему, что покойный отец его назначил бы Кауфмана флигель-адъютантом, а потому он жалует ему это звание. Такое условное назначение можно объяснить тем, что император Александр II был очень щедр на милостивое зачисление в его свиту, а император Александр III считал, что свитское звание следует жаловать как можно реже, чтобы повысить значение этой высокой награды, и держался такого порядка в течение всего своего царствования, так что царская свита становилась все малочисленнее.

Когда Скобелев возвратился из Ахал-Теке в Петербург, государь принял его сдержанно, и Скобелев, весьма самолюбивый человек, просил о разрешении уехать в заграничный отпуск, на что и последовало соизволение.

В день отъезда в отпуск Скобелев был вечером у своей сестры княгини Белосельской-Белозерской и прямо от нее решил ехать на Варшавский вокзал, поэтому он был в штатском платье, как это полагалось при поездках за границу. Уже было время ехать на вокзал, как прибыл гоф-фурьер и доложил Скобелеву, что его величество просит его к завтраку на следующий день. Скобелев принял гоф-фурьера в присутствии хозяев и сказал гоф-фурьеру, что он очень огорчен, но вынужден отказаться от приглашения: «Вы видите, я в штатском, я имею высочайшее разрешение на отпуск за границу и через несколько минут должен ехать на вокзал».

А вот другой случай. Великий князь Михаил Михайлович, сын великого князя Михаила Николаевича, стал часто бывать в доме графа Н. П. Игнатьева, и этого было достаточно, чтобы в петербургском обществе пошла об этом пересуды. Говорили, что великий князь влюбился в дочь Николая Павловича, графиню Екатерину Николаевну. Слухи эти дошли до государя. Он пригласил к себе Михаила Михайловича, сердечно переговорил с ним, и когда Михаил Михайлович, заявил государю, что действительно он желал бы женитьбы на графине Екатерине Николаевне, то государь сказал ему, что с его стороны как главы царского дома препятствий к этому браку не будет, но что

великий князь по неопытности очень может и ошибиться в своих чувствах. Поэтому государь решил так, чтобы великий князь уехал примерно на год из Петербурга, и если через год не переменит своего намерения, то государь благословит его на брак с графиней Игнатьевой.

Великий князь уехал и через несколько месяцев женился за границей на графине Торби, внучке А. С. Пушкина, без разрешения государя и командира л.-гв. Егерского полка, в коем он служил. А ведь без разрешения командира он не имел права вступать в брак.

Государь посмотрел очень строго на поступок Михаила Михайловича, считая, что он нарушил данное государю обещание выждать год для решения вопроса о браке с графиней Игнатьевой, и повелел исключить его из военной службы, но не лишил его великокняжеского звания. Лично мне кажется, что это решение не совсем справедливое, и оно объясняется тем, что император Александр III был строго привержен законности и в поступке Михаила Михайловича усмотрел нарушение законных требований от офицера. Но не проще ли было дать делу законный ход, а именно предоставить командиру Егерского полка поступить с великим князем как с офицером, ему подчиненным. За вступление в брак без разрешения командира полка офицер подлежал дисциплинарному взысканию. Обычно такой офицер подвергался аресту на несколько дней, а вопрос о пристойности его брака решался, по закону, обществом офицеров, которое решало, может ли супруга офицера быть принята в число полковых дам. В противном случае офицер покидал полк.

Таким образом, решение государя не согласовалось с военным законом, а этот случай, к сожалению, послужил прецедентом для подобных случаев в будущем. <...>

Наш известный историк генерал Николай Карлович Шильдер баловал меня своим дружеским вниманием и много говорил мне об императоре Александре III.

Дело в том, что государь любил русскую историю, и на этой почве между ним и Н. К. Шильдером установились весьма близкие, можно сказать дружеские, отношения. Государь приглашал к себе Шильдера совершенно запросто, по вечерам, когда все дела были кончены, и они беседовали по вопросам русской истории. Шильдер привозил документы, рукописи, которые они изучали вместе. Шильдер был начальником Инженерной Академии и Инженерного училища; оба эти учреждения помещались в так называемом Инженерном замке, близ Летнего сада и Марсова поля. <...>

Государь наши всегда, хотя бы раз в год, посещали военно-учебные заведения, и в один из таких приездов император Александр III как всегда зашел в церковь Инженерного училища, где был встречаем с крестом и святой водою. Церковь была весьма хороша, но помещение алтаря совершенно не соответствовало благолепию храма, пото-

лок был низкий и, так сказать, давил алтарь. Государь выразил желание, чтобы потолок был поднят и таким образом алтарю придан вполне подобающий вид. Обратившись к генералу Шильдеру, государь сказал, что это надо сделать непременно, чтобы храм был благолепен во всех отношениях.

Разумеется, Шильдер стал немедленно приводить в исполнение волю Его Величества, что не так-то легко было сделать. Николай Карлович подробно рассказал мне все это дело, и я записал его рассказ, ибо он дает точное понятие о характере императора Александра III.

Над алтарем было особое помещение лаборатории для занятий офицеров Академии и юнкеров училища, и чтобы поднять потолок над алтарем, нужно было лабораторию переместить, а это перемещение требовало значительных расходов; если бы здание было не такое стильное, вопрос можно было бы разрешить просто: сделать надстройку, пристройку или построить для лаборатории отдельное здание, но ничего такого нельзя было сделать в таком здании, как Михайловский замок. Надо было выкроить помещение внутри здания, не изменяя его фасадов и вида. Составление такого проекта потребовало много времени, и смета вышла столь значительной, что Военный Совет, от которого зависело разрешение такого расхода, еще не издал своего постановления, а тем временем прошел целый год, и государь вновь посетил училище. Заглянув в алтарь, он спросил Шильдера, почему его желание не исполнено. Шильдер доложил ход дела и то, что Военный Совет затруднен решить его ввиду того, что на перестройку необходимо ассигновать 200 000 рублей.

«Если расход так велик, — сказал государь, — то перестройку производить не следует; я думал, что это может стоить очень немного, но двести тысяч, конечно, не следует тратить».

Так правда, дошедшая до царя, сберегла России значительную сумму, а царь рад был узнать правду, и все это произошло благодаря осмотрительности при решении этого дела и откровенности Н. К. Шильдера при докладе царю.

Александр III был весьма бережлив в расходовании народных денег, и его внимание привлекали даже небольшие расходы в придворном обиходе. Так, государь обратил внимание на значительное количество фруктов, конфет и вообще угощения во время приемов во дворце. Иногда приглашенных было немного, а расход на угощение выводился очень большой. Государь как-то в беседе с К. П. Победоносцевым упомянул, что по случаю небольшого приема, бывшего недавно во дворце, было показано в счете гофмаршальской части множество фруктов, конфет и пр., но что, разумеется, гости не могли уничтожить все это количество. Особенно государь обратил внимание на расход фруктов, считая, что едва ли гости могли съесть по несколько штук. На это Победоносцев объяснил государю, что такой расход возможен. Так, например, он сам съел один апельсин, но взял с собою другой и грушу для Мар-

финьки — его приемной дочери. Многие гости так делают, привозя детям из дворца какое-нибудь лакомство — как бы царский подарок. Государь не знал этого обычая и успокоился. Я сам держался такого обычая и привозил нашим детям, когда они были маленькие, «Царские гостинцы». Помню, как старший сын наш, Николай, узнав, что я еду на царский прием, расспрашивал, что там делается, дают ли там угощение, и просил привезти ему конфет и «колобочек», так называл он небольшие круглые печения, похожие на колобочки из известной детской сказки. Я так и делал. Особенно детям нравились конфеты придворной кондитерской, да и не одним детям. Эти конфеты имели особый вид — это были леденцы, которые изготавливались из настоящего фруктового или ягодного сока, а не из эссенций. Иногда конфет во дворце не подавали, — например, за завтраком в день Крещения 6 января; к этому завтраку *à la fourchette* приглашались офицеры, участвовавшие в Крещенской церемонии, в том числе и я получал приглашение, так как, будучи офицером Генерального Штаба, я участвовал в расстановке войск при Крещенской церемонии.

Я знал, что дети ждут гостинцы, и поэтому, возвращаясь домой, покупал в кондитерской несколько подходящих конфет.

Однажды государь Александр III, гуляя в окрестностях Гатчины, заговорил с крестьянином, который вез в Гатчину метлы. Крестьянин не узнал государя и сказал, что везет метлы на базар. Тогда государь спросил его, почему он не отвезет их во дворец, на это чухонец ответил, что во дворце не дают такой цены, как на базаре, что там надо долго ждать расчета и что все это невыгодно для него. Государь спросил, сколько он желает получить за воз метел, и, узнав, что воз стоит десять рублей, предложил крестьянину следовать за ним во дворец; предупредив, что он служит во дворце, почему метлы будут куплены и деньги уплачены будут тотчас же. Государь указал чухонцу въехать во двор арсенального караула, велел дворцовой прислуге ничего ему не говорить и тотчас вызвал к себе то лицо, которое могло дать ему справку, сколько дворец платит за воз метел. Цифра была названа много выше 10 рублей. Тогда государь сказал, что он купил воз метел гораздо дешевле, приказал принять их немедленно, а крестьянину уплатить сто рублей.

Этот случай, наверно, вызвал, где следует, своего рода панику, но не знаю, повлияло ли это на упорядочение поставки метел во дворец...

Конечно, нелегко было вести дворцовое хозяйство, обширное и сложное, но многое в нем нуждалось в улучшении. Так, мне рассказывал генерал Лонгин Лонгинович Зедделер, помощник главного начальника военно-учебных заведений, про один оригинальный случай. Зедделер в свое время командовал л.-гв. Гренадерским полком и был тяжело ранен в бою 12 октября 1877 г. под Горным Дубняком. В дни полкового праздника, 13 апреля, он, как старейший из командиров полка, сидел во время Высочайшего завтрака по правую руку госу-

даря. Александр III любил выпить в конце завтрака чашку шоколада, и вот, когда ему был подан шоколад, государь попробовал и резко отодвинул чашку. «Не могу добиться, — сказал он Зедделеру, — чтобы мне подавали порядочный шоколад».

Но в придворном хозяйстве бывало и хуже: была не только небрежность, но и недобросовестность, а попытки честных людей искоренить злоупотребления встречали упорное противодействие и иногда кончались им во вред.

В таком большом хозяйстве, как дворцовое, было много служащих, и даже самый строгий контроль не мог устранить злоупотреблений, тем более что и соблазн для недобросовестных или слабых духом людей был велик. Бороться с этим злом было нелегко. Известно, что когда однажды император Николай Павлович потребовал сальную свечу, чтобы смазать нос по случаю насморка, то с тех пор в счетах выводилась ежедневно одна сальная свеча, якобы по требованию государя.

Подобное происходило и при императоре Александре III, о чем мне рассказывал лейб-медик Г. И. Гирш. Когда он начал свою службу при Дворе и получил помещение и стол во дворце, то однажды к нему в Петергоф приехали из Петербурга двое-трое его знакомых. Гирш решил угостить их чаем; не имея своего хозяйства, он спросил гоф-фурьера, можно ли сервировать чай для его гостей; тот ответил, что это вполне возможно, и в назначенное время был подан чай с печеньями, фруктами, конфетами и шампанским, чего Гирш вовсе не просил. На его замечание гоф-фурьер ответил, что это уже так установлено, что такие угощения имеют каждое свой номер, что это такой-то и что Гирш, по своему званию, имеет полное право его получать.

Однако через некоторое время гофмаршал граф Павел Константинович Бенкендорф при случае шутя намекнул Гиршу, что он, по-видимому, очень любит фрукты, конфеты, шампанское, так как каждый день ему подается угощение № такой-то. Оказалось, что те, кому это было выгодно, выводили ежедневно в расход на имя Гирша известный № с того дня, как он попросил подать чай для его знакомых.

Помню хорошо и не забуду никогда другой случай. Однажды, после высочайшего завтрака в Петергофе при императоре Александре III, я зашел к моему товарищу по Преображенскому полку, дворцовому коменданту генерал-адъютанту Петру Павловичу Гессе. Я делал это каждый раз, когда бывал при дворе за городом, так как повидать Гессе иначе было очень трудно по сложным его обязанностям, а мы были близкими друзьями и на «ты».

Я застал Петра Павловича сильно взволнованным. Зная, что у него много дела, и не всегда приятного, я сказал, что не хочу мешать ему, так как, очевидно, ему не до меня, и что я буду у него в другой раз. Тогда Гессе, чрезвычайно деликатный человек, извинился за рассеянность и сказал мне, что он раздражен тем, к чему бы давно следовало

привыкнуть. «Вот ты был на завтраке. Как ты думаешь, что может стоить завтрак? Рублей десять или что-нибудь в этом роде, а выведут в расход много раз больше». Нужно было иметь честность Гессе, чтобы волноваться по такому поводу, а ведь это случалось ежедневно. При том государь и его семья отличались простотой жизни и довольствовались самым скромным столом.

Александр III был очень добрый человек и особенно был ласков к простым людям. Он относился к ним с простотой и сердечностью.

Каждое лето государь проводил некоторое время со своей семьей в финских шхерах, плавая на яхте «Полярная Звезда». Однажды государь с императрицей и детьми, тогда еще совсем юными, высадился на какой-то уединенный островок для прогулки.

Государю очень нравилось, когда он, хотя бы и на короткое время, мог жить по-человечески, вне стеснений этикета. Островок казался необитаемым, но когда дети собирали грибы и рвали цветы, из кустов вышел чухонец, печальный пасынок природы, и на ломаном русском языке сказал им, что здесь делать это нельзя, так как островок принадлежит ему. На слова государя, что дети большого вреда не причинят, чухонец, со свойственным этому племени упрямством, сказал: «Нет, нельзя, это все мое, я здесь „сарь“». Тогда государь сказал ему: «Ты здесь царь, а я царь всей России». Чухонец подошел к государю, строго посмотрел на него и с ударением сказал: «Господин офицер, так шутить нельзя». Государь приказал детям больше не рвать цветов, и семья направилась к шлюпке, и только тогда чухонец понял, что это действительно царь. Крайне расстроенный, он просил извинения, но государь сказал ему, что это очень хорошо, что он соблюдает порядок. Вернувшись на яхту, государь велел отвезти чухонцу золотые часы с царским портретом.

Однажды я гулял в Приоратском парке в Гатчине недалеко от дачи моего отца и встретил государя, который ехал в экипаже вместе с великим князем Михаилом Александровичем, тогда мальчиком лет девяти, любимцем отца и матери. Государь проехал мимо меня, и экипаж повернул в аллею, которая вела в город. Так как на лошадях были бубенчики, то вскоре я услышал, что экипаж остановился. Я направился к тому месту и увидел, что ворота из парка на Люцевскую улицу были затворены, тогда как обычно днем они не закрывались. У ворот был домик сторожа. Государь громко позвал его, но никто не показывался. Тогда государь сказал Михаилу Александровичу: «Мишук, постучи в окно, он, должно быть, не слышит». Великий князь подбежал к окну, однако, несмотря на его стук, никто из домика не вышел. Но как раз в это время сторож бежал к воротам со стороны улицы. Увидев государя, он, крайне взволнованный, запыхавшись, быстро отворил ворота, и когда экипаж шагом проезжал мимо него, он, сняв шапку, просил прощения у государя, что заставил его ждать. «Ничего,

ничего, старик, — ласково ответил государь, — это и со мной бывает, что я не все делаю как следует». Все это вижу, как будто оно происходит теперь, и слышу отчетливо слова государя. <...>

4

В 1892 г. император Александр III посетил императора Вильгельма II в Берлине и в беседе с Вильгельмом по политическим вопросам был удивлен, что тот изложил политическую программу, которой он будет следовать. Он говорил в таком духе, как будто он совершенно самодержавный государь. Император Александр III ему заметил, что как же он будет так единолично вести политику, ведь у него есть канцлер Бисмарк⁸, который имеет свою долю в этой работе и ответственность за нее. «Да, — сказал Вильгельм, — я забыл сказать тебе, что Бисмарк на днях будет уволен от должности и на его место я назначу Каприви».

Император Александр III ценил Бисмарка как человека, с которым можно сговориться, не жертвуя нашими интересами, но и не посягая на интересы Германии. Государь считал, что Бисмарк, как германский канцлер, обязан вести германскую политику, и не разделял мнения тех русских, кои после Берлинского конгресса обвиняли Бисмарка за то, что он не поддержал русских интересов. Государь считал, что это должны были сделать русские государственные деятели.

После беседы с Вильгельмом государь получил просьбу Бисмарка представиться Его Величеству в частной аудиенции. Эта просьба была доложена государю дворцовым комендантом генерал-адъютантом П. П. Гессе. Государь очень был удивлен, ибо он уже принимал Бисмарка в официальной аудиенции, и сказал Гессе, что он очень затрудняется, как быть, ибо Вильгельм ему сказал, что Бисмарк на днях будет уволен. «Ведь он, в сущности, уже не канцлер, и я не знаю, зачем я буду с ним разговаривать». На замечание Гессе, что все же неудобно отказать Бисмарку в его просьбе, государь просил передать ему, что он его примет. При этом государь сказал Гессе: «Я постараюсь не говорить с ним о политике, ибо это бесполезно, и для Бисмарка будет неприятно в нравственном смысле». Государь так и сделал, беседуя с Бисмарком по совершенно частным вопросам; но во время беседы Бисмарк счел возможным просить говорить о политических делах, и император Александр III был крайне удивлен, когда Бисмарк стал развивать программу на ближайшее время, и, как всегда, с полной определенностью, как он к этому привык, ведь он был создателем императорской Германии и полновластным распорядителем иностранной политики.

Государь слушал его с удивлением и осторожно стал намекать ему, что никто не может точно знать свою даже ближайшую будущность, но не касался вопросов об увольнении Бисмарка. Однако канцлер понял,

что император Александр III знает что-то неизвестное ему, и с большим волнением спросил об этом государя. Тогда император Александр III осторожно, щадя самолюбие канцлера, сказал ему, что как же Бисмарк может говорить о направлении германской внешней политики, когда он вскоре уже не будет канцлером. На это Бисмарк с величайшим волнением, дав государю честное слово, сказал, что ему это не известно, что император — его повелитель ничего ему об этом не говорил.

Государь был также крайне удивлен; он никак не ожидал и не мог предположить, чтобы Вильгельм не предупредил Бисмарка; ведь выходило так, что канцлер Германской Империи узнал о своей отставке не от своего императора, а от русского.

Тотчас после Бисмарка Государь принял П. П. Гессе, со слов которого я описываю этот случай, и с возмущением сказал ему: «Каков Вильгельм, вышло так, что Бисмарк узнал о своей отставке от меня. Если он так обращается с Бисмарком, то как же он будет относиться к Каприви и как нам вести переговоры с новым канцлером, которого Вильгельм может уволить в любую минуту еще более резко, чем Бисмарка».

Этот случай, конечно, еще более повлиял на охлаждение отношений к Вильгельму, и, вероятно, после этого случая государю необходимо было искать другого союзника или, вернее, «*entente cordiale*» *, что не связывало бы наших действий, но давало бы России известную помощь в нужных обстоятельствах.

Считаю долгом подчеркнуть, хотя я уже писал об этом, что характерной чертой у императора Александра III было чувство законности. Знаю такой случай из жизни этого государя. Однажды он проходил по парадным залам Гатчинского дворца и, взглянув в окно, в которое видна была станция Балтийской железной дороги, сказал сопровождавшему его лицу: «Сколько лет живу в Гатчине, а в первый раз вижу, что станция — между дворцом и военным полем и отчасти закрывает его».

Случилось так, что через несколько дней государь опять проходил по тем же залам и так же с кем-то из лиц свиты. Взглянув в окно, Государь протер глаза и спросил своего спутника: «Послушайте, со мной творится что-то странное — я не вижу станции». На это спутник ответил, что станцию на днях перенесли в сторону так, чтобы она не закрывала военного поля. Государь удивился: «Да зачем же это сделали?!» «Ваше Величество, я слышал, что вы изволили повелеть перенести станцию, так как она закрывала вид на военное поле». Государь с неудовольствием сказал: «Что ни скажешь, из всего сделают высочайшее повеление».

Я уже отметил, как болезненно подействовали на императора Александра III слова О. Б. Рихтера, что у нас слишком часто чувство закон-

* Сердечное соглашение (*франц.*).

ности отсутствует у лиц, занимающих высокое положение. Кто-то сказал, что «русского пашу» ничем нельзя так раздражить, как ссылкой на закон.

Помню, как мне говорил мой товарищ по службе в Генеральном Штабе Петербургского округа, Александр Никитич Терехов, что он обратился к военному министру П. С. Ванновскому по своему делу, и когда Ванновский обещал ему устроить это дело, то Терехов обратил внимание министра, что просьба его «не совсем законная»; Ванновский пристально посмотрел на Терехова, улыбнулся и сказал: «Это-то и приятно, когда можно сделать и не согласно с законом», — а ведь Ванновский был серьезный работник и честный человек.

Это чувство законности у императора Александра III, между прочим, проявилось в финляндском вопросе. Как русский человек и русский царь, он не мог сочувствовать всему, что было в Финляндии. Но ведь не сами финляндцы завели такие порядки у себя. Это было выработано самодержавной властью императора Александра I после завоевания Финляндии в 1809 г.

Финляндия получила широкую автономию, свой сенат, свой сейм, свои войска, свои финансы, свою почту. Тягость воинской повинности для финляндцев была сравнительно легче, чем для коренных русских в России, ибо соответственно числу населения они выставляли меньше новобранцев и служили у себя на родине, а русские люди отбывали воинскую повинность иногда весьма далеко от своего места жительства. <...>

Когда в обществе, среди государственных людей и в части печати начали появляться притязания на ограничение прав Финляндии, то государь посмотрел на это дело с законной точки зрения. Его поддержал К. П. Победоносцев, который доложил государю, что права финляндцев были дарованы самодержавной властью императора Александра I и могут быть изменены лишь самодержавною же властью, но не путем административных изменений. Ибо никто кроме государя не может изменить закон, дарованный им или его дедом. Эта точка зрения вполне отвечала личному убеждению императора Александра III, и финляндская конституция оставалась неприкосновенной.

Впоследствии этот вопрос был решен иначе, не к выгоде как России, так и Финляндии.

Заканчивая мои воспоминания об императоре Александре III, хочу записать еще несколько связанных с ним эпизодов, коим я сам был свидетелем или о которых слышал от верных людей. Осенью государь любил проводить некоторое время в Дании, в кругу семьи императрицы Марии Федоровны. Ему нравилась простая, скромная жизнь, которую вела королевская семья, и его еще более удовлетворяла возможность жить вне стеснений этикета, «по-человечески», как он говорил.

Государь делал большие прогулки пешком, заходил в магазины. Его простота, приветливость снискали ему большую популярность в народе. Датчане вели себя с тактом, избегая стеснять государя.

В Копенгагене вышел преинтересный альбом юмористического содержания о пребывании императора Александра III в Дании, изданный с соблюдением полного пиетета в отношении государя. Так, в нем был изображен магазин, в который вошел государь, а на улице перед витринами большая толпа, старающаяся посмотреть, что покупает русский царь. Некоторые зрители влезли на плечи стоящих впереди, цепляются за ставни и пр. Государь направляется к выходу из магазина, толпа мгновенно бросается бежать в разные стороны, и когда государь выходит из магазина, уже никого на улице нет. Так, с одной стороны, публика старалась удовлетворить свое любопытство, а с другой — не хотела, чтобы государь заметил, как им интересуются. Этот альбом я видел у моего товарища по Преображенскому полку и по службе в Генеральном Штабе, военного агента в Дании, полковника Михаила Оттовича фон Блома.

Помню и такое изображение: на пристани ожидается прибытие из России государя на его яхте. Она задержалась в море, и в точности не известно, когда она придет, а потому все ожидающие прибытия Его Величества не решились покинуть пристань и расположились на ней на ночь. На пристани лежит почетный караул, строем, в две шеренги, на правом фланге музыканты, затем министры тоже лежат шеренгой; под этой картиной надпись: «Мы Царя не прозеваем». В таком роде все рисунки. Они проникнуты добродушным, благожелательным юмором, сквозь который ясно видно, с какой любовью и с каким уважением относились датчане к русскому царю.

Эти добрые чувства начались в 1864 г., когда принцесса Дагмара была помолвлена с цесаревичем Николаем Александровичем. Это была счастливая помолвка, по любви с обеих сторон, а не из-за политических или династических соображений. Редкое это событие в царственных семьях, но счастье помолвленных было непродолжительно. 12 апреля 1865 г. цесаревич скончался в Ницце от тяжкого недуга. Перед смертью он завещал невесте и брату Александру Александровичу вступить в брак, что и совершилось в 1866 г.

Этот брак был исключительно счастливый, ибо семейная жизнь императора Александра III и Марии Федоровны была безупречной, что опять-таки редко бывает в царственных семьях.

Был характерный случай с назначением флигель-адъютантом графа Павла Петровича Шувалова. Я уже писал, что император Александр III брал в свою свиту очень мало лиц по сравнению с тем, что было при императоре Александре II.

Одним из адъютантов великого князя Владимира Александровича был полковник граф Павел Петрович Шувалов; я его хорошо знал, осо-

бенно тогда, когда он командовал л.-гв. Егерским полком, а я в то же время был начальником штаба 1-й Гвардейской дивизии, в состав которой входил Егерский полк. Это был очень воспитанный, образованный и приятный в сношениях человек, но он не допускал, чтобы ему наступали на мозоль, и держал себя с большим достоинством и самостоятельностью.

В один, как говорят, прекрасный день в «Русском Инвалиде» в приказе по военному ведомству было объявлено об увольнении Шувалова от службы, без прошения и без мундира.

Это вызвало в обществе множество предположений и разговоров. Некоторое время спустя государь вызвал Шувалова к себе и принял его в один из приемных дней, но не в общем приеме, а с глазу на глаз. Шувалов явился на прием во фраке, ибо он был лишен мундира. Когда Шувалов вышел из кабинета государя, то лица, бывшие в приемной, узнали от него, что государь император пожаловал его флигель-адъютантом. Так как пожалование в свиту при императоре Александре III было весьма редко и высоко ценилось, то, разумеется, назначение Шувалова обратило на себя большое внимание, так как оно ясно указывало на особую, чрезвычайную милость государя. И вновь о причине увольнения Шувалова в отставку без мундира пошли усиленные толки и слухи и предположения. Во всяком случае, это был, конечно, единственный случай назначения флигель-адъютантом во фраке.

Был еще случай, характерный для личности императора.

Управляющий Морским министерством адмирал Степан Степанович Лесовский женился на сравнительно молодой Елизавете Владимировне Вестман. После его кончины вдова его получила должную ей пенсию, а когда через некоторое время она решила вступить во второй брак, то подала государю прошение о разрешении сохранить пенсию, что было совершенно противозаконно, но в прошении она выразила уверенность, что государь и Россия «не забыли службу ее мужа, адмирала Лесовского».

Государь положил следующую резолюцию: «Ни я, ни Россия не забыли службу почтеннейшего Степана Степановича, а вот вдова его забыла. Отказать».

19 февраля 1886 г. исполнилось 25-летие освобождения крепостных императором Александром II. Естественно было ожидать, что Россия подобающим образом почтит эту годовщину, но за несколько месяцев до срока последовало высочайшее повеление не чествовать этот день. Весьма возможно, что это повеление было отдано, чтобы избежать тех демонстраций, которых можно было ожидать со стороны крайне левых, которые могли воспользоваться лишним случаем для противоправительственных выступлений, под видом чествования великих преобразований Царя Освободителя. Если бы это было, то пришлось бы прибегнуть к репрессиям, что дало бы новый повод для демонстраций.

Но все же это распоряжение подчеркивало отрицательный взгляд на преобразования Царя Освободителя и даже неуважение к его памяти. Несомненно, это повеление вызвало подпольную пропаганду со стороны левых, и таким образом зло было загнано внутрь. Вот это-то последнее условие было крайне пагубно для внутреннего порядка в России. Дурные соки следует выпускать наружу, не оставлять их в организме, иначе неизбежно должно произойти то, о чем О. Б. Рихтер докладывал императору Александру III, сравнивая Россию с огромным котлом, в котором кипят ядовитые пары.

Будучи в самых сердечных отношениях с императрицей Марией Федоровной, император Александр III не допускал ее вмешательства не только в государственные дела, но и в служебные, и если бывали с ее стороны хотя бы самые легкие поползновения, он решительно пресекал их. Так, великий князь Николай Николаевич Старший, Главнокомандующий войсками Гвардии и Петербургского военного округа, приказал арестовать несколько кавалергардских офицеров за то, что будучи в строю полка на похоронах генерал-адъютанта Бистрома, помощника Главнокомандующего, они отлучились из строя в ближайший ресторан, а в это время на похороны приехал Николай Николаевич и заметил их отсутствие в строю.

В тот же день у императрицы в Аничковом дворце был танцевальный вечер: она была шефом Кавалергардского полка, и все офицеры были приглашены на этот вечер, но арестованные, разумеется, не могли явиться. Императрице, конечно, это было неприятно, и во время вечера она просила Николая Николаевича освободить арестованных; эта просьба была совершенно незаконная, так как великий князь, согласно дисциплинарному уставу, не имел права отменить наложенное им взыскание. Великий князь, со свойственной ему почтительностью, доложил императрице о невозможности исполнить ее просьбу. Государь услышал их разговор, подошел к ним и сказал: «Сколько раз я говорил тебе, не вмешивайся в дела; дядя поступил совершенно правильно, и взыскание не следует отменять».

Император Александр III был чисто русский человек, и это проявлялось не только во внешней его политике, но и в делах, казалось бы, не очень важных. Так, например, он установил, чтобы лица свиты, им пожалованные, имели на эполетах и погонах вензель его имени, исполненный славянской вязью; он восстановил древний русский обычай иметь на знаменах Лик Спасителя, а на верху древка восьмиконечный крест, — и что же, мне приходилось слышать легкомысленные осуждения этой меры, пересуды, шипение... Говорили, что в нашей армии не одни православные, что есть инославные, мусульмане, сектанты и что такое повеление может ввести в армию раскол, а не едине-

ние. Что же доказывают эти разговоры? Одно — не было сознания государственности, был провинциализм, «моя хата с краю», «мы вятские» и пр., а всем следовало помнить мудрые слова великого Суворова: «Мы — русские».

Немцы в своей злобе к императору Александру III пошли так далеко, что в Германии появлялось немало пошлых, глупых карикатур на императора Александра III; так, когда у нас были введены 25-рублевые билеты Государственного Банка с портретом императора Александра III в виде водяного изображения, то немцы отпечатали эти билеты с надписью «Где осел?» («Wo ist der Esel?»). Они же издали карту Галичины с окрестностями, на которой были деревни с названиями «Gross Mejendorf», «Klein Mejendorf», «Frederichsburg», «Benkendorf», отдельные усадьбы с надписями «Doctor Hirsch», «Herr Richter» и т. д.

После маневров в 1890 г., на которых присутствовал император Вильгельм II, государь с семьей отбыл на побывку в Данию, и во время пребывания его в Копенгагене туда пришло французское военное судно. Однажды государь в морской форме пошел на своем катере по рейду, направляясь к этому судну; разумеется, французы следили за императорским катером, и когда увидели, что он идет к их судну, на нем немедленно было исполнено все, что в таких случаях полагалось для встречи русского царя. Когда государь взошел на корабль, он был принят со всеми подобающими почестями; приняв рапорт командира, государь сказал ему, что он рад быть на французской территории, ибо военный корабль за границей является представителем своего государства. Осмотрев корабль, государь отплыл, провожаемый почестями по уставу.

Это посещение французского корабля русским царем произвело сильное впечатление во всем мире и заставило государственных людей призадуматься.

Вскоре последовало другое событие, также произведшее сильное впечатление: это был тост императора Александра III в честь князя Николая Черногорского. На парадном обеде по случаю приезда князя в Россию государь провозгласил тост «за князя Николая Черногорского, единственного моего друга и союзника».

Летом 1891 г. в Кронштадт прибыла французская эскадра под флагом адмирала Жерве. Характерный эпизод произошел при докладе государю гофмаршалом князем Владимиром Сергеевичем Оболенским программы пребывания французских моряков. Когда Оболенский доложил государю о предположенном обеде в честь моряков в Большом Петергофском дворце и спросил, провозгласит ли государь только тост в честь эскадры или скажет речь, то государь ответил, что будет тост за Францию, за адмирала и эскадру, на что Оболенский доложил, что

в таких случаях по этикету следует играть гимн, и государь ответил, что так и следует поступить. «Но, Ваше Величество, это Марсельеза». — «Но ведь это их гимн, значит, его и следует играть». — «Но, Ваше Величество, это Марсельеза...» — «Ах, князь, вы, кажется, хотите, чтобы я сочинил новый гимн для французов; нет уж, играйте тот, какой есть».

И когда после тоста государя в Петергофском дворце раздались звуки Марсельезы, это произвело сильное впечатление.

Император Александр III поступил мудро, строго держась установленного порядка. Он, как корректный хозяин, не мог не признавать национального гимна Франции.

Празднества в честь французской эскадры прошли с большим подъемом и оставили заметный след в памяти как русских людей, так и французов.

В следующем, 1893 году, наша эскадра под флагом адмирала Авелана прибыла в Тулон, где была торжественно и восторженно встречена французами. Русские моряки посетили Париж, и везде, где они появлялись во Франции, их принимали с необыкновенным воодушевлением. Так было положено начало сближения России с Францией.

По поводу посылки нашей эскадры в Тулон приведу факт, характерный для личности императора Александра III. Когда намечали кандидатов для командования этой эскадрой, государь приказал отметить в списке против каждого кандидата, насколько он владеет французским языком. В список внесли три определения: адмиралы, вполне владеющие французским языком, владеющие в достаточной степени и не особенно владеющие им. В числе последнего разряда был адмирал Авелан, но государь выбрал его, как выдающегося флотоводца, а по поводу французского языка он заметил, что в таких случаях лучше поменьше говорить, чтобы не увлечься. Выбор государя оказался очень удачным, и Авелан пользовался большой популярностью во Франции во время пребывания нашей эскадры там.

Я уже писал об обстоятельствах, предшествовавших кончине императора Александра III 20 октября 1894 г. в Ливадии. Россия была глубоко опечалена кончиной Царя Миротворца. За границей эта кончина произвела сильное впечатление; все, кому нужна была Россия сильная, были огорчены и понимали, какую потерю они понесли в лице императора Александра III, а остальные радовались, что исчез царь, давший национальной России такое влияние.

Похороны в Петербурге были совершены со всей подобающей торжественностью. Войсками, сопровождавшими гроб государя, командовал командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Манзей, а так как я был помощником начальника штаба Гвардейского корпуса, то я находился при нем, и мы следовали при колеснице верхом весь путь

от Николаевского вокзала до Петропавловского собора в крепости. Император Николай II шел всю дорогу пешком за гробом своего отца.

В день погребения, как я уже писал, я оставался в соборе для присутствия при заделке могилы государя как представитель штаба Гвардейского корпуса, которым в свое время командовал покойный государь.

По окончании всех работ по заделке могилы я взял с одного из венков пальмовую ветку длиной около 8 вершков и отдал ее в гальванопластическое отделение Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг для покрытия ее сначала медью, а поверх меди серебром. Работа эта была исполнена великолепно, и эту ветвь я хранил у себя в особом ящике за стеклом; что с ней сделали большевики, не знаю. В этом же ящике лежала мною положенная белая замшевая перчатка с руки покойного государя, которую я получил на память. Эта перчатка поражает своей необыкновенной величиной.

Но не могу не записать одного факта, который я наблюдал во время перевезения тела императора Александра III с вокзала в крепость. Несколько впереди колесницы и между нею и народом, стоявшим вдоль всего пути следования, шел один из петербургских полицеймейстеров, Хоменко. Это был человек высокого роста и очень худошавый. Я почему-то знал его по фамилии и не мог не обратить внимания на его поведение. Вдоль пути следования колесницы стояли с одной стороны войска, а с другой — густые массы народа, так сочувственно относившиеся к покойному государю. Все снимали шляпы, шапки и крестились, но Хоменко, очевидно, считал, что этого недостаточно, и, идя вдоль публики, довольно громко повторял от времени до времени: «На колени, на колени», — что публика и исполняла. Такое хамское обращение с народом в такой торжественно-грустной обстановке оставило в памяти всех присутствовавших горькое чувство, оскорбительное для людей благонамеренных и весьма благоприятное для сплетен.

За колесницей следовал государь император и великие князья пешком, а за ними в каретах императрица Мария Федоровна и великие княгини. Все они едва ли могли слышать призыв Хоменко «На колени, на колени» и могли полагать, что коленопреклонение было естественным выражением народного горя. Да, горе это было несомненно, оно у большинства было искреннее, а бестактное вмешательство Хоменко могло только вызвать неудовольствие у одних, пересуды и сплетни у других. <...>

7

Кончая мои воспоминания о времени императора Александра III, я позволяю себе сделать сводку изложенного, дабы яснее дать по возможности верный, правдивый образ этого государя. <...>

Н. А. Епанчин. На службе трех императоров

Как я уже писал, у цесаревича Александра Александровича, в конце царствования императора Александра II, созрело убеждение, что необходимо воспользоваться голосом народа при обсуждении государственных дел, что привело его к мысли о созыве Земских Соборов.

Плохую, роковую роль в судьбе России исполнили те, кто отклонил императора Александра III от его благого намерения; страшное событие 1 марта не заставило императора Александра III отказаться от необходимости продолжить преобразования; а временно отказавшись от них, он убедился, что необходимо вновь к ним обратиться; но в это время силы его были подточены недугом, который свел его в могилу.

Нет сомнения, что преобразования императора Александра III имели бы русский, народный характер, а не западноевропейский, парламентарный.

Кстати сказать, ныне (февраль 1939 г.) Европа в известной степени разочаровалась в величии и практичности великих принципов 1789 г., которые на практике дали совсем не те плоды, которые от них ожидали.

Несомненно, что государственная работа императора Александра III была бы проникнута русским духом, ибо он был совершенно русский человек.

Это выражалось во всех его привычках, вкусах и особенно в любви к русскому прошлому.

Свободное время он с любовью посвящал изучению русской истории, а ведь она в нашем обществе далеко не в авантаже обреталась.

Общераспространенное мнение говорит, что император Александр III обладал твердой волей, но не доказывает ли отказ от созыва Земских Соборов обратного, — недостатка воли? Я убежден, что нет; это доказывает только то, что один в поле не воин, что напор на самодержца, не поддержанного мнением народа, так силен, что ему одному не по силам такая борьба.

Да, тяжкая ответственность лежит на совести тех, кто своевременно не поддержал своего государя и оказал дурную услугу ему и России, особенно его преемнику. «Gouverner, c'est prévoir» *, а своевременное отсутствие этого предвидения очень затруднило императора Николая II. <...>

К 30 августа 1890 г., дню тезоименитства императора Александра III, командир Преображенского полка был представлен начальником дивизии к очередной награде, к ордену Св. Владимира 3-й степени, и представление это было вполне согласовано с существовавшими правилами, и не могло быть никакого сомнения, что оно будет объяв-

* Управлять — значит предвидеть (франц.).

лено в высочайшем приказе 30 августа, но вышло иначе. Когда это представление было доложено императору Александру III, то государь не утвердил его и повелел сообщить гвардейскому начальству, что «служба великих князей в войсках мне хорошо известна, и потому я сам буду награждать их».

Между тем лица двора великого князя, узнав о представлении его к награде, что не составляло секрета, заказали изящное блюдо с изображением Владимирского креста, и на этом блюде они решили поднести великому князю 30 августа в селе Ильинском, где в это время был великий князь Сергей Александрович, хлеб-соль и поздравить его с царскою милостью.

Об отмене награды они не знали, а великий князь уже знал об этом, и когда ему поднесли хлеб-соль, он, поблагодарив, сказал, что не понимает, почему блюдо украшено изображением Владимирского ордена.

Надо сказать, что решение государя совершенно не было согласовано с законом, согласно которому для великих князей, служащих в войсках, не было никакого ограничения. Повеление государя не было включено в закон для руководства на будущее время, а оно лишало великих князей того права, которое по закону имели все военнослужащие, и ставило их как бы ниже их сослуживцев; чем объяснить эту высочайшую резолюцию, не знаю, и в свое время это осталось неизвестным.

Может быть, государь был недоволен службой великого князя Сергея Александровича и избрал этот прием для выражения своего неудовольствия.

С другой стороны, я уже неоднократно писал, что император Александр III держался духа законности, что, между прочим, выразилось в вопросе о бракосочетании великого князя Сергея Александровича с Елизаветой Федоровной. Великий князь просил разрешения государя венчаться в воскресенье на масленой неделе; государь указал великому князю, что это от него не зависит и чтобы он обратился в Синод. В заседании Синода против такого нарушения церковных правил высказался только один иерарх — преосвященный Савва, архиепископ Тверской и Кашинский.

По докладе журнала этого заседания Синода, государь положил резолюцию: «Слава Богу, что в Синоде оказался хотя один честный человек».

То же чувство законности выразилось и в деле отлучения графа Л. Н. Толстого от церкви, когда государь император Александр III положил на доклад об этом К. П. Победоносцева, не согласованный с существовавшим законом, резолюцию: «Не делайте из Толстого мученика, а из меня его палача». <...>

ПИСЬМА П. И. ЧАЙКОВСКОГО К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь, Константин Петрович.

Позвольте в трудном случае жизни обратиться к Вашему благо-склонному содействию. Хотя дело, сущность которого Вы изволите узнать из нижеследующего, ничего не имеет общего с подчиненным Вам ведомством, но я потому именно Вас решился просить быть моим ходатаем пред его императорским величеством, что во 1-х, Вы единственный из приближенных к государю сановников, которому я имею честь быть лично известным, а во 2-х — я знаю, как Вы добры, снисходительны, и потому надеюсь, что Вы извините смелость, с которой своим личным маленьким делом я дерзаю хотя и на несколько минут отклонить Ваше внимание от государственных занятий Ваших.

Просьба моя состоит в нижеследующем

Дабы выйти из самых сложных, затруднительных обстоятельств, отравляющих мою жизнь до того, что я не в состоянии отдаваться делу, которому посвятил всю свою жизнь, мне нужна очень крупная сумма в три тысячи рублей сер. Сумма эта освободила бы меня от долгов (сделанных по необходимости как моей собственной, так и некоторых моих близких) и возвратила бы мне тот душевный мир, которого жаждет душа моя.

Между тем, как небезызвестно Вашему высокопревосходительству, в прошедшем сезоне на двух императорских сценах были поставлены две мои оперы («Евгений Онегин» в Москве и «Орлеанская дева» в Петербурге), обе с значительным успехом, дающим мне основание надеяться, что они по возобновлении театральной деятельности останутся в текущем репертуаре. Как автор, я получаю установленную законом проспектальную плату. Но мне придется еще долго ждать, пока накопится потребная сумма, а именно ждать-то мне и трудно. И вот, меня осенила мысль дерзнуть просить государя, чтобы он повелел из казенных сумм выдать мне три тысячи рублей серебром заимообразно, т. е., чтобы долг мой казне постепенно погашался причитающейся мне из дирекции императорских театров проспектальной платой. Если б я знал хотя одно частное лицо, могшее бы снабдить меня нужными

мне деньгами на тех же условиях, то не осмелился бы обратиться к нашему всемилостивейшему государю, но такого лица среди знакомых моих нет. Кроме того, я выскажу Вам откровенно, почему у меня хватило смелости решиться на этот шаг. Мне передавали, что будто бы государь изволил однажды в самых милостивых выражениях отозваться о моих музыкальных трудах. Я не имею основания не верить этому счастливому для меня обстоятельству, и вот, ободренный бесконечно лестным вниманием его величества к моей музыке, я решил просить его оказать мне милость. Послать мою просьбу непосредственно к государю по почте я не смею, ибо не знаю даже, прилично ли в письме на имя царя, всецело преданного заботам о государстве, излагать во всей подробности столь ничтожное личное дело. Да может быть и самая просьба моя неуместна и неприлична. Я осмелюсь просить Вас, многоуважаемый Константин Петрович, предварительно разрешить этот последний вопрос, или дать моему ходатайству соответственный ход, или же откровенно посоветовать мне воздержаться от попытки беспокоить своею просьбою государя.

Прилагаю при сем вкратце изложенную сущность моего ходатайства перед его императорским величеством.

Убедительно прошу Ваше высокопревосходительство простить мне смелость, с которою я позволил себе утруждать Вас, и вместе с тем прошу принять уверение в глубочайшем уважении, с коим имею честь быть Ваш покорнейший слуга

Петр Чайковский.

Мая 19 дня 1881 г.

Просьбу Чайковского, я надеюсь, можно будет исполнить, и пришлю Вам сказать о результате.

А.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Я получил сегодня письмо Ваше. Оно очень обрадовало, облегчило и утешило меня. С тех пор, как я послал Вам мою просьбу, мне все казалось, что я совершил какой-то неделикатный, неприличный по своей несвоевременности поступок. Ваши ободряющие слова совершенно успокоили меня. Теперь буду надеяться не только, что мое ходатайство удовлетворится, но, что и в случае отказа, мне не будет вменена в вину решимость, с которой в критическую минуту жизни я обратился через Ваше благосклонное посредничество прямо к государю.

Примите мою глубочайшую благодарность, глубокоуважаемый Константин Петрович, и верьте в чувства искреннейшей преданности, с коими имею быть

Ваш покорнейший слуга *П. Чайковский.*

Каменка 1-го июня 1881 г. <...>

Письма П. И. Чайковского К. П. Победоносцеву

Посылаю Вам для передачи Чайковскому — 3000 р.
Передайте ему, что деньги эти он может не возвращать.

2 июня 1881 года.

А.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Еще тотчас по получении Вашей телеграммы я хотел написать государю благодарственное письмо, но не посмел этого сделать, боясь слишком часто напоминать о себе, т. е. не зная еще хорошенько, насколько приличествует мне вообще обращаться непосредственно к государю. Теперь, получив Ваше дорогое письмо, спешу исполнить совет Ваш, столь согласный с побуждением души моей.

Я глубоко тронут той формой, в которой выразилось внимание государя к моей просьбе. Боюсь, что письмо мое недостаточно сильно выражает то, что в сердце моем чувствую. <...>

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. Н. ОСТРОВСКОМ

<...> Каким-то образом император Александр III узнал, что Островский находится в тягостном материальном положении, и при первой встрече с братом драматурга, Михаилом Николаевичем, бывшим членом Государственного совета, обратился к нему:

— Как живет ваш брат?

Островский молча поклонился. Государь продолжал:

— Как его материальное состояние?

— Очень дурное, ваше величество. Своих средств у него нет почти никаких; за труды же он получает очень мало, а у него жена и шесть человек детей.

— Странно, — с неудовольствием сказал император, — что до сих пор мне об этом никто не сказал. Я сделаю, что нужно.

Через несколько дней состоялся высочайший указ о назначении драматургу, губернскому секретарю Александру Николаевичу Островскому, пенсии в 3000 рублей в год.

Трудно себе представить ликование, какое проявляли друзья Островского. Мы радовались больше, чем он, и, конечно, помчались поздравлять его. Но нашли его в унылом настроении духа.

Очевидно, Александру Николаевичу было больно, что не заслуги дали ему вполне заслуженную пенсию, а протекция. Его возмущало это потому, что в некоторых западных государствах смотрели на писателей как на людей, служащих государству. Русских же работников участь была печальна. В маленькой Норвегии литератор, проработавший определенное количество лет, получает право на пенсию. Стортинг только утверждает назначение, а мы, огромное государство, так далеко в этом случае идем позади всех. <...>

ВОСПОМИНАНИЯ

<...> За тридцатипятилетние, в качестве драматического писателя, литературные труды Александра Николаевича для отечественной сцены в бозе почивший государь Александр III пожаловал ему пожизненную пенсию в 3000 рублей. <...> За участие его в комиссии «для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства» государь все милостивейше наградил его массивною золотою табакеркой с бриллиантовым вензелем своего имени. За оказанную ему с высоты престола милость назначения пожизненной пенсии Александр Николаевич ездил в Гатчину благодарить государя. Принят был маслитый драматург весьма благосклонно, и, как лицу уже «знакомому» по своим сочинениям, государь подал ему руку. Беседа все время, около четверти часа, происходила на ногах: оба они прохаживались по кабинету, убранному без особенной претензии на роскошь. Государь, между прочим, сказал Александру Николаевичу, что он присутствовал на представлении его пьесы «Красавец мужчина», и спросил, почему он взял для своей пьесы «такой» сюжет.

— Очевидно, — добавлял Александр Николаевич, — государю не понравился сюжет. На это я ему ответил: «Дух времени таков, ваше величество».

Далее из своей беседы с государем Александр Николаевич заключил, что государь живо интересовался современною драматическою сценой и внимательно следил не только за русскими, но и за иностранными современными авторами. Из последних более всех других понравился ему норвежский драматический писатель Бьёрнсон, пьеса которого (название ее я забыл), по словам царя, произвела на него сильное впечатление, и он сообщил Александру Николаевичу сюжет ее. В заключение государь выразил желание, чтобы между русскими молодыми писателями нашлись у Бьёрнсона подражатели. Где давалась пьеса и на каком языке, Александр Николаевич не пояснил мне, а я упустил из виду узнать об этом¹.

На вопрос государя, кого Александр Николаевич признает наиболее талантливым из наших современных драматических писателей, он указал на Соловьева и Невежина, совместно с которыми он писал пьесы.

По наблюдениям Александра Николаевича, прежде чем отпустить его из кабинета с милостивым пожатием руки, государь, подойдя к рабочему столу, надавил ногой находившуюся под ним пуговку, должно быть, от электрического звонка. По догадкам Александра Николаевича, это послужило сигналом, чтобы предложили ему позавтракать, когда он выйдет из кабинета. Так и было сделано. Завтрак был вкусный и сытный, водка в маленьких графинчиках, с расчетом по две рюмки на одного с vis-à-vis, и две порционные бутылочки: красного и еще какого-то крепкого вина, хереса или мадеры. За общим столом с Александром Николаевичем сидели всего три или четыре osoby. Должно быть, это были дежурные придворные чины, в форме исключительно военной. <...>

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРЕДВИЖНИКАХ

<...> Иван Иванович¹ не был поклонником каких бы то ни было чинов и гордился независимостью своего положения. Он всячески старался избегать встреч царя на выставке, когда должны были собираться члены Товарищества, да еще во фраках. Шишкин никак не мог представить свою фигуру во фраке. Однако пришлось и ему натянуть на свои плечи чуждое одеяние. Царь Александр III пожелал видеть знаменитого автора лесных пейзажей.

Пришлось к открытию следующей выставки, к приезду царя, взять напрокат фрак, обрядить в него молодца Ивана Ивановича, как к венцу, и представить перед государевы очи.

— Так это вы пейзажист Шишкин? — спросил царь.

Тот потряс бородой, молча соглашаясь с тем, что он действительно пейзажист Шишкин.

Царь похвалил его за работы и пожелал, чтобы Иван Иванович поехал в Беловежскую пушу и написал бы там настоящий лес, которого здесь ему не увидеть.

Шишкину и на это пришлось в знак согласия потрясти бородой.

Царя проводили, Иван Иванович подошел к зеркалу, посмотрел на свою фигуру, плюнул, скинул фрак и уехал домой без него, в шубе.

Повезли Шишкина в Беловежские леса, а там уже было известно, что едет художник из Петербурга по повелению царя. Выслали за ним из царского охотничьего дворца экипаж и нянчились с ним во все пребывание его там, как с великим вельможей. Иван Иванович жаловался, что нельзя было шагу сделать без того, чтоб не спрашивали: «Куда вам угодно, что прикажете»².

Не оставляли его в покое и на этюдах. Один раз пишет он лес, где на первом плане стоит полузасохшее дерево. Подъезжает к нему управляющий лесами. Посмотрел на этюд и обращается с просьбой: «Нельзя ли полузасохшее дерево на этюде уничтожить?» Шишкин удивлен, а управляющий поясняет: «Ведь вы повезете картину в Петербург, а там посмотрят и скажут: „Ну и хорош управляющий — довел лес до того, что деревья стали сохнуть“». <...>

<...> Материальное положение художников и, следовательно, возможность работать по искусству зависели прежде всего от сбыта картин и получения за них необходимого прожиточного минимума.

У передвижников был свой небольшой круг меценатов и коллекционеров, которые ежегодно расходовали почти одну и ту же сумму на приобретение картин на выставках. Кроме того, являлись случайные лица, изредка покупавшие небольшие вещи и исчезавшие потом с горизонта. <...>

Покровительство искусству исходило и из официальных сфер, от двора — через Академию художеств и музеи. Двором отпускалось ежегодно пятнадцать тысяч рублей на приобретение картин для музеев. Из членов Академии художеств создавалась комиссия, которая и тратила эту сумму по назначению.

Меценатом являлся сам царь. Народившееся национальное искусство ему желательно было использовать при проведении общей политики, для укрепления идей самодержавия и православия.

Передвижники заказов от двора с его установкой на искусство не принимали. Напрасно Александр III старался подкупить передвижников, предлагая им постройку выставочного здания у Исаакия — с двуглавым орлом и титулом «императорское».

Охраняя свою самостоятельность и независимость, передвижники отказались от подарка и выполняли прежнее свое постановление — не вступать на царскую службу. Когда же в силу условий, создавшихся в кругу искусства, явилась необходимость войти в Академию художеств и передвижникам, общее собрание Товарищества передвижников дало на это разрешение своим членам с условием, чтобы они не участвовали на академических выставках и сохраняли неразрывную связь с Товариществом.

Передвижники — профессора Академии, получая по службе чины и ордена, не признавали их и никогда не носили ни формы, ни орденов, ни каких-либо значков, которые выделяли бы их из общего круга художников.

Царю приходилось приобретать на передвижных выставках то, что было свободно выполнено художниками, насколько последние могли свободно выражать себя при классовом воздействии на искусство.

Александр III покупал для себя и для музеев произведения часто большого значения и большой стоимости, вещи, мимо которых просто нельзя было пройти, не заметив их значимости. Из приобретений Александра III составилась, как известно, музей, носивший его имя.

На первой неделе поста царь говел, в субботу причащался и после завтрака с семьей ехал на передвижную выставку, накануне ее открытия для публики. Здесь он беседовал с художниками и приобретал их вещи. <...>

Александр II
(1818–1881)

Мария Александровна
Гессен-Дармштадтская
(1824–1880)

Николай
(1843–1865)

Александра
(1842–1849)

Александр III
(1845–1894)

Мария Федоровна
Датская
(1847–1928)

Владимир
(1847–1909)

Николай II
(1868–1918)

Александра
Федоровна
Гессенская
(1872–1918)

Алексей
(1850–1908)

Александр
(1869–1870)

Мария
(1853–1920)

Георгий
(1871–1899)

Сергей
(1857–1905)

Ксения
(1875–1960)

Александр
Михайлович
(1866–1933)

Павел
(1860–1919)

Михаил
(1878–1918)

Ольга
(1882–1952)

Петр
Александрович
Ольденбургский
(1868–1924)

*Великий князь Александр Александрович в детстве.
Рисунок П. Ф. Бореля. 1850-е гг.*

*Великий князь Александр Александрович — командир 1-го батальона
л.-гв. Преображенского полка в 1864 г. Фотография*

*Коронация императора Александра III
и императрицы Марии Федоровны.
Картина Ж. Беккера (фрагмент). 1888 г.*

*Коронация императора Александра III
и императрицы Марии Федоровны. Выход из Успенского собора.
Лубок. 1882 г.*

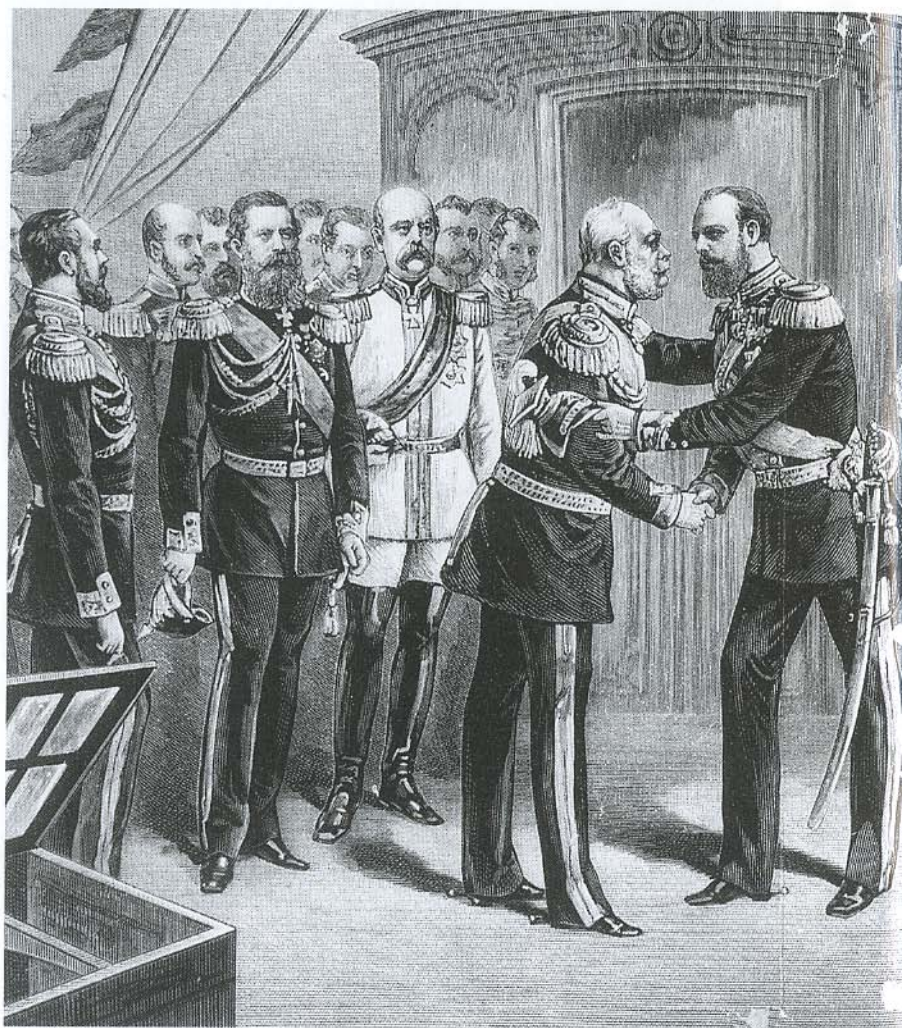
*Выезд императора Александра III из Зимнего дворца.
Ксилография. 1880-е гг.*

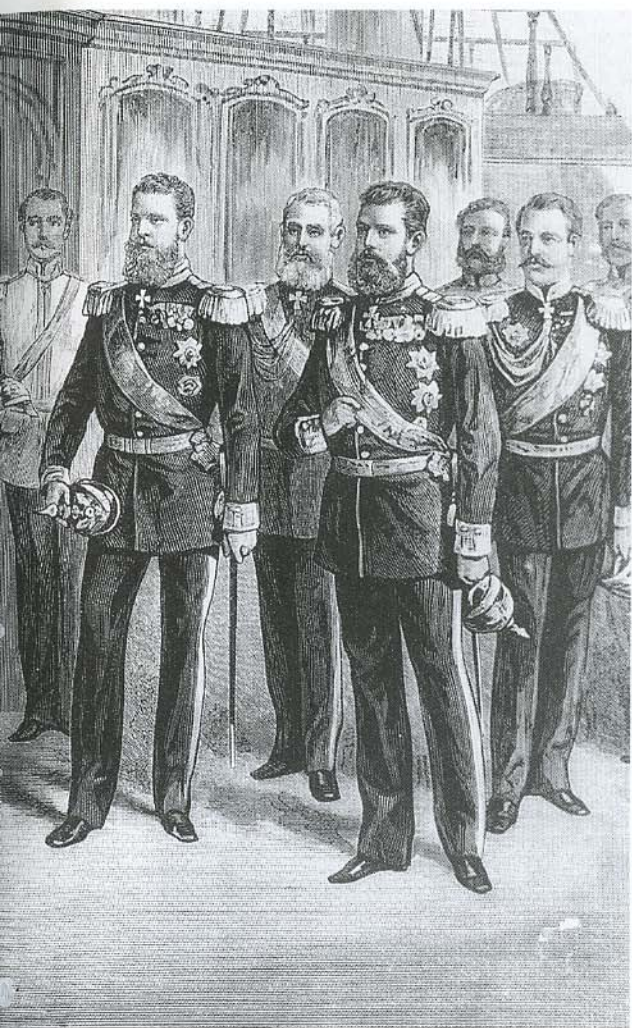

*Прибытие императорской семьи в Ярославль.
Ксилография. 1880-е гг.*

*Император Александр III.
Гравюра. 1880-е гг.*

Свидание императора
Александра III с герман-
ским императором Виль-
гельмом I. Ксилография.
1881 г.

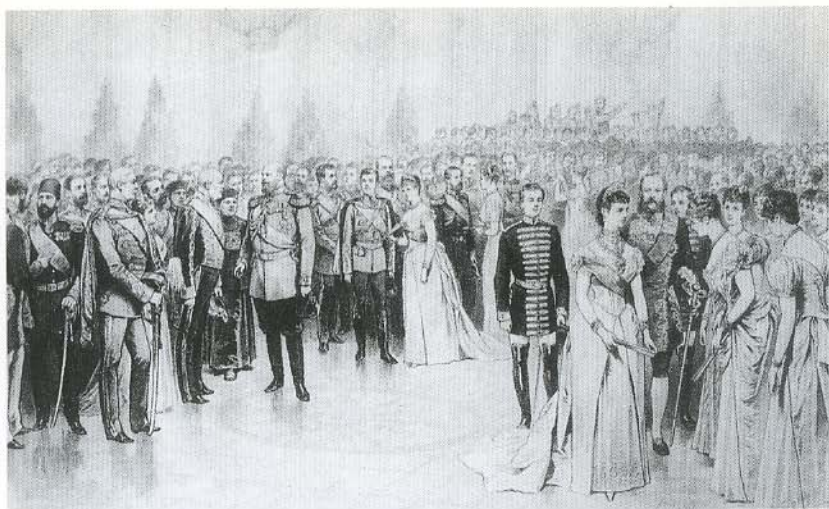
*Александр III на охоте. Фотография.
1880-е гг.*

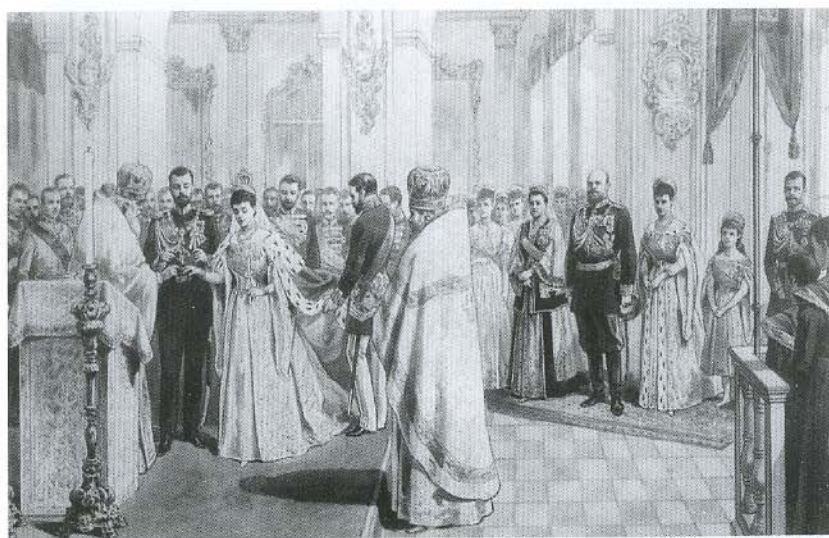
*Александр III с семьей. Фотография.
Конец 1880-х гг.*

*Александр III со свитою верхами.
Ксилография Шюблера. 1890-е гг.*

*Придворный бал в Николаевском зале Зимнего дворца.
Рисунок К. О. Брожа. Конец 1880-х гг.*

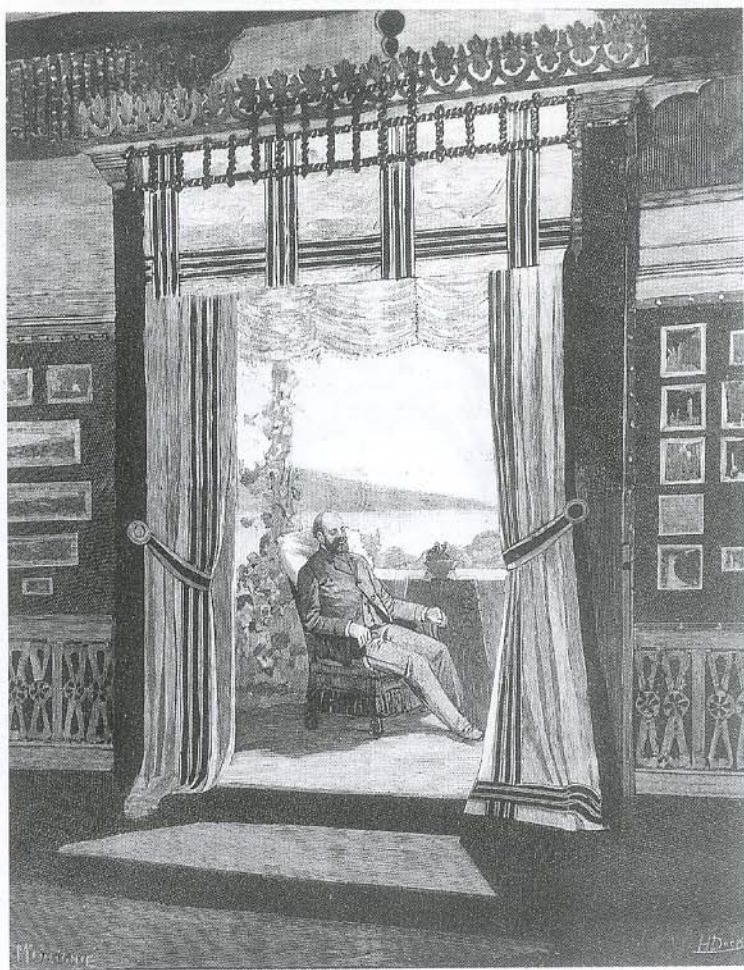
*Венчание великой княжны Ксении Александровны и великого князя
Александра Михайловича. Рисунок К. О. Брожа. 1884 г.*

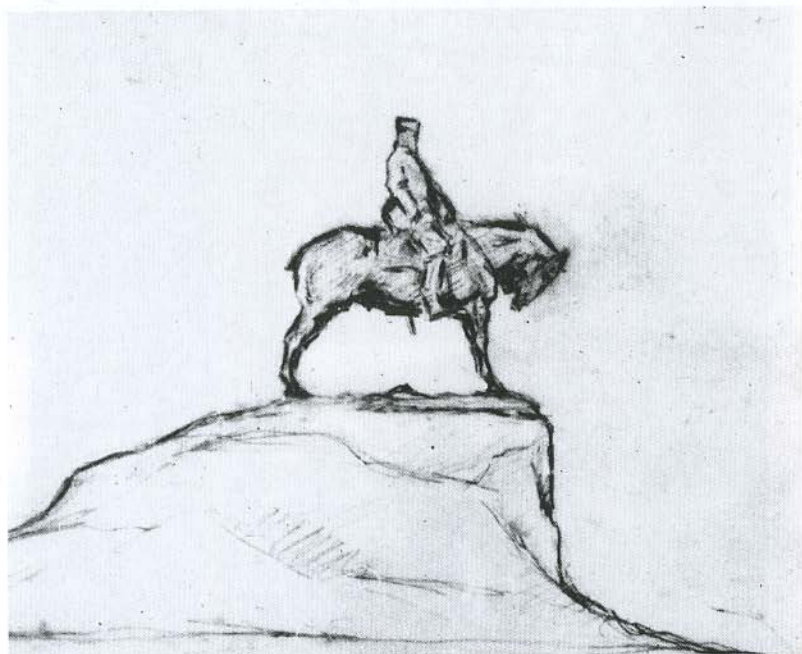
Развод караула в Петергофе. Ксилография. 1890-е гг.

Маневры в Красном Селе. Ксилография. 1890-е гг.

Александр III в Ливадийском дворце во время последней болезни.
Ксилография. 1894 г.

Эскиз памятника Александру III в Петербурге.
Рисунок П. Трубецкого. Начало 1900-х гг.

ИЗ ПИСЬМА М. В. ВЕРЕВКИНОЙ

[Ноябрь 1891 г.]

Многоуважаемая Мариамна Владимировна¹.

От всей души благодарю Вас за доброе отношение ко мне. <...>

Как милостив и внимателен к нашим работам был Государь!!!

Мне показалась моя выставка при нем вдесятеро интересней, и я без умолку объяснял разные подробности о своих работах. Вас он узнал, и историю с Вашей рукой сам рассказал В. Кн. Марии Павловне². О Евгении Васильевиче³ тоже хорошее знает: «Да, он очень симпатичный, его любят все больные; у него легкая рука». Как он восхищался «Запорожцами»!! и потом портретом Кюи!.. больше всего. Все, все рассмотрел до мелочей; даже Нигилиста вытащили ему, и его внимательно рассматривал при недостаточном для этой вещицы свете. <...>

Искренно преданный Вам *И. Репин*.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Вечером того же дня, облекшись во фрак (сшитый на бенефис Цукки) и напялив папин старомодный цилиндр, я отправился пешком без пальто в Мариинский театр, до которого, как уже известно, было от нас рукой подать. Контроль у входа я миновал благополучно благодаря папиному пригласительному билету, а раз попав внутрь театра, я уже без труда поднялся до ложи Городской управы, где я воссел среди папиных коллег, с которыми я почти со всеми был знаком. У каждого из этих убеленных сединой господ на плечах лежала тяжелая серебряная цепь — знак их достоинства, а на фраках и мундирах были натканы звезды, кресты и медали; тем более странным должен был казаться мой юный вид и «нагота» моей одежды.

Не успели все рассестись, как оркестр заиграл «Боже, царя храни», поднялся занавес, и выстроившиеся на сцене артисты и хор присоединились к оркестру. Это означало, что государь и государыня вошли в среднюю ложу, но наша ложа была над ней, и от нас то, что в ней происходило, не было видно. Зато весь партер и все бывшие в боковых ложах теперь стали спиной к сцене и лицом к царской ложе. Гимн завершился троекратным «ура», после чего начался спектакль.

От самого представления, однако, у меня не осталось никакого определенного воспоминания. Кажется, был дан акт из «Жизни за царя» (или из «Руслана») и какой-то балет, зато незабываемое впечатление произвело на меня то, чему я был свидетелем в фойе во время антракта. Тут я увидел в непосредственной близости русский двор, о котором светские хроникеры говорили, как о чем-то сказочно-роскошном. Увы, такое «близкое» с ним ознакомление не пошло ему на пользу. Состав этой густой и толкавшей в разные стороны массы не отличался ни красотой, ни элегантностью, ни величием, ни какой-либо «породистостью». Большинство присутствующих состояло из согбенных под бременем лет сановников и из большей частью маленьких, толстеньких, а частью из тощих и комично высоких старых дам. Не спасали ни золото мундиров, ни орденские ленты, ни удивительно расчесанные бороды и бакенбарды (многие царедворцы еще придерживались моды времен Александра II), ни бриллианты и жем-

чуга, лежавшие на иногда и очень объемистых, но серых от пудры и абсолютно не прельстительных персях. И держала себя эта архивельможная масса совсем не так, как подобало бы носителям высших чинов и представителям знатнейших фамилий! Все довольно бесцеремонно толкали друг друга, особую же сумятицу производили те, что пробивались к буфету, тянувшегося во всю ширину фойе вдоль окон. У самых же столов происходило настоящее побоище, до того всем хотелось выпить бокал шампанского или «отведать царских гостинцев»!

И вдруг все остановилось, притаилось, и в наступившей тишине резко раздался удар об пол прикладов часовых, охранявших вход в среднюю царскую ложу. Двери ложи распахнулись, выбежали церемониймейстеры с длинными тросточками, и за ними появился государь, ведя под руку новобрачную¹. Тут мне посчастливилось: в коловороте, получившемся от того, что надо было дать дорогу высочайшему шествию, направлявшемуся к зале, примыкающей к левой боковой царской ложе (там было сервировано вечернее угощение), я был оттерт до ступеней лестницы, поднимавшейся в верхние ярусы. Оттуда немного сверху стало особенно хорошо все видно. И тут я впервые увидел Александра III совершенно близко. Меня поразила его «громоздкость», его тяжеловесность и — как-никак — величие. До тех пор мне очень не нравилось что-то «мужицкое», что было в наружности государя, знакомой мне по его официальным портретам (один такой портрет висел в актовом зале казенной гимназии, другой в большом зале Городской Думы). И прямо безобразною казалась мне на этих портретах одежда (мундир) государя, — особенно в сравнении с элегантным видом его отца и деда. Введенная в самом начале царствования новая военная форма с притязанием на национальный характер, ее грубая простота, и хуже всего, эти грубые сапожищи с воткнутыми в них штанами возмущали мое художественное чувство. Но вот в натуре обо всем этом забывалось, до того самое лицо государя поражало своей значительностью. Особенно порастил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз. Проходя под тем местом, где я находился, он на секунду поднял голову, и я точно сейчас испытываю то, что я тогда почувствовал от встречи наших взоров. Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то и грозное, и тревожное, производил впечатление удара. *Царский* взгляд! Взгляд человека, стоящего *выше всех*, но который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и за жизнь самых близких! В последующие годы мне довелось несколько раз быть вблизи императора, отвечать на задаваемые им вопросы, слышать его речь и шутки, и тогда я не испытывал ни малейшей робости. В более обыденной обстановке (при посещении наших выставок) Александр III мог быть и мил, и прост, и даже... «уютен». Но вот в тот вечер в Марининском театре впечатление от него было иное, — я бы даже сказал, *странное и грозное*.

<...> По-новому, более сознательно я теперь стал относиться и к царствующему государю, оценивать самую его личность. Много, что я, зараженный почти поголовным фрондерством русского общества, находил когда-то в правлении Александра III уродливым и даже возмутительным, стало теперь казаться необходимым или неизбежным. И обратно, если и раньше меня отталкивала от себя вся незрелая и часто просто глупая («снобическая», сказали бы мы сегодня) революционность, то теперь она представлялась мне преступной, фатально, неминуемо ведущей ко всякой «мерзости запустения». Надо прибавить, что тогда же (и только тогда) я решил познакомиться с некоторыми творениями Достоевского, в которых я тоже нашел (рядом со всем парадоксальным и двусмысленным) настоящую пищу для своего мирозерцания.

Разумеется, Александр III не был *идеальным* государем. Ограниченность его интеллекта, примитивность, а то и просто грубость его суждений, его далеко не всегда счастливый выбор сотрудников и исполнителей — все это не сочетается с представлением идеального самодержца. Наконец, его ограниченный национализм выливался подчас в формы мелочные и очень бестактные. И уж никак нельзя считать за нечто правильное и подходящее то воспитание, которое он дал своим детям, и особенно своему наследнику. Их слишком настойчиво учили быть «прежде всего людьми» и слишком мало подготавливали к их трудной сверхчеловеческой роли. Александра III заела склонность к семейному уюту, к буржуазному образу жизни. И все же несомненно его (слишком кратковременное) царствование было в общем чрезвычайно значительным и благотворным. Оно подготовило тот расцвет русской культуры, который, начавшись еще при нем, продлился затем в течение всего царствования Николая II — и это невзирая на бездарность представителей власти, на непоследовательность правительственных мероприятий и даже на тяжелые ошибки. Проживи дольше Александр Александрович — этот «исполинский мужик» или «богатырь», процарствуй он еще лет двадцать, история не только России, но всего мира сложилась бы иначе и несомненно более благополучно.

Главной, наинужнейшей для самодержца чертой Александр III обладал в полной мере. Он был *крепок*, он умел *держаться* и сдерживать, он имел на вещи свое мнение, а его простой здравый смысл выработался на почве глубокой любви к родине. При этом он был честен, прост и в то же время достаточно бдителен, чтоб нигде и ни от кого Россия не терпела ущерба. Без кровопролитных войн, даже без особенных угроз, он, озабоченный тем, чтоб сохранить в добром состоянии «вверенную ему богом» страну, являл в семье прочих государей и правителей некую твердыню — надежную для друзей, грозную для врагов. Не его вина, если Судьбе или Промыслу угодно было одновременно с ним вызвать к вершению дел мирового значения такую прямую противопо-

ложность ему, какой явился Вильгельм II. Не его вина и в том, что вековая дружба с соседом, с Германией, дружба, скрепленная столькими семейными союзами, дружба, на которой было построено все равновесие Европы, была нарушена отказом юного, нелепо тщеславного германского императора (вступившего на престол в 1888 г.) возобновить лучшее и сколь мудрое создание Бисмарка — договор о взаимной поддержке обоих государств (*der Rückversicherungs Vertrag*²). Нельзя винить Александра III и в том, что после этого чреватого последствиями разрыва (и как прямое следствие его) он согласился на демонстративное сближение с Францией. Проживи он еще несколько лет, Александр III сумел бы, вероятно, провести свой корабль между вновь возникшими опасностями, действуя своим авторитетом, своим престижем. Но рок готовил России, Европе, Миру иное — и этот тяжелый рок стал выявляться с момента, когда мощную, богатырскую его фигуру, его гранитную надежность сменила личность его сына. <...>

Александр III всей своей колоссальной статуей, голосом и особенно взглядом своих пронизывающих глаз вселял в людей, подходивших к нему при исполнении своих верноподданнических обязанностей, чувства трепета и даже страха, никак не совместимых с чувством *симпатии*. Однако во время посещений царем наших (столь безобидных) выставок, он умел показать другую сторону своей личности. Он становился тем любезным, внимательным, вовсе не суровым, а скорее благодушным человеком, каким знали Александра III его семья, ближайшие царедворцы и дворцовая прислуга. Поражала его чрезвычайная простота, абсолютная непринужденность, абсолютное отсутствие какой-либо «позы» (позы властелина), что нельзя было сказать ни про его брата Владимира, ни (в особенности) про недоступного, высокомерного вел. кн. Сергея Александровича.

Случалось императору во время обозрения выставки и шутить или же он отвечал громким на весь зал хохотом на те остроты или маленькие потешные анекдоты, которыми его тешили наши специалисты по этой части: бонтонно-грубоватый Вилье и разыгрывавший из себя простачка, искусный маринист А. К. Беггров. На ужинах у Альбера тот же Беггров отличался неисчерпаемым запасом самых гривуазных, самых сальных анекдотов, которые он подносил товарищеской компании с особым смаком. Но Беггров обладал достаточным тактом, чтобы припасать для забавы государя и сопровождавших его дам шутки и словечки совершенно иного содержания и тона. Подносил же свои остроты этот неказистый с виду человек всегда кстати, точно невзначай и без того, чтобы выдать их заблаговременную «отделку».

Из шуток самого государя мне запомнилась одна, которую он себе позволил произнести над особой своей троюродной сестры — принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. Принцесса почти всегда была одета в костюм-тайер, иногда темно-синего, но чаще свет-

ло-серого или бежевого цвета. Этому полумужскому наряду полагалось иметь сзади раскрывающиеся фалды. И вот мы все были свидетелями того, как Александр III, самодержец всероссийский, осторожно подкравшись сзади к принцессе, ни с того, ни с сего раскрыл эти фалды и даже, манерно схватив кончиками пальцев, подержал их несколько секунд в таком положении. Спору нет, шутка эта была несколько дурного тона и какая-то чисто мальчишеская; вероятно, то была своего рода реминисценция тех невинных шуток, которые те же персоны шутили между собой лет сорок тому назад, когда они были детьми. Но Евгения Максимилиановна без всякого снисхождения отнеслась к ней. Обыкновенно очень бледная, она вся побагровела и буквально крикнула на государя: «*Quelles sont ces manières? C'est honteux!*» *. И трогательно было видеть, как колосс самодержец после такой реприманды выразил свое раскаяние, и до чего он был сконфужен. Внизу перед тем, чтобы выйти на улицу и сесть с государыней в двухместные сани (с великолепным казаком на запятках), государь, прощаясь с обиженной кузиной, еще раз при всех нас, гурьбой обступивших, произнес фразу вроде: «*Il ne faut pas m'en vouloir*» **, на что принцесса только пригрозила ему пальцем, без тени улыбки на лице.

На акварельной выставке 1892 г. мне снова выдалась честь «водить» императрицу и вел. кн. Ксению. Среди девяти моих акварелей, вставленных в одну раму, имелся и крошечный видик Копенгагена, а именно его знаменитой Биржи со шпилем, составленным из хвостов сплетенных между собой драконов. Не скрою, что при выборе такого мотива среди фотографий, привезенных из моего первого заграничного путешествия, у меня был расчет посредством именно этого вида привлечь внимание бывшей датской принцессы. И этот расчет вполне оправдался. Государыня Мария Федоровна не только расспросила меня о том, когда я был в столице Дании, как она мне понравилась, но и пожелала знать, с каких пор я занимаюсь живописью. «*Depuis l'âge le plus tendre, madame*» ***, — был мой претенциозный ответ, вызвавший улыбку у обеих дам. Должен сказать, что я вообще был очарован императрицей. Даже ее маленький рост, ее легкое шепелявенье и не очень правильная русская речь нисколько не вредили чарующему впечатлению. Напротив, как раз тот легкий дефект в произношении вместе с ее совершенно явным смущением придавал ей нечто трогательное, в чем, правда, было мало царственного, но что зато особенно располагало к ней сердца.

Одета государыня всегда была очень скромно, без какой-либо модной вычурности, и лишь то, что ее лицо было сильно нарумянено (чего

* Что за манеры? стыдно! (франц.).

** Не надо на меня обижаться (франц.).

*** С возраста самого нежного, сударыня (франц.).

не могла скрыть и черная вуалька), выдавало известное кокетство — das ewig Weibliche *. Отношения супругов между собой, их взаимное внимание также не содержали в себе ничего царственного. Для всех было очевидно, что оба все еще полны тех же нежных чувств, которыми они возгорелись четверть века назад. Это тоже было *очень симпатично*.

* Вечно женственное (нем.).

ЧЕРЕВИН И АЛЕКСАНДР III

Профессор московского университета, гениальный физик П. Н. Лебедев не имел, как известно, русских ученых степеней. Высшим образованием он обязан Страсбургскому университету, от которого и получил степень доктора философии. В страсбургские годы свои молодой ученый близко познакомился с пресловутым генерал-адъютантом и личным другом Александра III Петром Антоновичем Черевиним, который тогда гостил в Страсбурге у сестры своей, бывшей замужем за одним из профессоров университета. По рассказам Лебедева, положение свитского генерала, главного столпа русской реакции, брошенного родственными чувствами в ученую профессорскую среду, конечно, сплошь передовую по политическим взглядам, — было и смешно, и жалко; Лебедева, уже смолоду охотника изучать разнороднейших людей, большого мастера приручать их, скушающий Черевин возлюбил и беседовал с ним много и откровенно. Беседы эти были очень любопытны. Пишущему эти строки кое-что из них было сообщено Лебедевым тогда же, непосредственно, в половине 90-х годов. По словам Лебедева, Черевин был очень смысленный, остроумный и, в домашнем обиходе, даже добродушный человек, но совершенный политический дикарь и глубокий невежда: тип денщика в генеральском мундире. Александра III он боготворил и готов был говорить о нем целыми днями. Мировоззрение Черевина Лебедев определял так.

— Он с поразительной прямолинейностью делил мир на две половины. На одной, недосыгаемо высокой, стоит Александр III, при нем на страже он, Черевин, и, пожалуй, так и быть, императрица Мария Федоровна, а на другой, где-то внизу, «прочая сволочь»... Это подлинное его выражение. К числу «прочей сволочи» он бесцеремонно относил не только все министерские и придворные властные силы (до Победоносцева включительно), но и иностранных монархов, и русских великих князей... Более того, этих последних чуть ли не преимущественно и в первую голову.

Как непоколебимый временщик и человек действительно фанатически преданный своему царю-барину, Черевин при Александре III был грозой дворца и никого в грош не ставил.

— Разве есть воля, кроме царской? — говорил он, — я совсем не злой человек, и вот вы, например, очень мне симпатичны, но велел бы государь: «повесь Лебедева!» — жаль мне было бы вас, но поверьте: не стал бы я спрашивать — за что?

Особенно антипатичен был Черевину великий князь Владимир Александрович со своими Владимировичами, наглыми уже с малолетства. Эта антипатия была настолько остра, что не удержала своего секрета в стенах дворца и расползлась даже по городу в обывательской молве. Анекдотов о столкновениях Черевина с Владимиром распространялось очень много. Говорили, что царь в этих случаях всегда брал сторону Черевина, что однажды, когда Владимир, взбешенный, горько жаловался на безнаказанность любимца, царь очень хладнокровно посоветовал ему: «Если ты обижен, вызови его на дуэль, а — что же ты клянчишь?..» И мало ли чего не говорили! Зерна правды в этих рассказах были, но в общем — все это лишь слухи, облеченные в апокрифические формы. Но вот рассказы, слышанные Лебедевым лично от самого Черевина, а нами записанные с непосредственного лебедевского рассказа. Они любопытно рисуют нравы старого дворца.

Александр III, как известно, жил помещицки просто: ни роскоши, ни сложного дворцового этикета он не любил. В гатчинской своей резиденции царская семья занимала небольшое число жилых комнат, — настолько, что одно время царская столовая и приемная совмещались в одном большом длинном зале, непосредственно сообщавшемся с царским кабинетом. Когда Александр III занимался в кабинете, а работал он очень много, Черевин помещался в этом длинном зале перед дверью в кабинет, за особым столиком. На эти часы он оставался единственным человеком в мире, который мог войти к царю самостоятельно. Даже царица Мария Федоровна, не говоря уже о детях, если имелась экстренная надобность потревожить царя-супруга, должна была предварительно доложиться через Черевина. По словам последнего, это бывало редко, да и то он отказывал в докладе либо отговаривал докладываться, так как прерванный в очередных занятиях Александр III делался не в духе и встречал неурочно вторгающихся к нему угрюмым медведем. Просить его, в таких условиях, было верным средством получить сердитый и неразборчивый отказ. Сверх того он столько же не любил, чтобы и Черевина, как верного царского стража, развлекали на его бесменном дежурстве. И вот на этой-то почве у Черевина с противнейшими для него Владимировичами, действительно, вышла однажды резкая перепалка.

— Приехала великая княгиня Мария Павловна, — прошла прямо к императрице, я ее не видал... Потом являются эти лоботрясы... Идут, шумят, словно они на Невском... Проходят мимо меня и, конечно, кивок мне, маленькому человеку: *bonjour, général!* Приехала великая княгиня?.. Через несколько минут, — не нашли они ее почему-то, —

опять: — Генерал, вы не видели великую княгиню?.. У меня же, надо вам сказать, дела, как нарочно, по горло: бумаг к резолюции — целая гора... Через пять минут опять тут как тут: — Генерал, да где же, наконец, тут великая княгиня?.. И все это, знаете, с нестерпимейшего высока, с надменностью, совершенно уверенною в том, что вот, мол, они великие князья, так я должен сорваться для них с места и, как лакей, бегать по дворцу, разыскивать ихнюю великую княгиню... Взорвало меня... Встал и говорю:

— Что вам от меня угодно? Какую великую княгиню вы ищете? Мать? Так и говорите, что мать, а то — «великая княгиня»! Вы мальчишки, для вас она не великая княгиня, а мама... Меня царские дети спрашивают: «Петр Антонович, где папа и мама», а не «генерал, где великая княгиня»... Великих княгинь у нас полон календарь¹: я не обязан угадывать, какую вам надо... И как вы смеете мешать мне, когда отлично знаете, что я занят государственным делом? Мне вверена охрана особы государя, а я буду вам разыскивать каких-то там великих княгинь?!

Юнцы, конечно, оскорбились, бросились жаловаться родителям, а родители — к царю. Историю, конечно же, раздули еще громче, чем она вышла. Уверяли, будто Черевин «спьяну» обозвал великую княгиню «всяко» и т. д. Царица, кажется, приняла сторону великих князей. Александр III, недовольный и хмурый, должен был лично разобраться столкновение. Черевин дословно повторил ему, как было дело, подчеркнув и последнюю фразу:

— Мне вверена охрана особы государя, а я буду вам разыскивать каких-то там великих княгинь!

Александр III повернулся к обвинителям Черевина громадным телом своим и равнодушно произнес:

— На что же вы жалуетесь? Петр Антонович совершенно прав.

— Черевин приводил это происшествие, как свидетельство справедливости Александра III. Но из этой справедливости вы можете заключить, — улыбаясь, говорил Лебедев, — что титул «его или ее высочества» — совсем еще не высокая штука в русском дворце при наличии «его величества». Вроде того, как Павел I определял аристократа: тот, с кем я говорю, и покуда я с ним говорю. И этим объясняется то, казалось бы, странное обстоятельство, что, когда высочество превращается в величество, приближенные друзья монарха-предшественника почти никогда не остаются таковыми же для монарха-преемника... Последний такого отцова друга может уважать, но, конечно, никогда не позабудет, что тот десятки раз обращался с ним и по воле родителя, и по собственной привычке, как с мальчишкой.

Лебедев спрашивал Черевина, справедлив ли слух, будто Александр III крепко пил. Черевин, с лукавым добродушием, отвечал:

— Не больше, чем я.

Но так как сам-то он пил, как бочка, то фраза была знаменательна. (N. В. Однако в Страсбурге, вопреки своей репутации, Черевин жил трезво.)

Однажды же он рассказывал следующее:

— Государь выпить любил, но «во благовремении». Он мог выпить много без всяких признаков опьянения, кроме того, что делался необычайно в духе — весел и шаловлив, как ребенок. Утром и днем он был очень осторожен относительно хмельных напитков, стараясь сохранить свежую голову для работы, и, только очистив все очередные занятия впредь до завтрашних докладов, позволял себе угоститься, как следует, по мере желания и потребности. На дворцовых средах он держится, бывало, пока не схлынет лишний чужой народ, а — когда останутся свои — тут начнет шалить и забавляться. Ляжет на спину на пол и болтает руками и ногами. И, кто мимо идет из мужчин или, в особенности, детей, норовит поймать за ноги и повалить. Только по этому признаку и догадывались, что он навеселе. К концу восьмидесятих годов врачи ему совершенно запретили пить и так напугали царицу всякими угрозами, что она внимательнейшим образом начала следить за нами (т. е. за мужем и за Черевиным, как его другом и человеком прославленно пьяной репутации). Сам же государь запрещения врачей в грош не ставил, а обходиться без спиртного ему с непривычки, при его росте и дородстве, было тяжело. На средах императрица, словно надзирательница какая-нибудь, раз десять пройдет мимо его карточного стола, — видит, что около мужа нет никакого напитка, и спокойно, счастливая, уходит... А между тем к концу вечера — глядь — его величество уже опять изволит барахтаться на спинке, и лапками болтает, и визжит от удовольствия... Царица только в изумлении брови поднимает, потому что не понимает, откуда и когда это взялось? она же все время следила!..

— А мы с ним, — лукаво улыбался Черевин, — мы с его величеством умудрились: сапоги с такими особыми голенищами заказывали, чтобы входила в них плоская фляжка коньяку, вместимостью в бутылку... Царица подле нас — мы сидим смиренхонько, играем, как паиньки. Отошла она подальше, — мы переглянемся, — раз, два, три! — вытащим фляжки, пососем, и опять, как ни в чем не бывало... Ужасно ему эта забава нравилась... Конечно, не столько ему коньяк был нужен, сколько занимало это его: как, мол, вот, он царь, самодержец и прочее, а будто бы жены боится и должен от нее в выпивке скрываться, как какой-нибудь армейский обер-офицер... Вроде игры... И называлось это у нас: «голь на выдумки хитра»... Раз, два, три!.. — Хитра голь, Черевин? — Хитра, ваше величество!.. Раз, два, три!.. и сосем...

Рассказывалась вся эта коньячная идиллия, конечно, со слезами умиления на глазах.

Лебедев спрашивал Черевина: кого из детей Александр III любил более других? На этот вопрос Черевин отвечал неохотно и уклончиво, но можно было догадаться, что любимцем отца и матери был Георгий Александрович (по смерти отца — цесаревич, умер в 1899 году).

Вот — кого Александр III терпеть не мог, это Черевин изъяснял откровенно и без малейшей застенчивости. По его словам, величайшей личной антипатией царя был Вильгельм II. И не то чтобы Александр III его ненавидел, а просто — именно — терпеть его не мог: претило ему от Вильгельма, органически этот последний был противен царю. Настолько, например, что — когда Александру III подали к утверждению какой-то церемониал, скопированный с германского двора, царь возвратил его перечеркнутым с надписанием:

— Я не мальчишка и не обезьяна!

О Николае Александровиче Черевин говорить не любил и отмалчивался или отделялся незначущими фразами, на которые был очень ловок. Вообще, смесь в этом человеке первобытного дикаря с утонченным придворным была в высшей степени любопытна и поучительна.

ПРИ ДВОРЕ ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА

<...> Два лица, близких мне, хотя много меня старших, рассказывали мне подробно о воспитании детей Александра III. Я имею в виду покойного генерал-адъютанта Васильковского и мистера Хиса ¹, впоследствии учителя английского языка наследника цесаревича. По словам этих лиц, дети Александра III росли почти без надзора. Манеры их не отличались тем изяществом, которое обращает на себя внимание у детей, за которыми постоянно следили. Даже в присутствии своих родителей дети перебрасывались за столом шариками хлеба, если знали, что им удастся остаться непойманными. В физическом отношении дети были крепкого, здорового сложения; один только Георгий Александрович, второй сын, страдал туберкулезом и умер в раннем возрасте.

<...> Надо сказать, что Александр III был суров даже по отношению к своим детям: решительно ни в чем не сносил ни малейшего противоречия. Потому не только дети, но и сама императрица часто оказывались в таком положении, что надо было от отца скрывать то, что произошло, что было содеяно. Именно вследствие этого в семье Александра III образовался дух скрытности. <...>

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III В БЕЛОВЕЖЕ

В 1894 году я был начальником гродненского почтово-телеграфного округа, в состав которого входит Беловежская пуца. Пуца эта, пространством около 200 000 десятин леса, известна в Европе и знаменита как старинным тысячелетним лесом, так и сохранившимися там до сих пор зубрами. В 1894 году Беловежская пуца состояла уже в распоряжении удельного ведомства, и там только что был достроен для государя императора прелестный дворец. Пуца издавна славилась прекрасной и обильной охотой, не только на зубров, но и на кабанов, коз, оленей. <...>

В половине 1894 года я получил от начальника главного управления почт и телеграфов Н. А. Безака конфиденциальное письмо, в котором он извещал меня, что государь император Александр III, вероятно, посетит Беловеж в августе месяце, по окончании маневров в Красном Селе, чтобы осмотреть вновь построенный там дворец и поохотиться на зубров.

Безак предлагал мне съездить в Беловеж и, по соглашению с начальством удельным и дворцовым, определить, что нужно сделать для правильного хода почтовой и телеграфной корреспонденции во время пребывания там государя. <...>

Здание дворца построено не знаю в каком стиле; я невежда в этом деле; но могу сказать смело: задуманный и построенный графом Рошфором дворец красив, величествен и оригинален. Внутренняя отделка дворца и его меблировка в высшей степени своеобразны и красивы. Граф Рошфор сказал мне, что император Александр III изъявил желание, чтобы отделка дворца не была пышна; чтобы там не было золота, серебра, бронзы и шелка. Граф Рошфор исполнил в точности желание государя. Вся мебель дворца сделана из дуба, ясеня, ореха, взятых в лесах Беловежской пуцы, обита она бумажной и льняной материями, но поражает изяществом, вкусом. Стол в гостиной дубовый, — но какой! Для него взят торец дуба, кажется, в два с лишком аршина, если не в целую сажень толщины, невероятного количества лет! Он гладко выполирован, и можно ясно считать вековые слои его. Я знал число их; теперь не помню. Отсутствие драгоценных металлов и шелка

забывается при виде изящных рисунков тканей, сочетания их и разнообразия. Дворец светел, весел и уютен. <...>

В Беловеже не было ни почты, ни телеграфа, и ближайшее почтово-телеграфное учреждение было в 18 верстах, в Гайновке. Необходимо было устроить получение телеграмм и писем в Беловеже, по возможности в самом дворце. <...>

Задача была не легкая. В несколько дней надо было собрать штат опытных чиновников для почты и телеграфа, заготовить весь материал и построить 18 верст телеграфа. <...>

Самое основное затруднение представляла постройка телеграфа. Проволоку, крюки, изоляторы, аппараты взяли из запасов округа. Но где было взять телеграфные столбы? <...> Обозревая Беловежский лес, увидели там столбы телефона удельного ведомства и тотчас сообразили, что надо воспользоваться ими. Столбы были плохие — тонкие, разной величины и толщины, но главное — ветхие. <...> Недолго думая, энергичные люди механики вырубали тут же мелкие сухоподстойные сосны и заменяли ими гнилые, падающие столбы телефона, а местами ввинчивали крючья с изоляторами в вековые деревья, стоявшие на пути, и протягивали по ним проволоку. <...>

Управление Юго-Западных железных дорог еще летом, при первом слухе о приезде государя в Беловеж, начало строить железнодорожную ветку от Бельска до опушки пуши, у Гайновки. Выстроили в Гайновке красивый, просторный павильон и длинную, широкую платформу-дебаркадер. <...>

Наступил наконец день приезда государя. К 10-ти часам утра на платформу в Гайновке стали собираться местные власти: губернатор Батюшков, уездный предводитель дворянства и какая-то депутация от крестьян. Объявлено было, что государь нездоров и просит не делать ему торжественной встречи, чтобы не утомлять его. Погода была пасмурная; по временам шел дождь. Я приехал в Гайновку рано; там было собрано до ста почтовых лошадей, запряженных в придворные экипажи и частью в почтовые брички. <...> Государя ожидали большая коляска, запряженная четверкой почтовых лошадей в ряд, и другая небольшая коляска, запряженная парой его любимых лошадей в английской сбруе, с его кучером, — кажется, французом. Почтовые лошади под экипаж государя были выбраны прекрасные, в русской упряжи; ямщик опытный, спокойный, в поярковой¹ ямской шляпе, в русском армяке, с почтовыми бляхами на шляпе и рукаве. <...>

Тихо, едва двигаясь, подходил императорский поезд и почти незаметно остановился. Раскрыли императорский вагон, и на платформу вышел император Александр III.

Служа в гвардейской конной артиллерии, я знал Александра III еще мальчиком. Он числился в первой легкой батарее, имени государя императора, гвардейской конной артиллерии, офицером которой

я был в молодости моей. Тогда еще великий князь, Александр Александрович являлся в батарею на парады, разводы и некоторые ученья; всегда любезно и сердечно разговаривал с нами, с офицерами, был очень прост и серьезен. В последний раз я видел его очень близко уже императором, за год перед тем, в Петергофском саду. Император Александр III всегда был очень крупный, здоровый человек, страшный силач, истинный русский богатырь. Такое воспоминание, конечно, сохранил о нем я. Увидев его теперь, на платформе в Гайновке, в нескольких шагах от себя, я был поражен. Государь был бледен, лицо его и вся фигура похудели, выражение лица его было тоскливое, страдальческое. Он любезно, но кратко принял приветствовавших его лиц. По докладу губернатора Батюшкова о депутации крестьян, он подошел к ним, принял поднесенный ему мед-липовец, сказал несколько ласковых слов крестьянам и направился к ожидавшему его экипажу. Он пожелал ехать в своей небольшой коляске, запряженной парой лошадей. В коляску с государем села императрица Мария Федоровна. Вслед за ними потянулись экипажи свиты. Государь ехал тихо. Выйдя на крыльцо павильона в Гайновке, государь выглянул на возвышавшийся перед ним вековой лес, вдохнул в себя смолистый, ароматный воздух и сказал, обратившись к стоявшей подле него императрице: «Какая величественная картина! Какой живительный воздух!»

Началась тихая, семейная, нешумная жизнь царской семьи в Беловеже. Как мне рассказывали граф Рошфор и многие члены свиты их величеств, дворец очень понравился государю. С ним приехала очень небольшая свита: человек восемь или девять генералов; в числе их были лейб-медик его и известный в то время московский доктор Захарьин. Государь был нездоров: окружавшие его лица говорили, что он приехал в Беловеж отдохнуть и лечиться. О болезни его говорили, что она еще не разъяснена и развилась только в последние дни, неожиданно. При таких обстоятельствах настроение всех лиц, окружавших государя, было невеселое.

С государем приехали в Беловеж императрица Мария Федоровна, дети их великие князья Николай Александрович (ныне император Николай II), Михаил Александрович и великая княжна Ольга Александровна. Михаил Александрович и Ольга Александровна были еще дети; кажется, великий князь Михаил еще был одет в матросскую детскую рубашку. Приехали также великие князья Михаил Николаевич, старший член и любимец царской семьи, и брат государя Владимир Александрович. Царская семья разместилась во дворце; там же заняли комнаты министр двора Воронцов-Дашков и доктор Захарьин. <...>

Во дворце был поставлен телеграфный аппарат для высочайшей телеграфной корреспонденции. Ее было так много, что один этот аппарат не управлялся получать и отправлять всю эту корреспонденцию,

и в случаях скопления не переданных телеграмм мы отправляли их в почтово-телеграфное отделение, которое и сбывало их по своему проводу. Корреспонденция была чрезвычайно разнообразна, на разных иностранных языках, даже на датском; отправлялись серьезные, государственные распоряжения. При внимании и большом усердии, трудная работа эта производилась точно, безошибочно и без задержки. С уважением и благодарностью вспоминаю трудолюбие и бодрость всех этих достойных людей. <...>

В числе первых лиц придворного ведомства, явившихся в Беловеж, был начальник императорской охоты. Он с заведующим охотой Беловежской пуши осмотрел все места, где держится зверь, и составил проект целого ряда охот. Со времени охоты императора Александра II в Беловеже не было царской охоты, и потому теперь там надо было создать все для производства крупных императорских охот. В пуше, на дороге из Гайновки в Беловеж, издавна существовал охотничий дом, называемый зверинцем. При нем огорожено большое пространство леса, с пастбищем для зубров, которые поселены там, кажется, около 30 голов. Кроме того, там отгорожено особое место для оленей. При зверинце находится несколько лиц служителей, которые кормят и стерегут всех этих зверей, и там живет заведующий беловежской охотой. В зверинце устроен прекрасный дом для отдыха и завтраков высочайших особ во время охоты. Это центр всей охотничьей жизни. Около него зимою раскладывают корм для поддержки зубров, живущих в лесу, на свободе, и они держатся преимущественно около этого места.

На другой день, по приезде государя в Беловеж, рано утром была назначена охота, и они происходили затем каждый день. Государь Александр III редко ездил на эти охоты. Охотники говорили мне, что государь не любит охоты с облавой. Его любимая охота на оленей во время их спаривания, которая очень удачна бывает в лесах Спалы. В Беловеже в эти дни самые ревностные охотники были великие князья; охотники восхищались удачными выстрелами великого князя Михаила Александровича.

В восьмом часу утра охотники обыкновенно выезжали в лес; до места охоты они отправлялись в экипажах; интересно было видеть этот выезд. Все участвующие, даже государь император, были в охотничьих нарядах серого цвета, мягких шляпах; трудно было с непривычки разузнавать их в этой одежде. Впереди в парной бричке ехал заведующий охотой, указывая путь; за ним коляска государя, и так далее. В то же время особо выезжала на место охоты царская кухня в нескольких специально для этого устроенных громоздких экипажах. В них помещались особый походный очаг, ледник, ящики с посудой и провизия. Эти тяжелые фуры немало помучили почтовых лошадей. Я никогда не бывал на этих охотах, но мне рассказывали, что в половине дня делался перерыв охоты, и все участвующие в ней приглашались к зав-

траку. Для производства облавы вызваны были в Беловеж две роты солдат; я видел, как они, обыкновенно рано утром, шли к месту охоты с небольшими флагами в руках. Им тоже готовился завтрак. После завтрака охота возобновлялась и длилась часов до пяти, когда охотники возвращались во дворец и садились за обед.

В это время подвозили ко дворцу всю убитую дичь; везли ее наемные крестьянские подводы. Зубров убивали редко; условлено было щадить их; но они изредка появлялись в этой выставке, и в виде огромных экземпляров. Многочисленнее всего были козы, олени и особенно кабаны. Олени красные были очень крупны, с ветвистыми рогами. Всю эту дичь красиво раскладывали у крыльца дворца; на каждом животном была привязана записка, кто убил его. Когда получалось известие, что царский обед окончен, охотники зажигали факелы для освещения разложенной дичи, и один из них трубил что-то в огромный охотничий рог, давая знать, что выставка дичи готова. Выходили на крыльцо император, императрица, вся царская семья и свита их; подходили к дичи, любовались красивыми животными, рассказывали об особенно удачных выстрелах. Вокруг стояли мы, зрители этого любопытного зрелища. По уходе царской фамилии старший повар выбирал, что признавал нужным для царской кухни; остальная дичь раздавалась лицам, прибывшим в Беловеж для услуг государю. Получил и я несколько коз, кабанов. Дичи было так много, что все солдаты охоты, конюхи, конвой не покупали мяса для котлов.

<...> Жизнь во дворце шла тихо, однообразно. Сколько я мог заметить, распределение дня было там, примерно, такое. Государь и супруга его вставали около 8 часов утра и пили утренний кофе или чай у себя вдвоем. Мне случилось раз, около 8 часов утра, проходить по саду во дворец. Идя по дорожке около самого дворца, я увидел царскую чету на балконе веранды. Государь был в халате, императрица в чем-то белом; оба сидели за столиком, беседовали и кушали чай или кофе. Я шел за кустами, меня не было видно; картина семейной жизни государя была для меня так любопытна, что я невольно приостановился и любовался ею из-за куста.

Государь очень много работал, несмотря на свое болезненное состояние. Ежедневно, утром и вечером, почта, курьеры и фельдъегери привозили ему целые портфели докладов, и ежедневно, столько же раз, он отправлял обратно туго набитые портфели с рассмотренными им делами. Сверх того телеграф работал день и ночь, приносил ему разные известия и разносил по всему миру его телеграммы. Я изумлялся трудолюбию, работоспособности государя. Он не позволял себе никаких развлечений; он редко ездил на охоту. Утром, до завтрака, он работал обыкновенно у себя в кабинете. Иногда, в полдень, он ехал с императрицей прокатиться в пущу, разыскивал охотников и завтракал с ними. Вечером он опять удалялся в кабинет, и мне говорили, что

огонь в его кабинете горел часто до 2 и 3 часов ночи: значит, до этого часа он работал ночью. <...>

В теперешние предательские времена трудно верится, что император был так доступен, жил так открыто. Для охраны императора в Беловеже не было никаких войск; вызван был только из Варшавы стоящий там кубанский конвой². Две роты пехоты стояли в деревне, но употреблялись исключительно для облав на охоте; от них никогда и нигде не был выставлен караул, ни один часовой. Охрана ограничивалась дворцовой полицией. У входа в парк стояли нижние чины этой полиции и наблюдали за входящими в парк. <...>

Только на ночь, около 10 часов вечера, вокруг дворца по парку выставлялись часовые от конвоя. На рассвете караул этот убирался. Я несколько раз говорил с гродненским губернатором Д. Н. Батюшковым об этой слабой охране; он объяснил мне, что это делается по личному распоряжению государя, который не выносит зрелища окружающих его караулов; они приводят его в нервное состояние. Государь желает жить свободно в Беловеже. Оставить дворец и пушу без охраны было невозможно, ее устроили невидимо. Во всяком случае мы, жившие в Беловеже, не видели охраны, не чувствовали ее, и все пребывание государя прошло мирно, спокойно.

Лица людей, приближенных к государю, делались день ото дня печальнее; расположение духа их мрачнее и озабоченнее. Встречая государя, мы с горестью все видели, что болезненное состояние его развивается, силы слабеют. <...>

Никаких бюллетеней о здоровье государя не издавалось; болезнь его не предавалась еще гласности; но вопрос этот был так близок сердцу каждого из нас, что ежели где-либо сходились два или три человека, между ними тотчас заходил разговор о здоровье государя. Приближенные к государю особы были очень скромны и не болтливы. На вопросы о здоровье государя они отмалчивались, пожимали плечами и вообще не говорили ни да, ни нет! Невозможно было, однако, замолчать то, что столько людей видели и слышали. Разговоры эти питались слухами, и за недостатком точных данных создались целые легенды, может быть, очень неверные. Но вот что говорили тогда: государь не признает серьезности своей болезни, или, по крайней мере, не желает сознаться в этом. Он считает болезнь свою случайным недомоганием, последствием усиленных трудов и забот. От этих трудов и забот он и желает отдохнуть в тиши и уединении Беловежа, в семейной своей жизни. Императрица и наследник престола, напротив, очень озабочены болезнью государя. Уступая их требованиям, государь лечится, призвал в Беловеж известного московского доктора Захарьина, но беспрестанно спорит с ним и не исполняет его врачебных указаний. Захарьин просил государя не утомлять себя кабинетной работой, не заниматься по ночам; предписал ему известную

диету. Государь отвечал ему на это, что отложить государственные дела он не может. А насчет соблюдения диеты, рассказывали следующее. Происходил завтрак или обед во дворце; свита государя обыкновенно завтракала и обедала за столом государя. Государь, во время стола, потребовал квасу. Сидевший тут же Захарьин подошел к императору, напомнил ему, что просил его не пить квасу, и повторил свое запрещение. Выслушав это, государь шутливо обратился к стоявшему подле него в недоумении лакею и сказал: «Ты слышал, что сказал доктор? А я, русский император, приказываю тебе налить мне стакан квасу!» Захарьин молча поклонился и сел на место; а государь выпил квас. Вечером последовало бурное прение между доктором и непокорным пациентом. Повторяю, я рассказываю то, что в то время рассказывалось всеми, переходило из уст в уста; за подлинность события ручаться не могу. <...>

В противовес этим рассказам, другие говорили, что государь сознает опасность своей болезни, что он высказал это императрице и наследнику престола; говорили, что, замечая упадок сил своих, он вызвал с Кавказа второго сына своего, Георгия Александровича. Сбивало с толку то, что в подтверждение правдивости обеих легенд были факты очевидные. Доктор Захарьин внезапно уехал из Беловежа, как говорили, заявив, что присутствие его в Беловеже излишне; что он не может облегчить страдания государя, как скоро тот не исполняет его указаний. И великий князь Георгий, точно, спешно приехал в Беловеж, по вызову отца.

Приезд великого князя Георгия Александровича временно оживил царскую семью. Отец и мать были обрадованы здоровым, бодрым видом сына; великий князь цесаревич, искренне любивший брата Георгия, также радовался видимому здоровью брата и свиданию с ним.

Это оживление продолжалось, однако, недолго. Великий князь Георгий внезапно заболел; он простудился на охоте. Погода в Беловеже стояла все время сырая, пасмурная. Климат там вообще неприятный, много суровее, чем в местностях, окружающих пушу. <...>

Великий князь Георгий Александрович, только что прибывший с жаркого Кавказа, не выдержал внезапной, резкой перемены климата, и болезнь его, только что уступившая лечению и прелестному климату Кавказа, быстро разыгралась вновь сильнеешим образом. <...>

Доктора Захарьина с дороги воротили телеграммой; он опять появился в Беловеже; на этот раз уж для ухода за двумя пациентами.

Доктор Захарьин, тотчас после первого своего приезда в Беловеж, высказал убеждение, что климат тамошний вреден для здоровья государя. Самостоятельный пациент не обратил тогда внимания на заявление своего доктора. Теперь Захарьин настойчиво потребовал переезда двора в другой, более сухой и теплый климат, ради здоровья великого князя. Что государь не хотел сделать для себя, считая это

лишним, он сделал для здоровья сына. Объявлено было о переезде всей царской семьи в Спалу, в царстве Польском. <...>

Настроение всех нас было грустное. За несколько недель жизни подле государя мы так свыклись с ним, полюбили его, нам так отраднo было, в эти тяжелые для него минуты, стараться успокоить его, что не хотелось расставаться с ним, прекращать наши заботы о нем. Сознание тяжелой болезни государя со всяким днем разъяснялось, и мы все с ужасом думали, чем кончится все это. Подготавливали отъезд государя как-то грустно, далеко не с тем увлечением и охотою, которые господствовали при приготовлениях к приезду его. <...>

До Гайновки государь, его семья, свита и прислуга переехали в экипажах. Государь ехал опять в своей маленькой коляске, с императрицей, на паре своих лошадей. Первый поезд, свитский, выехал раньше. Государь приехал в Гайновку около пяти часов. Мы собрались опять на обширной платформе, но в совершенно ином настроении духа, чем месяц назад, встречая тут императора Александра III. Все чуяли беду, сознавали, что государь тяжело болен. Стоя на платформе, перед своим вагоном, он прощался с нами, сказал нам ласковые слова. Громадная фигура его царила над всеми окружающими; выражение лица его было спокойно; голос ровный, но ослабевший. На лице его видно было страдание, и говорил он, точно прощался с нами навеки. Он снял фуражку и сказал: «Прощайте, господа. Благодарю за все!» и, поклонившись, вошел в вагон. Мы отвечали: «До свидания, ваше императорское величество! Благодарим ваше величество за внимание и любовь!»

ДЕЛО 1 МАРТА 1887 ГОДА

Документы

Донесение Александру III министра внутренних дел Д. Толстого от 1 марта 1887 г.

В конце минувшего января месяца негласным путем была получена копия письма, отправленного неизвестным лицом из Петербурга в Харьков на имя студента Никитина. Между прочим в письме автор говорит, что преобладающее ныне «социально-демократическое» направление его «не удовлетворяет», и единственно пригодное средство для борьбы есть «террор», «кажущееся же затишье» в партии — временное.

Опрошенный по сему поводу в Харькове студент Никитин, по предъявлении ему копии письма, заявил, что оно получено им от знакомого его студента Петербургского Университета Андреюшкина. По получении этих сведений 27 минувшего февраля, в Петербурге за Андреюшкиным (который уже ранее был замечен в сношениях с лицами политически неблагонадежными) было учреждено неустанное наблюдение, и вчера установлено, что Андреюшкин, вместе с несколькими другими лицами, ходил по Невскому проспекту, с двенадцатого до пятого часу дня, причем Андреюшкин и другой неизвестный несли под верхним платьем, по-видимому, какие-то тяжести, а третий нес толстую книгу в переплете. Сегодня утром те же лица (в числе шести) вновь замечены на Невском проспекте, при тех же условиях. Ввиду имевшихся за последнее время тревожных сведений, начальник Петербургского Секретного Отделения распорядился немедленно арестовать и обыскать этих лиц — задержанные оказались: 1. Студент Петербургского Университета, сын казака Медведицкой станицы, Кубанской области, Пахом Андреюшкин, 20 лет, задержан на углу Невского и Адмиралтейской площади, при обыске у Андреюшкина оказался заряженный револьвер и висевший через плечо на шнурке с крючком овално-цилиндрический метательный снаряд, 6-ти вершков вышины, вполне снаряженный. 2. Студент Петербургского Университета сын казака Потемкинской станицы, области Земли Войска Донского, Василий Генералов, 22-х лет, задержан вблизи Казанского Собора, по обыску у Генералова в руках оказался такой же снаряд, как у Андреюшкина. 3. Студент Петербургского Университета, Томский мещанин Василий Осипанов, 26-ти лет, взят также вблизи

Казанского Собора: при нем отобрана вышеупомянутая толстая книга, листы которой снаружи оказались заклеенными, а внутренность наполнена динамитом.

Кроме того, арестованы еще три человека, которые вчера и сегодня гуляли вместе с названными лицами, а именно: студенты Петербургского Университета, сын Надворного Советника Канчер и дворянин Полтавской губернии Гаркун и Лубенский мещанин Волохов, прибывший, по его словам, недавно в Петербург для поступления в гимназию Гуревича. По обыску при этих лицах ничего преступного не оказалось. На предварительном допросе Генералов заявил, что он находился на Невском с метательным снарядом с целью «бросить его под карету Государя Императора». <...>

Дознание начато под личным наблюдением Министра Юстиции.

Сейчас только доставлены взятые при обыске в квартире Андреюшкина разные химические препараты, склянки с жидкостями и реторты, и взятые в квартире Генералова два больших пакета с массой для приготовления динамита, что допускает возможность изготовления снарядов и в Петербурге. <...>

Об изложенном долгом считаю всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству.

Граф Дмитрий Толстой
1 марта 1887 г.

<...> Во избежание преувеличенных толков в городе по поводу ареста на Невском проспекте трех студентов с метательными снарядами, я полагал бы необходимым напечатать в «Правительственном Вестнике» краткое сообщение об обстоятельствах, сопровождавших их задержание, и на приведение сего предположения в исполнение долгом поставляю себе всеподданнейше испрашивать Высочайшее Вашего Императорского Величества соизволение.

Граф Дмитрий Толстой
1 марта 1887 г.

Собственно Его Величества рукою написано: *«Совершенно одобряю и вообще желательно не придавать слишком большого значения этим арестам. По-моему, лучше было бы узнавать от них все, что только возможно, не предавать их суду и просто без всякого шума отправить в Шлиссельбургскую крепость. Это самое сильное и неприятное наказание».*

**Донесение Александру III министра внутренних дел
Д. Толстого от 5 марта 1887 года**

Рассмотрено Его Величеством 7 марта. Гр. Толстой.

Дальнейшим расследованием обстоятельств дела, о разрывных снарядах, задержанных 1-го сего марта, выясняется, что еще 3-го января было предложено *Генералову* принять участие в покушении на жизнь *Государя Императора* и приготовить квартиру, в которой можно устроить склад для выделки разрывных снарядов. В конце января Генералов, по поручению тех же лиц, склонил *Андреюшкина*, уже раньше принимавшего участие в приготовлении, взять на себя роль метальщика, и только в 20-х числах февраля состоялось знакомство Генералова и Андреюшкина с третьим метальщиком *Осипановым*.

По словам Генералова, упорно отказывающегося назвать имена, он имел сношение по этому делу с *тремя* лицами, которые представляли из себя так называемую «террористическую фракцию» и в действительности руководили приготовлениями к преступлению. Лица эти потому не приняли на себя роли исполнителей, говорит Генералов, что неудобно ходить по Невскому со снарядами людям, находящимся под наблюдением полиции.

Сопоставляя изложенные сведения с прочими данными, надлежит прийти к заключению, что во главе преступного предприятия стояли студенты: *Шевырев*, *Говорухин* и *Ульянов*, из которых последние двое в действительности находились под наблюдением полиции. Образ действий названных трех лиц приводит к тому же заключению: Шевырев выехал из Петербурга в половине февраля, Говорухин скрылся, оставив письмо о самоубийстве, а Ульянов, в первых числах февраля, нанялся учителем к земской акушерке Ананьевой, проживающей во 2-м Парголово. Прожив у Ананьевой два дня, Ульянов вернулся в Петербург, а между тем разные химические препараты, служащие для выделки взрывчатых веществ, направлялись на его имя во 2-е Парголово, через посредство Новорусского — жениха дочери акушерки Ананьевой.

Студент *Пилсудский*, который в г. Вильно свел прибывшего за азотной кислотой Канчера с «Антоном», показал, что «Антон» есть бывший ученик железнодорожного училища Антон *Гнатовский*. Для задержания его и расследования по г. Вильно вчера выехали туда товарищ Прокурора и Жандармский офицер.

Участие в набивке снарядов динамитом студента Лукашевича подтверждает и мещанин *Волохов*, приходивший вместе с Канчером в квартиру Ульянова.

О вышеизложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе доложить Вашему Императорскому Величеству.

Граф *Дмитрий Толстой*
5 марта 1887 г.

**Показание студента С.-Петербургского университета
Александра Ульянова от 4-го марта 1887 года**

Я признаю свою виновность в том, что, принадлежа к террористической фракции партии «Народной Воли», принимал участие в замысле лишить жизни Государя Императора. Участие мое выразилось в следующем: в феврале этого года, в точности времени определить не желаю, я приготовлял некоторые части разрывных метательных снарядов, предназначавшихся для выполнения этого замысла, а именно: часть азотной кислоты для приготовления динамита и часть белого динамита, количество которого определить отказываюсь; затем я приготовлял часть свинцовых пуль, предназначавшихся для заряжения снарядов, для чего я резал свинец и сгибал из него пули, но стрихнином пуль не начинал. Потом мне были доставлены два жестяные цилиндра для метательных снарядов, которые я набил динамитом и отравленными стрихнином пулями, также мне доставленными; перед этим я приготовил два картонных футляра для снарядов и оклеил их коленкоровыми чехлами. — В каком состоянии были в это время запалы снарядов, я не припомню. По набивке этих снарядов, я их возвратил. Собственно фактическое мое участие в выполнении замысла на жизнь Государя Императора этим и ограничивалось, но я знал, какие лица должны были совершить покушение, т. е. бросать снаряды. Но сколько лиц должны были это сделать, кто эти лица, кто доставлял ко мне и кому я возвратил снаряды, кто вместе со мной набивал снаряды динамитом, я назвать и объяснить не желаю; в приготовлении третьего снаряда я не участвовал и его у себя не хранил; мне известно, что всех снарядов было три, по крайней мере, я не слышал, чтобы было больше снарядов. Ни о каких лицах, а равно ни о называемых мне теперь Андреюшкине, Генералове, Осипанове и Лукашевиче никаких объяснений в настоящее время давать не желаю. Точно времени, назначенного для выполнения покушения, я определить не могу, а сделать это приблизительно в настоящее время отказываюсь.

С подлинным верно:
Директор Департамента *П. Дурново*

**Показание студента С.-Петербургского университета
Александра Ульянова от 20–21-го марта 1887 года**

Рассмотрено Его Величеством в Гатчине, 22-го марта 1887 года.
Ген.-лейт. *Оржевский*.

Мысль о составлении программы террористической фракции явилась вскоре вслед за решением организовать террористическую группу, т. е. приблизительно во 2-й половине декабря 1886 года. Все были

согласны с тем, что ни в одной из существующих программ не выставляется достаточно рельефно главное значение террора, как способа вынуждения у правительства уступок и не дается удовлетворительного объективно-научного объяснения террора, как столкновения правительства с интеллигенцией — неизбежного, так как оно выражает собой разлад, существующий в самой жизни и неминуемо переходящий, при известной степени обострения, в открытую борьбу. Поэтому и было решено формулировать наш взгляд на террор в особой специально-террористической программе. Были предположены также некоторые организационные изменения в постановке террористического дела, но о них я не считаю удобным говорить, как о них не говорится ничего и в программе.

Вскоре к этому присоединилась мысль составить опыт общепартийной программы, которая могла бы объединить революционные партии. Прежняя программа «Народной Воли» по недостатку научной обстановки и некоторой неопределенности своих положений не вполне удовлетворяет революционные кружки, и мы думали, что, исправляя эти ее недостатки и сделав в ней некоторые изменения, можно устранить все существенные причины разногласий и послужить делу объединения революционных сил тем вернее, что предполагавшийся террористический факт должен был вызвать оживление и подъем духа в революционной среде. Кроме того, мы думали, что наша обязанность, — приступая к такому серьезному делу, изложить перед обществом не только ближайшие мотивы нашего поступка, но и весь наш политический «credo». Под такими-то побуждениями была составлена общая часть программы, образовавшая вместе со специальною ту «Программу террористической фракции партии „Народной Воли“», которую я прилагаю при этом показании. Лично я принимал самое близкое участие в ее составлении и вполне солидарен со всеми выставленными в ней положениями и с тем объяснением, которое дается в ней террору.

В заключение я хочу более точно определить мое участие во всем настоящем деле.

Если в одном из прежних показаний я выразился, что я не был инициатором и организатором этого дела, то только потому, что в этом деле не было одного определенного инициатора и руководителя; но мне, одному из первых, принадлежит мысль образовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставления денег, подыскания людей, квартир и проч.

Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т. е. все то, которое доставляли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений.

С подлинным верно.

Директор Департамента *П. Дурново*

Я вполне сознаю, что характер и свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к вашему величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни и исполнение надо мною смертного приговора подвергнет ее жизнь самой серьезной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить ваше величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием.

Это снисхождение возвратит силы и здоровье моей матери и вернет ее семье, для которой ее жизнь так драгоценна, а меня избавит от мучительного сознания, что я буду причиной смерти моей матери и несчастья всей моей семьи.

Александр Ульянов

* Письмо не было передано царю.

ПИСЬМО К АЛЕКСАНДРУ III

Ваше Величество!

Законы моего отечества карают за свободное слово. Все, что есть честного в России, обречено видеть торжествующий произвол чиновничества, гонение на мысль, нравственное и физическое избиение молодых поколений, бесправие обижаемого и засекаемого народа — и молчать. Свобода — существенная потребность общества, и рано ли, поздно ли, но неизбежно придет час, когда мера терпения переполнится и переросшие опеку граждане заговорят громким и смелым словом совершеннолетия — и власти придется уступить. В жизни единичной личности тоже наступает минута, когда мучительный стыд быть, вынужденным молчанием своим, невольной участницей царящих неправды и зла, заставляет ее рискнуть всем, что дорого ей ради того, чтобы сказать тому, в чьих руках сила и власть, чье слово может уничтожить так много зла и позора родной страны: смотри, что ты допускаешь, что ты творишь, и ведая и не ведая.

Русские императоры обречены видеть и слышать лишь то, что видеть и слышать их допустит чиновничество, стоящее стеной между ними и русским земством, т. е. миллионами, не числящимися на государственной службе. Страшная смерть Александра II бросила зловещую тень на Ваше вступление на престол. Вас уверили, что смерть эта была следствием идей свободы, разрастись которым дали реформы лучшей поры прошлого царствования, и вам внушили меры, которыми думают отодвинуть Россию к мрачной поре Николая I. Вас пугают призраком революции. Да, революция, уничтожающая монархию, есть призрак в настоящем. После катастрофы 1 марта у самих цареубийц не было ни малейшей надежды на созыв своего учредительного собрания. Враги царские казнены, все подчиняется безмолвно монаршей власти. В силу какого же рокового недоразумения правительство вместо того, чтобы идти по пути реформ, намеченному в лучшую пору правления Александра II, уничтожает реформы эти? В одних только законах, расширяющих права граждан, уничтожающих сословные перегородки, открывающих народу широкий путь к образованию и улучшению быта его, и заключается ручательство в здоровом росте России.

Не реформы прошлого царствования создали террористов наших, а недостаточность реформ. Вас отпугивают от прогрессивной политики. Вам подсказывают политику в духе Николая I, потому что первая грозит самодержавию министров и чиновничества, которым нужны безгласность и бесправие всей земли русской; потому что вторые застраховывают самодержавие это, но только до той поры, когда земля сознает себя совершеннолетней. Власть опьяняет: для исключительных личностей, как покойный гр. Толстой, она нужна, как средство уродовать русскую жизнь на прокрустовом ложе теорий своих; для дюжинных людей власть — мелкое, унижающее наслаждение сознавать себя выше земщины¹ и самовластно распоряжаться ею; для негодяев власть — средство безнаказанно обделывать свои темные дела. Самодержавие, как огонь, дробящийся на языки все более и более мелкие по чиновничьей лестнице, спускающейся от царя до народа, дает помазание на самоуправство над стоящей под ступенями лестницы земщиной, на фактическую безнаказанность. Кары за превышение власти, за наглое грабительство, за неправду так редки, что не влияют на общий порядок. Каждый губернатор — самодержец в губернии, исправник — в уезде, становой — в стане, урядник — в волости. Прямая выгода каждого начальника — отрицать и прикрывать злоупотребления подчиненного. Узда на всех самодержавцев этих случайная. Губернатора содержит кто-нибудь из крупного дворянства, имеющего связи в министерстве, при дворе, или местный денежный туз, аферами дающий наживу, которою не брезгают и высокопоставленные особы; исправнику свяжут руки землевладельцы, дружащие с губернатором; уряднику — те из местной земщины, которые нужны исправнику или становому. У народа нет связей, отводящих громы всех юпитеров этих, его редко выручает счастливая случайность: найдутся люди честные в чиновничестве, которые не побоятся, что защита народа будет истолкована в смысле социализма, или найдутся в местной земщине люди, способные вступить за попранную правду и человечность. А если таких людей не найдется? Разве мало примеров, как высшие классы земщины в стачке с чиновничеством грабили юридически народ. Еще Александр I сказал, что честные люди в правительстве случайность и что у него такие министры, которых он не хотел бы иметь лакеями. И жизнь миллионов всегда будет в руках случайности там, где воля одного решает выбор.

Везде, где люди, есть зло; все дело в мере, в большем или меньшем просторе для разгула его. В чем у нас гарантия от произвола? Судебная власть иногда защищала обиравый и засекаемый народ, признавала преступниками тех, которые вызвали протест негодующего чувства правды и человечности, а не протестовавших. Реформы Ваши урезали в значительной доле судебную власть. Соппротивление незаконным требованиям властей, когда они в стачке с кулаками отбира-

ют у народа скот и землю, есть бунт против царя — и народ мало-помалу приучается видеть в царе санкцию самоуправства. Теперь создается еще новая власть земских начальников², власть страшнее других, потому что она не только исполнительная власть, но и частью судебная. Новые начальники отчасти заменяют мировых судей, в которых народ имел все же хоть какую-нибудь гарантию. В руки этих новых самодержцев — фактически они будут самодержцами для народа — отдано решение дел маловажных.

Знаете ли Вы, Ваше Величество, что какое-нибудь маловажное дело вроде ареста в рабочую пору за неуплату нескольких рублей, может пустить по миру безбедно жившую крестьянскую семью? Мужик не отработает вовремя за землю, снятую у кулака, за выгон, пользование лесом, кулак взыщет свое с жидовскими процентами, и мужику не выбиться из мертвой петли. То, что я говорю, не сказки «печати народных», как зовут наше слово лакеи Ваши, а сама истина. Ее подтвердит Вам каждый и не читавший ни строки печати этой, если только знает народную жизнь и не захочет солгать.

Упорно держался слух и, насколько можно судить из достоверного источника, что в проект покойного министра Толстого не входило упразднение сельских мировых судей, что мера эта была исключительно делом Вашим, когда Вам доложили, что для государственного бюджета слишком тяжел расход на содержание новой власти, — что мера эта смутила даже сторонников проекта Толстого, но возразить Вам они не посмели. Если эти слухи верны, то как же можно, Ваше Величество, не зная близко народной жизни, брать на свою совесть такую меру? Или Вы верите, что помазание на царство несет с собой и всеведение божества?

Если бы Вы видели жизнь народа не по тем казовым концам, которые Вам выставляют на глаза во время поездок Ваших по России, познакомились с русским народом не в лице одних волостных старшин и сельских старост, когда они в праздничных кафтанах подносят Вам хлеб-соль на серебряных блюдах, купленных на собранные гривны с души, у которой подчас нет и копейки на соль и для которой чистый хлеб — пряник про свят день, — то Вы бы с такою легкостью сердца не решали бы меры, делающие еще более мучительным лежащий на народе гнет. Если бы Вы могли, как сказочный царь, невидимкой пройти по городам и деревням, чтобы узнать жизнь русского народа, Вы увидели бы его труд, его нищету, увидели бы, как губернаторы ведут войско пристреливать рабочих, не подчиняющихся мошенническим штрафам и сбавке платы, когда и при прежней можно жить только впроголодь, выдерживая голодный тиф, или умирая от него; Вы увидели бы, как губернаторы ведут войско пристреливать крестьян, *бунтующих на коленях*, не сходя с облитой их потом и кровью земли, которую у них юридически грабят сильные мира. Тогда Вы поняли бы, что поря-

док, который держится миллионной армией, легионами чиновничества и сонмами шпионов, порядок, во имя которого душат каждое негодующее слово за народ и против произвола, — не порядок, а чиновничья анархия. Анархия своеобразная: чиновничий механизм действует, по-видимому, стройно, предписания, доклады и отчеты идут своим определенным ходом, а жизнь идет своим — и в обществе, и народе не воспитано и не будет воспитано никакого понятия о законности и правде. Общество и народ видят над собой один произвол и посредственно и непосредственно действующих рычагов и колес механизма.

Гласность суда урезана теперь чуть не до нуля. Преступления по должности отныне будут судимы тайно. Отнята у не состоящих на службе подданных Ваших последняя гарантия, ограждавшая их от злоупотреблений властью имеющих. <...>

Слухи ходят о личном характере Вашего Величества, что Вы не терпите ложь. Как же Вы не поймете, что тот из чиновников Ваших, кто против гласности в суде и в печати, тот находит свою выгоду во мраке и тайне. Каждый честный человек, кто бы он ни был, министр или простой смертный, который не скажет: «вот вся моя жизнь, пусть меня судит мир, грязных пятен нет на совести», — тот не может быть честным человеком. Вас убедили доводами государственной необходимости; но правительство, прибегающее к безнравственным средствам, само роет себе пропасть. Вас отпугивают от гласного суда доводами, что гласность подрывает доверие общества к правительству своими разоблачениями, что и без того общество готово верить всему дурному на счет лиц, облеченных властью. Если это так, то это доказывает одно: что горький опыт веков подорвал в обществе доверие к правительству и нравственное обаяние его — и всего этого не воскресить ничем, потому что произволу нет оправдания. Тайна свидетельствует о неверии в себя. Кто верит в себя, тот света не боится. Тайна нужна только тому, кто сознает, что держится не нравственной, но одной материальной силой. <...>

Бедное дворянство наравне с другими сословиями раздражено последними мерами министерства народного просвещения, повышающими плату за учение и открывающими доступ к образованию и, следовательно, к государственной службе только достаточным людям. И как много теряет Россия от того, что всем способностям, таящимся в массе, нет доступа к образованию. Все меры министерства народного просвещения имеют целью загасить просвещение. Студенты прикрепляются по округам и лишены права выбирать те университеты, где читают наиболее талантливые профессора. Открытие университета в Сибири пугает³. Это меры близорукой полиции, а не просвещенного правительства. Еще спартанцы выкалывали глаза рабам ради того, чтобы те, не развлекаясь, вертели жернова. Но в XIX веке, на пороге XX, сомнительно, чтобы такие меры могли долго упрочивать порядок. Известный

циркуляр министра Делянова, закрывающий гимназии для бедняков и открывающий такой широкий простор произволу и взяточничеству директоров гимназий, дал лишний козырь в руки террористов.⁴ <...>

Ученый мир Западной Европы заметил, что за последнее двадцатилетие сильно понизился в наших представителях науки не только уровень талантливости, но и добросовестного отношения к науке и человеческого достоинства. Бывают полосы урожайные, но повального неурожая во всех отраслях знания быть не может. Замеченный безотрадный факт есть прямое последствие систематического выпалывания талантливого юношества руками государственной полиции. Чем крупнее сила, тем менее она мирится с гнетом. Чем сильнее в юноше любовь к знанию, тем менее может он чтить науку, преподаваемую в полицейских целях. Американец Кеннан, предубежденный против наших революционеров, был, при близком знакомстве с ними, изумлен талантливостью и познаниями многих и мог только жалеть о стране, где гибнут такие силы.

Уцелевшая учащаяся молодежь, сохранившая желание добра, идет на государственную службу, неся гнетущее сознание, что и крупица добра, внести которую она жаждет, должна пропасть в чиновничьей анархии, что порядок, служить которому она призвана, в сущности такая анархия. Молодежь вступает в практическую жизнь без необходимой подготовки. Умение написать свою биографию по-латыни было признано ручательством способности быть напр. педагогом-воспитателем, судьей, заправителем жизни народа. Молодежь, уцелевшая, потому что не знала другого бога, кроме карьеры, будет плодить чиновничью анархию, насаждать сегодня, завтра вырывать насаждаемое по приказу начальства, вносить еще более яда разложения в язвы, разъедающие родную страну. И эта молодежь, изолгавшаяся и продажная, тоже на свой пай служит революционной пропагандой.

Неуклонно принимаемые меры для сокращения числа учащейся молодежи обусловлены тем, что у нас будто слишком много интеллигентных работников, не находящих мест, и оттого плодится интеллигентный пролетариат, элемент революционный. Ваше Величество, загляните в сравнительную статистику, которую так не любят охранители чиновничьей анархии, и Вы увидите, сколько на 1000 жителей приходится в Европе врачей, учителей, акушеров, техников всякого рода, сколько школ и больниц всякого рода там, и сколько в России. А при редком, рассеянном на громадных пространствах населении нашем, при плохом состоянии путей сообщения, нам нужен против Европы двойной и тройной процент на тысячу. Интеллигентный рабочий не находит места не потому, что рабочих много, а потому что слишком мало учреждений, нужных России, и их надо создать. Молодежь, конечно, понимает настоящую причину ограничения числа учащихся, и это может только усиливать непопулярность правительства.

Правительство одержимо боязнью допустить интеллигенцию к народу. Молодежь, которой кровь страшна и которая хочет уплатить свой долг народу самыми законными путями: или уча его грамотности, азбуке культурности и гражданственности, начаткам знаний, так нужных ему для улучшения его быта, или выступая законными защитниками его против притеснений, — эта молодежь считается опасной. Бывало много примеров, что, побившись несколько лет и видя бесплодность усилий своих перед стачкою местного чиновничества с кулаками, дворянами и не дворянами, попами-ростовщиками и шпионами, — дружною стачкою всех, кому выгодны невежество и беззащитность народа, молодежь в отчаянии уходила в революционеры. <...>

Народ наш беден. Крупный процент его живет впроголодь, и в урожайную пору крупный процент народа ест хлеб с мякиной, приберегая хлеб посытнее для рабочей поры. Избы его — вонючие сырые лачуги. Топить нечем. Под печкой приют для новорожденных телят, ягнят, домашней птицы. Более половины детей умирает в раннем возрасте от плохой пищи матери, изнуренной работой, от родимчика — следствия или слабости организма, или отравления вредным воздухом. Каждая эпидемия косит массу жертв. Иные деревни поражают малочисленностью детей — зимой прошла косой своей оспа, корь. Брошенные без призора дети, пока мать на работе, — жертва несчастных случайностей. Сифилис подьедает в корне здоровье будущих поколений. У народа почти нет больниц; число существующих ничтожно на миллионы. У безземельных батраков, число которых растет вследствие обнищания крестьян, у городских рабочих нет убежища под старость. Изжив все силы на работе, приходится умирать где придется — под забором, в придорожной канаве. <...>

Цензура наша ведет к тому, что молодежь жадно кидается не только на то, что есть верного в подпольной и заграничной печати нашей, но и на нелепости. Если гонят слово — значит, бояться правды. Ваше Величество с семейством своим едва не заплатились дорого за гонение на слово. Печать, обличавшая систему концессий, наживаться которою не брезгают и высокопоставленные лица, подвергалась преследованию. Покойный граф Толстой, по просьбе бывшего министра путей сообщения Посыета, приказал уничтожить обличительную брошюру, в которой заключались верные сведения. <...>

Правительство признает силу печатного слова, потому что субсидирует свою прессу и пропагандирует ее через исправников и станowych; если слухи верны, то за границей оно создает органы агентов-подстрекателей. Оно открывает объятия перебежчикам из оппозиционной и революционной прессы — и ошибается в расчете на силу их поддержки: слово предателя не может иметь силы слова искреннего убеждения. <...>

Опыт прежних царствований и Ваш собственный должен бы был показать Вашему Величеству, что внутренняя политика преследова-

ний не достигает цели. Раскол преследуют со времен Петра I и ранее, а он растет. Множатся рационалистические секты, потому что мысль народа, в лучших представителях его, переросла мертвую обрядность, в которой держит его духовенство. Народ ищет духа евангелия и отворачивается от буквы. <...>

Гонение — лучшее средство вытравлять в народе любовь к царю, т. е. к его идеалу царя. Она ослабела, это замечено всеми, помнящими пору Николая I. Народ еще толпами бежит встречать царя, но случается гораздо чаще, чем прежде, что полиция подсказывает ему: ура. Тогда «ура» сильнее и восторженнее рвалось из груди толпы. Масса народа верит еще, что зло не от царя, а от чиновничества. Его царь, наконец, увидит, что терпит народ, вступится за обиды народные и даст ему землю. Царь обманут, если бы он знал! — говорит народ. Но сегодня и завтра обманут, и здесь и там обманут, столетиями все обманут! Эта роль вечно обманутого подрывает обаяние царя. Не на то он был помазан, чтобы быть вечно обманутым, каким же отцом народу будет он? вот вывод, к которому самодержавие ведет народ. <...>

Вся система гонит в стан недовольных, в пропаганду революции даже тех, кому противны кровь и насилие. За неосторожное слово, за первый подпольный и часто взятый из одного любопытства листок, юноша, ребенок — государственный преступник. Бывали 15 и даже 14-летние государственные преступники, сидевшие в одиночном заключении. Правительству 100 000 000 страшны даже дети. У нас ссылают на 12 и более лет в Восточную Сибирь и даже на каторгу за то, за что в Австрии политические преступники отделяются двухнедельным арестом при полиции. В Австрии не было 1 марта. Изломанная, озлобленная молодежь уходит в красные. Мне кровь противна, с какой бы стороны ни лили ее, но когда за одну кровь дают ордена, а за другую — веревку на шею, то понятно, какая кровь имеет для молодежи обаяние героизма. <...>

Политические преступники — беззащитные жертвы произвола, доходящего до зверства. Сам граф Толстой ужаснулся бы, видя всю меру превышения власти, грабежа и насилия, обрушивающуюся безнаказанно на несчастных, когда из столицы отдан приказ о строгих мерах. В силу забеганья каждого низшего чиновника перед начальником, желания отличиться, паники быть заподозренным в сочувствии к политическим, если даст волю состраданию, каждый тюремный смотритель, этапный офицер, каждый сторож может безнаказанно грабить, зверски бить и истязать арестантов, даже женщин. Чем ниже падает камень, тем более растет сила удара, и каждая репрессивная мера, спускаясь все ниже и ниже по лестнице чиновничества, увеличивает в прогрессии свою губящую силу и падает на беззащитные жертвы. Жалобы оказываются бесплодными, и жертвы протестуют добровольной голодовкой или актом насилия, вызванным часто припадком

сумасшествия. Все меры устрашения и исправления, начиная административной ссылкой и кончая виселицей и расстреливанием, не достигают цели. Является, конечно, известный процент сломленных и оподленных ссылкой, но люди эти внесут только разложение в общество и опорой власти быть не могут. Число политических преступников будет расти с временными колебаниями, расти потому, что воображение молодежи свыкается с ссылкой, с казнями, расти потому, что в корне государственного порядка и общественного строя лежат причины, рождающие политические преступления. Правительство, охраняющее себя безнравственными средствами — административной ссылкой, сонмами шпионов, розгами, виселицей и кровью, — само учит революционеров наших принципу: «цель оправдывает средства». Там, где гибнут тысячами жертвы произвола, где народ безнаказанно грабится и засекается, там жгучее чувство жалости будет всегда поднимать мстителей.

Наконец, во имя чего, в действительности принимаются все меры стеснения и пресечения? Во имя чего задавлено слово, уничтожена гласность суда, задавлена кроха самоуправления и плодятся новые власти — во имя ли мирного развития России, улучшения быта народа, просвещения общества, или самодержавия дома Романовых, т. е. в сущности для усиления власти чиновничества, этой современной опричнины? Хотя века изменили форму, принцип тот же: с одной стороны опричнина, с другой — безгласная, всевыносящая земщина. Злоупотребления опричнины сознавали сами цари: Александр I, Николай I, Александр II бесплодно пытались искоренить их. Впрочем, всегда казнокрады подходили под манифесты, приносившие политическим преступникам очень жалкое облегчение участи. Вы сами, Ваше Величество, окажетесь бессильным в борьбе с злоупотреблениями, если и осуществится учреждение суда, имеющего судить и министров: бессилие неизбежно, потому что в основе всех царских мер лежит все то же бесправие, все та же безгласность общества.

Внутренняя политика Николая I стоила дорого России. Реформы Вашего Величества отодвигают Россию назад к этой мрачной поре. Горькие уроки крымской войны заставили Александра II в конце 50 и начале 60 гг. изменить политику. Неужели нужны еще такие же горькие уроки, чтобы вывести наружу всю гнилость государственного порядка? Спасение только в возвращении к реформам отца Вашего и дальнейшем развитии их. Свобода слова, неприкосновенность личности, свобода собраний, полная гласность суда, образование, широко открытое для всех способностей, отмена административного произвола, созвание земского собора, к которой все сословия призвали бы своих выборных — вот в чем спасение.

Мера терпения переполняется. Будущее страшно. Если до революции, ниспровергающей монархию, далеко, то очень возможны

местные пугачевщины, и вновь назначенное Вами земское начальство, которое еще лишним бременем неудобноносимым ляжет на плечи сельского мира, сделает, чтобы вызвать их более, чем могли бы то сделать революционеры наши. Народ будет привыкать к крови. Честные граждане с ужасом предвидят бедствия, которые, в более или менее отдаленном будущем, несет порядок опричнины всевластной над земщиной, — и молчат, но дети и внуки их молчать не будут.

Вы самодержный царь, ограниченный законами, которые сами издаете и отменяете, ограниченный еще более не исполняющим законы эти чиновничеством, которое вы сами назначаете. Одно слово Ваше — и в России переворот, который оставит светлый след в истории. Если Вы захотите оставить мрачный, Вы не услышите проклятий потомства, их услышат дети Ваши, и какое страшное наследство передадите Вы им!

Вы, Ваше Величество, один из могущественнейших монархов мира; я рабочая единица в сотне миллионов, участь которых вы держите в своих руках, и тем не менее я в совести своей глубоко сознаю свое нравственное право и свой долг русской сказать то, что сказала.

М. Цебрикова

[1890]

АЛЕКСАНДР III

Несомненно, что в массе представителей правящих сфер найдутся люди вполне искренние, глубоко убежденные в правильности приемов, которыми они желают укрепить пошатнувшиеся устои народной жизни. Несомненно также, что наряду с ними стоит толпа бесчестных хищников. Между этими искренними, но недалекими людьми и бесчестной, жадной кликой стоит человек, которого нельзя отнести всецело ни к той, ни к другой категории. Это царь Александр III, обреченный судьбой играть на исторической сцене роль, к которой он совершенно непригоден.

Странная, роковая ирония судьбы — посылать народам таких людей именно в такие моменты их жизни, когда сложность положения требует высшего напряжения ума и воли, к каким только может быть способен человек. Вспомним печальную и отталкивающую личность Якова II, с которым царь имеет столько общего по своей ненависти к иноверцам, склонности к романтизму и беспредельной вере в свое избрание свыше. Вспомним Людовика XVI, этот образец семейных добродетелей, идеал мирного буржуа. С ним сходство царя еще больше и может быть проведено до мелочей. Каждое столетие отмечено таким печальным героем, все несчастье которого заключается в том, что он является владыкой, а не подданным. И Александр III при всей ненависти, которую мы чувствуем к нему, как к царю, внушает нам жалость, как человек.

Что же такое он, неограниченный властелин 120 миллионов, человек с грубым, но добродушным лицом, на котором лежит постоянно отпечаток меланхолии и глубоко затаенного страха? Сколько раз нам приходилось наблюдать его, когда он едет по Невскому, развалиясь в коляске, которую почти наполняет своим грузным телом, так что его маленькая жена едва умещается с краю, — или на параде, когда громадная лошадь еле выдерживает его тяжесть; одно выражение лица останавливает ваше внимание: тупое, равнодушное и печальное. Даже когда он раскланивается с народом или отвечает на приветствия войск, это выражение остается неизменным. Что-то сонное и усталое, как будто этого гиганта только что подняли с постели, и он не успел

протереть себе глаз. Таково внешнее впечатление, которому вполне отвечает и духовный облик этого человека.

Сделавшись наследником престола лишь на 21-м году, Александр Александрович был так же мало подготовлен к обязанностям монарха, как любой из посетителей манежа. До коронации это сознание своей ограниченности было метко и полно. Себя он называл «исправным полковым командиром». В смерти старшего брата он увидел проявление особой заботливости провидения о его судьбе и, преклоняясь перед неисповедимым решением, которое так просто сделало его главою обширного государства, он без колебаний покончил со всеми сомнениями относительно путей и способов управления. Неограниченная власть, ниспосланная свыше, таково средство, которое одно только поможет ему справиться с этой неразрешенной задачей.

Царь, по сложению настоящий мясник, силен и мускулист чрезмерно. В молодости он сгибал подковы и высаживал плечом двери. Фигура его громадна и неповоротлива, движения неловки, что обуславливается отчасти его почти болезненной застенчивостью. Его манеры не поддались никакой выправке, и он совершенно лишен той непринужденности в обращении, которая является отличительной чертой светского человека. Держит он себя холодно, говорит отрывисто и так же склонен сказать грубость, как и оказать внезапную милость из дружеского расположения к собеседнику. Все силы его существа словно отхлынули от центра к периферии, для большего развития костей и мускулов, следствием чего явилось отсутствие внутреннего жара и интеллектуальности.

Нравственный облик Александра III также несложен. Добродетели его по большей части отрицательного свойства. В нем нет ни пылких страстей, ни закоренелых пороков, ни благородных увлечений. Он обыкновенно спокоен, подчас он напоминает просто буддиста. Его нельзя обвинять в жестокости, скорее в «неведении того, что творит». Но если он и не жесток, то нельзя заподозрить в нем также излишней доброты. В молодости он, по отзывам сверстников, был, что называется, «добрый малый». С годами, однако, в нем начала проявляться все сильнее и сильнее резкая грубость, переходящая по временам в беспричинную ярость, когда царь напоминает взбешенного быка. Тогда он способен издать самый жестокий приказ.

Александр Александрович готовился к военной карьере. История его юности та же, что и большинства великих князей: утомительные военные парады, лошадиный спорт, рауты и те, допускаемые фешенебельностью, проделки, которые принято называть «шалостями молодости». Юный князь не стремился прослыть за святого, но следствия темперамента иногда похожи на добродетели. Будучи от природы нрава меланхолического и холодного, он в любви не проявлял никогда страстного характера и не имел, подобно своим братьям, постоянных вкусов.

Когда профессору Соловьеву и Победоносцеву было поручено образование его старшего брата, ему позволялось по желанию принимать столько умственной пищи, сколько он может переварить. И он воспользовался этим позволением весьма широко, мало почерпнув из того, что ему предлагалось учителями. С детских дней царь питает к науке что-то вроде суеверного страха и изгнал бы ее из пределов своего царства, если бы мог. Для характеристики его взглядов на образование может служить следующая собственноручная надпись, сделанная им на докладе тобольского губернатора, в котором тот упоминает с сожалением о малом распространении грамотности среди населения губернии: «и слава Богу».

Участь всех стоящих на виду людей — получать прозвища — не минула и Александра III. С детства за ним утвердилось прозвище «мопса», весьма гармонирующее с его свирепо-добродушной физиономией. Иногда оно чередуется с другим, хотя и не столь популярным. Масивное телосложение, медленные движения, огромная сила, походка боком, закинутая назад голова и бычачье потряхивание ею, взгляд исподлобья — все это вызвало ласкательную кличку «бычка», с которой обращался к нему отец и которую народ, по восшествии на престол, переделал в «быка».

Современную историю великий князь изучал в самом либеральном издании — в некогда знаменитом «Голосе», и как это ни странно кажется теперь, Александр III придерживался в то время многих из взглядов этой газеты. Под влиянием последующих событий в нем произошла глубокая перемена, которую окончательно укрепили Победоносцев и Толстой. Синод и духовенство также ответственны в религиозной мании царя, но не следует забывать, что они только угодливо расчищают путь, на который влечет его врожденная склонность к мистицизму и ко всему чудесному.

Ежедневные привычки царя мало свойственны светскому человеку, развлечения его более подходящи узнику, чем властелину. Живет почти постоянно в Гатчине, встает он в 7 ч. утра, делает прогулку в неинтересном, строго охраняемом парке, возвращается к раннему завтраку и занимается разным ручным трудом, в виде подготовки к официальным занятиям дня. Последние состоят большею частью в чтении и подписывании огромных кип приказов, указов, законов и рапортов. На полях этих документов он пишет свои решения или впечатления с откровенностью, доходящей иногда до цинизма. Те, кто утверждает, что он решительно ничего не знает о жестоких мерах и экзекуциях, учиняемых от его имени, глубоко заблуждается. По природе, как мы сказали выше, царь не жесток, но у него сложились известные убеждения, которым он свято следует. Он, например, всей душой признает спасительный страх физической боли и отстаивает розги везде, где можно. Так что страстно защищаемое «Гражданином» мнение имеет

не только личную кн. Мещерского, но и «государственную подкладку». Как будет видно ниже, инициатива многих жестоких дел исходит от царя, который считает долгом подавлять порывы добродушия, памятуя завет Домостроя, что «аще желаеши сыну добра, сокрушай ему ребра». И он сокрушает ребра всем, кого считает враждебным началам единодержавия и православия. Думать, что стоит только довести до сведения царя о последствиях, какие имели его жестокие законы, и он их отменит — столь же наивно, как благодушно мечтать, что неграмотному крестьянину стоит лишь надеть очки, чтобы он стал читать.

Замечания, которые царь пишет на полях документов, более его характеризуют, чем его отрывочные беседы с министрами и придворными. Он записывает мысли, вызванные прочитанным, сохраняя те живописные выражения, в какие они вылились, мысли не всегда верные, а выражения не очень утонченные. Чаше других встречаются: «экое стадо свиней» или «экая скотина!» Отчеты о пожарах, неурожаях, голоде или другой какой невзгоде постоянно помечены стереотипным словом «неутешительно». Что бы ни случилось, у него нет другого ответа, и если бы в один из тех роковых моментов, когда решаются судьбы народов, невидимая рука начертала на стенах дворца «мене, текел, перес»¹ — царь прехладнокровно подписал бы: «неутешительно». Его взгляд на утешительное и неутешительное весьма оригинален, как видно из его речей, сказанных во время празднования десятилетия коронации. Свое царствование он всенародно признал «благополучным», несмотря на упадок народного хозяйства, на ряд неурожаяв и холеру и в наивности души своей обещал и впредь такое же благополучие. Право, при виде такой ничем не прикрытой ограниченности, является невольно вопрос, можно ли предъявлять какие-либо требования этому огромному, глупому ребенку?

Еще не прошло двух лет, как он написал следующий нелестный отзыв на полях документа, составленного в государственном совете: «Они думают надуть меня, но это им не удастся». Члены совета обиделись и грозили прекратить заседания, если слова эти не будут вычеркнуты. Предложили бывшему тогда председателем Михаилу доложить обстоятельства дела царю, но он не решился взять на себя столь щекотливое поручение. Тогда государ. секр. Половцев взял на себя объяснение с царем. — «Ну чего же они хотят?» — спросил тот. — «Чтобы ваше величество всемилостивейше соизволили приказать не покрывать этих слов лаком, дабы на их долю не выпала завидная участь бессмертия». — «Какой вздор, пусть их просто вычеркнут».

Завтрак подается в час и состоит из трех перемен. После него царь отдыхает в парке, гуляет или работает, разговаривает с членами своего семейства, ген. Рихтером, Черевиным и с адъютантами. В это время он читает газеты: «Гражданин» и «Московские Ведомости» (на «Новое Время», подносимое ему ежедневно на особой бумаге, он редко

удостаивает бросить взгляд), и слушает чтение конспекта новостей за последние дни, состоящего из выписок из русских и иностранных газет². Кроме этих выписок и одной иностранной газеты, из своих домашних новостей царь с удовольствием слушает разные великосветские сплетни, и ни один из приближенных не обладает в такой степени талантом приправлять их сальными анекдотами и беспощадными, циничными намеками и недомолвками, как ген. Черевин, известный всей столице, как царский шут.

После отдыха царь принимает доклады министров, обсуждает предложенные ему дела, читает указы, подписывая одни и откладывая другие. В 8 ч. подается семейный обед из 4-х блюд. После обеда царь пьет чай в частных апартаментах царицы, куда неизменно является в бумажной блузе, подпоясанный кожаным ремнем.

Царь находит огромное удовольствие в физическом труде, составляющем для него столько же необходимость, сколько и развлечение.

Все тучи, тяготеющие над домом Романовых, как будто сошлись и сгустились над Зимним дворцом, к которому царь чувствует суеверное отвращение: он никогда не ночует там. Даже в Аничковом дворце ему не по себе, так как весь порядок его жизни нарушен балами, приемами, посещением различных учреждений и другими несвойственными ему занятиями. Он никогда не обедает в городе, за исключением тех случаев, когда прием иностранных принцев или дипломатов вменяет ему это в обязанность. В половине второго он завтракает четырьмя блюдами вместо трех, а в семь часов принимает участие в холодной закуске, после чего обыкновенно бывает в театре, являющемся единственным возмещением за неприятности, которые ему приходится претерпевать в городе. Он редко упускает случай посетить один из императорских театров и ценит хорошую игру. Больше всего он любит оперу. После театра он никогда не принимает участия в закуске, которая подается прочим членам семейства, но немедленно ложится спать.

Задачу для физического труда гораздо удобнее найти в городе, нежели в деревне, и иногда царь прибегает к курьезным занятиям. Например, три года тому назад он решился принять личное участие в уборке комнат Аничкова дворца на зиму. До этого развешивать картины поручалось обойщику, которому платили по семи рублей за картину. На этот же раз царь к своему удовольствию и к удивлению домашних развесил сам. Когда работа была окончена, царь сказал с улыбкой: «вот первые деньги, которые я заработал». Если бы он узнал правду, то подивился бы, как невелик был этот заработок за вычетом всех накладных расходов, поступающих в бездонные карманы дворцового управления. Кстати, о последнем. Для иллюстрации дворцовых расходов нельзя не привести следующей записи по конюшне: «на подмазку хвостов для царских лошадей — 30 000 р.».

Несмотря на все перечисленные многотрудные занятия, у царя остается все-таки много свободного времени, которое он не знает, куда девать. Окруженный толпой беззастенчивых льстецов и тесным кругом семьи, царь не имеет друзей. Он подозрителен и недоверчив и не без основания, конечно, склонен в угодливой преданности своих избранных людей видеть скорее расчет, чем искренность. На опыте он убедился, какую цену имеют самые торжественные уверения тех из его советников, которым он доверял более всего. Так было в истории с Катковым, которого он упрекал за то, что тот «за тридцать сребреников продал его жидам». Так было с гр. Д. А. Толстым, кн. Барятинским, Вышнеградским — все они обманули его доверие, и горечь разочарования, усилив природную мнительность, прибавила к его от природы не особенно великодушному характеру черты мстительности и злопамятности. Даже его братья и другие родственники держатся в стороне, опасаясь сделать промах, какую-либо неловкостью возбудить недоверие.

Таким образом, атмосфера людской симпатии отсутствует во дворце, даже в самом интимном кружке царя. Вокруг него хуже, чем пустота, это скорее сгустившаяся до невероятной степени атмосфера взаимной подозрительности, недоверия и страха, в которой царь боится всех, и все боятся его.

Погруженный в эту атмосферу, царь падает духом и в тоске тщетно ищет утешения в родной семье. Жена его, в молодости легкомысленное, живое создание, до страсти увлекавшееся танцами, под старость впала в ханжество; старший сын — эпилептик от рождения, придя в возраст, стал до неприличия увлекаться женщинами и, по словам придворных, не дает проходу ни одной фрейлине, чем часто возбуждает гнев своего отца; старшая дочь болезненна и некрасива, и сознание своего безобразия делает ее злой, нервной и невыносимой в обращении; средний сын Георгий болен неизлечимой болезнью. Таким образом, никогда еще, по общим отзывам, не царила во дворце такая мрачная, удручающая атмосфера, как теперь.

Умственные занятия царя далеко не столь утомительны, как его физические труды. Чтение двух упомянутых выше газет и двух исторических обозрений («Русская Старина» и «Русский Архив»); он читает русские и иностранные романы. Из русских романистов он предпочитает Л. Толстого, хотя мало доверяет ему, как мыслителю. Музыка действует на царя успокоительно. Сам он играет на тромбоне с таким успехом, как любой музыкант из военного хора, и по временам устраивает квартеты во дворце, в которых принимает живое участие. Художественное его понимание не особенно развито, но он знает толк в картинах.

Царь по натуре не из храбрых, что обнаружилось еще во время русско-турецкой войны. Последующие события, в особенности смерть

его отца, еще усилили в нем природную трусость. Всем известно, как первое время по вступлении на престол он не выходил из задних комнат Гатчины, опасаясь даже караульных офицеров. Впоследствии впечатление страха несколько сгладилось, хотя и теперь никуда не выезжает без тысячи предосторожностей. Так, в Петербурге по улицам, где он проезжает, рассеяны шпионы, изображающие «народ». Если он едет вечером, закрывают проезд по этим улицам. По железной дороге он едет еще с большими предосторожностями. Для охраны линии производят настоящую мобилизацию войск, сгоняя целые корпуса, как например, во время последней поездки. Он едет совсем особенно. Пускают три поезда, совершенно одинаково составленные, идущие через четверть часа каждый, так что неизвестно, в котором из них находится «сам». Он отменил знаменитый майский парад, опасаясь такой массы войск. Он боится встречи с каждым, лично ему неизвестным человеком, и в Гатчине приняты все меры, чтобы царю не попался на глаза во время прогулки незнакомец. Он избегает всяких празднеств, официальных собраний, не только из склонности к домашней жизни, но и из страха, потому что в массе людей чувствует себя небезопасно.

Уважение к своему слову, будь то обещание, угроза или вообще мнение, составляет добродетель и в то же время недостаток царя. Вследствие ошибки, или внушения, он составляет себе убеждение, не имеющее достаточного основания, которого уже ничем нельзя поколебать — ни логикой, ни красноречием. Резкость речи кажется натуральной такому человеку, как Александр III, и он имеет неприятную манеру не стесняться в выражениях, причем искренно убежден, что говорит горькую, но несомненную правду. Горечь же эта является результатом наговоров приближенных. У него нет и тени тонкой иронии, он не понимает простой, веселой шутки и отказывается поддерживать ее. Ему доступны лишь остроты генерала Черевина, остроты такого сорта, что, по словам адъютантов царя, от них покраснели бы даже жители островов Фиджи. Царь не любит стеснять себя и не откладывает в долгий ящик выражение своего неудовольствия. Не будучи в состоянии уколоть обидчика булавкой, он, не задумываясь, пускает в ход дубину.

Как же отражается личность царя на текущей жизни? Прежде всего влияние его сказывается в выборе министров и ближайших советников. Даже его апологисты признают, что этот выбор поразителен во всех отношениях. В течение двенадцати лет своего царствования он еще ни разу не остановился на личности, репутация которой, как человека и государственного деятеля, была бы не замарана. Начиная с графа Игнатьева и до Витте включительно, все его министры были из лиц с неограниченным аппетитом. Вследствие этого никогда еще не было такой продажности в среде русской администрации, как теперь.

Царь словно задался целью сгруппировать около себя все, что есть худшего в России. Объясняется это его неумением понимать людей и предвзятыми взглядами, которыми он руководствуется при назначении. Для него не существует просто людей, а «жида» и «не жида», «либералы», «нигилисты», «добрые патриоты», «православные», «иноверцы». Он до крайности нетерпим, и инициативы всех религиозных гонений исходят от него. Год тому назад на пост директора одного департамента в министерстве юстиции был назначен Х., человек семитического происхождения. Он должен был представляться царю, но его выдающийся нос и другие еврейские черты вызвали такое резкое отношение к нему царя, что несчастный чиновник совершенно растерялся. Вскоре затем царь, обращаясь к министру, заметил: «Этот Х. — паршивый жид!» — «С позволения вашего величества, он православный христианин». — «По народности он жид, и, следовательно, это все равно, а я строго воздерживаюсь назначать жидов на подобные посты», возразил царь резко и таким тоном, который дал понять министру, что он сделал сильный промах этим назначением. Царь так же нетерпим к штундистам и католикам. В армии, как известно, служило и служит много офицеров католиков, которых царь не терпит и всячески утесняет. По его распоряжению, они могут быть только подчиненными, но не командирами отдельных частей. Если, что случается редко, по выслуге чинов и особой милости непосредственного начальства, офицер католик определяется на пост такого начальника, то стараются, чтобы царь этого не знал. Закрытие костелов в Польше и варварское приведение униатов в лоно православия исходит непосредственно от царя, который видит свою миссию в истреблении всех неправославных. Нет такой меры против штундистов, которой бы он не одобрил, и нынешний московский митрополит Леонтий пользуется его особым благоволением за ту свирепость, с которой он преследовал штундистов, будучи одесским архиереем.

Жестокие гонения против евреев и прочих иноверцев возбуждают упреки даже в среде наиболее близких царю лиц. Его пробовали уговорить, убеждали и доказывали, что следует быть мягче и терпимее, почти все министры. Но всякое противодействие вызывает в царе жестокий гнев и неудовольствие. Датская королева пыталась неоднократно повлиять на него, но и ее усилия были тщетны. Однажды, когда она и ее муж употребляли все свое красноречие, чтобы убедить его, царь ответил: «Я, природный русский, в высшей степени трудной нахожу задачу управлять моим народом из Гатчины, которая, как вам известно, находится в России, а вы, иностранцы, воображаете, что можете успешно управлять из Копенгагена».

Ненависть царя к евреям, кроме убеждения, что все неправославное подлежит геенне огненной, имеет еще специфическую причину. Его убедили, что ряды русских революционеров пополнялись и попол-

няются преимущественно евреями, что самая идея революции внушена русскому обществу евреями. Вот почему он так беспощаден к ним. Рабская толпа сановников с Победоносцевым во главе эксплуатирует эту ненависть в своих целях и еще более раздувает ее.

В правлении царь стремится всегда быть единодержавным и ограничивает деятельность министров. Он прежде всего самодержец, его власть от Бога, — он верит в это и считает себя непогрешимым. Этот тупой и ограниченный ум, раз уверовав в божественное начало, руководящее им во всех его действиях, огражден непроницаемым щитом от всякого посягательства логики. Каждое его действие есть проявление божества, каждое противодействие его воле —слушание божества, грех, которому нет прощения. Эта вера в свою божественность и непогрешимость доходит в царе до смешного. Вскоре после вступления на престол он повелел министру финансов Бунге редактировать указ, чтобы отныне бумажный рубль был равноценен золотому. Бунге возразил, что это невозможно. «Невозможно, но я требую этого и готов нести все последствия указа», — ответил царь. Бунге пустился в объяснения, пересыпанные техническими терминами, взбесившими царя до того, что он воскликнул: «Пошлите мне человека, который говорил бы по-русски!». В другой раз, когда мера, предложенная царем, вызвала замечание министра финансов, что она понизит курс рубля, царь ответил: «Я не биржевой маклер, меркантильные соображения мне безразличны!». В тысяче случаев проявляется в царе эта мания самодержавия. В 88 г. он ехал из Батума на паровом судне, под командою капитана Радкова, которого он расспрашивал о состоянии судна. «А теперь я желаю быть на месте во столько-то часов, — заявил царь тоном, не допускающим возражения, — переведите это на пары». — «Если бы судно было послушно так же, как я в-у в-ву, — ответил капитан, — то не было бы никакого затруднения, но дело в том, что котлы...» На этом месте царь круто повернулся на каблуках.

Его самодержавность сказывается в том презрении, с каким он относился к государственному совету, потерявшему теперь даже тень значения. Она сказывается также в презрении царя к так наз. самоуправлению, к суду присяжных, словом, ко всему, что является, хотя бы и слабым, ограничением единовластия. Вот почему царь ненавидит иностранную политику. Хотя и смутно, но он сознает, что его божественные веления, непререкаемые для России, встречают критику и неповиновение за ее пределами. Франко-русский союз, о котором столько кричат французские и русские шовинисты, — большое место царя. Он, самодержец «милостию Божиею», вынужден протянуть руку народу, изгнавшему у себя это «милостию Божиею!» Только жестокая необходимость могла заставить его допустить этот союз, и при первом удобном случае он порвет его. Царь допустил союз с Францией под давлением непреодолимого страха войны. Он боится ее, как человек

по природе трусливый и как человек нерешительный, зная по опыту, как возможны на войне всякие случайности. Кроме того, он недоверчив и подозрительно относится к своим генералам. Самых опытных и талантливых он держит в отдалении и доверяет Ванновскому, убедившись в его ограниченности. Ничем нельзя напугать так царя, как бомбой, при одном воспоминании о которой он впадает в изнеможение, и военным заговором. Последнего он, пожалуй, боится больше, чем первой, и сторонится от гвардии.

Нельзя, однако, быть уверенным, что он не начнет войны. Божественные «гласы» и «видения» могут его подвинуть в момент самый подходящий, и он обнажит меч по мотивам менее всего вероятным. Трудность постичь мотивы действий царя и делает его страшным и неизвестным для его врагов на международной политической арене, но и друзья относятся к нему недоверчиво и с опасением.

В заключение не можем не привести анекдота, очень популярного в Петербурге, рисующего отношение к царю петербургских обывателей. На посту возле Аничкова дворца стоит городской. Мимо проходит двое интеллигентных по виду господ. Один, продолжая начатый разговор, замечает другому: «Уверяю тебя, что это так. Ты знаешь, что он трус и глуп...» — «Позвольте, господин! — вмешивается городской. — Пожалуйста в участок». — «В участок? Да ты с ума сошел, что ли?» — удивляется прохожий. — «Знаем мы, знаем, кто это трус и глуп... Пожалуйста в участок, там разберут!»

Таков этот царь, пугало для западной Европы, где политическая карикатура иначе не изображает его, как в образе медведя с короной на голове, — человек, не внушающий ни любви, ни уважения, тупой и ограниченный ум, которому, по злой иронии судьбы, вверена участь громадного государства.

ВОСПОМИНАНИЯ

Когда император Александр III вступил на престол, то некоторое время спустя он приехал в Киев с женой и двумя сыновьями: Николаем, нынешним императором, и Георгием — вторым сыном, который потом, уже будучи совершеннолетним, умер от чахотки в Абастумане. Оба они тогда были еще, можно сказать, детьми.

Поезд этот, пришедший в Киев по Юго-Западной железной дороге, сопровождал управляющий дорогами, которым в то время был Андреевский (я в то время был начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог).

Государь пробыл в Киеве несколько дней. На обратном пути, не помню почему, Андреевский не мог сопровождать поезд, и я заменил его; с государем приезжали и братья его: Владимир Александрович и Алексей Александрович. Помню, как теперь, что при отходе поезда все мы собрались на вокзале в царских комнатах. Сначала приехали великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович, а затем, через несколько минут, император с императрицей и детьми. <...> Оба мальчика страшно шалили; там было много публики, в парадной форме провожающей государя, и они все время бегали между ногами публики. Вдруг Владимир Александрович хватает за уши наследника Николая и сильно его дерет, говоря: «Я тебе говорю — перестань шалить». Тогда я сказал кому-то, стоявшему около меня, что вот теперь Владимир Александрович дерет его за уши, а пройдет несколько десятков лет, как бы он ему этого не припомнил.

К сожалению, то, о чем я говорил, случилось гораздо раньше, чем я предвещал, так как император Александр III умер после 13 лет царствования, и совершенно неожиданно на престол вступил молодой человек, который совсем не был подготовлен к роли императора. Это и был тот самый мальчик, которого Владимир Александрович не далее как около одиннадцати лет перед тем драл при всех за уши в царских комнатах киевского вокзала. <...>

После поездки императора Александра III в Киев <...> государь через несколько лет ездил на маневры на одну из станций Юго-Западных дорог, лежащую между Брестом и Белостоком.

Я хочу теперь рассказать относительно этой поездки государя. <...>

Когда совершилась эта вторая поездка, я уже был управляющим Юго-Западными железными дорогами. Император проехал прямо на станцию, лежащую к северу от Бреста и находящуюся невдалеке от него. Там он остановился в замке одного помещика-поляка около станции.

В это же время приезжал и великий князь Николай Николаевич-старший, который сделан был фельдмаршалом и которого император Александр III не особенно любил, потому что, не говоря уже о том, что они расходились во взглядах на военную службу, но даже и в личных характерах между ними было большое несходство. Император Александр III был очень простой, скромный и тихий человек, с очень мягкими манерами, а великий князь фельдмаршал Николай Николаевич был человек шумливый. Так, например, я помню, что когда вслед за императором великий князь Николай Николаевич приехал на станцию, то первым делом, выйдя из вагона, он крючком своей палки захватил за шею одного инженера, барона Таубе, и чуть-чуть не свалил его с ног. Вот такие манеры, такие, можно сказать, *экспромты*, которыми отличался великий князь Николай Николаевич, совсем не подходили к спокойному, тихому и очень скромному характеру императора Александра III.

Вот на этой станции (о которой я упоминал выше), или вернее полустанции, так как на ней, кроме комнат для служащих, были всего две маленькие комнаты и не было даже буфета, государь пробыл несколько дней.

Как только на эту станцию приехал император, утром ко мне пришел генерал-адъютант Черевин, состоявший начальником охраны государя, и спросил меня: сколько времени потребуется, чтобы доставить из Петербурга до этой станции мундир государя, так как император Вильгельм (старик)¹, узнав о маневрах и о том, что государь будет в Бресте, пожелал его приветствовать и поэтому посылает к нему своего внука — Вильгельма. Государь же хочет поехать в Брест, чтобы там встретить молодого Вильгельма и таким образом избавиться от присутствия его на маневрах, которые уже почти кончились. Для того чтобы встретить Вильгельма в Бресте, государю нужен был его прусский мундир. Я ответил Черевину, что мундир можно доставить (помнится, я сказал) в 48 часов в том случае, если мундир этот будет послан экстренно на паровозе, т. е. чтобы из Петербурга был отправлен паровоз, который, пробежав известное расстояние, заменялся бы другим; при таких условиях фельдъегерь, который повезет мундир, может его доставить через 48 часов. Генерал-адъютант Черевин на это согласился и сделал все надлежащие распоряжения. И действительно, мундир пришел вовремя, помню, на рассвете, а утром этого же дня маневры были окончены, и государь экстренным поездом выехал вместе с императрицей (детей, кажется, с ними тогда не было) на станцию Брест.

Я, конечно, все время сопровождал поезд, и у меня в память врезалось следующее маленькое, как кажется, но очень характерное обстоятельство.

Когда мы подъехали к станции Брест, то не успел государь выйти, как с другой стороны, по направлению из Варшавы, подходил поезд, в котором ехал молодой Вильгельм. Император Александр III вышел на платформу, он был в прусском мундире и в своей русской шинели; тут же стоял почетный караул. Когда поезд принца Вильгельма подходил к платформе, где стоял император, то Александр III снял шинель и отдал ее своему лейб-казаку, все время находившемуся недалеко от государя.

Государь встретил молодого Вильгельма, а затем прошелся с ним около почетного караула, и когда эта церемония была окончена, то император обернулся и громко закричал своему казаку, который в это время несколько отдалился: «Дай шинель!» Тогда Вильгельм, понимавший несколько слов по-русски, сразу бегом направился к казаку, схватил шинель, сейчас же притащил ее императору и надел ее ему на плечи.

Я тогда политикой совсем не занимался, но, видя это, подумал: и боится же Вильгельм императора Александра III. И действительно, когда Вильгельм сделался императором <...> то страх, который внушал к себе император Александр III принцу Вильгельму, остался, по-видимому, и у императора Вильгельма.

Я помню, впоследствии мне пришлось слышать от самого императора Вильгельма, что личность Александра III производила на него сильное впечатление. Он говорил мне: «Вот это, действительно, был самодержавный император».

И действительно, фигура императора Александра III была очень импозантна: он не был красив, по манерам был скорее более или менее медвежатый; был очень большого роста, причем при всей своей комплекции он не был особенно силен или мускулист, а скорее был несколько толст и жирен, но тем не менее, если бы Александр III явился в толпу, где бы совсем не знали, что он император, все бы обратили внимание на эту фигуру. Он производил впечатление своей импозантностью, спокойствием своих манер и, с одной стороны, крайней твердостью, а с другой стороны, благодушием в лице.

Я имел счастье быть близким к двум императорам: к императору Александру III и к ныне царствующему императору Николаю II; обоих я знал очень хорошо.

Император Александр III был, несомненно, обыкновенного ума и совершенно обыкновенных способностей, и в этом отношении император Николай II стоит гораздо выше своего отца как по уму и способностям, так и по образованию. Как известно, Александр III совсем не готовился быть императором. Старший брат его, Николай Александрович, который уже совсем взрослым умер от чахотки в Ницце,

сосредоточивал на себе внимание отца, императора Александра II, и матери, императрицы Марии Александровны; что же касается будущего императора Александра III, то, можно сказать, он был несколько в загоне: ни на его образование, ни на его воспитание особого внимания не обращали, так как все внимание, как я сказал, и отца, и матери, и всех окружающих было сосредоточено на наследнике Николае. <...>

И один, быть может, Николай Александрович в то время ценил и понимал своего брата, будущего императора Александра III. Из достоверных источников известно, что, когда цесаревич Николай был безнадежно болен (о чем он сам знал), то на восклицание одного из приближенных к нему: «Что будет, если что-нибудь с вами случится? Кто будет править Россией? Ведь ваш брат Александр к этому совсем не подготовлен!» — он сказал: «Вы моего брата, Александра, не знаете: у него сердце и характер вполне заменяют и даже выше всех других способностей, которые человеку могут быть привиты».

И действительно, император Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности — походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти; и тем не менее он своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость, несомненно, импонировал, и, как я говорил выше, если бы не знали, что он император, и он бы вошел в комнату в каком угодно костюме, — несомненно, все бы обратили на него внимание. Поэтому меня не удивляет то замечание, которое я, помню, сам слышал от императора Вильгельма II, а именно что он завидует царственности, самодержавной царственности, которая проявлялась в фигуре Александра III. <...>

Вообще и Вильгельм также не подходил к характеру императора Александра III. Вильгельм по своим манерам, по всем своим выходкам, так сказать, ферт; он являлся полной противоположностью по характеру Александру III, который был крайне неподвижен и вахлак. Как Вильгельм, так и великий князь Николай Николаевич-старший по манерам своим были настоящими гвардейскими офицерами, фертами; в особенности это можно сказать про Вильгельма, который был типичнейшим прусским гвардейским офицером с закрученными усами, со всеми вывертами при ходьбе, со всей этой деланной эlegantностью, тогда как император Александр III в противоположность ему в манерах своих, в одеянии своем (и в костюме) был в высшей степени простым.

Когда мне приходилось сопровождать поезд императора Александра III, то, конечно, я ни днем, ни ночью не спал; и постоянно мне приходилось видеть, что когда все уже лягут спать, то камердинер императора Александра III Котов постоянно штопал его штаны, потому что

они у него рвались. Как-то раз, проходя мимо камердинера (который до настоящего времени жив и теперь состоит камердинером у императора Николая II) и видя, что он все штопает штаны, говорю ему:

— Скажите, пожалуйста, что вы все штопаете штаны? Неужели вы не можете взять с собою несколько пар панталон, чтобы в случае, если окажется в штанах дырка, дать государю новые штаны?

А он говорит:

— Попробуйте-ка дать, как раз он и наденет. Если он наденет какие-нибудь штаны или сюртук, то кончено: пока весь по всем швам не разорвется, он ни за что не скинет. Это для него самая большая неприятность, если заставить его надеть что-нибудь новое. Точно так же и сапоги: подайте, — говорит, — ему лакированные сапоги — так он вам эти сапоги за окно выбросит.

Третий раз я сопровождал императорский поезд уже в конце восьмидесятых годов, в год крушения императорского поезда в Борках, около Харькова. Крушение это было в октябре месяце при возвращении государя из Ялты в Петербург. Раньше же, в августе или июле месяце, государь, едучи в Ялту, совершил следующее путешествие: он проехал экстренным поездом из Петербурга через Вильно в Ровно (тогда Вильно-Ровенская железная дорога была еще только что открыта); со станции Ровно он уже поехал по Юго-Западным железным дорогам; там я его встретил, а затем император из Ровно (где поезд не останавливался) поехал через Фастов в Елизаветград. Там государь делал маневры войскам; после этих маневров государь из Елизаветграда вернулся в Фастов по Юго-Западным железным дорогам и по дороге, мною управляемой, проехал из Фастова до Ковеля в Варшаву и Скерневицы (в один из императорских дворцов). Пробыв в Скерневицах несколько недель, император проехал из Скерневиц опять-таки через Ковель и Фастов в Крым или на Кавказ (не помню). Затем месяца через два вернулся в Петербург. И вот при обратном возвращении в Борках и произошел этот ужасный случай с императорским поездом.

Таким образом, в этот год в течение лета и осени государь проехал 3 раза по Юго-Западным железным дорогам. <...>

Так вот, когда императорский поезд пришел в Ровно, я, встретив его, должен был вести этот поезд далее².

Расписание императорских поездов составлялось обыкновенно министерством путей сообщения без всякого спроса и участия управляющих дорогами. Я своевременно получил расписание, по которому поезд из Ровно до Фастова должен был идти такое-то количество часов, причем в такое количество часов это расстояние мог пройти только поезд легкий, пассажирский; между тем в Ровно вдруг явился громаднейший императорский поезд, составленный из массы тяжелейших вагонов. О том, что поезд пойдет такого состава, меня предупредили телеграммой только за несколько часов до прихода этого поезда

в Ровно. Так как такой поезд, и притом с такой скоростью, какая была назначена, не только не мог везти один пассажирский, но даже и два пассажирских паровоза, то нужно было приготовить два товарных паровоза и везти его двумя товарными паровозами, т. е., как говорится, в двойной траксе, потому что тяжесть его была больше, нежели тяжесть обыкновенного товарного поезда, между тем как скорость была назначена такая, с какой идут пассажирские поезда. Поэтому для меня совершенно было ясно, что каждый момент может случиться какое-нибудь несчастье, потому что если товарные паровозы идут с такой скоростью, то они совершенно расшатывают путь, и если в каком-нибудь месте путь не вполне, не безусловно крепок — что всегда на всяком пути может и должно случиться, так как нигде, ни на каких дорогах путь не предназначается для подобного движения, то паровозы эти могут вывернуть рельсы, вследствие чего поезд может потерпеть крушение. Поэтому я все время, всю ночь ехал как в лихорадке, между тем как все спали, в том числе и министр путей сообщения (адмирал Посьет), у которого был собственный вагон; с ним ехал главный инспектор железных дорог инженер барон Шерваль. Я вошел в вагон министра путей сообщения и все время в нем ехал; вагон этот находился совершенно сзади, даже не имел прямого сообщения с другими вагонами, так что оттуда, из этого вагона, даже нельзя было дать какой-нибудь сигнал машинистам. Ехал я, повторяю, все время в лихорадке, ожидая, что в каждый момент может случиться несчастье.

И вот, когда мы подъехали к Фастову, то я, переводя поезд на другую дорогу, не успел ничего передать ни министру путей сообщения, ни барону Шервалю, потому что они только что проснулись. Вследствие этого, когда я вернулся из Фастова в Киев, я тотчас же написал рапорт министру путей сообщения, в котором объяснил, каким образом совершалось движение по дороге; что я не имел мужества остановить поезд, так как не хотел произвести скандала, но что я считаю такое движение немыслимым, невозможным. Я представил расчеты, из которых было ясно, что при наших русских путях — со сравнительно легкими рельсами (у нас в то время рельсы были обыкновенно от 22 до 24 фунт. в погонном футе, а за границей в то время были от 28—30 и более фунт. в погонном футе), при наших деревянных шпалах (за границей — металлические шпалы), при нашем балласте (у нас балласт песочный, тогда как за границей почти везде балласт из щебенки) — путь, естественно, является неустойчивым. Быстрое движение при двух товарных паровозах с таким тяжелым поездом так расшатывает путь, что поезд может вышибить рельсы, вследствие чего может произойти крушение. Я писал в рапорте, что принимать на себя ответственность за движение императорского поезда при таких условиях я более не намерен и поэтому прошу при обратном движении поезда, когда государь будет возвращаться из Елизаветграда через Юго-

Западные железные дороги, от Фастова до Ковеля увеличить число часов езды на Юго-Западной дороге (кажется, я требовал увеличить время на три часа). Я требовал, чтобы расписание изменили, а в противном случае, писал я, вести императорский поезд я не буду.

На это я получил следующий ответ телеграммой: ввиду моего такого категорического заявления министр путей сообщения приказал переделать расписание и увеличить время хода поезда на три часа.

Вот наступил день, когда император должен был ехать обратно. Поезд приехал (в Фастов) ранним утром; все еще спали, но вскоре проснулись.

Когда я входил на станцию, то заметил, что все на меня косятся: министр путей сообщения косится, и граф Воронцов-Дашков, ехавший в этом поезде, который был так близок с моими родными и знал меня с детства, также делает вид, как будто бы меня совсем не знает.

Наконец подходит ко мне генерал-адъютант Черевин и говорит: государь император приказал передать вам, что он очень недоволен ездой по Юго-Западным железным дорогам. Не успел сказать мне это Черевин, как вышел сам император, который слышал, как мне Черевин это передает. Тогда я старался объяснить Черевину то, что уже объяснял министру путей сообщения. В это время государь обращается ко мне и говорит:

— Да что вы говорите. Я на других дорогах езжу, и никто мне не уменьшает скорость, а на вашей дороге нельзя ехать просто потому, что ваша дорога жидовская.

(Это намек на то, что председателем правления был еврей Блюх.)

Конечно, на эти слова я императору ничего не ответил, смолчал. Затем сейчас же по этому предмету вступил со мною в разговор министр путей сообщения, который проводил ту же самую мысль, как император Александр III. Конечно, он не говорил, что дорога жидовская, а просто заявил, что эта дорога находится не в порядке, вследствие чего ехать скоро нельзя. И в доказательство правильности своего мнения сказал:

— А на других дорогах ездим же мы с такой скоростью, и никто никогда не осмелился требовать, чтобы государя везли с меньшей скоростью.

Тогда я не выдержал и сказал министру путей сообщения:

— Знаете, ваше высокопревосходительство, пускай делают другие как хотят, а я государю голову ломать не хочу, потому что кончится это тем, что вы таким образом государю голову сломаете.

Император Александр III слышал это мое замечание, конечно, был очень недоволен моей дерзостью, но ничего не сказал, потому что он был благодушный, спокойный и благородный человек.

На обратном пути из Скерневиц в Ялту, когда государь опять проехал по нашей дороге, то поезду уже дали ту скорость и прибавили то

количество часов, которые я требовал. Я опять поместился в вагоне министра путей сообщения, причем заметил, что с того времени, как я последний раз видел этот вагон, он значительно наклонился на левую сторону. Я посмотрел, отчего это происходит. Оказалось, что произошло это потому, что у министра путей сообщения адмирала Посыета была страсть к различным, можно сказать, железнодорожным игрушкам: так, например, к печам различного отопления и к различным инструментам для измерения скоростей; все это ставилось и прикреплялось на левую сторону вагона. Таким образом тяжесть левой стороны вагона значительно увеличилась, а потому вагон накренился на левую сторону.

На первой же станции я остановил поезд; вагон осмотрели специалисты по вагоностроению, которые нашли, что следить за вагоном надо, но что никакой опасности нет и следует продолжать движение. Все спали. Я поехал далее. Так как при каждом вагоне находится, так сказать, формулярный список данного вагона, в который записываются все неисправности его, то я в этом вагоне и написал, что предупреждаю: вагон наклонился на левую сторону, и произошло это потому, что все инструменты и пр. прикрепляются на левую сторону; что я не остановил поезда, так как поезд был осмотрен специалистами, которые пришли к заключению, что он может пройти те 600—700 верст, которые ему осталось сделать по моей дороге. Затем я написал, что если вагон будет в хвосте, в конце поезда, то я думаю, что он может пройти благополучно до места назначения, но что там необходимо его еще раз тщательно осмотреть, все аппараты снять, лучше всего их совсем выбросить или перенести на другую сторону. Во всяком случае вагон этот не следует ставить во главе поезда, а поместить его в хвосте.

Затем я перекрестился и был рад, что избавился от этих царских поездок, потому что всегда с ними были связаны большие волнения, хлопоты и опасения.

Прошло месяца два. Тогда я жил в Липках против дома генерал-губернатора. В одной из комнат был телеграфный аппарат, и так как приходилось давать телеграммы целыми днями, то днем и ночью дежурили телеграфисты.

Вдруг однажды ночью стучит ко мне в дверь камердинер. Я проснулся. Говорят: есть срочная телеграмма. Читаю: срочная телеграмма за подписью барона Шерваля, в которой барон телеграфирует, что императорский поезд, едучи из Ялты, повернул на станцию Синельниково по Екатерининской дороге, а оттуда пойдет на станцию Фастов. Из Фастова император поедет далее по Юго-Западной дороге или через Киев, или опять через Брест, но вернее через Киев. Тогда я приказал приготовить себе экстренный поезд, чтобы поехать навстречу в Фастов, и ждал, чтобы мне дали расписание, когда ехать.

Но ранее нежели я выехал из Киева, я получил вторую телеграмму о том, что государь по Юго-Западной дороге не поедет, что, доехав

до Харьковско-Николаевской дороги, повернул на Харьков и дальше поедет так, как предполагалось: на Курск и Москву.

Получив эту телеграмму, я все время думал: что там такое случилось? Затем явились смутные слухи, что императорский поезд потерпел крушение и поэтому изменился маршрут. Я представил себе, что, по всей вероятности, случилось что-нибудь пустячное, так как поезд продолжал идти далее.

Не прошло и нескольких часов, как я получил телеграмму из Харькова за подписью барона Шерваля, в которой он мне телеграфировал, что министр путей сообщения предлагает мне сейчас приехать в Харьков, для того чтобы быть экспертом по вопросу о причинах крушения императорского поезда.

Я отправился в Харьков. Приехав туда, я застал барона Шерваля лежащим в постели на харьковском вокзале, так как у него была сломана рука; у курьера его также были переломаны рука и нога (этот самый курьер впоследствии, когда я был министром путей сообщения, был и моим курьером).

Приехал я на место крушения поезда. Кроме меня экспертами там были местные инженеры путей сообщения и затем директор Технологического института Кирпичев, который жив донине. Главную роль, конечно, играли я и Кирпичев. Кирпичев пользовался и пользуется большим авторитетом как инженер-технолог и как профессор механики и вообще железнодорожного строительства, хотя он в полном смысле слова теоретик и никогда на железных дорогах не служил. В экспертизе мы с ним разошлись.

Оказалось, что императорский поезд ехал из Ялты в Москву, причем дали такую большую скорость, которую требовали и на Юго-Западных железных дорогах. Ни у кого из управляющих дорогами не доставало твердости сказать, что это невозможно. Ехали так же двумя паровозами, причем в вагоне министра путей сообщения, хотя и несколько облегченном снятием некоторых аппаратов с левой стороны, никакого серьезного ремонта во время стоянки поезда в Севастополе сделано не было; кроме того, его поставили во главе поезда, первым от паровоза. Таким образом, поезд шел с несоответствующей скоростью, двумя товарными паровозами да еще с не вполне исправным вагоном министра путей сообщения. Произошло то, что я предсказал: поезд вследствие качания товарного паровоза от большой скорости, несвойственной для товарного паровоза, выбил рельс. Товарные паровозы конструируются без расчета на большую скорость, и поэтому, когда товарный паровоз идет с не соответствующей ему скоростью, он качается.

Весь поезд упал под насыпь, и несколько человек было искалечено. Во время крушения государь со своей семьей находился в столовом вагоне; вся крыша столового вагона упала на императора, и он только благодаря своей гигантской силе удержал эту крышу на своей

спине и она никого не задавила. Затем со свойственным ему спокойствием и незлобивостью государь вышел из вагона, всех успокоил, раненым оказал помощь, и только благодаря его спокойствию, твердости и незлобivosti вся эта катастрофа не сопровождалась какими-нибудь драматическими приключениями. Так вот, как эксперт я дал такое заключение, что поезд потерпел крушение от указанных мною причин. Кирпичев же говорил, что катастрофа эта произошла оттого, что шпалы были несколько гнилые. Я осматривал шпалы и пришел к заключению, что Кирпичев не знает железнодорожной практики. На всех русских дорогах в деревянных шпалах, прослуживших несколько месяцев, верхний слой всегда несколько гнилой, иначе и быть не может, потому что во всяком дереве, если оно постоянно не окрашивается или не засмолено, всегда верхняя часть (так называемая заболонь дерева) имеет несколько гнилой слой; но сердцевина, в чем держатся костыли, которыми прикрепляются рельсы к шпале, эти части шпал были совершенно целы. <...>

Я получил от Вышнеградского письмо, в котором он мне говорил, что отказаться от этого места мне невозможно, так как этого желает император Александр III, который сказал ему, Вышнеградскому, что он желал бы, чтоб на место директора департамента был назначен управляющий Юго-Западными железными дорогами Витте, так как он меня прочит на дальнейшую службу. При этом император Александр III сказал: «Это тот Витте, который такой резкий, когда я ехал по Юго-Западным дорогам, то он в моем присутствии сказал очень большую в отношении меня дерзость, а именно, что он не хочет слушать министра путей сообщения, так как не желает мне ломать голову. Я сделал вид, <...> как будто бы этой фразы, в высокой степени дерзкой, не заметил. Но так как Витте оказался прав, то я имею на него большие виды».

Тогда я написал Вышнеградскому: «Вы, пожалуйста, доложите государю, — если государь прикажет, я, конечно, это сделаю, — но чтобы он имел в виду, что я никаких средств не имею. Жалованье директора департамента 8–10 тысяч, а я в настоящее время получаю более 50 тыс. Конечно, я совсем не претендую на такое содержание <...>». На это я получил ответ, что государь приказал, чтобы я 8 тысяч получал по штату, а 8 тысяч государь будет платить из своего кошелька, так что мне было назначено 16 тысяч. <...>

Я должен сказать, что единственный человек, при котором я ни в своих действиях, ни в своих выражениях никогда не стеснялся, говорил все, что думал, со свойственной моему характеру резкостью и неделикатностью, <...> был император Александр III. И никогда от него по этому поводу я не только не получил никакого замечания, но даже никогда не заметил ни в его фигуре, ни в выражении его лица, чтобы это было ему неприятно. <...>

Как только я приехал в Петербург и занял место директора департамента железнодорожных дел, то по принятому порядку я должен был явиться к государю.

Тогда я был действительным статским советником, но никаких орденов не имел, так как, собственно, фактически я никогда не служил на казенной службе. Сначала я числился чиновником особых поручений при одесском генерал-губернаторе, но это было место нештатное, без всякой работы и без всякого содержания. Когда у меня крайне обострились отношения с министерством путей сообщения, я был вынужден выйти в отставку. Я был начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог и управляющим Юго-Западными дорогами, находясь уже в отставке.

И вот я помню, когда я первый раз представлялся государю по случаю назначения меня директором департамента, то, конечно, я представился ему в общий прием, потому что лиц, которые занимали такое маленькое положение, как я, государь не принимал отдельно, а принимал их в общий прием.

Государь жил в Гатчине; был назначен определенный час, когда отходил в Гатчину поезд. Туда я ехал с другими представляющимися, которых было человек 10; в числе представляющихся был один полковник. По приезде в Гатчину по принятому в то время порядку всех приезжающих повезли в гатчинский дворец; там нам отвели несколько комнат, в которых мы и привели себя в порядок. Затем нас всех повели через весь дворец, с правого крыла на левое, где жил государь, в приемную комнату. Причем так как император Александр III ужасно любил жить скромно, то он не жил в верхнем этаже (который был лучшим), а занимал средний этаж — в сущности не целый этаж, а пол-этажа. Дворец так устроен: нижний этаж — сравнительно очень хороший, средний — совсем низкий, с маленькими комнатами и верхний этаж — собственно говоря, роскошный; в нем находятся: приемная зала, бальная и концертная.

Так вот, император Александр III занимал этот средний этаж с низкими небольшими комнатами, которые напоминают собою антресоли. Там была большая зала, в которой государь принимал. Нас всех заперли в зале; вышел император один, по обыкновению очень скромно одетый, конечно, в военной форме, но форма эта была уже более или менее поношенная. Он своей тяжелой поступью, потому что он был человек очень полный и большого роста, но тем не менее величественной поступью последовательно подходил к каждому по порядку. Сначала он прошел мимо всех военных и когда дошел до того полковника, о котором я упоминал, то, сказав с этим полковником несколько слов, проговорил: «Подождите, не уходите, я с вами хочу еще поговорить». Затем император подошел к каждому из нас и каждому сказал несколько слов. Мне он сказал, что очень рад меня видеть, рад, что я согласил-

ся исполнить его желание и принял место директора департамента железнодорожных дел. Затем он подошел к полковнику и снова начал с ним говорить, но сравнительно очень тихо.

Потом дежурный флигель-адъютант подошел к нам и сказал, что мы все можем уйти. Мы пошли обратно, для чего мы должны были совершить довольно большое путешествие, идя с левого крыла на правое, где по обыкновению были приготовлены столы для завтрака.

Во время завтрака полковник должен был сидеть около меня (что я видел по билету), но его что-то все не было. Наконец в середине завтрака приходит этот полковник и садится около меня. Мне неловко тогда было его спросить: почему вас государь задержал? Так я его и не спросил. После, когда мы поехали обратно — причем обыкновенно делается так, что те экипажи, которые привозят во дворец, поджидают и увозят на вокзал (в каждый экипаж садятся двое), — сев с полковником, я решил его спросить:

— Простите, если это нескромно, но можно вас спросить: почему вас император задержал, что он вам говорил?

Полковник улыбается и говорит:

— Видите ли, государь меня знал, когда я был очень полный, а теперь я худой, вот он меня все время и расспрашивал, каким образом я сделал, что так похудел? Я ему рассказал, какую я вел жизнь, что я ел. Расспросив меня тщательно, он сказал, что очень мне благодарен, что это он тоже попробует, потому что ему неудобно быть таким толстым.

А я, с непривычки, подумал, что он расспрашивает о каком-нибудь государственном секрете. <...>

Я уже имел несколько раз случай говорить о замечательной и благороднейшей личности императора Александра III. Большое несчастье, что он процарствовал так мало: всего 13 лет; но и в эти 13 лет фигура его как императора совершенно обрисовалась и выросла. Это почувствовала вся Россия и вся заграница в день его смерти.

Но императора Александра III его современники и ближайшее поколение далеко не оценили, и большинство относится к его царствованию скептически.

Это в высокой степени несправедливо.

Император Александр III был великий император. Для того, чтобы судить о его царствовании, <...> не следует <...> забывать и те условия, при которых он вступил на престол: когда он сделался наследником, то вырисовались различные неблагоприятные стороны царствования его отца Александра II; эти неблагоприятные стороны в качестве различных брожений в обществе и смут были следствием тех колебаний, которые проявил Александр II в последние годы своего царствования — он не выдержал линию либеральных реформ и в последние годы начал колебаться и идти назад.

Благодаря такому приему явилось ненормальное либеральное течение или, вернее, не либеральное, а революционное течение.

Наследник Александр Александрович мог отнестись сознательно только к тому, что он видел, к тому периоду, когда он начал интересоваться политическими делами, а это и был именно период, с одной стороны, правительственной реакции, а с другой — освободительного течения общественных групп, к которым примазалось и революционное движение.

Такое положение не могло не влиять на императора Александра III в том смысле, что ему казалось необходимым с этим революционным течением, со смутой, поступить резко и твердо.

Такое направление ему было внушено, с одной стороны, его учителем, профессором Победоносцевым, который в это время уже был обер-прокурором Святейшего Синода, с другой стороны — некоторыми петербургскими сферами, в главе которых стоял Строганов.

Затем на императора Александра III не могли не влиять при его в высокой степени честной натуре те злоупотребления, которые в то время творились в области различных концессий, банков и различных промышленных обществ, к которым всюду примазывались государственные деятели.

Само поведение морганатической жены императора Александра II, княгини Юрьевской, — в смысле каких-то отношений ее с различными дельцами, добыча в пользу этих дельцов различных концессий и льгот — не могло не отражаться на психологии цесаревича Александра Александровича.

Наконец, самая свадьба императора Александра II после 60-летнего возраста, когда он уже имел столько совершенно взрослых детей и даже внуков, при той высокой степени нравственности, которой отличался цесаревич Александр Александрович и которую он проявлял всю свою жизнь, ибо он жил, можно сказать, как самый чистый, святой человек, — все эти обстоятельства не могли не влиять на его психологию.

Наконец все это кончилось 1 марта 1881 г., когда император Александр II был убит бомбой. Таким образом, император Александр III, можно сказать, вступил на трон, обгаренный кровью его отца. Несомненно, это страшно подействовало на психологию молодого императора!

Наконец, император Александр III вступил на трон после Восточной турецкой войны, на которой присутствовал сам император Александр II и на которой командовал отрядом цесаревич Александр Александрович, будущий император Александр III.

Хотя эта война с точки зрения военной не была такой позорной, как оказалась война с Японией, — во время турецкой войны как войска, так и многие из наших военачальников показали замечательную доблесть, замечательные военные способности и военную силу, так

что в конце концов мы очутились около Константинополя,— тем не менее все-таки война эта не была ни по своему ходу, ни по результатам такой, как этого ожидали. Мы победили все-таки скорее громадным численным перевесом над неприятелем, нежели превосходством наших боевых качеств по сравнению с турками.

Наконец, мы должны были на театр военных действий, чтобы одолеть турок и явиться около Константинополя, послать значительную часть наших войск. В России у нас соответствующей армии уже не было, а потому, когда, после того как, не войдя в Константинополь, мы заключили под Константинополем Сан-Стефанский договор — договор тем не менее выгодный и славный для России,— европейские державы, и главнейшим образом Австрия, не согласились признать Сан-Стефанский договор. Для того чтобы сохранить этот договор, нам предстояла новая война с Австрией, но мы к этой войне не были готовы, поэтому был собран Берлинский конгресс, где честным маклером явился канцлер Бисмарк и привел нас к Берлинскому трактату, уничтожившему значительную часть тех выгод, которые мы приобрели по договору Сан-Стефанскому³.

Это событие в высокой степени неблагоприятно отозвалось на духе и расположении всей России и не могло не отозваться на сердце цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III).

Таким образом, для того чтобы судить беспристрастно об императоре Александре III, о действиях императора в первые 5—6 лет его царствования, когда он вел политику реакционную под влиянием таких выдающихся лиц, как К. П. Победоносцев и др., не следует забывать, при каких нравственных, экономических и стратегических условиях вступил император Александр III на престол.

Не надо забывать также и то, что Восточная война с Турцией уничтожила все плоды управления министерством финансов Рейтерна, который все время стремился водворить в России золотое обращение, т. е. поднять курс кредитного рубля до альпари⁴, после того, когда этот рубль упал со своей серебряной ценности во время Севастопольской войны.

Таким образом, последняя турецкая война совершенно расстроила наши финансы, отдалила возможность установить правильную денежную систему, и потребовалось опять более 20 лет, для того чтобы поправить финансы. Только мне, когда я был министром финансов, удалось установить правильную денежную систему и водворить правильную и устойчивую организацию имперских финансов.

Не нужно забывать, что последние годы царствования императора Александра II сопровождалось целым рядом анархических убийств, целым рядом террористических действий и кончились 1-м марта.

Но напрасно лица, не знавшие императора Александра III, рисуют его как человека реакционного, как человека жесткого, как человека ограниченного и тупого.

Император Александр III обладал благороднейшим — мало сказать благороднейшим, — он обладал именно царским сердцем! Такое благородство, какое было у Александра III, могло быть только, с одной стороны, врожденным, а с другой стороны — не испорченным жизнью. И эта неприкосновенность чистоты сердца могла иметь место только при тех условиях, в каких находятся и наследники русского престола, и русские цари, т. е. условиях, которые не заставляют человека ради своего положения или ради положения своих близких кривить душой и закрывать глаза на то, чего не хотелось бы видеть. У русских императоров и у наследников русского престола нет всех тех интересов, которые имеются у обыкновенного смертного, — интересов-эгоистических, материальных, которые так часто портят человеческое сердце.

Я не стану спорить о том, что император Александр III был человеком сравнительно небольшого образования, можно сказать — он был человеком ординарного образования. Но вот с чем я не могу согласиться и что часто мне приходилось слышать, это с тем, что император Александр III не был умным. Надо условиться, что подразумевать под словом «ум»: может быть, у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный, выдающийся ум сердца; это — своего рода ум, присутствие которого часто, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять, несравненно важнее ума рассудка. Наконец, у императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений. Как семьянин — это был образцовый семьянин; как начальник и хозяин — это был образцовый начальник, образцовый хозяин. У него никогда слово не расходилось с делом. Он мог относительно того, в чем он был не уверен, не высказать, смолчать, ожидать; но если что-нибудь он сказал, то на его слово можно было рассчитывать, как на каменную гору.

Вследствие этого император Александр III пользовался, с одной стороны, общим доверием и уважением всех своих приближенных, а с другой стороны, что гораздо еще важнее, — уважением и доверием всего света.

Я сказал, что он был хороший хозяин: император Александр III был хороший хозяин не из-за чувства корысти, а из-за чувства долга. Я не только в царской семье, но и у сановников никогда не встречал того чувства уважения к государственному рублю, к государственной копейке, которым обладал император Александр III. Он каждую копейку русского народа, русского государства берег, как самый лучший хозяин не мог бы ее беречь.

Будучи при нем два года министром финансов и, наконец, зная его отношение к финансам, еще когда я был директором департамента министерства финансов, я должен сказать, что именно благодаря императору Александру III Вышнеградскому, а затем в конце концов

и мне удалось привести финансы в порядок, ибо, конечно, ни я, ни Вышнеградский не могли бы удержать всех порывов к бросанию зря направо и налево денег, добытых кровью и потом русского народа, если бы не могучее слово императора Александра III, который сдерживал все натиски на государственную казну.

В смысле государственного казначея можно сказать, что император Александр III был идеальным государственным казначеем и в этом отношении облегчал задачу министра финансов.

Точно так же, как он относился к деньгам государственного бюджета, так же он относился и к собственному своему хозяйству. Он терпеть не мог излишней роскоши, терпеть не мог излишнего бросания денег — жил с замечательной скромностью. Конечно, при тех условиях, в которых приходилось жить императору, часто экономия его была довольно наивна. Так, например, я не могу не сказать, что в его царствование, когда я был министром, при дворе ели сравнительно очень скверно. Я не имел случая часто бывать за столом императора, но что касается так называемого гофмаршальского стола, то за этим столом так кормили, что, можно сказать, почти всегда, когда приходилось там есть, являлась опасность за желудок. И кажется, император Александр III не мог достигнуть того, чтобы исправить гофмаршальскую часть. Сам император Александр III любил пищу чрезвычайно простую, и когда ему его стол приедался, то он, будучи уже, бедный, больным, в последние полгода его жизни или немного более иногда просил как лакомства, чтобы ему приносили обед обыкновенный солдатский или охотничий из ближайших казарм или охотничьей команды.

Когда император Александр III вступил на престол, то он сейчас изменил обмундирование, сделав его весьма простым и поэтому сравнительно дешевым. Он любил русский костюм — поддевку с большими широкими панталонами и высокими сапогами, и костюм всего войска во всем он приспособил к этому типу.

Таким образом, обмундирование, введенное императором Александром III, продержалось до последней японской войны. После японской войны, в последние годы, вероятно в вознаграждение за те несчастья, ужасы и стыд, которые мы потерпели на полях Маньчжурии, теперь наше войско опять обмундировывается по различным красивым картинкам; все обмундирование кажется очень красивым, но вместе с тем вследствие этого обмундирования самый вид войска приобретает вид игрушечной картины.

Чего этим путем хотят достигнуть, что хотят доказать — является совершенно непонятным.

Главнейшая заслуга императора Александра III в том, что он процарствовал 13 лет мирно, не имея ни одной войны, кроме самой ничтожной экспедиции в Ахалтеке⁵, но он дал России эти 13 лет мира и спокойствия не уступками, а справедливой и непоколебимой твер-

достью. Он умел внушить за границей уверенность, с одной стороны, в том, что он не поступит несправедливо по отношению к кому бы то ни было, не пожелает никаких захватов; все были покойны, что он не затеет никакой авантюры. Его царствование не нуждалось в лаврах; у него не было самолюбия правителей, желающих побед посредством горя своих подданных, для того чтобы украсить страницы своего царствования. Но об императоре Александре III все знали, что, не желая никаких завоеваний, приобретений, никаких военных лавров, император никогда, ни в каком случае не поступится честью и достоинством вверенной ему Богом России.

Император Александр III, как я уже сказал, не любил говорить много, в особенности не любил говорить фраз; это его черта; и его гигантская фигура, представлявшая какого-то неповоротливого гиганта, с крайне добродушной физиономией и бесконечно добрыми глазами, внушала Европе, с одной стороны, как будто бы страх, а с другой — недоумение: что это такое? Все боялись, что если вдруг этот гигант да гаркнет.

Мы все помним то время, когда император Александр III умирал в Ялте, и ближайшие месяцы после этого, когда вдруг вся Европа почувствовала, что уходит сила, которая держала своей нравственной фигурой Европу в мирном и спокойном положении: только тогда все сознали ту громадную роль, которую играл этот император в международном мировом отношении.

Как относился император Александр III к войне, показывает следующий факт. Я припоминаю, что как-то раз по поводу какого-то доклада, чуть ли не касающегося пограничной стражи, у нас перешел разговор на войну. И вот что мне сказал император Александр III:

— Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны, конечно, если его (правителя) не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятия и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал.

У императора Александра III каждое слово не было пустым звуком, как мы это часто видим у правителей: очень часто правители говорят по тому или другому случаю ряд красивых фраз, которые затем забываются через полчаса. У императора Александра III никогда слово не расходилось с делом. То, что он говорил, было им прочувствовано, и он никогда уже не отступал от сказанного им.

Таким образом, вообще говоря, император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, глубоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови.

Можно сказать, что в конце своего царствования император Александр III был главнейшим фактором мировой международной политики.

Император Александр III в значительной мере восстановил нашу армию после той дезорганизации, которая произошла вследствие турецкой войны конца 70-х годов.

Благодаря характеру императора Александра III его министры финансов могли начать организовывать финансы империи. Мне удалось это окончить уже при императоре Николае II только исключительно благодаря тем началам, которые были одобрены еще императором Александром III, и благодаря тому авторитету, которым я как министр финансов пользовался у молодого императора Николая II.

Император Николай II знал, что его августейший отец одобрил мою программу и питал ко мне полнейшее доверие; только благодаря этому, несмотря на всякие подвохи против меня как министра финансов, я устоял на этом посту после смерти императора Александра III еще более 8 лет; это произошло, я повторяю, только потому, что молодой император верил не столько мне, сколько тому доверию, которое питал ко мне его отец.

При императоре Александре III, в особенности со времени моего вступления в должность директора департамента железнодорожных дел и потом, когда я был министром путей сообщения и министром финансов, снова начала увеличиваться сеть русских железных дорог, т. е. постройки железных дорог, которые при императоре Александре II в конце его царствования, а в особенности после войны прекратились.

При императоре Александре III в России круто повернулась таможенная система и от фритредерства⁶ мы перешли к протекционизму. Этот переход был сделан при Вышнеградском при моем большом участии в качестве директора департамента железнодорожных дел; было это сделано потому, что император Александр III сознавал, что Россия может сделаться великой лишь тогда, когда она будет страной не только земледельческой, но и страной промышленной; что страна без сильно развитой обрабатывающей промышленности не может быть великой. Россия не могла быть великой, не будучи страной не только земледельческой, но и промышленной.

И вот является вопрос: если император Александр III, как многие думают, не был образованным человеком, ни во всяком случае не был ученым (а лица, которые его не понимали и не понимают и не знают, говорят, что он был даже неумным), то чему же, если не уму сердца, уму души приписать такого рода мысли, какие были незыблемы у императора Александра III? Разве не нужно уметь сознавать, уметь понять не от разума, а скорее от царского сердца, что страна, вверенная ему Богом, не может быть великой без водворения промышленности? А раз у императора Александра III было это сознание, он твердо настаивал на введении протекционной системы, благодаря которой Россия ныне обладает

уже значительно развитой промышленностью и, несомненно, все более и более двигается в этом отношении вперед, и недалеко уже то время, когда Россия будет одной из величайших промышленных стран.

Этим Россия будет обязана исключительно началам, которые решился положить император Александр III.

Чтобы понять это, нужно помнить, что переход от фритредерства к протекционизму всегда встречал громадные затруднения со стороны общественного мнения и правящих кругов.

Нужно было, чтобы явились большие люди, которые могли бы пойти против господствующего настроения, против господствующего мнения и сломили бы его.

У нас, в России, это мог сделать один император, и при том император столь твердый, столь мудрый, каким был император Александр III.

Императору Александру III ставится в дефицит перемена университетского устава 60-х годов на устав 1884 г.

Да, я сам нахожу, что это было большой ошибкой. Но это было сделано им под влиянием графа Толстого и вообще под влиянием кучки консерваторов того времени.

Замечательно, что К. П. Победоносцев, как бывший профессор, будучи еще гораздо консервативнее графа Толстого, тем не менее все-таки высказался как в Государственном совете, так и в Особом совещании по этому предмету, которое было под председательством императора Александра III, против устава 1884 г.

Но тем не менее хотя и был введен новый устав в жизнь университетов, в царствование императора Александра III не было никаких эксцессов.

Только в начале царствования императора Александра III несколько известных профессоров, в том числе и знаменитый Мечников, потеряли кафедры, потому что министр народного просвещения граф Делянов считал их весьма либеральными.

Вообще же университетская жизнь шла довольно спокойно.

А с тех пор, как последовал в августе 1905 г. по инициативе генерала Трепова указ об автономии университета, и в особенности последний год при российской конституции и либерально-конституционном правительстве, — в высших учебных заведениях и университетах происходят такие эксцессы, которые были бы немыслимы при императоре Александре III, при прежнем реакционном уставе именно потому, что император Александр III не был ни либералом, ни реакционером, а был честный, благороднейший, прямой человек.

Но тем не менее я не отрицаю того, что введение устава 1884 г. было ошибкой.

Императору Александру III ставится в укор также и перемена земского положения 1864 года на положение 90-го года: введение земских начальников, вообще введение принципа какого-то патриархаль-

ного покровительства над крестьянами как бы в предположении, что крестьяне навеки должны остаться таких стадных понятий и стадной нравственности.

Я эти воззрения считаю глубоко неправильными воззрениями, которые уже имели очень большие дурные последствия, выразившиеся в событиях, разгоревшихся в 1905 г.; эти воззрения еще будут иметь громадные дурные последствия в жизни России. Может быть, дурные последствия произойдут из-за неустройства крестьян, из-за неустройства их правовых отношений, вследствие того, что на крестьян смотрят как на людей особого рода, не на таких, как мы; например, что для них должны быть какие-то особые нормы, особые порядки, и в этом я вижу в будущем большие пертурбации в жизни Российской империи.

Это была ошибка императора Александра III, но тем не менее я не могу не засвидетельствовать, что это была ошибка не только добросовестная, но ошибка в высокой степени душевная. Император Александр III относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства в частности и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного монарха, самодержавного русского царя; а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве нам, которым Бог дал по самому рождению нашему или вообще благодаря каким-нибудь благоприятным условиям особые привилегии, т. е. нам, русским дворянам, и в особенности русским буржуа, которые не имеют того хорошего, того благородного, что встречается во многих русских дворянах, но зато в избытке имеют все то нехорошее, что дают излишества жизни, обесценение ценности чужого труда, а иногда и чужого сердца.

Я убежден в том, что если бы императору Александру III суждено было продолжать царствовать еще столько лет, сколько он процарствовал, то царствование его было бы одно из самых великих царствований Российской империи.

В последние годы, когда он уже имел опыт, видел, что такое Россия, видел, что эта смута, которая была в конце царствования его отца, являлась более наносной и происходила от недостаточно твердого характера его отца, благодаря которому император Александр II часто колебался, а наконец впал и в грех семейный, что Россия такая страна, которая сама по себе совсем не желает каких бы то ни было революций, а желает только спокойной тихой жизни, — воззрения его постепенно изменялись.

В последние годы своего царствования император Александр III ко многим вопросам уже относился иначе, нежели в первые годы своего царствования; выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным.

Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия и в котором она продолжала бы жить при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошел бы на авантюры, подобные той, которая была предпринята и которая закончилась японской войной, Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, т. е. к тому пути жизни государства, когда оно живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа. Но император Александр III не успел этого сделать, потому что Бог призвал его к себе. <...>

Несомненно, император Александр III был человек чрезвычайно мужественный. Я не могу сказать — храбрый, а именно мужественный. Во всяком случае, он вообще совсем никогда не страшился смерти, а поэтому и не страшился тех явлений, которые могут повести к смерти.

Но у Александра III были некоторые странности: так, например, он был очень плохой верховой ездок и боялся лошадей; императрица же Мария Федоровна, напротив, была крайне храбрая, отлично ездил верхом и совсем не боялась лошадей.

В последние годы царствования, когда император значительно отучнел, шталмейстеру его, заведующему конюшней, было очень трудно достать государю соответствующую лошадь, на которой бы он чувствовал себя спокойно.

Это чувство осталось у государя до самой смерти. Я помню, еще за год или за два до смерти государя барон Фредерикс, который заведовал в то время всей шталмейстерской частью дворца, говорил мне и очень сетовал на то, что ему ужасно трудно достать соответствующую лошадь для императора и вообще уговорить его сесть верхом на какую-нибудь новую лошадь.

Во время царствования императора Александра III, когда я сделался министром (а это было в последние годы царствования Александра III), не было никаких царских приездов, т. е. никаких приездов иностранных коронованных особ, да и вообще во время царствования императора Александра III приезды коронованных особ были довольно редки. <...>

Из всех приездов в Петербург коронованных особ во время царствования императора Александра III наиболее нашумел приезд князя черногорского Николая.

Приезд этот был в первые годы царствования императора Александра III, и нашумел он потому, что во время обеда Александр III провозгласил тост за «единственного моего друга князя черногорского».

В то время с первого раза это было понято так, что император Александр III наибольшее уважение из всех иностранных царственных особ отдает черногорскому князю Николаю, что, с одной стороны, весьма подняло черногорского князя, а с другой стороны, поставило в некоторое недоумение коронованных особ Европы.

Я думаю, что этот тост следовало бы толковать совершенно иначе, а именно его следовало бы понимать в том смысле, что государь провозгласил его не бесцельно, провозгласил, именно чтобы показать, что ему никаких ни с кем политических дружб не нужно, что он считает Россию настолько сильной и властной, что ни в каких поддержках ни от кого не нуждается; что он сам стоит на ногах и сам влияет на общемировую политику, ни от кого не зависит, а, напротив, те, которые желают соответствующего успеха в мировом концерте, должны желать и искать дружбы России и ее монарха, императора Александра III. Поэтому тост этот надо понимать в том смысле, что у меня есть единственный друг, конечно, друг политический, и этот друг князь черногорский, а известно, что Черногория является такой страной, которая по размерам и по количеству населения менее какого-нибудь малочисленного уезда одной из русских губерний.

Может быть, отчасти, провозглашая этот тост, император Александр III хотел отметить личность князя Николая, но я думаю, едва ли он был особо высокого мнения о нем в конце своего царствования, а если бы Александр III прожил до настоящего времени, то, я думаю, наверно, он об этом князе был бы не блистательного мнения, так как не подлежит сомнению, теперь это совершенно выяснилось, что князь Николай в своей политике держался всегда и нашим, и вашим; вообще был дружен с тем, кто ему что-нибудь давал, а потому он заигрывал и искал то при дворе австро-венгерском, то при русском, а в последнее время, с тех пор как выдал свою дочь за итальянского короля, он очень заискивает при дворе итальянском. <...>

Император Александр III был действительно главой царской семьи; он держал всех великих князей и великих княгинь в соответствующем положении; все его не только почитали, уважали, но и чрезвычайно боялись. Александр III был настоящим патриархом, главой императорской семьи; при нем были бы немыслимы в императорской семье различные эпизоды, происшедшие после его кончины.

Государь умом своего сердца понимал, что многочисленная императорская семья, состоящая из десятков лиц различных характеров и различной нравственности, должна служить своей частной, общественной и государственной жизнью примером для его подданных, так как несомненно, что каждая неловкая вещь, происшедшая в императорской или великокняжеской семье, делается известной публике и обществу и служит предметом всевозможных толков, преувеличений и легенд.

Император понимал, что от обыкновенных смертных нельзя требовать такого поведения, которому не следуют лица царствующего дома.

Так, например, когда я женился на разведенной жене, то жена моя не была принята при дворе более 10 лет, и это я считал совершенно естественным и совершенно правильным, потому что в те времена вообще при дворе не допускалось представление разведенных жен.

В те времена, которые были еще так недавно, сановник, женившийся на разведенной жене, составлял предмет общих толков и удивлений. <...>

Но с тех пор со смерти императора Александра III картина совершенно изменилась. Женитьба сановников и лиц, занимающих высшие посты, на разведенных женах и взятие разводов для женитьбы есть самая обыкновенная вещь, которая иногда даже покровительствуется, и в самом царствующем доме великие князья и великие княгини подают в этом отношении самые удивительные примеры для общества.

Подобное состояние лиц царствующего дома и высшего общества при императоре Александре III было бы совершенно невысказуемо. Замечательнее всего, что это делается именно в то время, когда сам император и его личная семья представляют собою образец семейной жизни; только многие члены царствующего дома вышли из всякой дисциплины и из понимания того положения, что они должны служить своим поведением примером для общества.

При императоре Александре III были бы невысказуемы постоянные поездки великих князей за границу и тот образ их жизни за границей, который обращал на себя всеобщее внимание. Великий князь, который допустил бы это, получил бы такую встряску, что ему бы не поздоровилось, — ныне же это самое обыденное явление.

Одной из причин некоторого нерасположения со стороны императора Александра III к великим князьям Константину Николаевичу и Николаю Николаевичу было то, что эти великие князья обзавелись побочными семьями, побочными женами из балета, и с этими балетчицами они жили совершенно *maritalement* *. Но, конечно, не одно это обстоятельство было причиной того, что император относился неблагоприятно к этим двум великим князьям, были и другие причины.

Великий князь Константин Николаевич был в свое время весьма либерального направления, и я должен сказать, что в этом направлении он оказал значительную пользу России, так как и освобождение крестьян, и другие реформы императора Александра II связаны с именем его брата, великого князя Константина Николаевича.

Но тот же либерализм проявил великий князь Константин Николаевич и будучи наместником в Царстве Польском, и едва ли это наместни-

* по-семейному (франц.).

чество его в Царстве Польском соответствовало интересам империи. Вот по этой причине император Александр III также не благоволил к Константину Николаевичу; но, конечно, если бы великий князь Константин Николаевич в семейном отношении вел себя достойно, то отношения между ним и императором Александром III так бы не обострились. Между тем великий князь Константин Николаевич ездил со своей танцовщицей Кузнецовой и по России, и за границей совершенно *maritalement*, к чему, конечно, император Александр III относился вполне отрицательно; достаточно хоть немного знать императора Александра III, чтобы понять, что он этого терпеть не мог. Поэтому, несмотря на то, что великий князь был гораздо старше его, был его дядей, он тем не менее не мог приезжать в Петербург, а проживал или за границей, или в Ялте.

Только когда перед своей смертью великий князь приехал в Петербург и поселился в Павловске в настоящей своей семье, император Александр III, приехав к великому князю, отнесся к нему чрезвычайно благосклонно и почтительно, как к своему дяде. Тогда только, за несколько дней до смерти, великий князь понял всю доброту и честность государя, и, мне известно, когда к нему подошел император, Константин Николаевич, уже не будучи в состоянии говорить, взял его руку и поцеловал в знак своего преклонения перед главой царской семьи.

Отношения императора Александра III к великому князю Николаю Николаевичу также несколько затемнялись тем, что когда император Александр III, еще будучи наследником, командовал отдельным отрядом, находившимся под командой великого князя Николая Николаевича, то, командуя этим отрядом, он (т. е. император Александр III) относился критически не столько к распоряжениям великого князя Николая Николаевича, как к его свите и в особенности к различным злоупотреблениям. <...>

Но тем не менее эти деловые отношения не были главной причиной не особенно благожелательного отношения со стороны императора Александра III к великому князю Николаю Николаевичу. Главная же причина заключалась в том, что великий князь Николай Николаевич жил совершенно *maritalement* с танцовщицей Числовой. От этой танцовщицы он имел детей, которым была дана фамилия Николаевы. Из детей великого князя одна Николаева, очень красивая, по типу напоминавшая собой императора Николая I, замужем за князем Кантакузеном.

Великий князь Николай Николаевич очень побаивался императора Александра III; во время царствования императора Александра III он до самой своей смерти был не у дел.

Я уже имел случай говорить, что император Александр III также относился не особенно благосклонно и к супруге великого князя Николая Николаевича, великой княгине Александре Петровне, хотя эта великая княгиня была совершенно чиста сердцем и искренняя благотворительница. Не вполне благосклонное отношение императора

Александра III к великой княгине происходило оттого, что великая княгиня Александра Петровна держала себя довольно бестактно со священником Лебедевым, о чем я говорил ранее.

Как-то раз меня удивило следующее обстоятельство. Однажды, когда я пришел в пятницу к императору Александру III с одним из докладов, прием в это время еще не был кончен, я услышал такого рода разговор. Император Александр III спрашивал одного из представлявшихся:

— А что, в Биаррице много русских?

Это лицо (статский — кто это был, я не помню) ответило:

— Да, ваше величество, там есть довольно много русских, и в том числе принц Георгий Лейхтенбергский.

Тогда император Александр III со свойственной ему несдержанностью в выражениях (что часто проявлялось и в его резолюциях) сказал этому господину:

— Что же, принц моет свое поганое тело в волнах океана?

Меня очень удивила грубость этой фразы, и я не мог понять, почему она была сказана?

Я просил разъяснения у Черевина, который мне сказал, что император Александр III потому так относится к принцу Георгию, что тот, женившись на княжне черногорской, дочери черногорского князя Николая, продолжал жить со своей любовницей-француженкой (с которой, между прочим, он живет и в настоящее время). Вот это-то обстоятельство и послужило причиной раздражительной фразы государя. <...>

Сам император Александр III, как я уже говорил, вел образцовую семейную жизнь; семейство его могло служить образцом благочестивой русской семейной жизни. <...>

При жизни император Александр III выдал замуж свою старшую дочь, Ксению Александровну, за великого князя Александра Михайловича. Государь император очень любил отца Александра Михайловича, Михаила Николаевича, своего дядю; это был единственный из его дядей, к которому он относился вполне благосклонно и любовно, главным образом именно потому, что великий князь Михаил Николаевич был образцового поведения как в семейной жизни, так и вообще как великий князь.

Но к сыновьям его, к детям великого князя Михаила Николаевича, император Александр III относился уже не так благосклонно; к жене великого князя, великой княгине Ольге Федоровне, император также относился не вполне благосклонно, вероятно потому, что, во-первых, великая княгиня Ольга Федоровна не была вполне образцовой супругой, а затем, во-вторых, главным образом потому, что она имела еврейский тип, ибо, как это известно в Бадене, она находилась в довольно близком родстве с одним из еврейских банкиров в Карлсруэ.

Этот еврейский тип, а пожалуй, и еврейский характер в значительной степени перешел и к некоторым из ее детей.

Однажды император Александр III, обратясь ко мне, говорит:

— Вы вчера видели детейзонов? (Император произнес одну еврейскую фамилию.)

Я не понял, о каких детях с еврейским именем он мне говорит. После мне объяснили, что он мне говорил о некоторых из Михайловичей.

Великий князь Александр Михайлович был очень красивый молодой человек; он и до сих пор красивый мужчина, несколько еврейского, хотя и красивого типа.

Я должен сказать, что, сталкиваясь с ним в моей государственной деятельности, я убедился, что у него не только внешний тип еврейский, но что он обладает кроме того вообще отрицательными сторонами еврейского характера. Я говорю «отрицательными сторонами», так как я не принадлежу к тем, которые считают евреев не людьми, а нахожу, что и в еврейском характере есть очень много хороших черт и что, конечно, и среди евреев есть очень много людей вполне достойных.

Но великая княгиня Ксения Александровна была страшно влюблена в великого князя Александра Михайловича, и в конце концов император Александр III выдал ее замуж за Александра Михайловича, хотя он очень не любил этого великого князя.

Когда великий князь Александр Михайлович был еще женихом, как-то раз он поехал с государем в шхеры.

Во время этой поездки что-то случилось с ванной императора Александра III, и великий князь Александр Михайлович предложил ему свою гуттаперчевую ванну. Выкупавшись в этой ванне, государь ее очень хвалил, и великий князь Александр Михайлович сказал, «что наконец хоть что-нибудь император нашел у него хорошего!».

В первый раз он похвалил хоть ванну Александра Михайловича, так как до этого времени ко всему, что касалось великого князя, Александр III всегда относился критически, всегда все ему не нравилось.

Я думаю, что император Александр III, как я уже говорил, умом своего сердца предвидел и понимал, что великий князь Александр Михайлович все-таки не такой великий князь, какой был бы желателен для дочери такого императора, как Александр III.

Затем, перед самой своей смертью, император Александр III женил наследника престола. <...>

Будущего императора Николая II я знал, когда он был наследником; имел с ним дела, когда он был председателем комитета Сибирской дороги, о чем я скажу несколько слов после.

Великую княгиню Ксению Александровну я помню, когда она была еще девочкой-подростком.

Я помню, мне пришлось с нею как-то завтракать за отдельным столом; завтрак был чисто семейный, посторонних было очень мало.

Помню, что великая княжна Ксения Александровна стеснялась и не знала, о чем со мною говорить. Мне было очень трудно наводить ее хоть на какой-нибудь разговор. Про эту великую княжну, нынешнюю великую княгиню, ничего, кроме самого хорошего, сказать нельзя. Она женщина, безусловно, образцовая во всех отношениях.

Больше всех император Александр III любил своего сына Михаила Александровича.

Почему человек любит того или другого — это тайна души, а потому трудно было бы объяснить, почему император Александр III больше всего любил своего Мишу. Но факт тот, что он его любил больше всех.

Все дети императора Александра III, не скажу чтобы боялись отца — нет, но стеснялись перед ним, чувствуя его авторитет.

Михаил Александрович был чуть ли не единственным, кто держал себя с отцом совершенно свободно.

Как-то раз, когда я приезжал в Гатчину, камердинер Михаила Александровича рассказывал мне, что вот какого рода история случилась.

Император Александр III утром очень любил ходить гулять со своим Мишей и во время прогулок он с ним играл. Вот как-то они проходили около цветов, которые садовник поливал водопроводным рукавом. Неизвестно почему, вероятно, Михаил Александрович лез в воду, не слушался императора, но кончилось тем, что император Александр III взял этот рукав — это было летом — и окатил Михаила Александровича водой из рукава. Затем они вернулись домой, Мишу сейчас же переодели.

— Затем, — рассказывал мне камердинер, — после завтрака император обыкновенно занимался у себя, так и в этот раз. Он занимался в своих комнатах, которые как раз находились внизу, под комнатами, в которых жил Михаил Александрович.

В перерывы между занятиями император Александр III несколько высунулся за окошко, оперся на локти и так стоял и смотрел в окно.

Михаил Александрович это заметил, сейчас же взял целый ручной мойник воды и всю эту воду вылил на голову государя.

Ну, с императором Александром III сделать безнаказанно такую штуку мог только его Миша, потому что если бы это сделал кто-нибудь другой, то ему здорово бы досталось. <...>

ДНЕВНИК

1888 год

11 ноября [1888]. <...> Императрица принимает меня чрезвычайно любезно. Она не может говорить ни о чем ином, как о железнодорожном своем несчастье, которое и рассказывает мне в подробности. Она сидела за столом против государя. Мгновенно все исчезло, сокрушилось, и она оказалась под грудой обломков, из которых выбралась и увидела перед собою одну кучу щепок без единого живого существа. Разумеется, первая мысль была, что и муж ее, и дети более не существуют. Чрез несколько времени появилась таким же манером на свет дочь ее Ксения. «Она явилась мне как ангел, — говорила императрица, — явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался мне голос сына моего Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно так же как и его брат Михаил. После них удалось, наконец, государю и цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненных около нас. Во всем этом была осязательно видна рука провидения, нас спасшего». Рассказ этот продолжался около четверти часа, почти со слезами на глазах. Видно было, что до сих пор на расстоянии почти месяца ни о чем другом императрица не может продолжительно думать, что, впрочем, она и подтвердила, сказав, что каждую ночь постоянно видит во сне железные дороги, вагоны и крушения.¹ <...>

В кабинете у государя был вновь назначенный министр путей сообщения ген. Паукер. Потом пошли одиночные представления остальных генералов, потом всех военных меньшего чина поставили в одну комнату и отпустили огулом. В заключение я ожидал, что позовут меня, но в первый раз в нынешнее царствование я был принят не отдельно, а вместе со всеми гражданскими чинами. Чтобы еще больше дать мне почувствовать свое неудовольствие (за что, я в первую минуту никак не мог догадаться), государь позвал к себе в кабинет стоявших в ряду представлявшихся того же Бахметева, а затем вышел и очень отрывистым и взволнованным голосом спросил меня, где я был летом, а потом перешел к следующим лицам. Я хотел остаться в комнате, покуда кончится представление, но занимавшийся этим представ-

лением гофмаршал кн. Владимир Оболенский сделал мне знак, чтобы я удалился в соседнюю комнату, чему я и должен был повиноваться к крайнему моему удивлению, потому что по моим понятиям вежливость требовала бы оставаться в комнате, доколе в ней находился император, что, впрочем, всегда и соблюдалось в прошлое царствование.

Из разговора с Оболенским я понял причину того неудовольствия, которое выказано мне было в довольно грубой форме. Дело в том, что на вел. князей Владимира и Алексея негодуют в Гатчине за то, что они тотчас после боркского несчастья не возвратились немедленно в Петербург, а продолжали жить в Париже, причем тамошние охоты, в коих я принимал деятельное участие, были описаны в несносных французских газетах как ряд каких-то необычайных праздников. Оболенский, предаваясь негодованию относительно такого поведения вел. кн. Владимира Александровича, заключал так: «Ведь если бы мы все были там убиты, то Владимир Александрович вступил бы на престол² и для этого тотчас приехал бы в Петербург. Следовательно, если он не приехал, то потому только, что мы не были убиты». Таким оригинальным логическим выводам трудно дать серьезный ответ. Я отвечал общими местами и понял, что на меня, как на первого попавшегося представителя парижских праздников, было вылито негодование, которого, вероятно, братьям своим он не решится вовсе выказать.

Такого рода подстреканиями окружающие государя сделают из него Павла Петровича.

Я очень доволен тем, что слышал в Париже сетования вел. кн. Алексея Александровича на то, что не знает, как исполнить поручение императрицы, которая желала, чтобы он, Алексей Александрович, купил ей вещь, которую она могла бы подарить на елку государю, я рекомендовал вел. князю купить мраморный медальон, изображающий Павла Петровича в профиле, что и было сделано. <...>

Возвратясь в Петербург, заезжаю к Победоносцеву, с коим приблизительно такой разговор. *Победоносцев*: «Боркское крушение должно бы послужить государю уроком. Нельзя так управлять делами, что ни с кем не говорить, никого не допускать, а только приказывать то, что нравится. Во всем этом деле виноват, конечно, Посьет, в том, что не имел мужества настаивать на исполнении разумных требований своих подчиненных, но главным виновником все-таки является охрана с пьяным Черевиным во главе, который требует беспрекословного исполнения своих приказаний».

Я: «Боркское крушение могло окончиться весьма трагически, но в результате оно представляет весьма счастливое в политическом смысле событие. <...>

16 [января]. Вторник. С большим удовольствием читаю новую книгу Бильбасова «История Екатерины II». Цензура не хотела выпустить в свет эту книгу потому, что в ней есть постоянные ссылки на мемуары Екатерины, потому, что в ней упоминается о рождении Бобринского и, наконец, потому, что рассматривается вопрос, действительно ли Петр III был отцом Павла, или Салтыков. Причем Бильбасов отвергает последнее предположение.

Государь признал возможным допустить продажу книги этой, отбросив первые два обвинения и значительно сократив изложение того места, которое подало повод к третьему. <...>

27 [февраля]. Вторник. Застаю вел. кн. Михаила Николаевича и вел. кн. Ольгу Федоровну в большом расстройстве. Из совокупности их сообщений и других, полученных мною из верных источников сведений оказывается, что произошло следующее: вел. кн. Михаил Михайлович, уже два года влюбленный в дочь гр. Игнатьева, отправился к государю, бросился на колени и стал умолять его разрешить ему этот брак. Разжалобленный своим двоюродным братом, государь сказал, что постарается это устроить. Разумеется, Михаил Михайлович просил об этом разрешении под условием выезда за границу и даже полного отречения от всех своих великокняжеских прав и преимуществ.

После такого, хотя и несколько уклончивого, но, без сомнения, весьма знаменательного в устах самодержца ответа, влюбленный князь прождал несколько дней и, не видя ни малейшего осуществления данного ему обещания, послал своего брата Александра (*persona grata* в Аничкове) напомнить государю о данном обещании. Ответ был такой же. Чрез несколько новых дней цесаревич со слов государя повторил то же самое. Так прошло дней десять, после коих 26 февраля, пред разездом из Аничкова дворца после выхода, государь пригласил к себе вел. кн. Михаила Николаевича и объявил ему, что по здравом размышлении он полагает всего лучше отправить Михаила Михайловича служить в отдаленный угол империи!..

Такое неожиданное решение Михаил Михайлович передал вел. князьям Владимиру и Алексею, кои вознегодовали на поведение старшего брата, причем последний решился высказать ему всю правду.

Семейство полагает, что такое изменение произошло под влиянием императрицы, которая опасается морганатических браков для своих сыновей. Что за чудовищное во всех отношениях ничтожество изображает из себя эта датчанка! <...>

2 марта. Пятница. Восшествие на престол, четырехчасовое торжественное служение в Исаакиевском соборе. <...> Присутствуют все вел. князья, исключая Алексея, который в этот день участвует в совещании у государя относительно Севастопольского порта³.

В 3 часа у меня на квартире заседание совета Исторического общества. Бычков, весьма состарившийся и уже мало к чему годный, Грот всегда милый, благородный, искренно любящий свое дело, Феоктистов, хныкающий о нелепом положении, которое создается негодяю Мещерскому, Веселаго почетный старик, трудящийся над историей флота, Дубровин всегда полный огня и трудолюбия, Штендман, сияющий полученною звездою, но довольно плохой по неумению излагать мысли секретарь.

Всем им хочется медку лизнуть — посидеть в библиотеке Аничкова дворца, а мне, признаюсь, это надоело, хотя это единственная в моей власти приманка для участвующих в издании сборника ученых. <...>

7 [марта]. Среда. Пишу государю письмо, спрашивая, желает ли он назначить у себя собрание нашего Общества, но нисколько на том не настаиваю, а, напротив, даю понять, что без этого весьма легко обойтись. Государь отвечает, что с большим удовольствием соберет у себя Общество в субботу.⁴ <...>

12 [марта]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Настаиваю на том, что государь не говорит ему ни слова о производящихся в Совете делах. Предлагаю собрать после заседания совещание о том, связывать или не связывать земский законопроект⁵ с уставом министра финансов о земском обложении. Ему все равно; на все согласен, во всем безгласен. <...>

В 9 час. вечера заседание Исторического общества в Аничковом дворце под председательством государя. Собираются в библиотеке: государь, наследник, Владимир Александрович, Гирс, Влангали, Бычков, Грот, Победоносцев, Феоктистов, Бартенев, гр. Шереметев, Веселаго, Дубровин, Куломзин, Сергеевич, Штендман.

Я сижу по левую руку государя между ним и цесаревичем. Подробности заседания описаны в газетах. Государь очень весел и интересуется как сообщаемыми мною сведениями, так и чтениями Веселаго, Грота, Дубровина.

Все идет чинно и оживленно, исключая всегдашних грубых выходов Бартенева, редактора «Русского архива», который, желая понравиться, всегда отпустит какую-нибудь наглость по адресу поляков или немцев. <...>

9 [апреля]. Вторник. Делая визиты, захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу. Его рассказы. Первый: «На днях захожу в пятом часу в Аничков; в этот час у императрицы пьют чай; она сидит вдвоем с государем, и я замечаю, что при моем входе они переменяют разговор; вскоре выясняется, что они разговаривают о только что полученной государем записке от брата Алексея, который просит позволения поехать в Париж навестить Зину Богарне, о чем последняя прислала ему телеграмму чрез посредство своего мужа Евгения Максимилиановича»⁶.

Государь очень смущен этим ходатайством, говорит, что разрешил бы эту поездку, если бы была хоть какая-нибудь возможность устроить ее под предлогом посещения строящихся за границею судов или под каким-либо иным благовидным предлогом, но что при отсутствии таких предлогов поездка вел. кн. Алексея произведет скандал. Вернувшись домой, Владимир Александрович уведомил о всем этом своего брата Алексея, который написал ему, что отказывается от своего намерения ехать. <...>

10 [апреля]. Вторник. Рождение вел. кн. Владимира Александровича. Весь город с их величествами и целым императорским семейством наполняет залы его некрасивого дворца.

После обедни поздравляют их высочеств, а затем завтракают в бальном зале и большой столовой. После завтрака стоят кучею в тех же комнатах, где завтракали, и даже некоторые курят; все это весьма неэлегантно и непридворно. Оно больше похоже на толпу путешественников в какой-нибудь железнодорожной станции.

В этот же день праздник у вел. кн. Екатерины Михайловны в ее прелестном обширном Михайловском дворце.

В 9 ¹/₂ [часа] приезжают их величества и на самой лестнице их встречают представлением живой картины Гверчино «Аврора». При чем гр. Голенищев-Кутузов читает написанное им по этому случаю стихотворение.

Посмотрев на картину, гости отправляются в самую большую залу и там усаживаются на поставленные рядами стулья. Пред публикою вместо театральной сцены является эстрада, на которой устроен пир, несколько напоминающий своею композициею картины Веронезе. Многочисленные, участвующие в этом представлении, одеты в костюмы более или менее италийские XVI столетия.

Посреди пира сначала принцесса Елена Георгиевна, а за нею и другие лица поют разные старинные песни, и в заключение несколько пар <...> исполняют весьма удачно старинные танцы. Представление кончается еще двумя живыми картинами: одною, изображающею рисунок Брюллова, а другою — «Аврору» Гида. Вечер оканчивается ужином, и преблагоразумно около 12 час. можно отправляться по домам. <...>

23 мая. Среда. Посылаю государю отпечатанный, но еще не выпущенный том о Комитете 6 декабря 1826 г.⁷, испрашивая разрешения, как его выпустить: томом сборника Исторического общества или изданием Государственной канцелярии. При этом пишу письмо о значении предполагавшихся реформ, о пользе коллегиального их обсуждения и постепенного осуществления и о том, что некоторые из этих реформ и во главе их уничтожение чинов до сих пор ожидают своей очереди. На этот раз успеваю списать с этого письма копию. <...>

9 [июня]. Суббота. По десятичасовому поезду еду в Александрию откланиваться государю. В приемной миниатюрного домика, занима-

емого их величеством, ожидает Ванновский. Приехавшего со мною секретаря императрицы прошу доложить ей о моем желании ей откланяться. Она немедленно меня принимает, несмотря на то, что у нее сидит греческая королева. Извиняюсь в причиняемом беспокойстве. Она спрашивает о здоровье жены моей. Отвечаю, что она уехала в Рагац лечить нервные боли, происходящие от суетливой петербургской жизни. <...> В заключение говорю: «Que nous serons très heureux de recevoir leurs majestés à Narva, mais que je suis malheureux de n'avoir pas jusqu'à présent appris la moindre des choses sur les habitudes de sa majesté». Она: «Je n'en ai pas, ni l'empereur non plus». Я: «Pardon, Madame, pour l'empereur il y a le простокваша» *. На этом расстаемся. <...>

После Ванновского зовут меня наверх в кабинет государя, который по обыкновению начинает разговор с того, что извиняется в том, что заставил ждать, потом спрашивает о том, когда я намерен уехать. Отвечаю: «Когда получу обратно последнюю меморию». Затем разговор касается дел Государственного совета, но я стараюсь перейти к другому, не желая высказывать неприятных истин, когда в близком будущем буду принимать у себя государя как гостя. Речь заходит о Нарве. Спрашиваю о распределении комнат. Государь подтверждает желание жить наверху, а германского императора поместить внизу. О германской императрице выражается так: «Я ее не приглашаю, потому что мне некуда ее поместить. У Вас, конечно, было бы место, а потом, когда мы пойдем маневрами, не могу я поместить ее в палатках, в которых мы будем сами жить». Выражает желание, чтобы в Нарве все было по возможности просто. Я отвечаю, что знаю его вкус к простоте и соображусь с этим. <...>

Потом разговариваем о коллекции Шпицера. Цифра 25 млн. франков, очевидно, пугает. Государь говорит, что этой цели уже удовлетворяет музей нашего училища.

В заключение говорим о его здоровье. Я ему очень советую устроить для себя jeu de romme **. Он говорит, что очень желал бы это сделать. Я возражаю, что во всяком случае, покуда он приведет это намерение в исполнение, следует делать больше движения. Отвечает, что решительно некогда, и при этом рассказывает, как проходит весь день: «С утра принимаю доклады вплоть до завтрака. После завтрака иду гулять и потом опять принимаюсь за бумаги. В 5 час. иду пить чай к жене, это единственное время, когда ее вижу. После обеда хочется что-нибудь почитать, а там опять бумаги до третьего часу».

* «Мы будем счастливы принять ваши величества в Нарве, но нас огорчает, что до сих пор я ничего не узнал о привычках вашего величества». Она: «У меня их нет, как и у императора». Я: «Извините, ваше величество, что касается императора, то я знаю о простокваше». (франц.)

** игра в мяч (франц.).

Я: «Да, я нередко проезжаю мимо Аничкова дворца, иногда весьма поздно. Еду домой от Абазы, где играю в вист, и всегда вижу Ваш кабинет освещенным. Но я думаю, что можно бы значительно сократить <число> бумаг, посылаемых Вам для прочтения».

Государь: «Я уж и так сократил. Например, по Министерству иностранных дел я запретил посылать мне бумаги, касающиеся мелких государств, как, например, Испании и Португалии».

Отпускает меня со словами: «До свиданья, в Нарве у Вас, 4 августа».

Я: «Слушаюсь. Если будут какие приказания, то благоволите их мне прислать».

Государь: «Помилуйте, какие еще, Вы уж и так столько делаете». <...>

4 [августа]. Суббота. В 2 часа приезд свиты, о которой нельзя не сказать два слова. Несмотря на то, что нынешний государь сократил свиту наполовину (с 500 до 250) и намерен продолжать сокращение, от прежнего времени осталось множество никуда не пригодного хлама, который в настоящее время и составляет персонал, появляющийся для сопровождения императора. Для народного самолюбия, признаюсь, несколько обидно видеть при свидании двух императоров немца, окруженного лучшими людьми, достойными проводить жизнь в интимном общении с своим владыкою, а нашего царя, привезшего подонков, случайно получивших императорский вензель, ни на какое серьезное дело не годных лиц.

К 7 час. еду на устроенную нами для этого случая деревянную железнодорожную станцию, где собрались встречать их величеств. <...>

По выходе на площадку их величеств им подносят хлеб и соль сначала депутация от г. Нарвы, потом депутация от ремесленного общества, затем рабочие и директора наших фабрик и, наконец, моя жена и я. Она передает государю золоченое блюдо, исполненное по рисунку одного из учеников нашего Рисовального училища⁸, с такими надписями: «Нарва 4 августа 1890 г. Милости просим! Добро пожаловать!» Государь очень любезно приветствует мою жену. Императрица же, взяв от меня букет из орхидей, не оставляет его ни минуты в своих руках, а тотчас передает его состоящему при ней кн. Ивану Михайловичу Голицыну, наградив меня молчаливым поклоном.

Хотя я давно испытываю ее нерасположение ко мне, но, признаюсь, такой прием меня несколько смущает, и я, подавая букеты великнягиням, сбиваюсь в их старшинстве, что вызывает замечание Марии Павловны, что я ее больше знать не хочу.

При выходе из станционного павильона императрица, вероятно под впечатлением своего дурного расположения, забывает на станции свою 16-летнюю дочь Ксению (которая не имела и не имеет воспитательницы, а проводит время с горничными). Отъехавшую несколько шагов

коляску останавливают и берут с собою Ксению. Народ, по дороге стоящий толпами, кричит «ура», и императорская чета благополучно достигает главного дома.

На станции кн. Оболенский подходит к жене и ко мне, приглашая к императорскому столу.

В 8¹/₂ часа обед в большой палатке, раскинутой вблизи от дома на лужайке. <...> Здесь дожидает собравшаяся в числе сотни человек свита и среди нее одна дама — жена моя и один гражданский чиновник — я. <...> В материальном отношении обед самый простой.

Войдя в палатку, государь подходит к жене моей и объявляет, что поселился во втором этаже сообразно моему первоначальному предположению; говорится это, как объявление о какой-то победе, мною над Оболенским одержанной. Несчастный государь, среди какого вечного конфликта самолюбия ему приходится жить.

После обеда присутствовавшие приглашаются пройти в пальмовый садик, куда приходит Нарвское певческое собрание (Liedertafel *) петь немецкие песни. Государь, очень любящий хоровое пение, благодарит их и говорит с некоторыми из них по-немецки. Вечер чудесный, наше электрическое освещение удалось отлично. Около 11 час. все расходятся по домам.

5 [августа]. Воскресенье. <...> В 8-м часу вечера приехал из Ревеля германский император, запоздавший в пути вследствие тумана.

Государь ездил к нему навстречу до железнодорожной станции. Мне Воронцов посоветовал оставаться дома, что я и сделал, почитая его совет авторитетным, хотя несогласным с законами вежливости.

Так как Месмахер заготовил для нас два блюда: одно золоченое в русском стиле, а другое серебряное в стиле Людовика XV и последнее у меня сохранилось, то я поставил его с хлебом-солью в комнату германского императора.

Войдя в обеденную палатку, он, ведший к столу императрицу, самым любезным поклоном выразил мне свою благодарность за полученный подарок.

После обеда общество было приглашено к вел. кн. Владимиру Александровичу, из гостиной коего открывался красивый вид на водопад, освещенный бенгальскими огнями.

Вслед за иллюминацией повторилось на этот раз пение квартета мужских голосов, а под конец наши церковные певчие из фабричных пропели несколько русских песен. <...>

Русский император, уже сменивший прусский мундир на русский, добросовестно и внимательно, как все, что он делает, слушал пение, германский император, с ушами, набитыми ватой, был весьма равнодушен к музыкальному наслаждению и старался быть любезным со

* Певческое общество (нем.).

всяким, кто находился вблизи от него, прежде всего с русской императрицею, которая довольно холодно принимала его любезность, немного находила ему отвечать и, казалось, сожалела, что не имеет другого соседа... <...>

6 /августа/. <...> По случаю праздника Преображенского полка парад на устроенной нами вблизи от дома площади, где проведена дорожка, поставлены эспланада для императорской палатки и бараки для хранения парадной обмундировки солдат. Никому не приходит в голову пригласить мою жену ни смотреть на парад, ни к следующему за парадом завтраку. В 3 часа устроенное мною народное гулянье, их величества проезжают по месту гулянья, отправляясь в Нарву, где осматривают кой-какие древности. Обычный обед в 8 ¹/₂ часа. Государь, заметивший, вероятно, что моя жена не была приглашена к завтраку, усиленно выказывает ей чрезвычайную любезность и, постоянно разговаривая с нею, даже рассказывает всякие истории, что совсем не в его привычках.

7 /августа/. Вторник. Проливной дождь, начинаются маневры под Ямбургом. <...>

8 /августа/. Роздых. Вечером в 8 ¹/₂ часа опять обед в палатке, несмотря на страшную сырость. <...> За обедом государь, выпив за здоровье жены, с неизменною любезностью обращается в мою сторону и пьет мое здоровье. Его примеру следуют император Вильгельм, но императрица, сидящая против первого и возле второго, увидав, что дело касается меня, делает вид, что не замечает оказываемой мне вежливости, в коей не желает участвовать, вероятно, опасаясь заслужить неудовольствие двух Володей⁹.

9 /августа/. Четверг. В 10 час. оба императора со свитами приезжают осматривать льнопрядильную и суконную мануфактуры. По моему распоряжению, директора стараются показать лишь существенное, не обременяя их величеств излишними подробностями, но наш государь настаивает на том, чтобы осмотреть каждый угол и показаться каждому рабочему, Вильгельм заказывает на суконной фабрике 600 метров сукна для своего любимого гвардейского батальона. По мере того, как комнаты были осмотрены высокими посетителями, рабочие, освобожденные на этот день от работы, выходят на улицу, и здесь, по выходе их величеств, встречают их пением народного гимна и криками «ура».

2-тысячная толпа бежит за коляскою государя, сопровождая его до пределов окружающего дома сада. Такой прием, сделавшийся редким за последние смутные годы, приятно поражает государя, особенно ввиду сопровождающего немца. <...>

В 2 часа отъезд с нашей железнодорожной станции. Государь еще усиленно благодарит меня и жену. Императрица делает комплименты нашему неоцененному садовнику Абеля, коему нарвский прием всеце-

ло обязан успехом. Меня императрица не замечает и уже из вагона, вероятно по чьему-нибудь внушению, подзывает к окну и подает руку.

Поезд движется при криках «ура», я восклицаю «уф!», как неаполитанский король, потеряв из виду коляску прогостившего несколько дней в Неаполе императора Николая.

По счастью, все сошло без особых приключений, но, присмотревшись к хаосу придворной службы, к презренной личности играющего в этом первую скрипку Оболенского, я опасался какой-нибудь козни или интриги, могущей выразиться таким фактом, в коем вся виновность без возможности оправдаться была бы свалена на хозяев местности.

Думаю, что материальные подробности образа жизни несколько облегчили условия свиданья и, быть может, прямее привели к той ноте радушного сближения, которое составляло основную цель свиданья. <...>

22 /октября/. Понедельник. По назначению государя еду являться в Гатчину по поезду 9 ¹/₂ часа утра. Сажу в вагоне с Чихачевым и Островским.

В Гатчине отправляюсь сначала к императрице, которая по докладу камердинера немедленно и очень любезно меня принимает, но уж чресчур усиленно возвращается к нарвскому пребыванию и расточает любезности, как бы желая загладить оказанный там недостаток приветливости. Разговор заходит, конечно, о путешествии цесаревича, которое материнское сердце находит слишком длинным¹⁰.

В 12 час. у государя. Застаю его весьма печальным. Очевидно, тяжело расставаться с сыном. По обыкновению весьма любезен. О Нарве имеет такт не упоминать ни слова, за что я ему глубоко благодарен. Расспрашивает о воронежском и тамбовском имениях, где мы были в конце августа и начале сентября. Говорим о делах Совета, имеющих быть рассмотренными в эту зиму: городское положение, земские учреждения в Балтийском крае, закон об охоте, таможенный тариф. «Но министр финансов, верно, внесет еще и другие проекты», — прибавляет государь. Я уговариваю его, во-первых, купить коллекцию Шпицера или, по крайней мере, некоторые из нее отделы, а во-вторых, передаю ему разговор, бывший у меня в Париже с живописцем Бонна, который засвидетельствовал мне, что явится в Петербург для написания портрета государя, как только получит к тому приглашение.

Государь отнекивается тем, что скучно сидеть в качестве модели. Я, со слов Боголюбова, уверяю, что Бонна не будет его мучить. Государь говорит, что сделает это, когда будет постарше. Я возражаю, что тогда у него будет совсем другое лицо, а что теперь, после десяти лет царствования, на нем лежит нравственная обязанность оставить свой портрет. Отвечает, что поговорит с императрицею. <...>

27 /декабря/. Четверг. В 9 ¹/₂ часа на железной дороге в Гатчину. В вагоне Дурново, Делянов, Рихтер.

В 11 час. с Дурново в приемной у государя. Дурново пробывает в кабинете менее получаса и, выйдя оттуда, успевает лишь сказать мне, что о назначении членов Совета не было говорено ни слова, несмотря на то, что он намеренно упомянул о Совете и имеющих быть внесенными в него делах; меня зовет камердинер и одновременно вносит в кабинет государя несколько захваченных мною с собою гравюр на дереве, исполненных учениками нашего Рисовального училища. С этого и начинается у нас разговор. Государь доволен исполнением гравюр, но сожалеет, что они отпечатаны в Париже, а не в России; находит их достойными быть повешенными на стенах какого-либо загородного дворца.

Затем происходит приблизительно такой разговор. <...>

Я: «Вел. князь приказал мне испросить у Вашего величества приказание относительно изготовления указа о назначении Голицына членом Государственного совета».

Государь: «Да. Вел. князь предложил мне таких кандидатов в члены Совета, кои совсем не подходящи. Что такое Шамшин, Мордвинов? Больше ничего, как чиновники. У нас и так уже судебного элемента много в Совете».

Я: «Кандидаты эти были предложены Вашему величеству вот по какому соображению: Гражданский департамент Государственного совета положительно требует подкрепления, Стояновский уже в преклонных летах; то же самое можно сказать о Философове и Саломоне, с тою разницею, что Стояновский прилежно работает, а Филосовов ничего не делает, Саломон же оказывается неспособным к полезной деятельности. <...>

Относительно того, что Ваше величество изволите замечать, что в Совете уже и теперь сидит много юристов, я высказывал Вам и прежде это мнение, но оно не имеет применения к Гражданскому департаменту. Здесь рассматриваются часто дела исключительно судебного свойства, дела, ведающие значительные личные и имущественные интересы. Заключение Гражданского департамента идут на утверждение Вашего величества помимо Общего собрания. Что, если Вашим именем, государь, будет закреплено неправильное толкование закона, имеющее сделаться обязательным в применении к нуждам Вашего народа? Конечно, в этом департаменте превосходный ст.-секретарь Боголюбов, замечательный по трудолюбию, способностям и нравственным качествам, но достаточно ли это?»

Государь: «В таком случае можно назначить кого-либо из юристов [из] нынешних членов, например, Набокова».

Я: «Государь, Вы лучше меня знаете, имеет ли этот человек то нравственное достоинство, которое должно принадлежать человеку, призываемому Вами к серьезной деятельности. Не стану говорить о том, что говорит весь город, что у сошедшего с ума Базилевского найдено

на 200 тыс. руб. векселей Набокова, остановлю внимание Ваше на том, что Набоков получил Владимирскую ленту в Вашу коронацию в 1883 г., он прослужит год-другой в департаменте и Вы поставлены будете в необходимость его наградить. Что же Вы ему дадите? Андреевскую ленту?»

Государь: «Никогда».

Я: «Так что же?»

Государь: «Ничего».

Я: «Это будет невозможно».

Возвращаемся к кандидатуре Голицына.

Я: «Я очень люблю Голицына. Он постоянно со мною охотится, но тем не менее я должен сказать, что назначение его в Гражданский департамент никакой пользы не принесет». <...>

В заключение решено ни о ком, не исключая Голицына, указов не заготовлять.

Затем разговор коснулся дел Государственного совета. Я, разумеется, обратил внимание государя на то, что до сих пор не внесено ничего из всего, что было обещано на настоящую сессию. Потом я напомнил о проекте об уничтожении чинов и сказал, что следовало бы двинуть этот вопрос; причем привел несколько примеров тех уродливостей, кои загромождают ряды служащих в ущерб их деятельности. Государь совершенно с этим согласился и сказал, что помнит высказанное по этому предмету покойным Шестаковым мнение, которое с своей стороны признает вполне справедливым.

В заключение я доложил о делах Исторического общества. Прежде всего испросил категорическое разрешение выпустить в свет том материалов, касающихся Секретного комитета 6 декабря 1826 г., а потом оставил у государя на столе печатаемый мною ныне том депеш французского посланника о конце царствования Петра II и о вступлении на престол Анны Иоанновны с большими подробностями об ограничительных для власти ее условиях, выработанных верховниками. Государь обещал прочитать отмеченные мною места, но при этом заявил мысль, что в нашем сборнике, как издании, предназначенном для библиотек, можно помещать много такого, напечатание коего не могло бы быть допущено в других изданиях. <...>

МЕМУАРЫ

Впервые припоминаю его в Кремле, в саду Николаевского дворца в Москве, где в 1850 году находился император Николай. Ребенком приглашали меня играть с великими князьями, мы бегали в небольшом дворцовом саду. Позднее те же игры продолжались в Петербурге. Каждое воскресенье приглашали меня в 6 часов вечера и до 9, когда возвращались все товарищи домой. Время проходило очень скоро, и всегда бывало весело на этих играх. В. к. Александр Александрович был в то время еще в тени своего старшего брата. Только с переездом последнего в отдельное помещение Шепелевского дворца¹, когда он совершенно был отделен от братьев, мы продолжали по-прежнему ходить на игры, в которых старшим уже становился второй брат. К этому времени относится подаренный мне в. к. Александром Александровичем портрет — в курточке с погонами Финского стрелкового батальона и с его подписью.

Прошло еще несколько лет. Я поступил в Кавалергардский полк и стал встречать молодого великого князя в Царском. Он тогда был еще очень юн, и было время, когда он восхищался красотой вдовы Кушелевой-Безбородко. Так, на одном из балов Дворянского Собрания в Петербурге случилось мне быть на хорах. Около меня случайно очутился Г. Т. фон-Бок, один из воспитателей великих князей, и указал мне на великого князя Александра Александровича, сидящего за мазуркой около графини Кушелевой. Пышным своим платьем она покрывала ему колени и внимательно занималась им. Но все это вовсе не было серьезно.

Когда я служил в полку, узнал я, что внимание его было поглощено в иную сторону. В то время в полном расцвете красоты и молодости появилась на петербургском горизонте княжна Мария Элимовна Мещерская. Еще будучи почти ребенком, в Ницце, она была взята под покровительство императрицы Александры Феодоровны. Она была тогда почти сиротою, не имея отца и почти не имея матери. Тетка ее, княгиня Елизавета Александровна Барятинская² (кн. Чернышева) взяла ее к себе в дом на Сергиевскую, и я был в полку, когда прибыла в дом Барятинских девушка еще очень молодая, с красивыми грустны-

ми глазами и необыкновенно правильным профилем. У нее был один недостаток: она была несколько мала ростом для такого правильного лица. Нельзя сказать, чтобы княгиня Барятинская ее баловала. Напротив того, она скорее держала ее в черном теле. Она занимала в доме последнее место, и мне как дежурному и младшему из гостей, когда приходилось обедать у полкового командира, не раз доставалось идти к столу в паре с княжной Мещерской и сидеть около нее. У нас был общий знакомый законоучитель протоиерей Сперанский, сопровождавший императрицу Александру Феодоровну в Ниццу. Он всегда очень хвалил ее. Присутствие такой скромной и красивой девушки не могло остаться не замеченным. <...>

Когда и как перешла княжна Мещерская во дворец, фрейлиною к императрице Марии Александровне — не знаю, но только с этого времени нерасположение к ней княгини Барятинской стало еще яснее. Совершенно обратное произошло с князем. Он, казалось, все более и более привязывался к ней и сам, быть может, того не замечая, просто-напросто влюбился в нее. В это время мысли ее были направлены совсем в иную сторону. Не сразу догадались, что близость ко двору княжны Мещерской могла иметь неожиданные последствия. Она встретилась с в. к. Александром Александровичем. Представляю другим рассказать, какого свойства было это сближение и насколько оно послужило развитию характера великого князя. Возвышенная и чистая любовь все сильнее захватывала его, и чем сильнее она росла, тем сознательнее относился молодой великий князь к ожидаемым последствиям такого глубокого увлечения. Оно созрело и получило характер зрело обдуманной бесповоротно решимости променять бречное земное величие на чистое счастье семейной жизни. Когда спохватились, насколько все это принимало серьезный характер, стали всматриваться и наконец решили положить всему этому предел. Но здесь наткнулись на неожиданные препятствия, несколько раскрывшие характер великого князя.

Живо помню это время и прием у великой к[нягини] Елены Павловны. Это был один из тех блестящих вечеров, которыми славилась великая княгиня, и имевших историческое значение. Между двух гостиных, в дверях, случайно очутился я около канцлера князя Горчакова, княжны Мещерской и в. к. Александра Александровича. Я вижу, как последний нагнулся к княжне и что-то говорил ей на ухо. До меня долетает и полушутливый, полусерьезный ответ: «Молчите, Августейшее дитя». И тут же князь Горчаков вступил в разговор с обычною своею развязностью, а я отошел от них подальше. Только тут заметил я особенность отношений, о которых до того не догадывался. <...>

Я не буду говорить о последующей драме, закончившейся удалением княжны Мещерской за границу, где ее против воли выдали за-

муж за Демидова Сан-Дonato. Но мне пришлось быть случайным свидетелем последнего вечера, проведенного ею в России. После обеда у полкового командира князя В. И. Барятинского в Царском Селе мне предложено было ехать с ним на музыку в Павловск. В четырехместной коляске сидели князь Барятинский и княжна Мещерская. Я сидел насупротив. Князь был молчалив и мрачен. Разговора почти не было. Княжна сидела темнее ночи. Я видел, как с трудом она удерживалась от слез. Не зная настоящей причины, я недоумевал и только потом узнал я об отъезде княжны за границу на следующий за тем день.

В числе лиц ей близких, и скорее поклонников ее, был граф Алексей Борисович Перовский. Помню его на вечере в здании лицея, где жила княжна Мещерская. Он что-то рисовал для нее в альбом. Перовский был близок к в. к. Александру Александровичу и потому мог служить между ними звеном. Он действительно выполнил несколько трудных и щекотливых поручений и доказал, что на него можно было положиться. Великий князь никогда этого не забыл и неизменно благоволил Перовскому, снисходительно относясь к его слабостям, и здесь разгадка их необычных отношений, которые не раз впоследствии ставились будущему цесаревичу в упрек.

Мне пришлось приблизительно в это время испытать на себе благоволение великого князя. Когда в полковой праздник 1861 года я посажен был государем Александром II-м под арест и вполне заслуженно, меня очень скоро освободили и даже тотчас же пригласили во дворец к завтраку. Я узнал впоследствии, что за меня ходатаем явился в. к. Александр Александрович. Вообще же, я не мог подозревать о расположении его, так как он почти никогда со мною не говорил, и даже в то время не скрывал своего несочувствия к Кавалергардскому полку. Он любил Конную гвардию, и в этом сказалось временное влияние командира Конного полка графа Н. П. Граббе, пользовавшегося тогда его близостью.

Не упоминаю о кончине старшего брата и о переломе в жизни его преемника. Об нем тогда говорили немало и далеко не сочувственно. Цесаревич Николай — любимец матери, личность обаятельная, мог считаться тогда общим любимцем. На нем сосредоточились все надежды, а о втором брате не думали и не говорили. Он был совершенно заслонен и по чувству своему к брату вполне довольствовался этим затемнением. Им вообще мало занимались и, к удивлению, это не было случайностью. Императрица Мария Александровна хорошо знала, какое значение в жизни Александра Николаевича имело развитие второго его брата — Константина³. Она опасалась возможности повторения того же в своих детях. Тщательно занимаясь старшим сыном, она с некоторою ревностью относилась ко второму, словно опасаясь вреда от сравнений при одинаковой подготовке обоих братьев. При Дворе вообще сложилось скорее неблагоприятное понятие об Александре

Александровиче. Его считали неразвитым, неодаренным, неутонченным, упрямым и непокладистым. История с княжной Мещерской скорее послужила ему во вред, ибо произвела сильный переполох, когда великий князь поставил своим родителям вопрос ребром. С ним оказалось нелегко сладить, и упорство его было истолковано в самом неблагоприятном смысле. Государь Александр II, с детства Александра Александровича всегда скорее ему сочувствующий даже словно больше, чем старшему, при встрече неожиданного отпора и препятствия в сыне сжался и несколько отдалился от него.

12 апреля 1865 года было роковым ударом для императрицы Марии Александровны. Она никогда не оправилась от своего горя. Объявлен был новый цесаревич, но о нем неохотно даже и говорили... Его вообще мало знали и не скрывали опасений за будущее. Отражение всех этих разговоров доходило до меня почти из первых рук. Я часто бывал тогда у А. Н. Мальцовой, и она не скрывала своего слабого мнения о новом цесаревиче. Таков был придворный голос, но в то время уже были и исключения в этом дружном несочувственном хоре... К числу таковых принадлежал князь П. А. Вяземский.

Великий князь Александр Александрович никогда не отличался светскими наклонностями, не любил танцевать, на балах всегда сучал и не скрывал вообще своих взглядов. Придворные дамы двора императрицы Марии Александровны всего менее привлекали его, как и близкий ее кружок. Он определенно не сочувствовал ни Тютчевым, ни Мальцовой, ни Толстой, ни Блудовой. Его калачом не заманишь на придворные вечера, и в то же время он охотно посещал княгиню Веру Феодоровну Вяземскую, находя удовольствие в ее беседе и видя в ней сочувствие к загнанной большинством княжне Мещерской. Она с ним шутила, привлекала его живой и блестящей речью, на правах старости позволяла грозить ему иногда своею тростью. И эта трость осталась у него твердо в памяти. Княгиня жила тогда в Царском Селе — в Китайских домиках. В то же время ближе узнал он и князя Петра Андреевича.

Понятно, что именно в среде окружающих государя и императрицу находились люди, не сочувствующие цесаревичу. Они распространяли о нем известные слухи, хотя невольно должны были с ним считаться. Всех язвительнее и ожесточеннее был царский брат — Константин Николаевич. Он не щадил самолюбия, не стеснясь отзывался презрительно о цесаревиче. Впрочем, он и ранее того, с детства его относился вообще к племянникам пренебрежительно. Это я слышал от самого государя Александра III. Как бы неохотно и несочувственно ни относились к цесаревичу многие, все же положение его заставляло обращать на себя внимание, хотя бы ради любопытства перед сомни-

тельным будущим. С другой стороны, появились неизбежные пролазы, стремившиеся заблаговременно обеспечить себе положение для будущего. Они появлялись, проникали, иногда временно втирались, но все это оказалось непрочным.

Новому цесаревичу нужно было составить двор.

Кроме графа С. Г. Строганова и генерала О. Б. Рихтера, многие из числа близких к покойному цесаревичу перешли к брату. Оба ординарца его — Козлов и князь В. А. Барятинский назначены были адъютантами к новому цесаревичу. По наследству от старшего брата перешли к нему Ф. А. Оом, И. К. Бабст, К. П. Победоносцев, а также и князь В. П. Мещерский. Вскоре, однако же, стало ясно, что помимо этих «унаследованных» лиц к цесаревичу всех ближе стоял человек, не связанный ничем с покойным Николаем Александровичем. То был флигель-адъютант граф Воронцов-Дашков. По типу своему он (хотя лично и приятный государю) вовсе не принадлежал к категории приближенных этого царствования. Человек независимый по характеру, он был представителем тех военных преданий, которым не сочувствовало господствовавшее направление 60-х годов. Появление Воронцова в близком кругу цесаревича внушало многим скорее неудовольствие, и злоречие не щадило его. Его мерили на свой аршин и сильно ошибались. Несомненно, однако же, что сближение между цесаревичем и Воронцовым установилось раз навсегда и уже не подвергалось колебаниям. Настоящий характер этого сближения не мог быть доступен и даже понятен большинству. С годами ревнивый оттенок известной категории лиц все более отражался на Воронцове, и в то же время неизбежно усилился прилив ласкателей и лиц, втирающихся в доверие.

Цесаревичу Александру Александровичу предстояло тяжелое испытание, при цельности его характера особенно ему трудное. По наследству от брата переходит к нему «его невеста». Вопрос этот был предрешен, и всесильный довод государственной необходимости не давал места рассуждениям. Представляю судить, что должен был испытывать цесаревич. Он преклонился перед необходимостью, перед долгом, но ни в каком случае ни перед кем не лицемерил. Конечно, не мог он лицемерить и перед невестой. Явление было необычное, но оно не могло не внушать к нему уважения.

Живо помню день приезда принцессы Дагмары. То был ясный сентябрьский день. Я был в строю Кавалергардского полка, расположенного у въезда в Большой Царскосельский дворец, ждали мы долго и нетерпеливо, ожидали видеть ту, чье имя облетело всю Россию. Вот наконец показалась четырехместная коляска прямо из Петергофа, все взоры устремились по одному направлению. Принцесса Дагмара приветливо кланялась во все стороны и на всех произвела чарующее впечатление. Дни стояли ясные, солнечные, несмотря на сентябрь. Тют-

чев воспел «Дагмарину неделю», то была действительно радостная и светлая неделя. Видел я, как подъехала коляска ко дворцу, воображение дополняло встречу, и слышался церковный привет: «Благословен грядый во имя Господне!»! Вслед за тем начался ряд празднеств: балы, иллюминации, фейерверки. Они, конечно, были тягостью для цесаревича. Я был на одном бале и видел, как цесаревич стоял во время кадрили около своей невесты, но это продолжалось недолго. Он решительно заявил, что танцевать не намерен, и слово это сдержал к немалому смущению придворных и семьи. Вообще, в роли жениха цесаревич, по-видимому, был невозможен, по крайней мере, до меня доходили отзывы пюристов, находивших его поведение крайне неудобным. Он показывался в публике по обязанности, у него было отвращение ко всяким иллюминациям и фейерверкам, ко всему показному и деланному. Он не стеснялся делал по-своему и вызывал нетерпеливое неудовольствие родителей. В публике стали еще более жалеть невесту, лишившуюся изящного и даровитого жениха и вынужденную без любви перейти к другому — человеку грубому, неотесанному, плохо говорившему по-французски и в корне враждебному всем преданиям Готского календаря⁴. Таков был господствовавший в придворных кругах отзыв... Зато популярность принцессы Дагмары росла. В ней видели залог благополучия, и на нее возлагали всю надежду, а она своими лучистыми глазами зажигала сердца, простота ее и прелесть сулили счастье и покой. Нелегко было ей в новой, еще чуждой ей обстановке. Императрица Мария Александровна относилась к ней сдержанно, словно подчеркивая измену своему любимцу, она охлаждала порывы ее любезности: «Tenez-vous à votre place, vous n'êtes pas encore Imperatrice!» *. До меня доходили отзывы приближенных к императрице. А. Н. Мальцова не скрывала своих иронических замечаний. <...>

Наступил 1868-й год. <...> Мы жили в доме Гагариных на Дворцовой набережной. Однажды вечером докладывают, что пришел какой-то писарь Военного Министерства. Мне передают черновик напечатанного приказа, по которому я назначаюсь адъютантом к цесаревичу. <...>

После обедни все возвращались выходом из церкви к завтраку во внутренние покои. Все уже двинулись в этом направлении, а я все еще не успел представиться цесаревичу. Вижу его, наконец, разговаривающим с кем-то у окна и подхожу к нему. Он посмотрел мне прямо в глаза, протянул руку и сказал: «Очень рад Вашему назначению». Этим прием и ограничился. После ласковых слов государя мне прием этот показался несколько холодным. Цесаревич вслед за тем пошел к завтраку, а я вернулся в Петербург.

* Не выходите из своей роли, Вы еще не императрица! (франц.)

С этого дня я стал чаще его видеть. По числу назначений я был третьим личным адъютантом, но Козлов и Барятинский перешли к нему от брата. Мне пришлось быть первым «личным» адъютантом цесаревича Александра Александровича. Не раз приходилось мне слышать от него, что почти не было у него хороших воспоминаний отрочества. Из детства лишь любил он вспоминать только немного. Так, всегда с удовольствием вспоминал о пребывании в Останкине в коронацию императора Александра II в 1856 году. Они занимали тогда отдельный флигель близ церкви, и он очень интересовался судьбою этого дома. Пребывание в Зимнем дворце для него всего более мрачное время, и он даже раздражался вспоминать о нем. Счастливое время для него началось с переездом из Зимнего дворца в Аничков, куда переселился он после свадьбы. С тех пор он сильно полюбил Аничков, хотя в конце концов предпочел Гатчино. Почему он не любил вспоминать про свое детство и почему он раздражался, говоря об этом времени, — не знаю. В 70-х годах охотно жила он в Царском Селе, в Александровском дворце, но со дня свадьбы княгини Юрьевской ноги его там не было.

Цесаревна скоро забеременела, но по неосторожности верховой езды в Дании выкинула. Рождение сына Николая было, конечно, большою радостью. Второго сына они назвали Александром, но ему не суждено было долго жить. Смерть его глубоко огорчила родителей и, как говорят, имела прямым последствием значительное сближение, незаметное в первые года. Общее горе закрепило тот крепкий союз, который отныне безоблачно стал уделом их до конца. Я дежурил ночью перед телом ребенка. При мне Крамской рисовал его портрет. Верхом сопровождали мы тело его в карете в крепость. Родители безутешно плакали. <...>

В первое время меня поражала близость человека, мне никогда не внушавшего сочувствия. То был князь В. П. Мещерский. Должен сказать, однако, что ему я обязан одним из приятнейших вечеров в жизни. У него в определенные дни собирался довольно разнообразный и интересный кружок. На этих вечерах присутствовал и цесаревич. Он имел таким образом возможность встречаться иногда с интересными людьми. Случайно один раз получил и я приглашение на это собрание. Тут встретил я кн[язя] С. Н. Урусова, гр[афа] А. К. Толстого, К. П. Победоносцева, барона Фредерикса (дипломата) и др. Разговор был живой, непринужденный, не стесняемый присутствием цесаревича, который, видимо, был доволен. Очень жаль, что подобные вечера скоро прекратились; еще более жаль, что они имели место у князя Мещерского, который уже и тогда двоился и казался ненадежным представителем того, чем он желал казаться. На первых же порах пришлось мне испытать странности его образа действий. Однажды на концертном балу подошел он ко мне и, таинственно отводя в сторону,

внушительно и как бы официально передал мне, что я слишком небрежно отношусь к служебным своим обязанностям. Из слов его выходило как бы исполнение поручения, ввиду предупреждения меня на всякий случай. Меня это смутило и расстроило. На следующем дежурстве я сказал цесаревичу, что очень огорчен таким предостережением, не зная, в чем заключается мой промах. Цесаревич взглянул на меня удивленно и, когда я назвал ему Мещерского, то он еще более удивился и прямодушно сказал мне, что ничего подобного нет, причем довольно небрежно отозвался о Мещерском. Меня это вполне успокоило. <...>

Меня все-таки удивляла близость князя Мещерского. Не раз приходилось мне на первых порах моей службы на дежурстве завтракать с цесаревичем в его кабинете в Аничковом дворце. Приносили небольшой круглый стол, накрытый на три прибора, и завтракали втроем: цесаревич, Мещерский и я. Разговор был непринужденный. Мещерский всегда затрагивал живые вопросы и выражался довольно смело. Цесаревна тогда почему-то не завтракала. Так продолжалось только первое время моего адъютантства, вскоре Мещерский стал показываться реже, а там и вовсе исчез, к великому удовольствию цесаревны. Она не могла говорить об нем равнодушно, а цесаревич, когда нападали на Мещерского, защищал его, хотя довольно слабо и как бы шутя. Окончательное падение его связано с каким-то злоупотреблением доверия в Западном крае, где он раздавал портреты цесаревны, будто бы по ее уполномочию. Ему с нею не везло, как он ни старался, но и приемы его были неудачны. Он стал ей писать письма с объяснениями в любви, чем окончательно опротивел, и ему был возбранен вход во дворец. В то время он находился под покровительством Победоносцева. Цесаревич с обычным своим юмором, когда говорил об нем, называл его Vovo, но без малейшего раздражения, скорее с чувством жалости и легкой иронии. <...>

В этот перечень давно просится К. П. Победоносцев, человек, без сомнения, игравший значительную роль при цесаревиче и продолжавший ее в его царствование. Мне говорить об нем не легко, как лично испытывшему его обаяние и долго почитавшему его, увы, не вполне тем, каким он оказался. Но, во-первых, Победоносцев времен цесаревича и Победоносцев царствования Александра III — не совсем одно и то же. У него еще были тогда друзья обоего пола, и он не стоял так одиноко. При относительной бедности обстановки цесаревича Победоносцев своим присутствием оживлял, придавая беседе известное направление. Укладистый, простой и приветливый, он привлекал своим несомненным выдающимся умом, оригинальностью речи, истинным юмором и меткостью суждений. Его критический склад и его особые изложения блистали остроумием. Он был наиприятнейший собеседник. Направление его казалось определенным и вызывало сочувствие. В нем, видимо, готовился тот борец за все нам родное и священное, с чем мы

росли и чем жили. Всегда представлялся он мне будущим обер-прокурором Св. Синода и в этой деятельности он обещал много добра. <...> Всегда я очень радовался, когда Победоносцев у цесаревича завтракал. Бывало слушаешься его беседы. Нет сомнения, что цесаревич оценил в нем положительные его качества, его выдающиеся дарования, и считал его человеком, себе, безусловно, верным. Он знал, что Победоносцев вообще не пользовался сочувствием многих, но в характере его был некоторый дух противоречия, и он, быть может, оттого еще более приблизил к себе человека, многим неугодного. Что касается до цесаревны, то никогда не замечал я особого с ее стороны расположения к Победоносцеву, позднее чувство это обратилось в определенную вражду, которую она и не скрывала. В царствование императора Александра II, несмотря на близость свою к цесаревичу, он сумел удержать равновесие и достиг обер-прокурорства. Он пользовался всегда и очень искусно одним преимуществом и в этом доказал тонкое понимание характера цесаревича. Он обращался к нему письменно по всем вопросам, своим и чужим, и пользовался этим правом чрезвычайно искусно. Он был всегда начеку и вовремя, раньше других доставлял необходимые сведения. Эти письма писались наскоро, без обычных формальностей, и если они сохранились, то по ним всего лучше можно будет определить настоящего человека. Позднее он развил эту способность писать подобные письма до некоторой крайности и перешел через край. Несомненно, что цесаревичу нравились подобные отношения до известных пределов, но могу засвидетельствовать, что он тяготился не раз его чересчур наступательными приемами. <...>

Особенно памятны мне вечера в большой угловой гостиной цесаревны. Собирались тогда за круглым чайным столом, а потом рассаживались играть в карты. Цесаревич со своими обычными партнерами, остальные садились за стол цесаревны, до 12 обязательно играли в игру под названием *loup*. Конечно, мне всегда приходилось сидеть за зеленым столом цесаревны, и мне было всегда убийственно скучно, что, кажется, и бывало заметно. Еще за чайным столом бывало, и то благодаря цесаревичу, разговор принимал иногда интересный оборот. Тут сидели: почтенная княгиня Ю. Ф. Куракина, А. Н. Стюрлер, В. В. Зиновьев. Последний на изящном французском языке умел поддерживать разговор и оживить его. Впрочем, французская речь относилась только к цесаревне, потому что с великим князем не было другой речи, кроме русской. Раз как-то княгиня Куракина неизвестно как и почему выразилась по поводу пробы вин, о которых была речь, припомнив известное изречение: «пройтись по хересам». Цесаревич так и воспрянул: «Княгиня! — сказал он, — откуда Вы знаете это выражение?». С этого дня он уже не переставал подтрунивать над нею и все напоминая: «Как это Вы говорите, княгиня, пройтись по хересам?», а когда подавали ужин, то, наливая вино, приговаривал: «Княгиня,

пройдемтесь по хересам!» А она хохочет своим звонким, заразительным, добродушным смехом. Славная была эта княгиня Юлия Феодоровна, благородная, правдивая, почтенная женщина.

Бывало, на этих тихих семейных вечерах происходил переполох. Неожиданно появлялся государь Александр II и садился за общий чайный стол. Присутствие его, должно признаться, несколько стесняло всех, даже и хозяев. Уж очень были различны характеры и вкусы. Государь подсаживался к цесаревне, слегка картавя заводил с нею речь и лишь изредка обращался к цесаревичу. Помню, как он объявил: «Nous allons avoir une semaine Persane» *, — в то время ожидали приезда персидского шаха Насредина, и цесаревич с отвращением предвкушал ряд официальных торжеств. Меня поражало это различие между сыном и отцом: другие приемы, другие речи, другое воспитание... А было все-таки в этом прошлом воспитании что-то обаятельное, что-то напоминавшее семейные рассказы об Александре I, о его любезности, тонком ухаживании за дамами, о его изящной безнародности... Совсем другое чувствовалось в хозяине дома. Он отвечал на вопросы и говорил, но чувствовалось, что он все не то говорит, что могло бы понравиться отцу, хотя вовсе того не желая, и обращение его было неизменно безукоризненно почтительное. <...>

В другой раз предложил мне ехать с ним в купальню⁵ и выкупаться. Сам разделся и снял с себя образа. На цепочке висело множество образков, а посреди них крест. Я удивился множеству. «Оно неудобно», — сказал он и позднее ограничил их число. Плавать было трудно, потому что было мелко, но вода была прекрасная. Он был очень в духе и в воде разговаривал, смеялся и вернулся в благодушном настроении. Гораздо позднее, когда по воскресным дням должен был он из лагеря ездить в Царское, обедать к государю, что его несколько тяготило, он старался сократить время, являясь только к обеду. Едешь, бывало, с ним в коляске, чего не переговоришь! Иногда он дремал, но редко бывал молчалив и угрюм. «Поедьте в Павловск, подальше, где меньше народу!» — говорит он однажды. Поехали за розовый павильон, в глухую сторону парка, слезли и пошли пешком. С противоположного обычному конца города мы шли по улицам и по глухим переулкам. Он наслаждался, что его не узнают, и делал забавные замечания о встречах, о иных дачниках, любил заглядывать в закоулки и делать наблюдения. Где-то встретился знакомый мне хозяин музыкального магазина Юргенсон, добродушный немец, он узнал меня, не обращая внимания на спутника: «Ah, guten Tag, Herr Graf!» ** — удивленно поздоровался он с желанием остановиться и поговорить. Цесаревича очень забавляла эта встреча. В следующий раз, когда повторилась

* У нас будет персидская неделя (франц.).

** Ах, добрый день, господин граф! (нем.)

подобная прогулка по Павловску, он все справлялся, не встретим ли мы Юргенсона. <...>

Особенно выразительно проявились известные черты характера цесаревича во время его опасной болезни. По обычаю своему он мало обращал внимания на свое здоровье, и трудно было врачу за ним следить, а еще труднее лечить его. Он редко давался им в руки и отшучивался, когда с ним говорили о здоровье. Быть может, и действительно богатырская его натура не мирилась с условиями всякого лечения. К тому же добрейший Г. И. Гирш никогда не слыл искусным врачом. За ним были заслуги в севастопольскую осаду, когда он был полковым хирургом, но он не был из тех врачей, которые следили за наукой и отличались бы строгою внимательностью к пациенту. Добряк, хотя себе на уме, он пришелся по нраву цесаревичу, который ходил с ним на охоту и любил с ним говорить. Русский немец, практик, конечно, но с добрыми намерениями и чувствами, любил он русскую баню и был приятнейшим спутником, человеком покладистым и приятным. Цесаревич также любил баню, которою иногда угощал Гирша у себя в Аничкове. Известно, когда и как узнали, что у цесаревича оказался тиф. Известна в данном случае и роль С. П. Боткина. Не стану входить в оценку правильности поступков Гирша и Боткина и взвешивать, насколько тут было правды и дела и насколько партийности и пр. Боткин лишний раз себя прославил. <...> Но когда по выздоровлении задумано было воспользоваться поколебленным положением Гирша, чтобы свергнуть его, заменив человеком иного склада, как в этом смысле напирали со всех, даже семейных влиятельных сторон, то цесаревич сказал свое решительное слово, и оно было бесповоротно! Все поняли, что он Гирша не выдаст, и что положение Гирша никогда не будет лично поколеблено как человека, быть может, как врача и не искусного, но лично цесаревичу приятного и верного. Все это было понятно и, конечно, Гирш оценил это вполне.

Был у цесаревича подлекарь, человек глубоко преданный, простой и добряк, по фамилии Чекувер. К нему он иногда обращался «втайне» за каким-нибудь советом или снадобьем. Это тот самый Чекувер, который погиб в катастрофе под Борками. Государь искренно был огорчен его смертью и обеспечил его семью.

Вообще же, цесаревич казался таким здоровяком, что о болезни его как-то не думалось. Он был силы необыкновенной, мог сплуснуть серебряную мелкую монету в трубку и перекинуть мяч из Аничковского сада через крышу дворца. Однажды кто-то проезжал на конке мимо Аничковского дворца и видел, как он выворачивал в саду снежные глыбы. «Ишь силища-то какая!» — с уважением сказал сидевший тут же мужичок.

Он редко сердился. Я даже никогда не видел его во гневе, не многие видели его вышедшим из себя, но слышал я, что, когда это бывало,

становилось жутко. Он имел тогда привычку ударять кулаком об стол, и удар был серьезный. Вообще же, он отличался необыкновенною ровностью характера. Озабоченность выражалась у него тем, что он тер переносицу пальцем. Когда же бывал он в духе, у него было необыкновенно светлое и доброе выражение, и было что-то особенное в сочетании выражения этих добрых и проницательных глаз с неуловимым изгибом кончиков рта и улыбкою его, в которой сквозил оттенок юмора. У него была замечательная способность подражать. Иногда в лицах передавал он целый рассказ и очень метко. Смех его громкий и звонкий, как вообще его голос, отчетливый, ясный, он редко говорил тихим голосом, и «шепот» его слышал всего два раза и то в чрезвычайных случаях, когда он этим шепотом обратился ко мне на расстоянии около 15 лет...

В пище он был умерен и любил простой здоровый стол. Одним из любимых его блюд был поросенок под хреном, а когда бывало езжали мы в Москву, то каждый раз обязательно подносили ему от Тестова⁶ поросенка. Вообще, он охотно принимал подношения натурою. Иные подносили ему наливку, другие пастилу или хорошую мадеру, его самое любимое вино. В последние годы он особенно пристрастился к кахетинскому «Карданаху»⁷, который я ему доставлял. Любил он очень соус Cumberland и всегда готов был есть соленые огурцы, которых предпочитал в Москве. Помню, за завтраком как раз после Борков и тотчас по приезде он спросил соленых огурцов, которых к удивлению не оказалось! Он был воздержан и в питье, но мог выносить много, очень был крепок и, кажется, никогда не был вполне во хмелю. В более молодые годы случалось с ним ужинать в холостом обществе или в лагере. Подавали круговую и пили «наливай сосед соседу» и пр. После похода он привык к румынскому вину Palugyau, весьма посредственному, но выписывал его более по воспоминанию. В действительности любил он только мадеру. <...>

При поступлении моем в адъютанты многие меня не знали и в лагере⁸, как водится, старались испытать со стороны крепости и выносливости. Однажды цесаревич приглашен был Евгением Лейхтенбергским в его избу, были некоторые из свиты, великие князья Владимир и Алексей Александровичи. Я чувствовал, что очередь за мною, да и цесаревич охотно наблюдал по этой части. Начались тосты и подношения. Сначала все шло ровно, но хозяин накинудся на меня, повторяя тост за мое здоровье: «выпьем еще раз за нашего» и пр., называя по фамилии. Цесаревич подымал бокал и за ним все присутствующие. Я сознал неизбежность и решился раз навсегда отделаться от повторений. Продолжалось это довольно долго, конец был обычный, но только, когда цель казалась достигнутой, когда уже перестали мне подливать, я сам просил, чтобы мне налили и притом в такой именно момент, когда всякое продолжение становилось трудным. Я видел, как

некоторые были удивлены и как цесаревич казался довольным, ободрял и поддерживал меня. С этого дня уже никто не повторял этой пробы, а если и пытались, то цесаревич сдерживал, говоря, что мнение уже определилось относительно моей выносливости. Я оста-навливаюсь на таком инциденте лишь потому, что в подобных случаях особенно ценятся известные отношения, и нигде как в подобных передрягах нельзя уловить так удобно известные черты характера, придающие бодрость и хорошее настроение! Когда же эти любез-ные свойства воплощались в лице цесаревича, то чувствовалось невольное сближение и уже на всю жизнь сохранялось доброе воспо-минание о таких положениях, связанных с личностью будущего госу-даря. <...>

Замечательная была у него сноровка сравнительно с покойным государем, который всегда суетился и горячился на маневрах. Цесаре-вич отличался противоположными свойствами. Не раз, недовольный какими-либо действиями, государь вызывал к себе цесаревича для рез-ких иногда объяснений. И тут не изменяло ему обычное хладнокро-вие. Бывало, как государь сильно горячится, волнуется по мере того, что говорит, глаза становятся совсем круглыми, голос и без того кар-тавый становился раздражительным и крикливым. Очень неприятно было видеть его в такие минуты, чувствовалось что-то несильное в этом раздражении, которое с годами все увеличивалось. Он не всегда дер-жался меры и многим приходилось от него выслушивать неподходя-щие слова. Все это потом забывалось и говорилось сгоряча. Ничего подобного никогда не бывало с цесаревичем, он редко возвышал голос с войсками, но зато всякий оттенок действовал сильнее. Спокойствие, никогда его не покидавшее, передавалось подчиненным, и противопо-ложность была очень резка. Он никогда и никому не говорил «ты». Николаевское поколение видело в этом что-то патриархальное и оте-ческое, но на самом деле оно не всегда оправдывалось и только сбыва-ло понятия. Этим нередко пользовались, и допущение фамильярности служило лишь одним из средств для многих проходимцев, устраиваю-щих свои личные дела. Ни тени «фамильярности» никогда не допускал себе цесаревич. Он иногда трунил, подшучивал, но всегда забавно, с свойственным ему юмором и всегда в известных пределах. <...>

Меня всегда особенно пленял юмор цесаревича, когда он в духе, можно было его заслушаться. Особенно хорошо отличал он оригиналь-ность действительную от поддельной. Вообще никакими подделками к нему нельзя было подделаться. Помню, как на одном бивуаке во вре-мя маневров вокруг Петербурга цесаревич зашел ко мне в палатку. Он имел обыкновение обходить все помещения свиты. То же повторялось и на поезде, и на пароходе. На столе у меня лежала книга стихотворе-ний Тютчева. Он начал ее рассматривать и сказал, что вообще не любит Тютчева и как поэта и как человека. Он не прощал ему постоян-

ных каждений князю Горчакову, о котором он был также невысокого мнения. Я стал говорить, что все же у Тютчева есть многое хорошее. Он стал перелистывать книгу и кое-что прочел. «Нет, — сказал он, — не нравится мне». Все сделанное, конечно, не могло ему нравиться. Теперь нас хотят уверить, что в основе его воспитания легли семена, посеянные Тютчевыми, именно Анной Феодоровной. Не раз слышал я, однако, отзыв об ней, он ее не выносил, как и Блудову. Славянофильство давно стремилось захватить его в свои руки, но это не удалось. Он слишком русский человек, чтобы быть славянофилом. Все его царствование служит тому доказательством. <...>

Цесаревич чрезвычайно любил русскую баню. В дворцах, где он жил, баня была необходимою принадлежностью. Он понимал вполне, что можно было угостить банею и любил об ней говорить, ценил все тонкости этого угощения. Он удивлялся тем, которые не признавали русской бани, и доказывал все ее преимущества. Он всегда поражал меня своею практичностью и домовитостью. В дороге ли, на бивуаке или в походе, он сам выбирал себе место и устраивался чрезвычайно быстро и удобно. Однажды во время маневров зашел он ко мне в палатку и увидел большую высеребренную лохань — умывальник, который у меня был с детства. Размерами своими она до того ему понравилась, что он просил отдать ему на время эту лохань, чтобы заказать совершенно подобную. Ему возражали, что лохань должна быть по крайней мере серебряная, но он ни за что не соглашался и, смеясь, говорил: «Уж если у графа Шереметева медная, то почему же и мне не иметь такую?». Вскоре он мне ее возвратил, а у него появилась совершенно подобная, с которой он не расставался и в походе. В другой раз в Петербурге при посещении нашего дома на Фонтанке понравилась ему пара подсвечников в стиле Louis XVI. Он пожелал их также получить для заказа с них копии. У него было много вкуса, и любил он художественные произведения, но без всякой рисовки. То, чего он не знал, в чем не понимал красоты, того не скрывал, хотя бы взгляд его расходился с действительным знанием. Так, например, его не интересовали старые школы живописи, кроме некоторых выдающихся произведений, и в этом признавался откровенно. Его упрекали за многие покупки картин, не стоивших его внимания, но следует принять в соображение, что он часто покупал у русских художников с единственною целью их поощрения. Музыкальный вкус его был тонко развит, но пристрастие его склонялось в особенности к древностям русским, к памятникам зодчества, орнаментаций, иконописи, фресков и мозаики. Он любил говорить об этом и вызывал на разговоры. Вообще он относился к художникам нешаблонно, не потому, что нужно поощрять художников (как то делала великая княгиня Елена Павловна), а потому, что он чувствовал заодно с ними и потому умел с ними говорить. Русские художники его не забудут.

<...> Никогда не менялось чувство его к Москве. Он любил Москву, как не любил ее никто из царей XIX века! Все в ней было ему дорого, но он скорбел о том, что никогда не приходилось ему «спокойно» жить в Москве, без торопливости и суеты, без приемов и вечного представительства. Он дорожил другою Москвою — не парадною, не официальною, и этой другой Москвы ему не давали. Императрица Мария Александровна всячески стремилась к ней, признавая ее значение, но император Александр II был совершенно чужд Москвы. Он даже не любил, когда ему напоминали, что он в ней родился, и никогда не чувствовал себя в ней дома. Он, конечно, скорее дома был в каком-нибудь Эмсе и вообще в Пруссии... Расчет императора Николая не удался, хотя он и понимал значение Москвы лучше, чем царь «Освободитель», но все же не мог он отделаться от иноземного влияния и оттенка. Вот этот-то оттенок совершенно отсутствовал в Александре III, и в этом заслуга его матери. Да и натура его была чисто русская, без малейшей примеси, как и вкусы его и привычки. Тяготение к Москве было ясно для тех, кто знал его близко, и если оно не проявлялось с достаточною определенностью, то нужно считаться с теми элементами в обстановке его, которые постоянно старались сдерживать это тяготение, действуя на другую более благодарную для них почву. Сколько раз уже по воцарении слышал я от него, что его давнее желание — пожить в Москве, провести в ней Страстную неделю, поговорить и встретить Пасху в Кремле! <...>

В Александре III не могло быть ничего мелкого, а потому и взгляды его были широки и человечны. Он уважал чужое мнение, но имел и свое личное, определенное. Он не боялся простора и света, потому что не боялся правды, потому что сам был воплощением этой правды! <...>

Уже давно заметил я, как дорожил он всеми воспоминаниями о Петре Великом. Он был большой его поклонник. Разговорились однажды о царевиче Алексее, о строгом его суде. Он в этом деле оправдывал Петра и находил, что как государь он не мог поступить иначе. Вообще он охотно начинал разговоры на исторические темы, всегда бывало интересно его слушать, но для таких разговоров не нужно было дамского общества. В нем была жилка старьевщика-собирателя. Он любил то, что называется *bric à brac* *, и во дворце всегда бывало отдельное помещение, род кладовой, куда складывались случайные покупки, курioзы, всякое старье. Иной раз подносили ему интересные вещи, так например, часы, принадлежавшие Артамону Матвееву (из дома Тучковых). Он рассматривал подробно все, что казалось ему интересным, и вкус свой развил с годами. У него было чутье собирате-

* старье (франц.).

ля и всегда большой порядок в личных его вещах. Письменный стол его был неприкосновенная святыня. Никто не смел к нему дотрагиваться, он сам его убирал и ревниво оберегал от вторжения. При мне он как-то выдвинул шкатулку в столе. Я поражен был внутренним порядком: все расположено по системе и все хранилось бережно, даже какие-то женские башмаки (чуть ли не реликвии княжны Мещерской) и письменные принадлежности. Писал он не иначе как гусиным пером. Тот же порядок и снаружи: портреты, вещицы на столе, все оберегалось строго и неприкосновенно. В его уборной Аничкова дворца всегда горела в углу лампада перед иконами с подвешенным пасхальным яйцом. Тут же в окнах некоторые портреты людей, которые имели к нему особое отношение. Тут висели портреты князя В. Ив. Барятинского и А. Р. Дрентельна. Последнего он оценил во время командования 1-й пехотной дивизией и неизменно к нему благоволил. <...>

Крепкое словцо было присуще его натуре, и это опять русская черта, но в словах не было озлобления. Это была потребность отвести душу и ругнуть иной раз сплеча, не изменяя своему добродушию. Иногда за столом и при свидетелях говорил он, не стесняясь, прямо набело, и когда уж очень становилось неловко от его слов, «она» полушутя бывало обращалась ко мне и говорила: «Vite racontez moi quelque chose!», или «Ce n'ai rien entendu, n'est ce pas nous n'avons rien entendu?» ** А в сущности, нисколько этим не стеснялась и всегда сочувствовала ему. И это было особенно в ней привлекательно.

Любил он очень ходить пешком, не зная усталости, и только в последние годы стал уставать. Однажды взял он меня с собою из Петергофа в Стрельну и обратно. Здоровая прогулка и ходил он скоро. В Стрельне он зашел на дачу князя Орлова, тогда посла нашего в Париже и всегда отсутствовавшего. Вошли в ворота, прошли в дом, осмотрели все комнаты до единой. Он всюду заглядывал и, видимо, был доволен. Он сочувствовал хозяину и поручил передать ему о своем посещении. Старый унтер-офицер бодро отвечал ему на все вопросы. Такие посещения экспромтом были совершенно в его духе. <...>

В общем, как ни тяжки были воспоминания о походе 1877 года, как ни безотраднo было выдерживать неблагоприятное и рискованное положение Рушукского отряда, но светло и дорого все, что касается личности цесаревича, много незабвенных воспоминаний связано с этим временем. Тут высказался он вполне и с совершенно новой стороны. В критическую минуту он один сохранил хладнокровие. Среди общей расшатанности сознание это служило опорой и утешением. (Я вел дневник во время похода и надеюсь когда-нибудь соединить, что интересно, в одно целое.) Мрачны были впечатления похода. Третью Плев-

* «Быстро расскажите мне что-нибудь» или «Ничего не слышно, не правда ли, мы ничего не слышали?» (франц.).

ну, связанную с именинами государя, нельзя было забыть. Связать эти два дня — почти измена. Цесаревич все это ясно сознавал, но был беспомощен. <...>⁹

Здоровье императрицы Марии Александровны быстро слабело, роковые условия ее жизни сломили ее физически и нравственно, мучительный крест ее последних лет принадлежит истории. Мог ли не страдать за нее цесаревич? Между ними уже давно состоялось самое отрадное сближение. Когда нужно было императрице Марии Александровне ехать в Англию по случаю последствий Эдинбургского брака, никто из сыновей не оказался налицо и не в состоянии были сопровождать императрицу из Ливадии в Лондон¹⁰. Ехать же одной было неудобно. Тогда вызвался сопровождать ее цесаревич. Как? Он, который так дорожил спокойствием своей семейной жизни. Об нем императрица и не думала как об спутнике. И она поехала с ним, и Бог благословил эту поездку. Императрица Мария Александровна сознала наконец утраченное время. Она поняла цесаревича! Я помню отъезд императрицы Марии Александровны за границу, последний отъезд ее во время предсмертной болезни. Цесаревич был в Красносельском лагере и взял меня с собою в Гатчину, где на станции жел[езной] дор[оги] он должен был проститься с матерью. Долго ожидали мы на станции прихода петербургского поезда. Медленно подходил он, когда уже наступили сумерки. У окна показался государь Александр Николаевич в белой фуражке с обычным обширным козырьком, мрачный, бледный, задумчивый. Императрицу везли в St. Remo, и с нею ехал С. П. Боткин. Уже становилось темно, и все лица были мрачны, словно это было погребальное шествие. В Гатчине цесаревич простился с матерью, поезд тронулся и ушел из виду. Он остался совершенно один, но владел собой. «Поедемте!» — сказал он, и мы направились на Балтийский вокзал, но поезда в Красное никакого не было, пришлось дожидаться. Узнав, что не предвидится другого поезда, кроме товаропассажирского, он сказал, что на нем и поедет. Мы подождали, поезд подошел, наконец, с вагонами 2-го класса среди товарных, вагоны были грязны и душны, но пассажиров не было. Мы поместились в одном из них и открыли окна. Поезд шел черепашьим шагом, совсем уже стемнело. «Это настоящий bummelzug *» сказал цесаревич. Сначала он молчал, потом несколько оживился. Разговор был отрывочный, но настроение было тихое, покорное. Говорили о посторонних предметах, и мне казалось, что в эту минуту ему было именно хорошо очутиться именно в этом товарном поезде, где его никто не признавал. В 1880 году не стало императрицы Марии Александровны. Утром нашли ее в постели уже мертвою. Она заснула навеки и совершенно одна. Что было дальше — пусть скажут другие. В самый этот день в Кускове

* Тихоходный поезд (нем.).

умерла новорожденная наша дочь Екатерина, родившаяся вместе с Марьей. Не зная о кончине императрицы, я телеграфировал цесаревичу о смерти дочери. Радости и горе одинаково сообщались ему. Теперь, когда узнали мы о кончине императрицы, депеша моя являлась неуместною. К изумлению, в тот же день в Кускове получен был ответ цесаревича с выражением сочувствия и с сообщением о великом его горе — о «безвременной потере матери»! <...>

Вскоре после воцарения состоялся переезд в Гатчино.

Бывало (что было очень давно, в 70-х годах) ездил цесаревич на охоту в Гатчино. Он там ночевал и всегда останавливался в небольших комнатах, очень низких, в антресолях, где и ужинал с нами. Каждый раз приглашался гатчинский комендант генерал Багговут, бывший в родстве с стариком Адлербергом. За этими гатчинскими ужинами Багговут много рассказывал и своею безукоризненною точностью и степенностью старого служаки казался необыкновенно типичным. К тому же он был очень хороший и почтенный человек и всегда держался безукоризненно по отношению к цесаревичу. Он был несколько ходулен, высокопарен, но подкупал правдивостью и честностью своей натуры. Цесаревич им наслаждался и оживлялся его вопросами о прошлом и слушал бесконечные рассказы его со вниманием. Помню, как цесаревич за этими ужинами подхваливал комнаты антресолей и тут же говорил, что если бы ему пришлось выбирать, то он бы в Гатчине других комнат не выбрал для житья. После 1 марта он действительно в этих комнатах и поселился. Вообще он всегда очень любил Гатчино, отдавая ему преимущество перед Царским Селом. Не раз задолго до 1 марта слышал я от него, что, если бы зависело от него, он тотчас бы переехал в Гатчину и что жизнь в Петербурге для него тягостна. Переезд в Гатчино по вступлении на престол меня не удивил, зная давно пристрастие цесаревича к этому несколько заброшенному и забытому дворцу императора Павла. В свое время переезд этот в Гатчину очень критиковали, особенно под влиянием неудавшейся комбинации Лорис-Меликова и Игнатьева.

Гатчино, Гатчинский период, времена императора Павла, гатчинцы — все эти звуки переносили в безотрадное время ненормального царствования даровитого, благородного, пылкого, но и злополучного государя. Все это казалось мрачным и без 1 марта. Конечно, переезд в Гатчину был актом, лишенным всякого оттенка кому-либо понравиться. Нельзя было более решительным образом выказать самостоятельность воли, чуждой всякого колебания. Александр III переехал в Гатчину и не побоялся сравнений и сопоставлений. Не уступал никаким доводам. Он сразу определенно выказался, каким он есть, и не хотел ничем иным казаться. Гатчина ему нравилась и нравилась всегда; переезд совершился просто, естественно, бесповоротно. Только

человек с нравственною силою Александра III мог отважиться на такой шаг, словно сознавал он, что печать, наложенная с 1881 года на Гатчино, будет настолько самобытна, что ей нечего будет смущаться никакими сравнениями. Пусть покоится нерушимо многострадальная тень императора Павла. Отныне значение Гатчины в русской истории будет иное. Все претворилось в 13-летнее царствование Александра III, все приняло иное освещение, иной отпечаток, иную окраску. Замерли звуки, напоминавшие мрачное прошлое, все заслонилось величавым образом Александра III, созидательным значением его царствования. В Гатчине уединялся он, непрестанно работая. В живительном воздухе почерпал он новые силы. В Гатчино он вложил свою душу и здесь более чем где-либо он встает во весь рост, и все им проникнуто. И глубоко врезалась печать его, и время ее не изгладит, как не изгладится значение его царствования, значение нравственной силы первого Русского Царя XIX столетия. <...>

Новое царствование началось тяжким крестом... Мы присягали в церкви Аничкова дворца. Вскоре свита цесаревича был позвана в его Аничковский кабинет. Он вышел к нам вместе с императрицей. Оба плакали. Он начал говорить, благодарил за прошлое, сказал, как жалеет, что не увидит нашего прежнего мундира, и не мог продолжать от волнения. Назначено было двойное дежурство в Зимнем дворце, куда государь переехал для похорон. Они жили в комнатах императрицы Александры Феодоровны. Здесь у окна с широким видом на Неву я помню, как сидели они вдвоем. Государь показывал императрице только что полученные им письма, и между ними одно без подписи. Письмо это было смелое, правдивое и прекрасное. Он хвалил его и сказал мне прочесть его громко императрице. Ему же передал я письмо от Е. Н. Карамзиной, которую он очень уважал. Он говорил потом, что никто из написавших письма не написал лучше Карамзиной. <...>

Первую Пасху встретили в Гатчине в небольшом кружке. Падение Лориса воздвигнуло Игнатьева, к лету объявлена была поездка в Москву и на Волгу. Меня назначили в числе сопровождающих. В Москве неистовый восторг. В Нижнем Игнатьев выскочил из поезда еще до остановки его у вокзала. Меня это заинтересовало, и я выскочил вслед за ним. Он подбежал к толпе, наполнявшей улицу, и крикнул: «Я вам его привез!»... Для меня стало ясно, что дни его власти сочтены.

Не мне касаться здесь исторических сторон царствования. Нам прежде всего нужен человек, каким он был с его непоказной стороны и каким остался до самого конца. Все еще так свежо и живо в памяти и трудно сознаться, что время это принадлежит истории.

Гатчинская церковь в начале пребывания государя имела вид не то гостиной, не то проходной комнаты, чему способствовали лестницы с двух сторон и полное отсутствие икон, кроме самых необходимых

на иконостасе. Мало-помалу государь лично занялся украшением церкви. Все подносимые ему иконы развешивал он в церкви и многие собственноручно, а также пасхальные яйца так, что через несколько лет церковь стала неузнаваема, то есть стала действительно походить на Православный храм. В ней стало теплее, и протестантский оттенок совсем исчез. Он любил щегольнуть знанием церковного устава, хотя иногда и ошибался, но всегда дорожил церковным благолепием и был глубоко верующим (православным) человеком без всякой тени ханжества. <...>

Гатчинская жизнь, как он ее себе устроил, вполне согласовывалась с его вкусами и характером. Она могла казаться однообразной и скучной для других, но он этого не замечал потому, что день его был полон. Находили, что он слишком уединяется, что мало было разнообразия в посетителях вне приемных дней. И в этом была своя доля правды. Но душою разнообразных сборищ, притягательным центром и средоточием подобных собраний может быть только хозяйка. С этой же стороны, к сожалению, было полное отчуждение от всяких интересов вне интересов своего кружка, отсюда та двойственность, столь часто тормозившая всякое начинание. Здесь не могло быть борьбы, а потому и сложилась жизнь не для всех понятною. Все это, конечно, не облегчало державный труд. <...>

Он очень не любил, когда у него в комнате производили беспорядок или что-либо ломали, от чего не убережешься с детьми. В Аничкове он обыкновенно после завтрака садился у зеркального окна с видом на Невский проспект. Другое окно тут же рядом выходило в сад. В этом светлом углу сходились и дети, а императрица, как и прежде цесаревною, садилась в обычное свое кресло. Тут же лежали папиросы, которыми они угощали, и разложены были афиши. Сюда обыкновенно приносили кофе. Все те же неизменные портреты на столах и в подоконниках и ваза *cloisone* *, дети подходили к окну, а когда были моложе, садились на него. Любил он рассматривать проходящих и едущих по Невскому и делал свои замечания. Он следил за переменою вывесок и магазинов и осенью всегда сообщал об этих переменах. У этого заветного окна припоминается многое в разное время. Менялись люди, менялось время, а уютный уголок этот с своими приветливыми хозяевами оставался все тем же. Перемена положения ничем на них не отразилась, и это явление редкое. Сколько интересных разговоров у этого окна, сколько моментов исторических и психологических. Разговор обыкновенно кончался: «*Mini il est temps — je dois recevoir*», или «*je dois on s'occuper*», или «*je dois faire des visites*» **, — и он подходил

* выполненная в технике перегородчатой эмали (*франц.*).

** Мини, пора — я должен принимать... Я должен заниматься. Время делать визиты (*франц.*).

к письменному столу и трогал звонок в конюшню, по которому подавали ему экипаж, смотря по тому, как он прижимал кнопку. Иногда по поводу родственных визитов громко заявлял, насколько они ему надоели. Императрица любила кататься по Невскому проспекту. «Madame vous allez * хлыщё». У него был свой глагол, который он производил от слова хлыщ (хлыщить), то есть уподобиться катающимся хлыщам.

Трудно ему было угодить по части мундиров. Он всегда возился с портными и спорил с ними, рассматривал их счеты. Но гардероб его сравнительно был очень немногосложен. У него были только необходимые мундиры и сюртуки и терпеть не мог мундирных коллекций, которыми наслаждался Александр II. Носил он преимущественно все то же и занашивал платье, дома ходил в тужурке. Колец никогда никаких не носил, одно только венчалное, и то к концу растрескалось, так что опасно было его носить.

За столом у него был всегда свой особый серебряный прибор Устюжской работы и свои кружки и стаканы. Особенно памятен он мне за закусочным столом. Большею частью довольный после продолжительного доклада или приема и чувствуя аппетит, он любил и других угощать. «Рекомендую», — говорит то и другое, но советует ту или другую водку. Какая-то старуха из Новгорода доставляла ему пастилу, какой-то князь Аникеев подносил продукты домашнего изделия. Ряд серебряных чарочек окружал закусочный стол. Появлялась уральская икра, которою он любил угощать и даже присылал на дом. Иногда пришлет и осетра исполинских размеров.

Ужины 30 ноября в память Мечки¹¹ продолжались ежегодно после 1877 года и беспрерывно до 1893 года. Сначала в манеже Аничкова дворца, в походной обстановке, потом на квартире В. В. Зиновьева и, наконец, в Гатчине, в особой комнате запасной половины, где висели портреты некоторых генералов 12-го года. Для перемены один ужин устроен был на ферме Гатчинской, другой в приорате¹². Последний был самый неудачный потому, что Черевин дошел до печального состояния. Я обыкновенно оставался ночевать в Гатчине и на другой день у государя завтракал. Всегда разговор шел о впечатлениях ужина. Государь не скрывал своего неудовольствия выходками Черевина, который особенно наступательно приставал к Воронцову. Последний относился к этому невозмутимо и был прав. Приставанье Черевина было неприлично и носило неприятный оттенок. Государь это почувствовал и говорил: «Он просто был неприятен», — и говорил вообще, как Черевин себе вредит и как вообще он стал слаб. <...>

Другим годовым сборищем, кроме ужинов 30 ноября, служили заседания Императорского Исторического общества. Оно возникло по мысли цесаревича при ближайшем участии князя П. А. Вяземского, но

* Мадам, Вы собираетесь (франц.).

с самого основания попало в руки секретаря Половцова. Собственно говоря, то, о чем сожалел цесаревич, могло бы быть достигнуто путем Исторического общества, и эта сторона составляла, конечно, одну из целей общества. Печатание исторических документов должно было идти параллельно с живым обменом мыслей членов общества, собираемых вокруг своего Почетного председателя. Но такие соображения не могли входить в расчет секретаря, смотревшего на общество прежде всего как на ступень для своей личной карьеры. Когда надежды его обманулись, он стал холоднее относиться к обществу и ввел в него казенщину и затхлость. Не удовлетворенный итогом своего положения, он пытался охладеть к этому обществу и самого его основателя. После 1 марта он прямо стремился к упразднению значения общества путем перехода его в другие руки под предлогом того, что молодому государю не будет времени им заниматься. Попытка его не удалась. Государь заявил о своем твердом желании продолжать это дело. Тогда попытался он устроить годовичные заседания у себя в доме в надежде привлечь государя к себе. Но и это ему не удалось. Государь решил, что годовичные заседания будут по-прежнему происходить у него в Аничковом дворце в библиотеке. Ежегодно повторялась с тех пор та же комедия. Наступало время для годовичного заседания, и время уходило. Спросишь секретаря Штендмана (зам. Половцова после князя Вяземского) и получишь все тот же ответ: Половцов ждет, когда пошлет за ним государь. В то же время государь ожидал, когда Половцов ему доложит, что все готово. Привередничанье Половцова удаляло время, и негласная цель его была свести общество на нет. Почти всегда приходилось докладывать государю, в чем дело, но он хорошо знал Половцова. Раз даже он приказал мне съездить к нему и объявить о своем желании, чтобы заседание состоялось на следующий день. Так оно и было. Ежегодно повторялись те же затруднения. Но вот на одном из заседаний государь при всех обратился ко мне с вопросом о работе моей по Смутному времени, сказав, что он желал бы, чтобы к следующему заседанию я бы приготовил что-нибудь для чтения. После этого впервые прошло два года без заседаний, и оно было последнее. Половцов по-прежнему не докладывал, мне же напоминать было неудобно, и общество замирало, постоянно уменьшаясь в своем составе и не обновляясь новыми членами. Так и скончался государь, и общество хранило о своем Председателе глубокое молчание. Неприличное молчание было прервано молодым государем, выразившим желание продолжать все по-прежнему и в той же обстановке. Впоследствии обстановка совсем изменилась¹³.

Почему, зная всю подноготную, государь Александр III терпеливо выдерживал привередничанья Половцова, которого не особенно уважал? Но таково уж было свойство его характера. Он любил, чтобы его угадывали, и всякие объяснения ему были в тягость, особенно с лицами, которым он не сочувствовал. Он был невысокого мнения о Полов-

цове, а последний не скрывал своего явного к нему несочувствия. Представитель либерального бюрократического новшества, человек без преданий, без идеалов, чуждый всему русскому и плативший дань жидовству, непонятным путем занял то положение, которым пользовался лишь отрицательно, кроме самых первых лет. Весь труд лежал на секретаре Г. Ф. Штендмане, которому главным образом обязаны напечатанными томами общества. Что-то роковое лежало в организации этого общества, несмотря на широко задуманный князем Вяземским план и верную мысль, поставленную в основу его цесаревичем. <...>

Невольно мысль переходит к другому учреждению, обязанному своим существованием инициативе цесаревича Александра Александровича. Я говорю об Историческом музее в Москве. В свое время немало слышалось отзывов, возражений, сомневались в пользе такого музея. Для чего музей, говорили иные, собирать какие-то черепки? На что? Мысль о таком учреждении всецело принадлежит цесаревичу под впечатлением виденного им в Копенгагене. Там непосредственным продолжением Музея Скандинавских древностей служит замок Rosenborg — этот образцовый исторический музей Дании. <...>

То же добродушие и на воскресных гатчинских обедах в Арсенале. «Господа генералы, пожалуйста к закуске», — говорил он шутливо. За столом был разговорчив и особенно любил, когда около него сидела княгиня Голицына, которой очень сочувствовал. За обедом играл придворный музыкальный оркестр, и нередко сам государь назначал ту или другую пьесу и обращал на нее внимание других. Обеды эти происходили в Гатчинском арсенале в виду сцены и деревянной детской горы. Не успевали встать, как стол быстро исчезал, уносимый как бы по мановению жезла. И все оставались в той же комнате. Пюристы опять-таки находили это неправильным, что все оставались в той же комнате, но зала была настолько велика, что неудобства не замечалось. Около бильярда и вокруг одной из колонн расположены диваны, тут же стол и кресла. На столе появлялись графинчики с ликерами, коньяк, кюрасо и анизет. Императрица тотчас же садилась; а государь прохаживался, разговаривая с игравшими в бильярд или же подходил к столику с графинчиками. Сколько раз бывало подойдет, нальет вам в рюмку того или другого, большею частью кюрасо, или же спросит: «Граф, не хотите ли пердунца?» — и сам нальет рюмочку анизету.

Он не любил, когда замечали его исчезновение, еще менее, когда его в это время останавливали. Он испарялся и делал это незаметно. Однажды после обеда, это было уже в 1893 году, он был как-то особенно музыкально настроен и потребовал, чтобы сыграли одну из пьес Чайковского. Он был большой поклонник Чайковского. Хор играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением, да и нельзя было иначе. Все разошлись несколько позднее обыкновенного и под

чудным настроением, а на другой день узнали, что в то самое время, когда все это происходило в Гатчине, умирал Чайковский. Казалось, мы слышали его лебединую песнь. И тот, кто слушал ее так внимательно и так наслаждался ею, недолго пережил его. Мог ли кто из нас тогда это предчувствовать? В этот день государь меня особенно поразили. Он слушал как-то особенно задумчиво и грустно, дивная гармония была ему доступна, и весь он был проникнут красотой этих звуков, весь отдался этому чувству, и ясно было, как сильно в нем самом сказалось художественное чутье.

Вообще, он очень любил музыку, но без всяких предвзятых, партийных мыслей, без всякой претензии на музыкальность. Конечно, он восторгался Глинкой и знал многие его романсы. Особенно любил он: «В крови горит огонь желанья». Рубинштейна он не переваривал как человека, его коробило его самомнение, его самодовольство и самоуверенность. Раз даже он передавал свой разговор с ним и ответы Рубинштейна, не замечавшего тонкой иронии государя. К Балакиреву относился сочувственно и снисходительно к его невменяемости. Римского-Корсакова ценил не столько как композитора, а как знатока оркестровой части. Он многому восхищался у Вагнера и любил, когда его исполняли, но не терпел музыкальных завываний его поклонников, к тому же большею частью деланных — ради позы. Церковную музыку очень любил, ценил Бортнянского, но предпочитал Львова за его задушевность. Любимая его Херувимская была Львова. Он назначил ее петь в день своей коронации. Любил он очень известный в свое время романс дяди Бориса Сергеевича Шереметева — «Я вас любил», — и особенно нравилась ему *ritournelle* * в конце. Легкая музыка ему также нравилась, вальсы Штрауса, и вообще интересовался новинками, всегда знакомился со всеми новыми произведениями, и отзывы его были осторожны, никогда не судил он по первому впечатлению. Вижу его на репетиции «Пиковой дамы» перед первым ее представлением. Опера эта ему нравилась. Жаль, что кроме него не было в ближайших к нему лицах музыкального чутья. Этим объясняется бедность и однообразие обычного общества, составлявшего «кружок». Но центром этого кружка был, конечно, не государь. Он не прочь был послушать и цыган, когда они были хороши. Помнится мне вечер во дворце великого князя Николая Николаевича, у старшего его сына. Пели соединенные хоры цыган; общество было небольшое, но оживленное (государь был тогда еще цесаревичем). Почему-то нравилось ему, когда пели:

Всему на свете мера,
Всему есть свой конец.
Да здравствует мадера,
Веселье всех сердец.

* Украшение мелодии (франц.).

Зашла как-то речь о цыганах, и Владимир Шереметев расхвалил одну певицу, дочь цыганки княгини Голицыной, живущую в Москве. (Это было уже после воцарения.) Я подтвердил, что знаю ее и что у нее действительно хороший голос. Государь поручил мне пригласить ее в Гатчину, куда она и прибыла и пела в арсенале в небольшом кружке слушателей, между которыми была и императрица. Многие удивлялись появлению цыганки, которая от волнения была бледна как смерть, пела в одиночестве и, конечно, хуже обыкновенного. Однако ею остались довольны, щедро наградили и потом мне же пришлось передать ей от государя брошку. <...>

Придворные балы были наказанием для государя, но они имеют свое значение, в особенности большой бал Николаевской залы. Это предание, которое забывать не следует, и балы по-прежнему продолжались: Концертные, Эрмитажные, Аничковские... В свое время я записал один из таких балов и помещаю его сюда, быть может, и к месту. Это было 12 февраля 1887 года в Эрмитаже. Эрмитажный бал для меня всегда был лучшим из придворных балов. С ним связаны отдаленнейшие воспоминания 60-х годов, когда предполагалось в этом же здании устроить помещение покойному цесаревичу и зала была устроена для него. Первые балы сразу сделались любимейшими сезона; приятно, что это предание еще поддерживается. Государь был в уланском мундире, потому что в этот день был уланский праздник. Приглашенных было не слишком много. Новое освещение эдиссоновскими лампочками ослепительно и хорошо тем, что не греет. Зимний сад был очень красив, как и всегда, но я заметил нововведение: среди растений распевали канарейки. Жаль только, что клетки взяты прямо с рынка, совсем уже просты. На этом балу присутствует дипломатический корпус. <...>

Приглашенный однажды на бал в английское посольство, государь предпочел остаться в Гатчине. Императрица поехала и вернулась очень поздно. На другой день я завтракал у государя, и он забавно подтрунивал над нею, говоря, что наслаждался всю ночь на Гатчинском озере, где лучил рыбу, и вдвойне наслаждался при мысли, что без него отплясывают в английском посольстве. Лучение рыбы острогой — одно из любимых удовольствий государя. Рыба дремлет на поверхности, и вся задача — ударить ее острогой. Тлеющий на лодке огонек освещает воду. Ночная тишина и шепот на лодке способствуют настроению. Государь наслаждался этою тишиной и, как художник, понимал и чувствовал ее красоту. Понятно, что, сидя в лодке с острогой в руке, он не завидовал тем, которые в поте лица трудились над затейливыми фигурами мазурки в доме английского посольства. Государь был в душе охотник и хороший стрелок. Еще будучи цесаревичем, ездил он не раз на псовую охоту. В числе лиц, пользовавшихся особым его сочувствием, был стреманный Мазуров. На псовой охоте бывал я с цесаревичем в име-

нии старика С. Веймарна в Пустомерже. На нем был красный кафтан, опущенный мерлушкой, серая казачья лошадь казалась удрученной под тяжестью седока. Своры у него не было, но он любил порскасть с гончими. Впоследствии он исключительно придерживался ружейной охоты и часто отправлялся с князем Д. Б. Голицыным вдвоем на ток или на тягу. По возвращении они закусывали рано утром и вели задушевную беседу. Понятно, что и в этом отношении жизнь в Гатчине он не мог променять на петербургскую.

Аничковские балы, которых бывало по несколько в сезон, отличались немногочисленностью и носили несколько домашний, семейный характер. Нетанцующих бывало немного, и для этих немногих время казалось несколько томительным. Государь показывался в начале, радушно принимал и уходил в свой кабинет, где у него была партия. Возвращался он ко времени ужина. Когда котильон продолжался слишком долго, а императрица не хотела кончать, государь придумывал особое средство. Музыкантам приказано было удалиться поодиночке, оркестр все слабел, пока наконец не раздавалась последняя одинокая струна и та наконец умолкала. Все оглядывались в недоумении, бал прекращался сам собою. Иных государь приглашал в свой кабинет, чтобы покурить, впрочем, весьма немногих дам и кавалеров. За проникавшими в кабинет следили со вниманием, предаваясь праздным выводам и замечаниям, другим донельзя хотелось туда проникнуть. В пустых гостиных кое-где в углу образовывалась партия. Иные ходили из угла в угол, не находя покоя. Иные держались на виду у императрицы и дорожили сидением неподалеку от нее. Императрица неустоима. Вальсы, мазурки, котильоны с разнообразными фигурами чередовались без умолку. Изредка показывался государь и, стоя в дверях, оглядывал танцующих и делал свои замечания, но он долго не выдерживал. В саду Аничковского дворца устроены были ледяные горы и каток, то же и в Гатчине. Сюда собирались его дети с приглашенными товарищами, и государь охотно с ними возился и играл. Он принимал участие, когда играли в снежки, и вообще любил подзадорить молодежь. Ходить ему было необходимо, почему значительно был увеличен Аничковский сад. В театр ездил часто, и государь следил за всеми новинками. Любил особенно русскую сцену и следил за нею. <...>

Я помню завтрак в Гатчине, на котором был великий князь Константин Константинович. Он был дежурным флигель-адъютантом и провел сутки в Гатчине. Перед тем только что вышло его произведение «Факир», в котором воспевается человек, служащий идее, уже устарелой и всеми забытой. Но он все еще верит в нее и стоит непоколебимо с протянутой рукой в ожидании прилета птиц, но ждет их напрасно. Но он не изменяет себе и таковым умирает. На этом стихотворении было обозначено «Гатчина», такого-то числа. Говорили о поэтах. Чуть ли не тогда государь высказал особенное сочувствие

новому стихотворению А. Майкова «Грозный». Сам государь перешел на стихи в[еликого] к[нязя] Константина и заговорил о них. Он похвалил автора и добавил: «А ты написал это в Гатчине?». Я невольно взглянул на него, когда он это сказал, и что-то неуловимое промелькнуло в его выражении. — «Да, в Гатчине, — ответил Константин Константинович, — у меня было много свободного времени». <...>

Вообще государь был очень чуток. Интересуясь всегда историческими чтениями и получая «Русский архив», «Русскую старину» и др., он далеко не одобрял редакторов, Бартенева и Семевского, часто грешивших против приличия и порядочности. Бартенева он принимал и готов был сочувствовать его деятельности, но бестактными выходками своими он окончательно охладил его. Печатаением неудобных документов с неприличными примечаниями своими он подорвал к себе доверие, и на обоих государь стал смотреть как на торгашей, у которых единственный стимул — материальные выгоды. Его глубоко возмутило печатание записок Зотова¹⁴, его коробили примечания к сборнику Ровинского¹⁵ и все подобные выходки Бартенева и Семевского, их двойная игра перед властями, перед публикой, считаясь с известными течениями и заигрывая с ними. <...>

Я помню один знаменательный завтрак. Он был настроен к откровенному разговору. «Как труден выбор людей!» — говорил он, словно недоумевая, где они, но немного погодя добавил: «Но есть люди», — и в раздумье, как бы разговаривая с самим собою, добавил: «Они найдутся». Следя за литературой и читая ежедневно вслух императрице, он не пропускал новых писателей. Семья Достоевского может засвидетельствовать о его попечении. Он придавал большое значение Достоевскому. Конечно, восхищался он Л. Толстым до его поступления в философы. Он сильно сожалел о нем сначала, почитая его увлекающимся человеком, но всегда искренним и пламенным. Время показало ему настоящего Толстого, и он разобрал его с свойственным ему тонким психологическим чутьем. Живо помню то время, когда агентура Л. Н. Толстого действовала в его пользу путями придворными, весьма искусными. У него была своя особая стратегия, и он ловко ею пользовался; сложные нити его сплетались одним концом при дворе, а другим в преисподней. Одно время государь не уклонился от опыта. Он воспользовался напором женских влияний, добивавшихся от него приема, если не самого Толстого, то его жены. Неохотно, но он согласился ее принять. Достигнуто это было стараниями графини А. А. Толстой и Е. Г. Шереметевой (Строгановой). Последняя на этом разыграла свою роль. Государь словно поддался и принял жену Толстого. Разговор состоялся, что и требовалось доказать. Всему этому придана была подобающая огласка. Она оттенялась, смотря по тому, где и что было нужно, и служила опять-таки Толстому орудием двойным. Но не таков был Александр III, чтобы дать себя отуманить и обойти. С того

дня, когда Толстой расписался во лжи, когда трусливая натура его (уже достаточно проявившаяся в Севастополе) пробиралась наружу, когда двойственность и мнимая его искренность стали очевидны, когда ко всему тому неожиданно подошел государь так близко, он остановился. «Меня обманули», — сказал он, а кто знал Александра III, тот понимал, что обозначали такие слова, когда «он» их высказывал.

По поводу продажи Остафьевского архива у меня был знаменательный разговор с государем. Он выразился с удивлением и неодобрительно о решении Петра Вяземского и расспрашивал у меня о подробностях, зная, что я сам готов был купить архив как семейное достояние. При этом государь выразил желание в случае состоявшейся покупки перепродать этот архив мне, зная, насколько я им дорожу. Такой оборот дела был для меня столь же неожидан, сколько и дорог. Государь соглашался покупать с тем, чтобы за ту же цену уступить его мне! Это прием небывалый и опять-таки характеризующий государя.¹⁶ <...>

Царствование Александра III было временем расцвета трех крупных сил, воплощавших в себе целый мир идей и представлений, магически действующих силою неотразимого влияния. Я без опасения выдвигаю их одновременно. Одною из них был граф Л. Н. Толстой, другою — о[тец] Иоанн Кронштадтский, третьею — Александр III! Когда-нибудь тщательный психологический разбор этих трех личностей явится неизбежным для истории известной эпохи. Три силы эти несомненны, на каждой из них отразились те дары благодати, которые даются в удел избранным. И если, допустив невозможное, эти три силы соединились во имя общего блага человечества, они проявили бы небывалое мировое явление. И если бы в основе стремлений их лежала искренность и единственно желание добра, то эти силы не могли бы оставаться чуждыми друг другу. Они настолько должны были бы интересоваться друг друга, что сближение их было бы естественным, хотя бы ради выяснения друг перед другом того обаяния, которым каждая из них в отдельности пользовалась. Проникнуть в тайну этого обаяния — вопрос настолько глубокий и важный, что отчуждение (временное) этих сил становится явлением сразу не объяснимым. Все это было бы справедливо, если бы в основе деятельности, проявляющей эту силу, была любовь, было бы смирение, была бы правда. Смирение и любовь. Но разве на них основана проповедь Толстого? Смирение и любовь, казалось бы, должна служить основой проповеди [отца] Иоанна, ведь не свое учение он преподает нам, а Того, кто был Высшим олицетворением Любви, Смирения и Правды. Быть может, в душе своей он и стремится к этому идеалу, но он же заявляет, что «вещания» его идут «во всю землю» и что «глаголы» его «проникают в концы вселенныя», чего никогда не говорили Апостолы. Это ли смирение? Я видел о[тца] Иоанна в великие минуты перед таинством смерти. Я не чувствовал любви его. В деятельности Толстого, как и в деятельности о[тца] Иоанна,

замешалось что-то постороннее, все равно, заключается ли это постороннее в них самих или является ли оно навеянным извне. И это постороннее, являющееся придачею к ним, имеет значение тины над чистым источником. Как бы ни казалось странным сближение и сопоставление тех двух лиц, оно выражается одинаково в них известными приемами, известною игрою, известною сценической обстановкой.

Все это отпадает перед третьей силой, перед силой Александра III, силой правды и чистоты. Здесь слова не громкие, здесь деяния, не поражающие блеском и глубиною замысла. Здесь одна только правда не делающего различия между словами и действиями. Здесь высокий и смиренный ум, горячее великодушное сердце, здесь душа, недоступная брэнной человеческой славе, здесь тихий обычай и твердый закал на крепкой и незыблемой христианской основе. Когда перед смертью Александра III явился о[тец] Иоанн в качестве исполнителя «Миссии», могли подумать, что нужна была нравственная поддержка умирающему; но когда они встретились лицом к лицу, тогда о[тец] Иоанн понял свое недомыслие. Я видел его выходящим от царя, он был подавлен неожиданным величием праведника и, казалось, сам почерпнул в нем назидание. <...>

Еще более дерзко, ревниво и даже бессмысленно держал себя по отношению к цесаревичу великий князь Константин Николаевич. Тут была давняя злоба, вполне определенная. Не забуду я, когда в Зимнем дворце в марте 1881 года, еще до похорон государя, Константин Николаевич заметил на погонах моих вензеля и[мператора] Александра III. Он стремительно подошел ко мне, посмотрел мне в упор, уставился злобным и ледяным взглядом и, указывая на вензеля мои, глухо произнес: «Надолго ли?». Меня взорвало, и я, выдержав этот взгляд, ответил, не помню что именно, но соответствующее моему возбужденному состоянию... Содержание этого полунемного разговора я передал тогда же государю. Его оно не удивило, но не забыть мне этого злого, вызывающего взгляда; то было шипение змеи, чувствующей приближение своего конца. Весь человек обрисовался в этих трех словах, сказанных в такую минуту и с таким именно ударением! В день торжественного въезда в Москву перед коронацией я ехал с другими верхом в свите государя. Минуя Красную площадь, шествие вступало в Спасские ворота. В узком проходе Спасских ворот невольно столпились, и я, не желая отставать, пришпорил лошадь. Она рванулась и помимо воли моей стеснила соседнюю лошадь и ее всадника, то был великий князь Константин! Он меня узнал и тут же кивнул головой. Прошло еще несколько лет. Государь пожаловал к нам в дом на Фонтанку на свадьбу сына Димитрия. В то самое время, когда после свадьбы все гости еще толпились в галерее, государю подали телеграмму с известием, что великий князь Константин при смерти. Брат его, великий князь Михаил, тотчас же, с Фонтанки поехал в Павловск. Посетил его

потом умирающего и государь. Лишенный языка, он давно уже был жалок и беспомощен. При виде государя он заплакал. <...>

В течение последней зимы 1893—1894 гг. здоровье государя, несомненно, пошатнулось. Он показывался на приемах и на балах, и все замечали необыкновенный, странный, восковой цвет его лица. Страдая бессонницами во время припадков инфлуенцы, он всех напугал. То вскакивал он на кровати, задыхаясь, и страшно было на него смотреть. Приезд Захарьина временно успокоил. Он явился со своими причудами и продолжал блажить. Но с государем эта блажь не удавалась. На государя находила сонливость, какое-то постоянное утомление. Последняя поездка в шхеры была безотраднa. Временами на него находила какая-то небывалая забывчивость, временами апатия. Во всяком случае, тревожных признаков было довольно, чтобы обратить внимание на его состояние. Правду сказал кто-то, что государя «прозевали». Конечно, такая болезнь не излечивается, но если бы все захвачено было раньше, быть может, и борьба была [бы] иная. <...>

<...> Ныне охотно говорят, что при Александре III нельзя было дожидаться желанного внутреннего обновления. А мы думаем, что именно при нем-то оно и могло осуществиться органически, традиционно, сознательно и внушительно, конечно, не путем вынужденным и малодушным, сдачею в бою и путем в то же время лицемерно признаваемым непогрешимым, а путем историческим, единственно потребным для укрепления «новизны», при условии лишь того, чтобы в вводимых новизнах нам «старина» наша бы слышалась. И, конечно, всякая реформа Александра III как бы пропитана этою идеею, которою он жил, ревниво и чутко оберегая государственный свой корабль от всяческих поползновений и подходов, откуда бы они ни шли. Могу засвидетельствовать, что мы стояли именно на пути этого мирного обновления. Умирающий Александр III еще давал указание на направление дел по вопросам нашей дальневосточной политики. <...>

Не можем мы не признать, что внутреннее обновление при Александре III утвердило бы нас на твердом камне. Он преисполнен был этою мыслью, но смерть уже наложила свою печать на это могучее, сильное тело, на эту светлую, чистую, благородную и честную голову. <...>

20 октября 1894 года. Около девяти часов утра Д. Б. Голицын согласно уговору прислал мне записку, в которой говорил, что совсем плохо. Поехал тотчас в Ливадию, погода холодная, ветер так и рвет. Это первый такой день. С трепетом глядел я по направлению к Ливадии. Вижу — флаг все еще на своем месте и не спущен до половины. Следовательно, еще жив. Приезжаю и прямо в комнату Черевина. Там обычное сборище. Говорят, всю ночь не спал ни минуты, силы, деятельность сердца слабеют, ждут конца. Чувствую, как что-то ударило в голову. Перешел в другую комнату, но сидел немного, пока не пришел в себя, и пошел во дворец, где государь. Вхожу с подъезда в первую

комнату внизу, направо. Там сидят в глубоком молчании Воронцов, Рихтер, Победоносцев, Барятинский, Олсуфьев. В соседней угловой комнате с балконом и видом на море какой-то беспорядок, не прибрано. Дальше маленькая комната — дежурная врачей. Мы то сидели в одной комнате, то переходили в другую и третью. Места не найдешь, так тяжело. Так прошло более часу в мучительном ожидании. Бенкендорф заходил на минуту, прислуга что-то суетилась, что-то вносили. Доктор Попов сидел в дежурной. Лицо его, как и все время, ничего не выражало. Это ассистент Захарьина. Кто-то пришел сказать (чуть ли не Гирш), что такое состояние, в котором государь, может продлиться долго, сутки, быть может. Мало-помалу начали расходиться, в комнате остались только Победоносцев и я. Вдруг взмолился великий князь Владимир Александрович, весь взволнованный. Он быстро дал мне руку и подошел к Победоносцеву, я к ним приблизился. Владимир Александрович говорил, что государь в полном сознании и ясно понимает свое положение, умирает чудно. «Опрятная жизнь и опрятная смерть», — добавил он. «Я такую вижу вторую смерть, моя бабушка так умирала». Победоносцев спросил: «Какая бабушка?». — «Александра Феодоровна. Сегодня как раз день ее кончины 20 октября». Мы узнали, что государь утром в третий раз причастился по собственному желанию. Громко, ясно прочел сам всю молитву «Верую Господи и Исповедаю». Причащал Янышев, но утром был у него и [тец] Иоанн.

Мы пошли в Большой дворец, куда начали все собираться. <...> Быстро входит великий князь Николай Михайлович, весь взволнованный, в слезах. Говорит: умирает удивительно, «как Патриарх» — добавил он (по-французски). <...> Прошло несколько минут, входит Бенкендорф и говорит: «Il est mort»*.

В глазах помутилось, и я пошел вверх. Пошли Рихтер, Победоносцев, Барятинский, Олсуфьев. Поднялись по лестнице. Дверь с верхней площадки лестницы в приемную была закрыта. Прислуга стояла у дверей и плакала. Мы остановились на верхних ступенях лестницы, стояли, как казалось нам, мучительно долго, дверь все не отворялась. Мало-помалу стали собираться, и вся лестница по всем ступеням донизу переполнилась свитой. <...> Но вот отворилась дверь, поспешно вышел Янышев и спустился по лестнице. За ним через некоторое время Воронцов, и опять дверь перед нами затворилась. Мне казалось, что прошла вечность. Янышев вернулся, что-то он держал в руках завернутое, вернулся и Воронцов с бумагой в синей папке. В дверях показалась в[еликая] к[нягиня] Ксения Александровна, скрылась, затворив двери, и опять молчание. Становилось жутко. Но вот дверь отворилась настежь, и мы вошли. Это была та комната, в которой принимала меня императрица тому несколько дней, малень-

* Он умер (франц.).

кая, в одно окно. Из нее дверь была открыта в соседнюю комнату, вправо, в спальню.

В мыслях промелькнуло: что я увижу? Но увидал то, чего, конечно же, помыслить не мог... Увидел и остолбенел. Спиною к открытым дверям в креслах сидел государь. Голова его слегка наклонилась влево, и другая голова, наклоненная вправо, касалась его, и эти две головы замерли неподвижно, как изваяния. То была императрица. У меня промелькнуло: они оба живы или они оба умерли? Священник медленно и отчетливо читал Евангелие. Мгновенно все вокруг меня зарыдало, и никто не трогался с места. Такого потрясающего величия сразу не выдержать! Не помню, кто и когда, но мы перешли порог. Передо мною Рихтер, он стал на колени, я за ним. Мы уже были в спальне у самого кресла. Передо мною голова государя, маленькая, худая, и вижу эти две головы, словно одно целое. Кровать стояла вправо, в углу за перегородкой, на ней сидели две женщины и плакали. В одной узнал я невесту. Рихтер на коленях стоял уже у правой руки государя, спокойно опущенной на правое колено, он поцеловал эту руку, полную, как всегда, и белую. Я вижу ее, я целую эту руку, но не поднял глаз на государя. Меня остановило чувство, что встречу взгляд императрицы, что не достоин я взглянуть на лицо Праведника, и я поклонился до земли... Кто видел это лицо, те говорят, что оно было чудно, точно он спал, выражение кроткое, детское. Да, именно детское. Да он и был чист, как ребенок, а по непреложному обещанию Спасителя — «таковых бо есть царствие небесное»... <...>

**Великий князь наследник
Николай Александрович**

ДНЕВНИК

Начато в Виндзоре.

<...> 22-го сентября. Четверг.

День был ясный, но дул свежий О и прибой был слышен наверху. Папа спал немного больше и поэтому днем чувствовал себя все-таки бодрее! После кофе у Мама пошел с Ники и Георгием к морю, где любовались волнением! Завтракали в 12 ч. Ксения и Сандро¹ приехали к самому концу, думая, что мы начнем завтракать в час! Отправились верхом в Орианду, на любимое *plage* *, куда Папа и Мама приехали в коляске на короткое время. Вернулись домой в 4 часа. Читал до обеда. Ксения и Сандро сидели у нас. Папа принял первую соленую ванну. <...>

23-го сентября. Пятница.

Ночь Папа провел лучше, поэтому он утром вышел погулять и затем сидел около часу на скамейке недалеко от дома. Погода, к счастью, была теплее и ветер слабее вчерашнего. <...> Наконец получил три письма за раз от моей дорогой Аликс!² Это было для меня радостным событием дня! <...> Вечером сидели у Мама недолго! <...>

25-го сентября. Воскресенье.

День был такой же как вчера. В 11 ч. пошли к обедне: Папа слушал ее, как в прошлом году в кабинете Анпапа **.

За завтраком играла стрелковая музыка. Смотрели на спуск почтовых голубей, которые полетели в Севастополь. В 2 часа поехали верхом в Айтодор, куда Папа и Мама приехали раньше. Смешно было осматривать апартаменты Ксении в новом доме, в кот. она как хозяйка принимала нас и поила чаем! Она и Сандро выглядят такими счастливыми, что большего и желать нельзя! Душа радуется глядя на них обоих! <...>

«Двенадцать Апостолов» проходил, вероятно, испытывая свои механизмы. Папа был бодрее! Получил три чудных письма от моей ненаглядной милой Аликс!

* Пляж (франц.).

** Дедушка Александр II.

26-го сентября. Понедельник.

Жаркий серый день. После breakfast'a * Папа и Мама поехали в виноградник, а мы последовали за ними пешком и ели много от плода лозного! <...>

29-го сентября. Четверг.

Утро было ясное, но к полудню небо затянуло тучами, хотя было совершенно тепло. Опять дрался с Ники шишками на крыше. Завтракали как всегда в 12 ч. У дорогого Папа вид как будто лучше, но самочувствие скверное по-прежнему — его мутит и опухоль в ногах мешает движению ног! Поехали верхом через Орианду вниз на plage. Видели яхту «Форос», которая проходила совсем близко, идя в Севастополь. Ночь была чудная и лунная.

30-го сентября. Пятница.

Теплый серый день. После breakfast'a прогулялись втроем по «горизонталке»³ и осмотрели внутренность Ориандской церкви. <...> Вернулись домой к чаю. Папа проспал более двух часов на балконе. Обедали без него, т. к. в 9 ч. он принял ванну. Получил два письма души Аликс. <...>

3-го октября. Понедельник.

Сегодня подъехало еще двое эскулапов: Грубе и Захарьин; так что всего их теперь набралось в Ливадии пятеро, те двое, Лейден, Вельяминов и Попов. Ночью было очень свежо, в море, вероятно, ревели сильно. День стоял ясный и теплый. Гулял с Ники по оранжереям. <...>

4-го октября. Вторник.

Невеселый день! Дорогой Папа почувствовал себя настолько слабым, что сам захотел лечь в постель. Это случилось после грустного томительного завтрака! Погода стояла как нарочно чудная — совершенно летняя. Уехал, укрепя сердце, верхом по дороге к Учансу и затем через Аутку и Ялту домой. Папа поспал часок и благодаря этому выглядел бодрее! Обедали без него — он был в постели! <...>

5-го октября. Среда.

Вчера поздно вечером пришла почта и привезла с собою два письма от Аликс! Был ясный день, но с гор дул очень свежий ветер — вроде боры! ** После breakfast'a, за которым был и Папа, пошел гулять с Мама. Она мне прочла длинное письмо т. Аликс⁴. После завтрака отправились верхом на Чаир, проехали к чайному домику и вернулись к 4 ч. к себе. Папа и Мама позволили мне выписать мою дорогую Аликс из Дармштадта сюда — ее привезут Элла⁵ и д. Сергей! Я несказанно был тронут их любовью и желанием увидеть ее! Какое счастье снова так неожиданно встретиться — грустно только, что при таких обстоятельствах.

* Breakfast — завтрак (англ.).

** Сильный холодный ветер.

6-го октября. Четверг.

Целый день получал и отвечал на телеграммы от родных со всех концов. Погода была хорошая. Папа утром был на ногах, но лег после завтрака, его одолевала сонливость. Читал за него бумаги. <...> После чаю продолжалась переписка по телеграфу. Вечером Георгий и я переехали в дом Папа и Мама — все-таки спокойнее! Я в наших прежних комнатах внизу.

7-го октября. Пятница.

Сегодня было как будто маленькое улучшение: хотя Папа спал мало, но у него аппетит, в особенности к вечеру увеличился и самочувствие поправилось! Телеграммы продолжали сыпаться. Читал бумаги, привезенные фельдъегерем, кот. Папа передал мне. Погода стояла хорошая. После завтрака пошли осматривать комнаты, очищенные дамами в свитском доме для Аликс, Эллы и пр. Жду ее приезда с страшным нетерпением! Получил два милых письма. Завтра она должна встретиться с Эллой в Александрове! В первый раз в России после того, что она стала моей невестой! Обедали в 8 ч., все мы чувствовали себя бодрее, т. к. Папа хорошо кушал и был веселее!

8-го октября. Суббота.

Дивный летний день: 19° в тени! После кофе увидели «Эриклик», который шел с т. Сани, т. Ольгой, Минни и Христофором в Ялту. Тотчас же с Ники полетел туда и приехали в то время, как «Эриклик» сильно покачиваясь подходил к молу. Мы долго ждали в каюте выхода путешественниц, т. к. их закачало и до прихода в Ялту они не вставали. О. Иоанн прибыл с ними и по приезде в Ливадию он отслужил обедню, а позже молебен для всех людей. <...> Д[яди] Сергей и Павел приехали из Москвы. Милый Папа чувствовал себя немного лучше и ел больше! Читал доклады и бумаги.

9-го октября. Воскресенье.

Дорогой Папа, хотя спал побольше, но чувствовал себя слабым; доктора были довольны его состоянием. Несколько раз кровь принималась идти из носу. После обедни Янышев зашел к Папа и приобщил его Св. Тайн! После этого он совсем успокоился. Нас заставили завтракать со всеми и даже с музыкой, что было совсем неуместно! Когда вернулись к себе, только узнали о том, что милый Папа приобщался! Около 2 ч. он лег в постель и заснул на полтора часа. <...>

10-го октября. Понедельник.

Проснулся с чудным жарким днем! Дядя Владимир и т. Михень прибыли рано утром на «Саратове» из Одессы. В 9^{1/2} отправился с д. Сергеем в Алушту, куда приехали в час дня. Десять минут спустя, из Симферополя подъехала моя ненаглядная Аликс с Эллой. Сели завтракать в доме отставного генерала Голубова. После завтрака сел с Аликс в коляску и вдвоем поехали в Ливадию. Боже мой! Какая радость встретиться с ней на родине и иметь близко от себя — половина

забот и скорби как будто спала с плеч. <...> Мною овладело страшное волнение, когда мы вошли к дорогим Родителям. Папа был слабее сегодня, и приезд Аликс, кроме свидания с о. Иоанном, утомили его! У дворца стояли стрелки Его Вел. в почетном карауле. Вошли в церковь, где был отслужен краткий благодарственный молебен. <...>

11-го октября. Вторник.

Ночью д. Алексей пришел на «Орле» из Одессы! Дорогой Папа спал всю ночь и чувствовал себя утром лучше; но днем он все-таки устал и лег в постель. <...>

12-го октября. Среда.

В 10¹/₂ большая часть семейства отправилась пешком в Ориандскую церковь к обедне, которую служил о. Иоанн. Он очень резко делает возгласы, как-то выкрикивает их — он прочел свою молитву за Папа, которая произвела сильное впечатление на меня. <...>

13-го октября. Четверг.

Папа мало спал, но чувствовал себя недурно; вид у него был бодрее. В 11¹/₂ я с Аликс и остальными отправился в Айтодор по случаю дня рождения д. Миши. Завтракали только семейством. Николай тоже был! Вернулись в 3 ч., когда все гуляли. <...>

15-го октября. Суббота.

Папа чувствовал себя немного лучше! День стоял чудный. После завтрака с д. Мишей отправились на Эриклик, откуда Аликс и я пришли пешком на ферму. <...>

16-го октября. Воскресенье.

Встал поздно с чудным днем. Папа себя чувствовал лучше, но во время посещения докторов его вырвало. В 11 час. пошли к обедне — молился вместе с Аликс. <...>

17-го октября. Понедельник.

Утром Папа причастился св. Тайн у отца Иоанна. От волнения он себя чувствовал слабым, кроме того он ночью мало спал. В 11 час. пошли к панихиде и молебну по случаю годовщины крушения.⁶ <...>

<...> После обеда провел вечер у Папа — его сильно мучает кашель горловой. Сидел как всегда у моей милой дорогой душики Аликс!

18-го октября. Вторник.

Тяжелый, грустный день! Дорогой Папа вовсе не спал и почувствовал себя худо утром, так что нас разбудили и позвали наверх. Что за испытание? Потом Папа немного успокоился и дремал днем с перерывами.

Не смел долго отлучаться из дому. Такое утешение иметь дорогую Аликс; она целый день сидела у меня, пока я читал дела от разных министров. Около 11 час. у д. Владимира было совещание докторов — ужасно! Завтракали внизу, чтобы не шуметь! Немного походил с Аликс около дома. После чаю опять читал. Вечером казалось, что милый Папа чувствует себя бодрее — но слабость страшная! Одно упование и надежда на Милосердного Господа: да будет воля Его святая!

19-го октября. Среда.

Утром дорогой Папа проспал четыре часа подряд и посидел днем в кресле. Беспокойства наши опять начались под вечер, когда Папа переехал в спальню и лег в постель: опять слабость сделалась страшная! Все бродили по саду вразброд — я с Аликс был у моря, так что побоялся за ее ноги, чтобы она не устала влезть наверх: коляски не было. После чаю и вечером читал бумаги. Сидел у моей ненаглядной Аликс!

20-го октября. Четверг.

Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобным ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился св. Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Эта была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама!.. Вечером в 9^{1/2} была панихида — в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги! Вечером исповедался*.

21-го октября. Пятница.

И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час. в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы! После завтрака была отслужена панихида, в 9 ч. вечера — другая. Выражение лица у дорогого Папа чудное, улыбающееся, точно хочет засмеяться! Целый день отвечал на телеграммы с Аликс, а также занимался делами с последним фельдъегерем. Даже погода и та изменилась: было холодно и ревело в море!

22-го октября. Суббота.

Вчера вечером пришлось перенести тело дорогого Папа вниз, потому что, к сожалению, оно быстро начало разлагаться. Поэтому и утренняя и вечерняя панихиды были отслужены в малой церкви. Слава Богу, милая Мама совсем спокойна и геройски переносит свое горе! Только и делал, что отписывался от туч телеграмм. <...>

23-го октября. Воскресенье.

Погода поправилась — стало снова тепло. В 10^{1/4} прибыли т. Аликс и д. Берти из Севастополя на «Орле». Были на заупокойной обедне. Какое громадное утешение стоять в церкви рядом с дорогой Аликс и молиться с нею вместе! Завтракали отдельно от Мама и т. Аликс. В 2^{1/2} поехал с моей невестой в Орианду, зашли в церковь,

* Запись за 20 октября подчеркнута вертикальной линией, с левой стороны текста отмечен день смерти Александра III.

осмотрели мозаичные образа и отправились на plage. Сидели у моря, на том месте, где еще недавно были вместе с незабвенным Папа! Вернулись домой к чаю. Писал телеграммы без конца; милая Аликс помогает мне в этом! После обеда пошли в церковь на панихиду. <...>

24-го октября. Понедельник.

День простоял серый — так же было и на душе! Утром походил немного с дорогой Аликс, затем писал и читал. После завтрака, в 2 часа была панихида в церкви, вечером в 9 ч. Все не решаюсь зайти в угловую комнату, где лежит тело дорогого Папа — оно так изменилось после бальзамировки, что тяжело разрушить то дивное впечатление, которое осталось от первого дня! <...>

25-го октября. Вторник.

<...> В 6¹/₂ началась тяжелая церемония переноса тела дорогого Папа в гробу в большую церковь. Казаки несли гроб на носилках. Уже третий раз подряд приходится бывать на панихидах в этой церкви — по Оболенском, Басаргине и теперь по нашем незабвенном Отце! Вернулись в пустой дом разбитые нравственно! Тяжелое испытание послал нам всем Господь!

26-го октября. Среда.

Утром большая часть семейства уехала вперед в Москву и Питер. День стоял серый, но совсем тихий. В 2 ч. и в 7 ч. были панихиды в больш. церкви; гроб не открывали! <...>

27-го октября. Четверг.

К счастью, погода была хорошая и море спокойное. В 8¹/₂ покинули наш дом, который теперь так горестно осиротел, и поехали в церковь. Там кончалась обедня. Вынесли гроб и передали его казакам, которые чередуясь со стрелками и гребцами с катера Его Вел. донесли его до пристани в Ялте. Мама и все мы провожали гроб пешком. После литии перешли на «Память Меркурия», где гроб был поставлен на шканцах под тентом из Андреевского флага. Полное дежурство стояло вокруг. Чудная, красивая, но грустная картина. <...>

«12 Апостолов» и «Орел» шли за нами. Вся эскадра стояла выстроенная в одну линию, совершенно как месяц тому назад. Но Боже! Какая ужасная разница с того раза, каким веселым смотрел тогда Севастополь? В 4¹/₂ подошли к пристани. После литии гребцы перенесли гроб в вагон и траурный поезд с полным дежурством (от Преображ. и Конного п. п.) ушел 20 мин. раньше нас. <...> Выехали из Севастополя в 5.20. В Симферополе вышли на станцию к траурному вагону к панихиде.

28-го октября. Пятница.

День свадьбы дорогих Папа и Мама! Сколько страданий для нее — ужасно! Помогите, Господи! Останавливались в Борках и Харькове для панихид. Везде такие же встречи — почетные караулы, все начальство, учебные заведения и пр. <...>

30-го октября. Воскресенье.

В 9¹/₂ пересели в салон траурного поезда и так доехали в нем до Москвы. На платформе встретили д. Сергей, Элла и д. Миша. Мы вынесли гроб и поставили его на колесницу. По улицам стояли войска и тысячи народа — порядок был замечательный. До Кремля было 10 остановок для литий против церквей. В Архангельском соборе был поставлен гроб, и после панихиды я пошел поклониться мощам в Успенском соб. и Чудовом мон. Приехал во дворец к завтраку. Сколько светлых воспоминаний здесь в Кремле — и как тяжело теперь мне все проделывать вместо дорогого Папа! <...>

31-го октября. Понедельник.

Утром встал с ужасными эмоциями, т.к. в 9¹/₂, идя с Мама в Арханг[ельский] соб. через залы, должен был сказать несколько слов собравшимся сословиям в Георг[иевском] зале. Это сошло, слава Богу, благополучно! После литии гроб вынесли и поставили на колесницу и мы снова тронулись тою же дорогою к станции. Таяло — идти было совсем тепло. В 12 ч. поезд тронулся. Пересели в Николаев-[ский] поезд в Химках и поехали дальше. Отдыхали в вагоне. В Твери была отслужена панихида. <...>

1-го ноября. Вторник.

Пересели на ст. Обухово в траурный поезд и в 10 час. прибыли в Петербург. Горькое свидание с остальными родственниками. Шествие от вокзала до крепости продолжалось 4 часа, благодаря тому что мосты на Неве были разведены. Погода стояла серая — таяло. После панихиды приехали в Аничков [дворец]. Каким он кажется опустевшим. Я больше всего боялся этой минуты для дорогой Мама. <...> В 8 ч. поехал с Мишей на вечернюю панихиду. <...>

2-го ноября. Среда.

Выспался хорошо; но как только приходишь в себя, сейчас же ужасный гнет и тяжелое сознание совершившегося возвращаются в душу с новою силою! Бедная Мама опять чувствовала себя слабою и днем с нею случился небольшой обморок. В 10.25 приехал д. Вилли с Джоржи; все семейство встретило их, а также почетный караул от Измайловского полка. Привез его в Аничков. В 12 ч. принял Государствен. Совет в полном составе — пришлось опять говорить! К завтраку приехала милая Аликс; грустно видется с нею только урывками! В 2 часа ездил на панихиду. Шел дождь, темнота была адская, дул свежий ветер, и вода в Неве пошла на прибыль. Обежал сад три раза. В 8 час. был на второй панихиде. <...>

7-го ноября. Понедельник.

Второй раз пришлось пережить те часы скорби и печали, какие выпали на нашу долю 20-го октября. В 10¹/₂ началась архиерейская служба и затем отпевание и похороны дорогого незабвенного Папа! Тяжело и больно заносить такие слова сюда — все еще кажется, что

мы все находимся в каком-то сонном состоянии и что вдруг! *он* опять появится между нами! Вернувшись в Аничков, завтракал наверху с милой Мама, она удивительно берет на себя и не падает духом. Погулял в саду. Сидел со своей Аликс и пили чай со всеми. Обедали в 8 ч. и вечер провели в кабинете Папа. <...>

9-го ноября. Среда.

Встал поздно. Читал до 10 час. Имел доклады д. Миши и Муравьева. Завтракали в час с д. Вальдемаром и Джоржи. Принимал разных иностранцев с письмами и без писем. Отвечать приходится на всякую всячину вопросов — так что совсем теряешься и с толку сбиваешься! <...>

31-го декабря. Суббота.

Мороз усилился и дошел до 14°, потом он сдал. Несмотря на это утром все-таки пошли гулять. Принимал: Делянова, Ванновского и бар. Фредерикса. Завтракал Черевин. Не катались по городу и не бегали на коньках из-за мороза: гуляли в саду с Мама и тетей Аликс. Пили чай вдвоем. Читал до 7¹/₂, когда пошли наверх к молебну. Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, кот. случилась в этом году. Но уповая на Бога, я без страха смотрю на наступающий год — потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь! <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

От составителя

У этой книги своя долгая судьба. Ее готовил Юрий Борисович Соловьев, у которого были собственные представления и об императоре Александре III, и о составе документов тома. И тогда читатель получил бы совсем другое издание. Но Юрий Борисович не успел завершить работу, которую подхватили, чтобы донести ее до читателя, другие историки, его товарищи. В работе над книгой участвовал А. Б. Николаев.

На первых порах меня очень поддержал и помог своим участием в работе Б. Б. Дубенцов, а затем сильное влияние на составителя оказала совместная работа с редакцией. Возникла идея включения в том документов, показывающих императора в неожиданном ракурсе — в его взаимоотношениях с людьми литературы и искусства, а также мысль о необходимости отразить и оппозиционный, очень слабый в то время, слой российского общества, однако оказавшийся знаком предупреждения.

Так складывался этот том.

А. П. Бологовская

Из воспоминаний о детстве императора Александра III

Об авторе публикуемых здесь воспоминаний неизвестно ничего, кроме фамилии. Неизвестны даже ее имя и отчество. Сотрудники журнала, печатая ее записки, либо сами ничего не знали об авторе, либо просто не сочли нужным сообщить о нем читателю. Поэтому констатировать можно лишь то, что она сама сказала о себе в своих мемуарах: ее девичья фамилия — Золотницкая, отец был офицером Кирасирского полка, ее семья жила в Царском селе, она вышла замуж за тверского помещика и стала Бологовской. В детстве ей довелось быть участницей игр детей Александра II.

Царские дети, хотя и росли в особых условиях, все же были обыкновенными детьми и как таковые нуждались в обществе сверстников. Взрослые это понимали, и многочисленный штат воспитателей заботился о том, чтобы им это общество обеспечить. У царских детей существовало несколько сфер общения: во-первых, круг семьи Романовых. Дети Романовых встречались, иногда между ровесниками завязывались дружеские отношения. Существовал и круг постоянно призываемых к ним товарищей-сверстников — детей придворной, чиновной и военной аристократии. Но летом царская семья находилась в загородных резиденциях, и за сезон их не однажды меняли. Тогда игры из дворца переносились на свежий воздух, характер игр становился другим, требовалось большее число уча-

стников, и их находили среди детей служащих (военных и штатских), живших поблизости. Так А. П. Бологовская и оказалась участницей и свидетельницей детских развлечений Александра III, тогда еще даже не наследника престола.

Воспоминания А. П. Бологовской печатаются по изданию: *Бологовская А. П.* Из воспоминаний о детстве императора Александра III // Исторический вестник. 1914. № 1.

¹ Наследник цесаревич Николай Александрович и великий князь Александр Александрович — два старших сына Александра II: Николай, скончавшийся в 1865 году, и Александр, будущий император.

² Киссинген — город и знаменитый курорт в Германии. Располагал источниками лечебной воды. К тому же славился и своими лечебными ваннами.

³ Наследник цесаревич Александр Николаевич — будущий император Александр II.

⁴ Никс и Володя Адлерберги — сыновья министра императорского двора графа Александра Владимировича Адлерберга.

⁵ Саша Паткуль — сын Александра Владимировича Паткуля, адъютанта Александра II, позже — петербургского обер-полицмейстера.

⁶ Гогель — сын воспитателя детей Александра II Григория Федоровича Гогеля.

⁷ Зиновьев Николай Васильевич — генерал-адъютант, в 1844—1849 годах директор Пажеского корпуса, воспитатель сыновей Александра II.

⁸ Великих князей, вышедших из младенческого возраста, окружали учителя и воспитатели. Учителя могли быть людьми штатскими, но воспитатели непременно офицерами и генералами, ибо мальчиков готовили прежде всего к военной службе.

⁹ «La cuiche cassée» — «Разбитый кувшин» (*франц.*). Речь идет о знаменитом царскосельском фонтане «Девушка с кувшином» (скульптор П. П. Соколов, проект фонтана инженера А. А. Бетанкура), воспетом А. С. Пушкиным.

А. Ф. Тютчева

Дневник

Анна Федоровна Тютчева (1829—1889), дочь поэта Ф. И. Тютчева, провела при дворе Александра II почти полтора десятилетия (1853—1865). Она была сначала фрейлиной императрицы Марии Александровны, а затем воспитательницей ее дочери Марии. Свою службу она оставила в связи с выходом замуж за известного публициста, издателя славянофила И. С. Аксакова: ведь при дворе на таких должностях держали только незамужних, ибо дворцовая служба требовала круглосуточного присутствия при августейших особах. А. Ф. Тютчева очень интересовалась современной политикой и ее вершителями. Из ее дневника за 1855 год извлечена эта маленькая зарисовка, показывающая, что царские дети, оставаясь детьми, уже в этом возрасте соприкасались не просто с проблемами взрослых, но и с заботами царствования.

Фрагмент дневника А. Ф. Тютчевой публикуется по изданию: *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник. 1853—1882. Тула. 1990.

¹ Папа — Александр II.

² Дедушка — Николай I.

³ Дядя Константин — брат Александра II вел. кн. Константин Николаевич, его департамент — Морское министерство.

Примечания

⁴ Дяди Никс и Миша — младшие братья Александра II, вел. кн. Николай Николаевич и Михаил Николаевич.

Ф. Г. Тернер

Воспоминания

Федор Густавович Тернер (1828–1906) — внук священника, сын чиновника и сам чиновник, полвека добросовестно служивший и почти все время в Министерстве финансов. Выпускник университета, человек образованный, педантичный, трудолюбивый, он неторопливо, без рывков, продвигался по службе, выполняя разные обязанности и поручения, и дослужился при Александре III до должности товарища министра финансов И. А. Вышнеградского. Одно время, когда Вышнеградский был уже болен, а С. Ю. Витте только готовился принять портфель министра финансов, Тернер замещал министра, вместо него докладывая императору дела (1892 год).

Но Ф. Г. Тернер был не просто заурядным чиновником: он занимался проблемами экономики, а в зрелом возрасте еще и религиозными, много печатался и в качестве ученого обратил на себя внимание людей, искавших учителей для великих князей. Упомянутые в отрывке из его довольно пространственных воспоминаний деятели эпохи охарактеризованы в именном указателе, и потому им не уделено специального комментария.

Фрагмент из воспоминаний Ф. Г. Тернера воспроизводится по изданию: *Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни*. СПб., 1910. Ч. I.

¹ Герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский (1843–1890) — внук Николая I, сын его дочери вел. кн. Марии Николаевны от брака с принцем Максимилианом Лейхтенбергским. Лейхтенбергские — герцогский дом, основанный в 1817 году пасынком Наполеона I Евгением Богарне. Сожаления Ф. Г. Тернера о том, что Николай Максимилианович не принес России той пользы, которую можно было ожидать по его способностям и интересам, вызваны обстоятельствами жизни Николая Максимилиановича: в нарушение традиций он женился на неравнородной — Надежде Сергеевне Акинфиевой — и потому вынужден был жить за границей.

² Смерть наследника престола вел. кн. Николая Александровича — 1865 год.

³ Охрана русской промышленности предусматривала введение высоких пошлин на ввозимые изделия.

⁴ Огрызко Иосафат (1826–1890) — служил в Министерстве финансов, участвовал в польском восстании 1863 года, издавал в Петербурге польскую газету «Слово». В 1864 году арестован и сослан в Сибирь. Умер в Иркутске.

⁵ К. К. Грот — активный участник разработки крестьянской реформы, губернатор, затем чиновник Министерства финансов.

⁶ Н. Х. Бунге — учитель вел. кн. Александра Александровича, в его царствование — министр финансов (1881–1886).

Генерал-лейтенант Николай Павлович Литвинов (1833–1891) — входил в состав лиц, опекавших царских детей. Когда они достигали школьного возраста, у них появлялись учителя, сменявшие один другого, люди временные. Но при царских детях еще до учителей складывался круг постоянных воспитателей — из людей военных. Воспитатели заменяли обычных гувернеров, как правило, представляемых в то время к дворянским отпрыскам. Воспитатели находились при своих подопечных неотлучно, следя за их здоровьем, играми, занятиями, сопровождая во всех поездках, обеспечивая игры, учебные занятия и т. п. Они наказывали провинившихся и поощряли отличившихся, объясняли, рассказывали, отвечали на вопросы, советовали, наставляли. Н. П. Литвинов был даже не воспитателем, а, по молодости лет, помощником воспитателя второго и третьего сыновей Александра II — Александра (будущего Александра III) и Владимира и в качестве такового сопровождал их в Ниццу к умиравшему старшему брату. Н. П. Литвинов — не самая заметная фигура среди воспитателей Александра III, но зато он оставил дневниковые записи за 1860-е годы, увидевшие свет до революции и оказавшиеся одними из немногих документов, в которых описано прощание Александра III с горячо любимым братом, умиравшим от цереброспинального менингита и туберкулеза сразу по достижении совершеннолетия — в 21 год. Смерть вел. кн. Николая Александровича означала перемещение следующего по старшинству вел. кн. Александра Александровича в ранг наследника цесаревича. Между тем, последний не был к этому подготовлен: все внимание родителей было обращено на его старшего брата, которого обучали особенно тщательно.

Фрагменты дневника Н. П. Литвинова печатаются по тексту: *Литвинов Н. П.* Из дневника помощника воспитателя великих князей Александра Александровича и Владимира Александровича // Исторический вестник. 1907. № 1.

¹ Никс — вел. кн. Николай Александрович, наследник престола.

² Николай и Евгений Максимилиановичи — двоюродные братья Николая и Александра Александровичей, герцоги Лейхтенбергские.

³ Отъезд наследника — заграничная поездка наследника Николая Александровича, из которой он уже не вернулся.

⁴ Дармштадт — родина императрицы Марии Александровны, жены Александра II.

⁵ Борис Алексеевич — граф Перовский, воспитатель великих князей Николая и Александра.

⁶ Принцесса Дагмара — невеста вел. кн. Николая и жена (с 1866 года) вел. кн. Александра Александровича, будущая императрица Мария Федоровна.

⁷ Молодой Барятинский — Владимир Анатольевич (1843–1914), адъютант наследника вел. кн. Николая Александровича.

⁸ Вел. княгиня Елена Павловна — вдова вел. кн. Михаила Павловича, брата Николая I, владелица Михайловского дворца (ныне в нем — Русский музей).

⁹ Король в Берлине — Вильгельм I, король прусский, затем император германский (1861–1888).

¹⁰ Наполеон — Наполеон III, император Франции (1852–1870).

¹¹ Гартман, Здекауэр, Каррель, Опольцер, Пирогов, Рехберг — медики, российские и европейские, собранные на консилиум в Ницце во время болезни наследника вел. кн. Николая Александровича.

¹² Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) — наставник вел. кн. Николая Александровича.

¹³ Иорданская пристань — пристань напротив Иорданского подъезда Зимнего дворца, названного так, поскольку из него выходил и направлялся к устроенной на Неве купели (Иордани) крестный ход в день Крещения (6 января).

Д. С. Арсеньев

Из записок

Дмитрий Сергеевич Арсеньев (1832–1915) — адмирал, окончивший Морской корпус, в 1882–1886 годах директор Морского корпуса, был воспитателем младших сыновей Александра II — великих князей Сергея и Павла. Он оставил записки, лишь частично опубликованные, откуда извлечен небольшой фрагмент, относящийся к 1865 году, когда он сопровождал своих воспитанников в Ниццу, к умиравшему старшему брату Николаю. Современники отзывались о нем как о человеке добром и душевном, да к тому же еще и неплохом педагоге. Поскольку в русско-турецкую кампанию 1877 года вел. кн. Сергей не достиг полного совершеннолетия, но был отправлен на театр военных действий, Д. С. Арсеньев сопровождал его туда. Имя Д. С. Арсеньева можно встретить на страницах записок об этой войне.

Воспоминания Д. С. Арсеньева печатаются по тексту: *Арсеньев Д. С. Из записок адмирала* // Русский архив. 1910. № 11.

¹ Князь Суворов, Александр Аркадьевич (1804–1882) — петербургский генерал-губернатор, внук А. В. Суворова.

Кн. В. П. Мещерский

Мои воспоминания

Князь Владимир Петрович Мещерский (1834–1914) — очень колоритная фигура трех последних царствований. При воцарении Александра II он был уже взрослым человеком, а при Александре III и Николае II играл заметную роль в общественной жизни. Более всего В. П. Мещерский известен потомкам как реакционный публицист, редактор-издатель еженедельника «Гражданин». Это была личность настолько одиозная, что писатель Н. С. Лесков, человек весьма умеренных взглядов, писал о нем в 1875 году, в самом начале его журналистской карьеры, И. С. Аксакову: «При его заступничестве за власть хочется чувствовать себя бунтарем, при его воспевании любви помышляешь о другом, даже при его заступничестве за веру и церковь я теряю терпение и говорю чуть ли не безумные речи во вкусе атеизма и безверия» (Лесков Н. С. Соч. Т. 10. М., 1958. С. 393). И еще: «Это какой-то литературный Агасфер» (Там же.) Но не все и не всегда так к нему относились.

Юрикович, князь, состоявший в родстве с лучшими фамилиями России, выпускник Училища правоведения, он был беден и должен был поэтому служить, добывая себе хлеб насущный, что и делали десятки его современников из обедневшей аристократии, прокладывая путь наверх трудолюбием и терпением. Но не таков был князь Мещерский. Княжеский титул давал весьма обширные связи,

Примечания

честолюбие заставляло искать быстрых путей к высокому положению, бедность в соединении с беззастенчивостью подталкивала к обеспечению себя таким занятием, которое создало бы возможность черпать средства из государственной казны. Первоначально он сблизился с великими князьями Николаем и Александром Александровичами, бывал у них, принимал их у себя. Они с Мещерским переписывались и находили в общении с ним удовольствие, ценя В. П. за его осведомленность по поводу многих дел и интриг, от которых сами были ограждены. Однако бесцеремонность князя в обращении с чужими деньгами, настойчивость в финансовых просьбах, да к тому же еще и нетрадиционная сексуальная ориентация, сопровождавшаяся скандалами, обеспечили В. П. множество недоброжелателей, включая и жену Александра III Марию Федоровну. Хотя сам Александр III относился к В. П. более терпимо и зачастую буквально «снисходил» к его просьбам о встречах или о денежных выдачах, все же он исключил князя, и довольно рано, из круга своих близких знакомых.

Сверх того, В. П. был плодовитым автором светских романов (их скорее можно назвать памфлетами), прототипы героев которых были легко узнаваемы. В. П. оставил замечательные мемуары, целых три тома, построенные по хронологическому принципу и являющиеся чем-то вроде летописи второй половины XIX века.

Выдержки из этих мемуаров печатаются по изданию: *Мещерский В. П. Мои воспоминания*. [СПб.], 1898. Ч. 2.

¹ Новый наследник престола — вел. кн. Александр Александрович.

² Учителя с влиянием: Ф. И. Буслаев преподавал словесность, К. П. Победоносцев — право, И. К. Бабст — политэкономия.

³ Валуев, Петр Александрович — министр Александра II (в 1861–1868 годах — внутренних дел, в 1872–1879 — государственных имуществ), славился своей приверженностью к многословным и цветистым речам.

⁴ Боголюбов, Алексей Петрович (1824–1896) — живописец, помогавший Александру III формировать его коллекцию картин и рисунков. Оставил об этом воспоминания.

⁵ Муравьев-Апостол, Матвей Иванович (1793–1886) — один из немногих декабристов, доживший в ссылке до амнистии 1856 года.

Ф. М. Достоевский

Письмо великому князю Александру Александровичу

Лучше всех сложность собственного творчества и его восприятия читательской средой выразил сам писатель 21 августа (5 сентября) 1879 года в письме К. П. Победоносцеву, с которым был в добрых отношениях от начала их знакомства до своей кончины. Достоевский писал: «Мое литературное положение <...> считаю я почти феноменальным: как человек, пишущий против европейских начал, компрометировавший себя навеки „Бесами“, то есть ретроградством и обскурантизмом, — как этот человек, помимо всех европействующих, их журналов, газет, критиков — все-таки признан молодежью нашей, вот эту самую расшатанную молодежью, нигилятиной и проч.?» (*Достоевский Ф. М. ПСС в 30-ти томах*, Л., 1988. Т. 30 (I). С. 131). Это признание — лучший комментарий к публикуемому письму.

История его такова. Летом 1871 года семья Достоевских после длительного пребывания за границей, где писатель искал возможности работать спокойно, вер-

Примечания

нулась в Петербург, и перед писателем встала задача налаживания жизни в новых условиях. На одном из литературных вечеров он встретился с В. П. Мещерским, который в то время затевал издание своего в дальнейшем резко полемизировавшего с либеральными органами печати еженедельника «Гражданин» и устраивал «журфиксы» — литературные и политические встречи в своем салоне по средам, собирая единомышленников. Там, у Мещерского, Достоевский познакомился и сблизился с К. П. Победоносцевым, единственным из учителей Александра III, сохранившим с учеником отношения на всю жизнь. Победоносцев сразу же попытался использовать в интересах власти талант и писательский авторитет Достоевского. В начале 1873 года выходит отдельным изданием роман «Бесы», и Победоносцев дает понять, что его автором интересуется наследник престола. Под воздействием Победоносцева Ф. М. Достоевский и пишет цесаревичу, объясняя, что двигало его пером при создании этого романа. Письмо свидетельствует о том, что наследник престола уже тогда воспринимался частью российского общества как человек, которому близки не европейские идеи, а постулаты российской самобытности.

Текст воспроизводится по изданию: *Достоевский Ф. М.* ПСС в 30-ти томах. Л., 1986. Т. 29 (I). С. 260–261.

М. И. Семевский

Встреча Тургенева с Александром III

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883), в своих романах откликавшийся на современные ему явления российской жизни, в 1860–1870-х годах постоянно жил за границей, преимущественно во Франции, лишь изредка наведываясь на родину. Поэтому познакомиться с ним, нанести визит соотечественники могли почти исключительно во время своих заграничных поездок. Так было и с Александром III, тогда еще великим князем, цесаревичем, когда он в 1879 году пожелал, находясь в Париже, увидеть писателя. Во время подобных поездок было принято осматривать достопримечательности и встречаться с выдающимися людьми. Наследник престола в качестве такового избрал И. С. Тургенев.

О том, что писатель виделся с цесаревичем, было известно, в частности, из его письма, относящегося к тому времени. Но в письме не было никаких подробностей. Тургенев поделился ими в рассказе о том, как происходила встреча, с близким приятелем, наперсником, корреспондентом — Александром Васильевичем Топоровым (1831–1887). А М. И. Семевский (1837–1892) со слов Топорова и издателя Ивана Ильича Глазунова (1826–1889) (между прочим, дядюшки знаменитого композитора А. К. Глазунова), записал этот рассказ.

Михаил Иванович Семевский был крупным чиновником, но известен он тем, что в 1870 году основал в Петербурге замечательный исторический журнал «Русская старина», просуществовавший почти полвека. Журнал предназначался для широкого круга любителей исторического чтения. Семевский постоянно занимался поиском источников для публикации в своем журнале, но, будучи еще и историком, прекрасно понимал ценность свидетельств современников, безвозвратно исчезавших вместе с их обладателями, и старался их зафиксировать. Семевский успел записать рассказ об этой встрече, но не смог опубликовать его при жизни Александра III, кстати, недоброжелательно относившегося к издателю журнала.

Встреча Тургенева с цесаревичем была мимолетной, однако отозвалась в его творчестве, правда в жанре публицистики. Сразу же после покушения 1 марта

1881 года и гибели Александра II, смены на престоле императоров он в одном из французских журналов анонимно опубликовал статью о новом российском монархе, поразительно верно охарактеризовав особенности его воззрений и спрогнозировав его возможную политику.

Отрывок из письма Тургенева воспроизводится по изданию: *Тургенев И. С.* Собр. соч. в 12 томах. М., 1958. Т. 12. С. 540.

Запись рассказа И. С. Тургенева печатается по тексту: Встреча И. С. Тургенева с Александром III (По неизданным тетрадям М. И. Семеvского) // Красная панорама. 1928. № 28. (Подпись под публикацией: С. Ш.)

Александр Берс

Воспоминания об Александре III

Александр Александрович Берс (1844–1921) — офицер одного из самых известных гвардейских полков, квартировавших в Петербурге — лейб-гвардии Преображенского, созданного Петром Великим. К тому же он еще и музыкант, что в те времена было неудивительно, ибо музыку не потребляли, а ею занимались. В полках существовали оркестры духовой музыки, было много музыкантов-любителей. Кроме того, об авторе известно, что он происходил из той же самой семьи Берсов, что и Софья Андреевна Толстая, жена Л. Н. Толстого, и доводился ей двоюродным братом.

Судьба свела А. А. Берса с наследником престола на почве общей любви к духовой музыке. Цесаревич Александр Александрович, очень избирательно относившийся к музыке и не ставший учиться игре на фортепьяно, оказался любителем духовой музыки. С легкостью, поскольку к представителям царствующего дома всегда был большой интерес и готовность им товариществовать, он создал вокруг себя группу любителей и профессионалов, собиравшихся в разных местах, в том числе и в Аничковом дворце, для музицирования на духовых инструментах.

Занятия духовой музыкой — удел молодого Александра III, еще цесаревича. У императора досуга для такого времяпрепровождения уже не оставалось: государственная деятельность, к которой он относился чрезвычайно серьезно, лишала его многих видов отдохновения, а игра в духовом оркестре была для него, очевидно, и отдыхом, и формой встреч с приятными ему людьми, и переключением с одних занятий на другие, и возможностью близкого знакомства со столичным офицерством.

Воспоминания А. А. Берса печатаются по изданию: *Берс А. А.* Воспоминания об императоре Александре III // Старина и Новизна. 1900. Кн. 3.

¹ Ольденбургские, принцы — одна из ветвей графской (позже — герцогской) династии Ольденбургов, обосновавшаяся в России. Основатель российской ветви принцев Ольденбургских герцог Георг-Петр, в 1809 году женившийся на великой княжне, дочери Павла I, Екатерине, был тверским генерал-губернатором. Он и его потомки состояли на русской службе, занимались благотворительностью. Сын Георга — Петр Георгиевич известен как основатель Училища правоведения, поставлявшего на русскую государственную службу квалифицированных юристов. Дворец принцев Ольденбургских находился на Дворцовой набережной. Георгий Петрович Ольденбургский скончался молодым человеком, немногим старше 20 лет (1848–1871).

²Liedertafel — певческое общество, певческий кружок (нем.). Здесь — сборник музыкальных пьес, изданный Певческим обществом.

³«Ich grüsse dich» — «Приветствую тебя» (нем.).

⁴«Frühling's Erwachen» — «Пробуждение весны» (нем.).

⁵gratis — бесплатно, даром (лат.).

М. К. Соколовский

Военная служба императора Александра Третьего (28 февраля 1845 г. — 2 марта 1881 г.)

Михаил Константинович Соколовский (1867–1941) — военный историк, воспитанник Второго кадетского корпуса, член Общества ревнителей военной истории. Обычно он печатался в военных журналах, но в 1906 году опубликовал в старейшем русском историческом журнале, предназначенном для широкой публики, справку о военной службе императора Александра III. Правильнее говорить о службе великого князя, наследника престола, ведь наследник числился на военной службе только до вступления на престол. Эта справка — сжатое изложение послужного списка Александра III. Поскольку обычно внимание на военных сторонах жизни цесаревича не акцентируется, в данном издании было решено воспроизвести этот документ, чтобы читатель получил представление о том, какое большое место занимала военная подготовка, военная служба и руководство армией в жизни будущего императора.

Справка печатается по изданию: Военная служба императора Александра III (26 февраля 1845 — 2 марта 1881 г.) // Русский архив. 1906. № 1. (В конце текста: «Сообщил Михаил Соколовский».)

Е. Каменский

Заботы цесаревича Александра Александровича о перевооружении русской армии

Публикуемая здесь заметка является дополнением к напечатанной выше справке о военной службе Александра III. Если справка зафиксировала все этапы перемещения великого князя по военной службе, производство в очередной чин, награды, участие в военных действиях, т. е. как бы формальную (анкетную) сторону службы, то эта заметка говорит уже о другой части его военной деятельности — о том, что он брал на себя добровольно. После Крымской войны, обнаружившей отсталость России и отсталость военного оснащения российской армии, встал вопрос о серьезном ее перевооружении. Этим занималось Военное министерство и другие военные ведомства. Но и вел. кн. Александр Александрович со своей стороны пытался способствовать снабжению российской армии новым оружием.

Сокращенный текст заметки печатается по: Заботы цесаревича Александра Александровича о перевооружении русской армии и о помощи голодающим в 1867 г. // Русский архив. 1915. № 9. (В конце текста однажды — на с. 180 — помечено «Е. Каменский», без каких-либо пояснений.)

Н. П. Игнатьев

Походные письма 1877 года

Публикуемые здесь выдержки из писем по существу являются своего рода дневниковыми записями, лишь включенными в состав писем к жене. Они отправлялись с балканского театра военных действий и принадлежат перу известного российского дипломата графа Николая Павловича Игнатьева (1832–1908). Такое сочетание: дипломат и действующая армия — может показаться странным и требует поэтому некоторых пояснений.

Н. П. Игнатьев был сыном военного, успешно служившего и продвигавшегося — согласно Табели о рангах — от чина к чину, от должности к должности. Его отец одно время был директором привилегированного военного учебного заведения — Пажеского корпуса, имел чин генерала, был назначен на штатскую должность председателя Комитета министров и уже на этом поприще получил графский титул. (В царствование Александра II военные еще по инерции продолжали считаться универсалами, успешно справляющимися и с административной службой. Впрочем, обыкновение это все чаще нарушалось.) Надо полагать, успешная служба отца создавала благоприятные обстоятельства для успешной карьеры сына. Но Николай Павлович Игнатьев в протекции не очень нуждался. Это был человек энергичный, предприимчивый, настойчивый и умный. Он начинал как военный, но очень плавно перешел на дипломатическую службу. Окончив в 1851 году Академию Генерального штаба, он короткое время служил в армии, затем немногим более года являлся военным атташе в Лондоне, вынужден был вернуться в Россию и тут продолжить военно-дипломатические занятия. Сначала это были отдельные поручения (отправка с миссиями в восточные государства). Он их успешно выполнил. Министр иностранных дел А. М. Горчаков, увидевший в нем — человеке способном, амбициозном и активном — соперника, назначил его на важный, но все же в тех условиях второстепенного значения пост — пост посла России в Турции. Здесь Игнатьев оказался в близкой ему по духу среде; он сблизился с турецким властителем и его окружением, имел на них влияние, успешно интриговал, пытаясь укрепить воздействие России на Турцию. Однако тем же занимались и представители европейских держав. И когда турецкие власти усилили нажим на славянские народы, находившиеся в составе Турецкой империи, и русско-турецкие отношения в очередной раз обострились (христианское население Турции связывало свои мечты об освобождении с надеждами на помощь России), карьера Н. П. Игнатьева в Турции оказалась под ударом.

Игнатьев сначала пытался дипломатическим путем добиться от Турции уступок по отношению к сербам, болгарам, черногорцам и другим балканским славянам, но безуспешно. Дело шло к войне, и Игнатьев был послан по европейским странам с задачей выяснения их позиций в назревающем конфликте. Россия пыталась избежать войны, но выдвигала Турции ультимативные требования, которые последняя отвергала. Россия, большая и сильная держава, почувствовала себя уязвленной, объявила мобилизацию, ввела армию на Балканы и втянулась в войну. На театр военных действий отправились почти все молодые мужчины дома Романовых во главе с императором Александром II. Его сопровождала большая свита, в том числе и Н. П. Игнатьев. В своих письмах Игнатьев сам объяснил причину своего пребывания в Главной квартире Александра II на Балканах: считалось, что Турция, убедившись в решительных намерениях России и осознавая свою слабость, немедленно, до наступления бессмысленных кровопролитных боев, запросит мира. Тогда-то Игнатьев окажется рядом и начнет действовать как дипломат.

В период, предшествовавший войне, Игнатъев занимал позицию решительного, вплоть до военного, давления на Турцию. Такая позиция нравилась наследнику, горячему стороннику военной помощи балканским христианам. Во всяком случае, в 1877 году он одобрительно отзывался об Игнатъеве, противопоставляя его осторожным министрам: военному и финансов. Наверное, в этой симпатии наследника и коренится причина назначения Игнатъева в 1881 году на пост министра внутренних дел, когда молодой император с окружением занялся поиском «истинно русских людей».

Наследник престола тоже был участником этой войны. Он командовал отрядом, располагавшимся в стороне от главных боев, но выполнявшим важную задачу. Его отряд осаждал крепость Рушук, где находилось много турецких войск, их надо было не пропустить к основным турецким силам. Н. П. Игнатъев пребывал возле императора, и потому его замечания о наследнике престола немногочисленны и отстраненны. Из недавно опубликованных писем извлечены те фрагменты, где говорится об оценке Игнатъевым действий наследника, его поведения в условиях боевых операций.

Письма Н. П. Игнатъева печатаются по тексту: Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года: Письма Е. Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М., 1999.

¹ Николай Николаевич — вел. кн., главнокомандующий российской армией на Балканах.

² Мегмед Али — Мехмед Али-паша, командующий одним из трех турецких корпусов Восточно-Дунайской армии турок.

Великий князь Александр Михайлович

Книга воспоминаний

У Александра III было трое дядюшек: Константин Николаевич — генерал-адмирал — председатель Государственного совета в 1865–1881; Николай Николаевич — генерал-инспектор кавалерии и командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, а в русско-турецкую войну 1877–1878 годов главнокомандующий Балканской армией, и Михаил Николаевич. Первых двух Александр Александрович терпеть не мог и немедленно после воцарения отодвинул их от государственной деятельности. И только для Михаила Николаевича, генерал-фельдцейхмейстера (т. е. главы артиллерийского ведомства), он сделал исключение, да и то, видимо, потому, что встречался с ним крайне редко; Михаил Николаевич был наместником на Кавказе и в 1863–1880 годах жил в Тифлисе. Вел. кн. Александр Михайлович — четвертый сын Михаила Николаевича, родившийся в 1866 году в Тифлисе. Он принадлежал, таким образом, к поколению детей Александра III, был ровесником Николая II, родившегося в 1868 году, и дружил с ним. Воспоминания, которые Александр Михайлович писал в эмиграции, создавались почти через четыре десятка лет после кончины Александра III, с которым он, конечно, встречался, но не так уж хорошо его знал. Поэтому нельзя искать в его записках (той части, что касается Александра III) хронологической точности: трудился он над своими мемуарами вдали от России, с документами и жизнеописаниями царя не сверялся, память его сохранила лишь общие впечатления от того времени. Он явно спрессовал события, в действительности развивавшиеся на протяжении 13 лет, в один временной блок. Но, разумеется, собы-

Примечания

тия личной жизни — сватовство к дочери Александра III Ксении Александровне, получение от императора согласия на женитьбу, визит с русскими кораблями в Америку запечатлелись в его памяти гораздо отчетливее. После передачи своих записок в печать он, как бы завершив важное дело, вскоре, в 1931 году, умер. Републикация мемуаров вел. кн. Александра Михайловича в России дает читателю уникальную возможность увидеть Александра III глазами близкого родственника, понять видение его царствования группой ближайших членов правящей династии, заинтересованных в сохранении самодержавия.

Здесь приведены небольшие фрагменты из его записок. Они печатаются по тексту: *Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.*

¹ навзничь — видимо, описка; следует читать «ничком».

² Манифест — в действительности имеется в виду манифест 29 апреля 1881 года, который не перечислял предстоящие реформы, а напротив, провозглашал намерения правительства сохранять существующий государственный строй и вовсе не создавать представительные учреждения.

³ С. Ю. Витте был назначен не товарищем министра, а директором департамента.

⁴ Совет министров — в европейском понимании — появился в России только в октябре 1905 года. Так что речь идет не о создании кабинета министров, а о постепенном комплектовании корпуса министров с заменой ими государственных деятелей эпохи Александра II.

⁵ Эпизод с Кушкой относится к 1885 году. В его урегулировании равным образом были заинтересованы и Россия, и Англия. Поощренный Александром III генерал Комаров, Александр Виссарионович (1830–1904), в 1883–1890 годах — начальник Закаспийской области.

⁶ Институт земских начальников был введен законом 1889 года и оценивался либеральной печатью как возврат к дореформенным временам.

⁷ Ошибка: имеется в виду не Троицкий, а Петровский дворец, в то время — загородный.

В. Фигнер

Запечатленный труд

Когда 1 марта 1881 года Александр II был убит революционерами-террористами после двух лет невероятных усилий народовольцев, подавляющее большинство российского населения содрогнулось. Пожалели его и те, кто втайне до тех пор сочувствовал «бомбистам», а то и помогал им, чем мог, ибо многих Александр II раздражал своей стариковской слабостью, неумением обеспечить России процветание, а подданным желаемую свободу. В этих условиях народовольцы воспринимались как борцы с режимом, отвлеченным понятием. А на деле оказалось, что это убийство, и погиб не один император, а еще и люди из охраны. И что убит человек, много сделавший для России, убит безжалостно. Это покушение восприняли тогда как настоящее уголовное дело. Большинство воспоминаний повествует о 1 марта как дне печальном, когда свершилось дело кровавое и тягостное, совершенное кучкой неведомых «злодеев». Тем интереснее попытаться увидеть событие глазами группы «боевиков», уготовивших смерть не только царю, но и себе, узнать, что они чувствовали в момент цареубийства и в последующее время.

Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) — замечательная и очень почтенная фигура русского освободительного движения. Она была членом центральной руководящей группы Народной воли — ее Исполнительного комитета, участвовала в подготовке покушения, не сломалась после 1 марта и продолжала революционную борьбу. Ее арестовали через два года в Одессе. Когда Александру III доложили об этом, он пометил на донесении: «Наконец попалась». Двадцать лет В. Н. Фигнер отсидела в одиночке Шлиссельбургской крепости и вышла на волю, не отказавшись от своих верований, уехала за границу, принялась помогать политическим заключенным, потом написала два тома мемуаров, считающихся ценнейшим источником по истории революционного движения. Небольшая выдержка из этих обширных записок дает представление о жизни другой, противостоявшей власти в открытой борьбе стороны, показывает ситуацию глазами непримиримых противников режима.

Записки В. Н. Фигнер публикуются по тексту: *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. В 2-х тт. М., 1933. Т. I.

¹ Письмо — письмо Исполнительного комитета Народной воли Александру III. Печатается ниже.

² Партия — Народная воля.

³ Упоминаемые в тексте фамилии — члены партии Народная воля.

⁴ Кобозевы — под этим именем народовольцы Ю. Н. Богданович и А. В. Якимова снимали помещение на Малой Садовой улице, готовя взрыв на пути следования Александра II из Манежа.

Исполнительный комитет императору Александру III

Воспроизводимый документ примыкает к воспоминаниям В. Н. Фигнер, где и упоминается. Когда народовольцы достигли цели и покушение удалось, перед ними, немногими оставшимися на свободе, встал вопрос, как вести себя дальше, на следующем этапе деятельности Народной воли. Они опубликовали, напечатав в подпольной типографии, три документа, обращенные к гражданам, с извещением о произошедшем событии. Письмо новому императору было четвертым такого рода документом. Оно, это послание революционеров, требовало особой обдуманности. Поэтому письмо так долго готовилось и датировано 10 марта 1881 года. Это плод полуторанедельных раздумий, споров на фоне утрат товарищей, ежедневно арестовываемых полицией. Письмо было напечатано 12 марта и тогда же распространено. Основная цель его сводилась к тому, чтобы убедить нового императора пойти на уступки, на которые не решился Александр II. В письме народовольцы выглядят вполне умеренными общественными деятелями, вовсе не жаждущими рукопашной, а пытающимися «достучаться» до сознания монарха, их политического противника, убедить его в необходимости диалога с обществом. Автор текста письма — Л. А. Тихомиров. Ответом Александра III был манифест 29 апреля 1881 года.

Письмо воспроизводится по тексту: Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Сб. Т. 2. М., 1933.

¹ Долгушинцы, чайковцы, деятели 1874 года — перечислены кружки народнически настроенной молодежи первой половины 1870-х годов.

Письма К. П. Победоносцева Александру III

Самым трудным временем жизни нового императора были первые месяцы царствования, когда на него буквально обрушилась груда проблем. Новые сложные обязанности могли быть облегчены только способностями государственного человека, не часто встречающимися, навыками правления и кругом помощников, справляющихся с повседневными делами. У Александра III не было ни того, ни другого, ни третьего. На него со всех сторон давили люди и обстоятельства: либералы подавали записки, пытаясь убедить, что реакция опасна и надо продолжить либеральные преобразования; консерваторы твердили, что спасти страну могут только крутые меры, расправа с революционерами и либералами, демонстрация силы, то есть дееспособности, власти. Все говорили о необходимости придерживаться в политике какой-то единой системы. И в это время роль основного советника и помощника взял на себя Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), учитель Александра III, преподававший ему когда-то право. Победоносцев писал новому монарху почти ежедневно, советуя, рекомендуя новых помощников и образ действий. В 1881 году роль и значение К. П. Победоносцева особенно велики. Здесь приводятся лишь некоторые наиболее выразительные послания Победоносцева молодому императору, тут же отзывавшиеся правительственными мерами.

Печатается по тексту: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. М., 1923. Т. I, п/т 1-й.

¹ Трижды упоминаемое К. П. Победоносцевым заседание 21 марта — в действительности происходило 21 апреля.

В. К. Дебогорий-Мокриевич

К вопросу о переговорах «Исполнительного комитета Народной воли» с «Добровольной охраной»

В первые же дни и часы после удавшегося цареубийства в среде лояльных российских граждан, особенно в ближайшем окружении нового императора, возникла мысль о создании тайной добровольной организации, которая будет бороться с террористами и охранять царя, раз уж полиция плохо справляется со своими обязанностями. И такая организация была создана. В нее входили и высокопоставленные царедворцы, вроде графа И. И. Воронцова-Дашкова и адъютанта вел. кн. Владимира Александровича графа П. П. Шувалова, и люди случайные, вроде композитора П. И. Чайковского. Поскольку силы и возможности народовольцев не были им известны, а ходили слухи, что революционеры готовят покушение и на нового царя во время коронации (в итоге назначенной на май 1883 года), то представители этой тайной организации, по-разному называемой («Святая дружина», «Священная дружина», «Добровольная охрана»), взяли на себя переговоры с революционной эмиграцией, с тем чтобы договориться с народовольцами об отказе их от попыток покушения в обмен на какие-либо уступки.

Владимир Карпович Дебогорий-Мокриевич (1848–1926) не был народовольцем. Он принадлежал к южной группе народников, действовавших в Киеве, был осужден, бежал и очутился в Женеве, где сблизился с известным в то время украинским националистом («украинофилом») М. П. Драгомановым, публицистом

Примечания

и издателем. М. П. Драгоманов показался «дружинникам» подходящей фигурой для того, чтобы через него связаться с эмигрантами-народовольцами. Они обратились к Драгоманову, с которым был близок Дебогорий-Мокриевич, и таким образом этот последний явился участником начала переговоров в Женеве между «Добровольной охраной» и Народной волей. Этот эпизод он спустя некоторое время и предал огласке.

Выдержки из воспоминаний В. К. Дебогория-Мокриевича печатаются по тексту: *Дебогорий-Мокриевич В. К.* К вопросу о переговорах «Исполнительного комитета Народной воли» с «Добровольной охраной». Из воспоминаний // Бюл. 1907. № 4 (16).

¹ Шувалов, Петр Андреевич — в 1866–1874 годы шеф жандармов, в 1882 году — член Государственного совета. Влиятельным членом «Святой дружины» был вовсе не он, а его родственник — Павел Петрович (1847–1907), адъютант вел. кн. Владимира Александровича.

² Марина Никаноровна — М. Н. Ошанина. В 1882 году эмигрировала во Францию и была представителем Исполнительного комитета Народной воли за границей.

³ В 1883 году Н. Г. Чернышевский был переведен после 20-летней ссылки из Сибири в Астрахань, и «Святая дружина» могла приписывать это своему влиянию. Однако ее влияние в 1882 году падало, а в конце года она была и вовсе распущена, что было признаком упрочения официальной власти России.

Б. Н. Чичерин **Воспоминания**

Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) оставил пространные воспоминания, вышедшие в советское время несколькими томами. Ему было о чем рассказать. Это был очень заметный и одаренный человек, выпускник Московского университета, учившийся у Т. Н. Грановского, юрист, историк права, основатель так называемой государственной школы в российской историографии. Он преподавал право Александру III в годы его обучения, а потом с ним неоднократно встречался. Он был либерал-консерватором, во всяком случае таким себя считал, являлся убежденным монархистом, человеком умеренных взглядов и в царствование Александра III оказался невостребованным как общественный деятель. В 1883 году ему было предложено уйти в отставку с выборной должности московского городского головы. Причина заключалась в том, что он, деятель эпохи реформ, как и другие умеренные либералы, претендовавшие на независимые суждения, отстаивавшие развитие общественных учреждений в тех мерках, до которых Россия уже доросла, оказался неприемлемым для режима, установленного Александром III. Такие люди отбрасывались властью (кстати, он разошелся тогда же и с К. П. Победоносцевым, своим бывшим коллегой по Московскому университету), и когда в следующее царствование массовое движение стало неподконтрольным власти, монархия оказалась без таких умеренных союзников, которыми когда-то пренебрегла.

Отрывки из воспоминаний Б. Н. Чичерина печатаются по тексту: *Чичерин Б. Н.* Земство и Московская дума: Воспоминания. М., 1934.

¹ Щербатов, Александр Алексеевич (1829–1902); Самарин, Дмитрий Федорович (1831–1901) — общественные деятели Москвы.

² Земские люди — имеются в виду общественные деятели, представители общества, в противоположность чиновникам.

³ Самостоятельные центры жизни — земские учреждения.

⁴ Единение земских людей — созыв общероссийского земства.

Е. М. Феокистов

За кулисами политики и литературы (1848—1896)

Цензурная реформа 6 апреля 1865 года по праву считается самой умеренной в кругу «великих реформ». Это и понятно: власть всегда очень неохотно расставалась с контролем над информацией, публицистикой, болезненно относилась к критике, а уж в условиях абсолютной власти монарха и тем более. Но были и такие институты, созданные цензурной реформой, которые оказались долговечными, прочными, вполне удовлетворяющими власть как орудие контроля за печатью. Среди таких созданий — Главное управление по делам печати. В России были Главные управления, приравненные к министерствам, но Главное управление по делам печати таковым не являлось. Оно было подразделением Министерства внутренних дел. Иначе говоря, министр внутренних дел не выпустил из своих рук недавно обретенный этим ведомством контроль за печатью, но получил в помощь департамент, занимающийся повседневной политикой в делах печати. Главное управление по делам печати было учреждением влиятельным, но все наиболее острые дела печати, как и доклады императору являлись сферой компетенции министра. При Александре III во главе Главного управления по делам печати был поставлен Евгений Михайлович Феокистов (1828—1898), выдвинутый на этот пост новым окружением молодого императора. Положение Феокистова как главы цензурного ведомства было довольно сложным: с одной стороны, на него оказывали давление издатели, пытавшиеся отстоять свои материалы, которых ждал читатель, с другой, десятки влиятельных сановников, августейших особ, сам император с пристрастием следили за тем, чтобы огласке не были преданы какие-либо задевающие их факты и требовали «обуздания» печати. Так что Е. М. Феокистов оказывался постоянно в эпицентре и политических, и литературных событий, и закулисных веяний, и открытых приказаний. Все это делает его мемуары очень ценным источником по истории правления Александра III. Их своеобразие состоит в том, что император отразился в них опосредованно — сквозь призму его ближайшего окружения, а оно, это окружение, было Феокистову близко знакомо.

Мемуары Е. М. Феокистова печатаются по тексту: *Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Воспоминания. 1848—1896. Л., 1929.*

¹ Диктатура сердца — ироничное название времени, когда внутренней политикой руководил М. Т. Лорис-Меликов (февраль 1880 — апрель 1881).

² Покушение Каракозова — первое покушение на Александра II 4 апреля 1866 года.

³ Манифест Каткова—Победоносцева — манифест 29 апреля 1881 года о незыблемости самодержавия. Текст его действительно составлен К. П. Победоносцевым.

⁴ Земский собор Н. П. Игнатьева. См.: Игнатьев Н. П. Земский собор. СПб.— Кишинев, 2000.

⁵ Граф Дмитрий Андреевич — Толстой, министр внутренних дел с 1882 года.

⁶ Царские обозрения — ежедневные обзоры печати, составлявшиеся Главным управлением по делам печати для императора.

⁷ Цесаревич — сын Александра III, будущий император Николай II.

Г.-Л. фон Швейниц

Дневник

Ганс Лотар фон Швейниц (1822–1901) — военный, генерал, был в 1876 году прислан послом Германии в Россию в канун русско-турецкой войны, после того как в течение 5 лет был послом в Австро-Венгрии. Такое сочетание в одном лице генерала и дипломата не было случайным, особенно когда речь шла о Германии. В обязанности посла входило наблюдение за событиями в стране пребывания, оценка ее внешнеполитической ориентации, военных намерений ее правительства. Для этого послу нужно было иметь обширный круг знакомств среди высшей бюрократии, придворных журналистов, словом, людей осведомленных. Почти двадцатилетнее (1876–1893) пребывание Швейница на этом посту, почти на всем протяжении царствования Александра III, свидетельствовало о том, что со своими обязанностями он справлялся, им были довольны обе стороны. Лишь в конце своего правления Александр III дал понять, что ему предпочтительна другая кандидатура. Швейниц был не просто одним из европейских послов при российском дворе, но дуаиеном — т. е. старшиной дипломатического корпуса, самой заметной его фигурой. Немецкий посол вел дневник, в который заносил события дня и информацию, касающуюся правящих деятелей и их политики. Его дневник был известен по берлинскому изданию 1927 года. Нынче подготовлен перевод, и фрагмент дневника увидел свет. Швейниц — внимательный наблюдатель и аналитик, остро интересующийся влияниями, перемещениями по службе, намерениями монарха и самых близких к нему людей. Его всего более интересует, как отзовется смена монархов на отношениях России и Германии.

Выдержки из дневника Г.-Л. Швейница печатаются по тексту: Новый журнал. 1995. № 1.

¹ 13 марта по новому стилю — 1 марта по старому.

² Кальноки Густав (1832–1898) — в 1881 году посол Австрии в России, затем — министр иностранных дел.

³ Совещание 20 марта — имеется в виду заседание Совета министров 8 марта 1881 года.

⁴ Генерал Трепов, Федор Федорович (1812–1895) — градоначальник Петербурга в 1866–1878 годах. С 1881 года — в отставке.

⁵ Совещание в Гатчине и манифест — имеются в виду совещание 21 апреля по поводу дальнейшей деятельности правительства и манифест 29 апреля 1881 года о неизменности самодержавного принципа правления.

⁶ Н. К. Гирс, который был только товарищем министра иностранных дел А. М. Горчакова, но фактически возглавлял МИД.

⁷ Великая княгиня Константин — т. е. жена вел. кн. Константина Николаевича Александра Иосифовна.

⁸ «Отец лжи» — прозвище Н. П. Игнатьева.

⁹ Черняев Михаил Григорьевич (1826–1898) — генерал, националист, сторонник активной внешней политики России и достижения ею внешнеполитических целей военным путем.

Н. А. Епанчин

На службе трех императоров

Недавно вышедшие воспоминания Николая Алексеевича Епанчина (1857–1941), генерала от инфантерии, представляют Александра III и его время глазами профессионального военного. Епанчин — человек уже нового, пореформенного времени. Поэтому он, сын морского офицера и выпускник классической гимназии, уже вовсе не видел перед собой единственный путь — военный. Он намеревался стать инженером-путейцем, что в то время интенсивного строительства железных дорог обещало широкое поле полезной деятельности. Но в канун его совершеннолетия закончился завершающий этап военной реформы, провозгласившей всеобщую обязательную воинскую повинность вместо дореформенной рекрутчины. И Н. А. Епанчин выбрал для себя путь российского гражданина, несущего все его обязанности. Он был зачислен на военную службу, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, после чего так и пошел по воинской стезе. Он закончил Николаевскую Академию Генерального штаба (а значит, был человеком с высшим военным образованием), служил в гвардейских частях, занимался преподавательской работой, известен своими трудами по военной истории.

Епанчин — очень добросовестный мемуарист. Он взял себе за правило писать только то, что видел или твердо знал сам. Когда же он передает что-либо важное, но чему сам свидетелем не был, то он непременно указывает источник, из которого почерпнул свои сведения.

Воспоминания Н. А. Епанчина воспроизводятся по тексту: *Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996.*

¹ Цесаревич — умерший в 1865 году вел. кн. Николай Александрович.

² Земский собор — Епанчин в данном случае передает версию Н. П. Игнатьева, готовившего в 1882 году созыв в Москве во время коронации Земского собора. Александр III ни императором, ни наследником престола историей Земских соборов не занимался. Но в его охранительно настроенном окружении были сторонники (в частности, И. И. Воронцов-Дашков, Р. А. Фадеев) Земского собора как разового созыва представителей сословий для укрепления престижа власти, демонстрации ее поддержки. Созыв Земского собора был своего рода антитезой либерально-западнической идее создания постоянного цензового представительства при Государственном совете, участвующего в обсуждении части законопроектов. Д. Я. Самоковасов — археолог и историк права. Земскими соборами не занимался.

³ «Увенчать здание» — распространенное в то время иносказание, означало созыв народного представительства.

⁴ О встрече Александра II с Д. Д. Голохвастовым см.: Русский архив. 1912. № 11.

⁵ 8 марта 1881 года имело место заседание Совета министров, а не Государственного Совета.

⁶ Усмирение Литвы — подавление военной силой восстания 1863 года, имевшего место в Царстве Польском и Северо-западных (литовских) губерниях России.

⁷ Продолжавшиеся покушения — неточность автора. В первые годы правления Александра III ходили слухи о готовящихся покушениях, но лишь в 1887 году была предпринята единственная попытка подготовки к цареубийству. См. документы о 1 марта 1887 года в наст. издании.

⁸ В 1890 году Бисмарк был отправлен в отставку, и потому разговор о нем, как о ведущем политике Германии не мог происходить в 1892-м.

Письма П. И. Чайковского К. П. Победоносцеву

В жизни Петра Ильича Чайковского (1840—1893) был случай, когда его в трудную минуту выручил император Александр III. Великий композитор хорошо чувствовал себя только у рояля, в одиночестве сочиняя музыку. Ему была чужда суетность, заботы о карьере, он не умел устраивать свои дела. Вторая половина XIX века — время востребованности юристов, которые были нужны везде и во множестве. А Чайковский был по специальности юрист. Он мог бы стать преуспевающим адвокатом. Но он опрокидывал всегда и во всем привычные представления о целесообразности и расчете, вечно нуждался в деньгах, которые не умел считать. И когда в 1881 году нужда (а точнее, кредиторы) в очередной раз взяла его за горло, он обратился формально к К. П. Победоносцеву, а фактически к императору, который только и мог разрешить его дело, с просьбой о ссуде. Он намеревался погасить ее из гонорара, причитающегося ему за постановку его опер на императорской сцене. У Чайковского были основания рассчитывать на благосклонность монарха. Дело в том, что Александр III очень хорошо относился к музыке Чайковского. А К. П. Победоносцев, преданно служивший монарху и всячески стремившийся поднять его авторитет, обеспечить ему репутацию отца народа, пекущегося о всестороннем развитии России, подталкивал своего воспитанника к встречам с самыми выдающимися (и, разумеется, лояльными) деятелями культуры. Но в данном случае Победоносцев сделал больше: он выступил ходатаем за Чайковского. И Александр III поступил благородно, разрешив выдать П. И. Чайковскому безвозвратную ссуду.

Письма П. И. Чайковского печатаются по тексту: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.—Пг., 1923. Т. I. Полутом I-й.

П. М. Невежин

Воспоминания о А. Н. Островском

Невежин Петр Михайлович (1841—1919) — драматург, соавтор А. Н. Островского (пьесы «Блажь» и «Старое по-новому»). А. Н. Островский поддерживал Невежина, переписывался с ним, пытался развивать его скромное (оригинальные пьесы Невежина представляют собою банальные мелодрамы) дарование. Невежин оставил воспоминания об А. Н. Островском, фрагмент которых здесь воспроизводится.

Печатается по: *Невежин П. М. Воспоминания об А. Н. Островском* // А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966.

Н. А. Кропачев

Воспоминания

Николай Антонович Кропачев (1841 — после 1916) — один из тех, кого было принято называть «разночинцами». Его отец — обер-офицер, сам он — воспитанник Николаевского сиротского института, потом заурядный чиновник, служив-

Примечания

ший главным образом по ведомству государственных имуществ. С 1868 — москвич. Н. А. Кропачев принадлежал к той демократической интеллигенции, которой время реформ 1860-х годов с его бурным развитием журналистики дало возможность заниматься литературным ремеслом. Он печатал в многочисленных «повременных» изданиях стихи и рассказы, писал пьесы. Но главным событием в его литературной жизни оказалось знакомство в 1877 году с Александром Николаевичем Островским, завершившееся службой в качестве секретаря у драматурга. Позже жизнь и деятельность А. Н. Островского стала главной темой его литературных занятий. Он старательно восстанавливал страницы жизни Островского, в том числе и аудиенцию, данную в 1884 году Александром III великому драматургу.

Александр Николаевич Островский всем известен как автор пьес, уже рколо полутора столетий составляющих основу классического репертуара русских театров. Однако он был еще и крупным общественным и театральным деятелем, бессменным главой инициированного им Общества русских драматических писателей, куда вошли и оперные композиторы. Задачей Общества было развитие отечественной драматургии, театра, защита материальных интересов драматургов и актеров. Бескорыстно осуществляя свою миссию, Островский поддерживал начинающих драматургов, устраивал конкурсы пьес, отстаивал материальные интересы артистов. Его поистине заветной мыслью была ликвидация существовавшей тогда монополии императорских театров и создание театра частного, «народного», «общедоступного». Как это ни странно, но это горячее желание осуществилось в царствование Александра III. Сначала ему было разрешено учреждение в Москве народного театра. Император наложил на записке-прошении Островского резолюцию: «Было бы весьма желательно осуществление этой мысли, которую я разделяю совершенно». Затем в 1882 году была отменена монополия императорских театров, и наконец в 1884 году император назначил Островского — в порядке исключения, ибо тот не был государственным служащим — ежегодную пенсию в 3 тыс. руб. Драматург отправился в Петербург благодарить монарха и был принят им 5 марта 1884 года. Несомненно, Островский благодарил Александра III не только за пенсию, но и за разрешение важнейшего вопроса о создании частного театра. Пользоваться пенсией А. Н. довелось очень недолго: давно и тяжело болевший писатель умер в 1886 году.

Отрывок из мемуаров Н. А. Кропачева печатается по тексту: *Кропачев Н. А. А. Н. Островский. (Воспоминания его бывшего личного секретаря) // А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966.*

¹ Бьёрнсон-Бьернстjerne (1832–1910) — норвежский поэт, драматург, театральный деятель.

Я. Д. Минченков

Воспоминания о передвижниках

Яков Данилович Минченков (1871–1958) — оставил основательные и интересные очерки-воспоминания о художниках, входивших в группу «Общество передвижных художественных выставок», которое поначалу, в 1860-х годах, бросило вызов академическому искусству, а на рубеже XIX и XX веков было потеснено новаторскими художественными течениями Серебряного века. Передвижники (И. Е. Репин, И. И. Шишкин, И. Н. Крамской, В. Г. Перов и др.)

Примечания

с их интересом к российской природе, истории, жанровым сценкам, глубоким, обличительным или, напротив, развлекательным, ироничным,— были симпатичны Александру III и своей национальной проблематикой, и понятной ему реалистической манерой. Он был посетителем их выставок и покупателем их произведений. В качестве монарха с его представлением о главе государства как рачительном хозяине большого поместья он считал необходимым поддерживать это направление в изобразительном искусстве. Отсюда и его желание познакомиться с известным пейзажистом И. И. Шишкиным и оказать ему знак внимания, пригласив на этюды в Беловежскую пушу. Передвижники — люди демократического происхождения и обычаев, и представленная здесь выразительная зарисовка Я. Д. Минченкова о встрече императора и пейзажиста сама по себе — «жанр», так и просящийся быть запечатленным на холсте или картоне.

Фрагмент записок Я. Д. Минченкова печатается по тексту: *Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. Л., 1980.*

¹ Иван Иванович — Шишкин (1832–1898).

² Беловежские леса — охотничьи угодья, принадлежавшие императорской фамилии. О них подробно рассказано в публикуемом здесь же очерке Н. К. Полевого.

И. Е. Репин

Из письма М. В. Веревкиной

Воспроизводимый в настоящем томе фрагмент письма И. Е. Репина освещает лишь незначительную часть темы: И. Е. Репин и Александр III. Во взглядах императора Александра III напрасно было бы искать цельности, как в его, бесспорно, цельном характере. При всей его убежденности в необходимости поддерживать российское поместное дворянство как сословие,— в отношении изобразительного искусства он зачастую придерживался демократических воззрений. Ему нравились передвижники, с их жанровыми сюжетами, с изображением на их полотнах и рисунках крестьянских типов или живых сенок современной жизни. Александр III еще наследником престола не просто интересовался, но покупал произведения передвижников, в частности, И. Е. Репина, что было для русского художника, живущего заказами или продажей незаказных картин, чрезвычайно важно. Поэтому у Репина были основания надеяться, что монарх разрешит выставить «Нигилиста» (т. е. картину «Арест пропагандиста»). Одно из известнейших приобретений Александра III — покупка им картины Репина «Запорожцы».

Текст письма печатается по: Новое о Репине. Л., 1969.

¹ Адресат — Мариамна Владимировна Веревкина (1860–1938) — ученица И. Е. Репина, художница.

² Вел. кн. Мария Павловна — жена вел. кн. Владимира Александровича, брата Александра III, владельца «Бурлаков».

³ Евгений Васильевич — имеется в виду хирург Е. В. Павлов, портрет которого Репин написал в 1892 году.

А. Н. Бенуа

Мои воспоминания

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) — был представителем петербургской дворянской интеллигенции, которая Петербург и его окрестности строила и украшала. А. Н. Бенуа — живописец, график, художественный критик, историк искусства, театральный художник — самый известный член многочисленной и разветвленной семьи. Семью Бенуа связывали с императорской фамилией формальные (его отец был известным архитектором и крупным деятелем городского общественного управления) и неформальные связи (его брат Альбер успешно занимался акварелью и в качестве акварелиста приглашался как частное лицо семьей Александра III на время летнего отдыха — в морское путешествие по финским шхерам). Поэтому А. Н. Бенуа знал домашнюю и внешнюю стороны жизни императора, причем видел их своеобразным взглядом художника.

Фрагменты из воспоминаний А. Н. Бенуа печатаются по тексту: *Бенуа Александр. Мои воспоминания. М., 1990, Т. I.*

¹ Эпизод с посещением А. Н. Бенуа Мариинского театра имел место 5 июня 1889 года и был связан с официальным торжеством — свадьбой младшего брата императора великого князя Павла Александровича (1860–1919) с Александрой Георгиевной (1870–1891), дочерью греческого короля. В торжественных случаях императорские театры устраивали парадные спектакли, на которые прибывали члены императорской фамилии во главе с царем, высшие чиновники и приглашенные лица, причем форма одежды специально оговаривалась. А. Н. Бенуа попал на спектакль по билету своего отца, получившего официальное приглашение члена Петербургской городской управы.

² Rückversicherungs Vertrag — тайный договор перестрахования 1887 года между Россией и Германией. Срок его действия истек в 1890 году, и он не был возобновлен.

Неизвестный автор

Черевин и Александр III

Петр Александрович Черевин (1837–1896) — генерал-адъютант, в 1880 году — товарищ министра внутренних дел при М. Т. Лорис-Меликове, был назначен Александром III начальником своей охраны. Оснований для этого было немного, но зато убедительные: Черевин был приятелем императора, человеком прямым, грубоватым, искренним, что импронировало прямодушному Александру III, и абсолютно преданным слугой монарха. Он не лелеял честолюбивых планов, не предлагал реформ, не писал проблемных и программных статей. Он не написал даже мемуаров. То, что здесь воспроизведено, — его устный рассказ (причем услышанный и записанный за границей, где, как отметил еще М. Е. Салтыков-Щедрин, языки российских обывателей, вкусивших непривычную свободу, развязывались). История этого рассказа П. А. Черевина здесь же приводится. Петр Николаевич Лебедев (1866–1912) — известный русский физик.

Напечатан этот очерк был только в 1917 году после февральской революции, когда стали возможны такого рода публикации. Относиться к нему следует с учетом особенностей автора рассказа: Черевин славился своим неумеренным пристрастием к вину, отсюда и уверение, что окружающие — большие поклонники

Примечания

Бахуса. Александр III, конечно, пил: у него было много поводов для этого (при любом обеде, приеме большом и малом, при поездке в полк было принято ставить на стол водку и вино). К тому же он был здоровяк, здоровье позволяло ему выпивать. Но он не был, разумеется, горьким пьяницей, и никто его в этом не упрекал. Он много работал, не принадлежал себе, должен был осуществлять представительские и властные функции, а это требовало трезвой головы. То, что рассказывает Черевин, конечно, эпизод или эпизоды. Рассказчиком передана и присутствующая Александру III тяга к простодушной шутке, стремление провести императрицу, взяв над нею верх.

Печатается по тексту: Черевин и Александр III // Голос минувшего. 1917. № 5–6.

¹ «Придворный календарь» — справочник, ежегодно издававшийся Министерством императорского двора для информирования придворных чинов и служащих, а также лиц, представленных ко двору. В «Придворном календаре» указывались отмечаемые при дворе праздники, установленные для разных случаев образцы одежды и, что важно в данном случае, придворные штаты не только большого (императорского) двора, но и дворов великокняжеских.

А. А. Мосолов

При дворе последнего императора

Среди придворной и министерской верхушки существовала потребность окружать себя людьми преданными, проверенными, лично известными, что и понятно. Поэтому любое перемещение в «верхах» сопровождалось менее заметным передвижением на следующих ступенях служебной лестницы: новый сановник начинал формировать штат по собственному вкусу. Поэтому когда пост министра императорского двора занял при Николае II барон В. Б. Фредерикс, командир конногвардейского полка, то пришло и время Александра Александровича Мосолова (1854–?) сменить офицерскую должность на придворную — он был назначен начальником канцелярии Министерства императорского двора. Его воспоминания относятся ко времени Николая II, однако и в качестве офицера гвардейского полка он был человеком осведомленным в том, что происходило при дворе, да к тому же по долгу придворной службы должен был все время соотноситься с порядками предшествовавшего царствования. Отсюда появление в его мемуарах, вышедших впервые в 1937 году за границей и лишь недавно изданных у нас, в России, немногих сведений о дворе и привычках двора Александра III. Воспроизводимый здесь небольшой фрагмент его мемуаров касается семейной жизни Александра III.

Печатается по тексту: Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.

¹ Васильковский Антон Семенович — генерал-майор свиты, управляющий Аничковым дворцом. Хис, Чарльз — англичанин, воспитатель детей Александра III, акварелист, свойственник семьи Бенуа. Именно он ввел в царскую семью Альберта Николаевича Бенуа.

Н. К. Полевой

Император Александр III в Беловеже

Императорская фамилия имела множество резиденций, предназначенных для размещения монарха, членов его семьи, лиц, принадлежащих к правящей династии, высоких гостей и свиты, без которой Романовы никогда не передвигались. Резиденции были разбросаны по всей России и служили местом кратковременного пребывания монарха во время его поездок или продолжительного, если он избирал их как место отдыха. Одной из форм отдыха в те времена была царская охота, и для ее организации и проведения существовали специальные угодья с построенными на этих угодьях охотничьими дворцами. Местом такой охоты была и Беловежская пуша в Гродненской губ. Пустующие резиденции имели штат прислуги, которая следила за порядком и поддерживала дом и поместье в состоянии готовности принять августейшего владельца. Но, разумеется, всякий раз, когда монарх намечал такой приезд (а его поездки задолго до их совершения расписывались), появлялась необходимость проведения еще каких-то работ для обеспечения главе государства нужных условий пребывания. Российские императоры должны были работать всегда: ведь вся пирамидальная система государственно-го управления восходила к самодержцу. Они продолжали работать в поездках, на отдыхе, даже во время болезни и должны были иметь связь со столицей и ее высшими государственными учреждениями. Когда в 1894 году Александр III решил по дороге в Крым пробыть некоторое время в Беловеже, то встал вопрос об обеспечении его телеграфной связью, заменившей (не до конца) сонмы курьеров, доставлявших важные сведения и нуждавшиеся в царской резолюции бумаги. Поэтому Н. К. Полевой — возглавлявший почту и телеграф в г. Гродно — был командирован своим начальником в Беловежу для организации связи этого отдаленного уголка с внешним миром.

Фрагменты воспоминаний Н. К. Полевого воспроизводятся по тексту: *Полевой Н. К. Император Александр III в Беловеже // Исторический вестник. 1909. № 2.*

¹ Поярковая шляпа — шляпа из шкуры ягненка.

² Кубанский конвой — конвой из кубанских казаков.

Дело 1 марта 1887 года

Документы

Царствование Александра III было для главы государства гораздо более спокойным, чем правление его отца, Александра II. Россию обошли стороной войны, затихла террористическая деятельность. Причина последнего заключалась в том, что российская политическая полиция собрала в начале 80-х годов обильную жатву: народовольцы были либо схвачены и наказаны, либо, скрываясь от преследований, уехали за границу. Обстановка в стране не способствовала развитию оппозиционного движения, для него не было питательной среды, особенно для политического радикализма. И самым ярким событием революционной борьбы оказалась попытка организации покушения на Александра III в 1887 году. Готовившие это покушение молодые неопытные люди, преимущественно студенты Петербургского университета, были схвачены полицией загодя, во время высле-

Примечания

живания императора. Среди этих юношей, мечтавших о возрождении террористической организации Народной воли, был старший брат В. И. Ленина, Александр Ильич. Все, знавшие его студентом, отмечают его одаренность, порядочность, ответственность. По-видимому, это был бы успешно работающий ученый-биолог, если бы он предпочел науку. Но он принадлежал к той части российской интеллигенции, которая считала, что ее знания, образование, ее понимание ситуации в стране обязывают взять на себя борьбу с деспотическим режимом.

Документы печатаются по тексту: *Ульянова-Елизарова А. И.* А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887. М.—Л., 1927.

М. К. Цебрикова

Письмо к Александру III

Сейчас это имя — Мария Константиновна Цебрикова (1835—1917) совершенно забыто, а в 90-е годы XIX и в начале XX века оно было широко известно. Дочь генерала, не пожелавшая удовлетвориться традиционной судьбой хозяйки дома, т. е. типичная «шестидесятница», впитавшая новые идеи эпохи преобразований, она занималась журналистикой и литературой, выполняла самую разнообразную журналистскую работу. Она была беллетристом, педагогом, первой женщиной — литературным критиком. Ей были созвучны демократические идеи, она печаталась в демократических изданиях и сблизилась с деятелями революционного движения, но сама работала вполне легально, под собственным именем. Невозможность открыто говорить о болезненных общественных проблемах, отсутствие свободы слова, тягостная доля достойных людей, ей знакомых, сосланных, заточенных в тюрьмы, изгнанных за пределы страны, вынудили ее прибегнуть к той форме протеста, которую она считала для себя возможной — открытому обращению к императору со словами несогласия с его политикой. За границей, куда с трудом выбралась, она напечатала работу о политической ссылке и текст открытого письма к монарху, вернулась в Петербург и направила письмо в ряд периодических изданий, но в первую очередь самому Александру III, пытаясь объяснить ему всю ошибочность проводимой им политики. Она нисколько не сомневалась, что будет немедленно репрессирована: ведь она даже не спряталась за псевдоним. Это был открытый протест не гонимого и преследуемого революционера, но рядового русского гражданина, не пожелавшего молчать. «Отпустить старую дуру», — якобы рассмеялся император, прочитав письмо. (Заметим, что «старая дура» была всего на десять лет старше своего адресата.) Он, правда, все же признал, что Цебрикова «любит Россию», и, может быть, этой снисходительностью объясняется сравнительная мягкость наказания — три года лишения свободы, после чего она могла жить везде, кроме университетских городов. Письмо М. К. Цебриковой, вызвавшее почтительное уважение и восхищение не только русского обывателя, но и самых известных общественных деятелей России и мира, приводится здесь в качестве важного свидетельства времени царствования Александра III и яркого источника, проясняющего судьбу оставленного им наследия — копившегося под прессом недовольства. Этот документ как бы связывает два царствования: единственный такого рода протест, над которым власть могла посмеяться в 1890 году, вылился через полтора десятка лет в массовые демонстрации, всероссийскую забастовку и даже вооруженное восстание. Попытка подавления всякого одиночного протеста сменилась политической небывалых уступок власти, октроиро-

вания таких гражданских свобод, к которым граждане европейских государств шли и привыкали иногда столетия.

Письмо М. К. Цебриковой печатается по тексту: *Цебрикова М. К. Письмо к Александру III*. СПб., 1906.

¹ Земщина — здесь: общество; причина — государственная власть.

² Земские начальники — институт, созданный по закону 12 июля 1889 года для контроля над крестьянским самоуправлением.

³ Университет в Сибири — Томский университет, открытый в 1888 году.

⁴ Указ о кухаркиных детях — циркуляр министра народного просвещения от 18 июня 1887 года, предписывавший не принимать в гимназии «детей кучеров, прачек, мелких лавочников».

Э. Диллон Александр III

Эмиль Диллон (Эмилий Михайлович) (1854–1930) — корреспондент английской газеты «Дейли телеграф» (позже и других) — хорошо известный в России, Англии и США, был способным разносторонним журналистом, много работавшим в России, выдержавшим в Петербургском университете в 1880 году экзамен на степень магистра восточных языков и затем преподававший некоторое время в Харьковском университете. Современники отмечали две его журналистские особенности: хорошее знание русского языка (он даже переводил на английский язык сочинения Л. Н. Толстого) и склонность к «сенсациям», «разоблачениям». Его очерк об Александре III несет на себе черты этих особенностей: и хорошую осведомленность, и размахистость, острую критичность, стремление истолковывать известные явления и поступки в духе стандартных человеческих слабостей, сказать о человеке уничижительно. Переезд Александра III в Гатчину он прямолинейно относит на счет свойственной тому трусости. Но Александр III вовсе таким не был. Его отъезд и длительное пребывание в этой загородной резиденции на деле (и это, между прочим, объяснено С. Д. Шереметевым) было проявлением его попыток к освобождению от дворцовых формальностей, придворного этикета, церемониалов, праздных посетителей. Диллон верно отмечает факты, но слишком произвольно и даже несправедливо их интерпретирует.

Очерк Э. Диллона воспроизводится по тексту: *Диллон Э. Александр III // Голос минувшего. 1917. № 5–6.*

¹ Мене, текел, перес — слова грозного предупреждения, начертанные невидимой рукой на стене дворца вавилонского царя Валтасара во время беспечного пира. (Даниил, 5.)

² Выписки — Диллон имеет в виду так называемые «царские обозрения» — сводки материалов из периодической печати, которые ежедневно составлялись для монарха Главным управлением по делам печати.

С. Ю. Витте

Воспоминания

Российские императоры, с одной стороны, остро нуждались в государственных деятелях крупного масштаба, способных проводить политику в такой большой и сложной стране, как Россия, с другой — если таких деятелей находили, то начинали тяготиться ими, опасаясь, что они заслоняют императора, дискредитируют самую идею самодержавия, при котором власть нераздельно осуществляется верховным ее носителем. Поэтому императоры всегда с готовностью устраняли таких заметных и властных реформаторов и политиков, демонстрируя свою способность обходиться собственными силами. В 1906 году Николай II удалил с поста председателя Совета министров С. Ю. Витте, назначенного премьер-министром в разгар революционных событий. Надежды на возвращение в политику для Витте оказались тщетными, и он принялся за составление мемуаров, призванных объяснить все значение его действий и непривлекательность поведения лиц, его сместивших и заменивших.

Началом своей политической карьеры, ее стремительным взлетом С. Ю. Витте был обязан Александру III, который как раз менее других монархов боялся того, что кто-либо из министров оттеснит его от власти хотя бы в глазах общественного мнения. Витте, накануне известного крушения императорского поезда под Борками в 1888 году предупредивший о риске ведения царского состава с повышенной скоростью и нарушения правил эксплуатации дороги, понравился Александру III, и он вспомнил о Витте в начале 90-х годов, назначив его сначала директором департамента Министерства финансов, а затем и министром финансов. Знавшие и императора, и министра люди находили своеобразную гармонию в их характерах. При Александре III, писал историк и политик П. Н. Милюков, эти особенности Витте лишь укрепляли его положение. «Грубоватый тон и угловатая речь импонировали императору и отвечали его собственной несложной психике. Упрощенные объяснения Витте были ему доступны, настойчивость убедительна, а оригинальность и смелость финансово-экономической политики оправдывалась явным успехом». (Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 322.) Александр III был и остался для Витте образцом российского императора. Ему посвящены самые доброжелательные страницы его мемуаров, к которым следует подходить именно с учетом вышесказанного, с точки зрения личной преданности С. Ю. Витте монарху, ценившему своего министра и не стеснявшему его в действиях.

Текст воспроизводится по: *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. I.

¹ Вильгельмы — дед и внук — Вильгельм I и будущий Вильгельм II, германские императоры.

² «Вести» поезд — здесь: сопровождать поезд в качестве представителя железной дороги, отвечающего за безопасность царя с технической точки зрения.

³ Честный маклер — ироничное прозвище О. Бисмарка, немецкого министра иностранных дел. Бисмарк так сам характеризовал себя на Берлинском конгрессе 1878 года, где оформлялись итоги русско-турецкой войны. Условия Берлинского договора в России считались неблагоприятными для державы-победительницы.

⁴ Альпари — равенство номинального и рыночного курсов валюты.

⁵ Экспедиция в Ахалтеке — операция русских войск 1880 года в ходе присоединения к России Средней Азии.

⁶ Фритредерство (от англ. free trade — свободная торговля) — невмешательство государства в частную хозяйственную деятельность.

Примечания

Александр Александрович Половцов (1832–1909), юрист по образованию, выпускник Училища правоведения, что позволяло ему быть «на ты» с К. П. Победоносцевым, окончившим то же училище, был человеком образованным, умным и трудолюбивым. Он регулярно вел дневник, выдержки из которого неоднократно публиковались. В 1966 году были опубликованы два тома его дневников за десятилетие 1883–1893 годов — время, когда он занимал должность государственного секретаря. Государственный секретарь — главный двигатель работы Государственного совета, высшего законодательного учреждения России. Государственный секретарь готовил повестку дня заседания, бумаги к рассмотрению, вел записи происходившего на заседаниях, оформлял итоговые документы, шедшие на утверждение монарху, осуществлял переговоры с председателем и членами Государственного совета. Он выполнял всю огромную организационную работу для августейшего председателя совета — вел. кн. Михаила Николаевича, совершенно для этой должности не подготовленного, и потому свысока смотрел на патрона. Однако докладывал монарху — согласно процедуре — именно председатель, а не секретарь. Тем не менее Александр III и А. А. Половцов встречались и раньше, и в годы его секретарства: во-первых, Половцов был крупным чиновником, обязанным являться ко двору во всех торжественных случаях; во-вторых, он получил от Александра III право непосредственно обращаться к императору, каковое и использовал, правда, не злоупотребляя им; в-третьих, Половцов был председателем Императорского Русского исторического общества, почетное руководство которым осуществлял Александр III. Половцов был к тому же и богатым человеком, что являлось следствием его женитьбы на приемной дочери придворного банкира А. Л. Штиглица, оставившего семье Половцовых свое состояние. Это обеспечивало Половцову возможность принимать у себя и участвовать в раутах петербургского высшего света, включая великих князей. Регулярные встречи Половцова с императором повторялись из года в год и были однотипны. Поэтому для публикации выбраны характерные дневниковые записи, дающие представление о будничной деятельности российской государственной машины.

Печатается по тексту: *Половцов А. А. Дневник. М., 1966. Т. II. 1887–1892 гг.*

¹ Запись 11 ноября 1888 года передает историю крушения императорского поезда в октябре этого года под станцией Борки. Ср. рассказ императрицы с воспоминаниями С. Ю. Витте.

² При вступлении на престол нового императора было принято объявлять имя наследника. Поскольку цесаревич Николай Александрович в 1881 году имел только 12 лет от роду, наследником был объявлен вел. кн. Владимир, который мог рассматриваться преемником только до достижения старшим сыном императора совершеннолетия. Полного совершеннолетия цесаревич Николай достигал в 1889 году, и с этим могли быть связаны пересуды о том, что в случае гибели Александра III в 1888 году Владимир поспешил бы занять престол.

³ Восшествие на престол — т. е. девятая годовщина восшествия на престол.

⁴ Общество — имеется в виду Императорское Русское историческое общество.

⁵ Земский законопроект — долго подготавливаемое и принятое только в 1890 году Положение о земских учреждениях, которое изменяло принципы земской реформы 1864 года.

⁶ Зина Богарне — ур. Скобелева, выйдя замуж за Е. М. Лейхтенбергского, получила титул графини Богарне. У нее был скандальный роман с вел. кн. Алексеем Александровичем. Скандал был особенно громким потому, что Е. М. Лейхтенбергский роману не препятствовал.

⁷ Комитет 6 декабря 1826 года — учреждение, созданное Николаем I для рассмотрения документов, находившихся в кабинете Александра I после его смерти.

⁸ Рисовальное училище, основанное приемным отцом жены А. А. Половцова А. Л. Штиглицем.

⁹ «Два Володи» — Оболенский и Шереметев — лица ближайшего окружения императрицы Марии Федоровны, неприязненно относившиеся к А. А. Половцову.

¹⁰ Поездка наследника — достижение наследником полного совершеннолетия сопровождалось двумя поездками — по России и Западной Европе. В конце XIX века внешнеполитическая ситуация изменилась таким образом, что цесаревич был отправлен на Дальний Восток, морем в Японию и обратно через всю Сибирь. Поездка должна была занять почти год.

С. Д. Шереметев

Мемуары

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) — личность, хорошо известная историкам. Представитель древнего боярского рода, человек очень богатый, он был историком-любителем, чрезвычайно много сделавшим в этой области знаний. Он увлекался археологией, состоял председателем Археографической комиссии, призванной заниматься сбором древних рукописей и публикацией их, почетным членом Академии наук, председателем основанного в 1896 году Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Общество издавало сборники «Старина и Новизна», где были опубликованы некоторые источники к биографии Александра III. Хорошо известен С. Д. и как мемуарист, автор многочисленных очерков о родственниках, малоизвестных членах многолюдной семьи Шереметевых, автор описаний родовых поместий, очерков о поездках по историческим и святым русским местам. Но тщетно было бы искать в библиографических справочниках упоминания о его мемуарах, посвященных предпоследнему российскому императору, — они просто не успели туда попасть, ибо только что увидели свет.

Не сразу С. Д. стал историком, общественным деятелем, государственным мужем (а он был и членом Государственного совета). Начинал он, как большинство молодых людей его времени, с военной службы, считавшейся самым достойным поприщем для лиц благородного происхождения. С. Д. был сверстником Александра III, еще ребенком играл с ним, а в 1868 году был назначен его адъютантом и несколько лет ежедневно с ним общался. Но и потом они сохранили не просто дружеские отношения. Они были то, что называется, знакомы домами, и Александр III не раз гостил у Шереметева в его поместьях, в том числе и кавказском — Карданахе. Словом, предлагаемые читателю воспоминания С. Д. — это мемуары очень осведомленного, близкого и, добавим, очень преданного человека, восхищающегося всеми особенностями государя, даже теми, которые он порицает в других людях. С. Д. Шереметев, как представитель старинной российской аристократии, был сторонником сохранения вековых сословных традиций, и у него Александр III в канун XX века ассоциировался с образом именно такого монарха, который олицетворяет и будет защищать любезную ему старину и ее традиции.

Воспоминания С. Д. Шереметева в сокращенном виде печатаются по: Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001.

¹ Шепелевский дворец — запасной дом Зимнего дворца.

² Княгиня Е. А. Барятинская — жена Владимира Ивановича Барятинского, командира Кавалергардского полка.

³ Александр II и его брат Константин — имеются в виду постоянные разговоры о том, что вел. кн. Константин Николаевич способнее своего брата и стремится занять трон.

⁴ Готский календарь — правильное Готский альманах — издававшийся в г. Готе (Германия) ежегодный справочник, содержащий сведения о правящих династиях, в том числе и России.

⁵ Купальня — очевидно, в Петергофе.

⁶ Тестов — ресторатор.

⁷ Карданах — название имени Шереметева и вина.

⁸ Лагерь — имеются в виду ежегодные лагерные учения войск в Красном Селе.

⁹ «Третья Плевна» — неудачный третий штурм Плевны 30 августа 1877 года, в день именин Александра II.

¹⁰ Последствия Эдинбургского брака — поездка имела место в 1878 году и речь шла не о «последствиях», а об условиях будущего брака вел. кнж. Марии Александровны.

¹¹ Мечка — деревня в Болгарии, неподалеку от крепости Рушук, которую осаждали войска под командованием наследника престола, где дважды в ноябре 1877 г. (14 и 30 ноября) русские войска отбивали предпринятые турками атаки.

¹² Приорат — дворцово-парковый ансамбль в Гатчине, сооруженный во время Павла I с дворцом наподобие католического монастыря.

¹³ Императорское Русское историческое общество создано в 1866 году. Шереметев явно несправедлив к А. А. Половцову, много для Общества сделавшему.

¹⁴ Записки Зотова — имеется в виду публикация в «Русском архиве» (1891. № 2) трех писем Н. М. Зотова к Петру I.

¹⁵ Д. А. Ровинский — крупный чиновник, юрист, коллекционер, издавший около двух десятков альбомов, справочников и трудов по истории искусства. Здесь скорее всего речь идет о 5-ти томах известного альбома «Русские народные картины» (СПб., 1881).

¹⁶ Остафьевский архив — бумаги подмосковного имения П. А. Вяземского, проданные в итоге самому С. Д. Шереметеву, который часть их издал. Посредничество Александра III не понадобилось.

Великий князь наследник Николай Александрович Дневник

Сравнительно недавно российская мемуаристика обогатилась еще одним томом дневников: в 1992 году увидели свет дневниковые записи императора Николая II. Он вел свой дневник и наследником престола, и правящим монархом, и низложенным главой государства. Но догадаться о том, что этот документ принадлежит царю и фиксирует события самых драматических, самых кризисных месяцев и лет, можно только по упоминанию в нем имен министров, послов, генералов и т. п. Николай II (1868–1918) не был похож ни на отца, ни на деда. Част-

Примечания

ный человек преобладал в нем над государственным уж слишком явственно. Его тетради с поденными записями откровенно это выявляют. Дневник опубликован не полностью, но записи 1894 года воспроизведены, и для данного тома они представляют большой интерес. Только императрица Мария Федоровна и наследник престола вел. кн. Николай Александрович неотлучно находились все последние дни возле умирающего Александра III и метались между надеждой и отчаянием. Воспроизводимые здесь записи фиксируют события октября 1894 года: угасание и смерть всемогущего монарха и немедленное, согласно закону и обычаю, вступление на престол следующего. Николай II не был подготовлен к царствованию, считался в семье, при дворе и в российском обществе человеком очень юным, полуробенком. Стремление родителей придать ему в глазах подданных вид человека достаточно взрослого, способного управлять огромной страной, объясняет форсирование уже стоявшим на пороге смерти Александром III и императрицей Марией Федоровной помолвки цесаревича и принцессы Алисы Гессенской. Похороны отца и приготовления к свадьбе шли в конце 1894 года рядом, символизируя преемственность и непрерывность самодержавной власти в России.

Дневник Николая II печатается по тексту: Дневники императора Николая II. М., 1992.

¹ Сандро — вел. кн. Александр Михайлович.

² Аликс — принцесса Алиса, будущая императрица Александра Федоровна.

³ «Горизонталка» — специально проложенная для Александра III прогулочная дорожка.

⁴ Т. Аликс — тетя Аликс, королева английская, сестра императрицы Марии Федоровны.

⁵ Элла — Елизавета Федоровна, вел. кн., жена вел. кн. Сергея Александровича и сестра Алисы.

⁶ Крушение — императорского поезда возле ст. Борки в 1888 году.

Абаза Александр Аггеевич (1821–1895), министр финансов (1880–1881), председатель департамента государственной экономии Государственного совета (1874–1880, 1883–1892) 124, 136, 137, 140, 157, 172, 173, 189, 304

Авелан Федор Карлович (1839–1916), адмирал, начальник Главного морского штаба (1896–1903), управляющий Морским министерством (1903–1905) 213

Адельсон, полковник 92

Адельсон Николай Осипович (ум. 1901), генерал-лейтенант, петербургский комендант (с 1882) 82

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888), граф, генерал-адъютант, министр императорского двора и уделов (1870–1881), канцлер Капитула российских императорских и царских орденов 60

Адлерберг Владимир Федорович (1792–1884), граф, генерал-адъютант, министр императорского двора (1853–1870), член Военного совета 327

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, поэт, общественный деятель, редактор-издатель газет «День», «Москва», «Москвич», «Русь» 72, 159, 163, 172, 175, 181

Ал. Ив. см. *Чевилев А. И.*

Александр I Баттенберг фон (1857–1893), принц, князь Болгарский (1879–1886), племянник императрицы Марии Александровны 58

Александр I, Павлович (1777–1825), российский император (1801–1825) 112, 147, 198, 208, 253, 259, 319

Александр II, Николаевич (1818–1881), российский император (1855–1881), отец Александра III 41–43, 46, 85, 89, 94–97, 105, 108, 112, 147, 151, 156, 165, 177, 184, 187, 189, 190, 196, 198, 200, 209, 210, 215, 226, 241, 252, 259, 274, 282–284, 288, 290, 312, 313, 316, 318, 319, 324, 326, 330

Александр Александрович (1869–1870), великий князь, сын Александра III, умерший в младенчестве 316

Александр Михайлович (Сандро) (1866–1933) 295, 296, 300, 342, см. о нем с. 360 наст. изд.

Александр Невский (ок. 1220–1263), князь Новгородский и Владимирский 58–59, 147

Александра (тетя Аликс) (урожденная принцесса Датская), королева английская, сестра императрицы Марии Федоровны, жена английского короля Эдуарда VII 343, 346, 349

Александра Александровна (1842–1849), великая княжна, сестра Александра III 41, 42

Александра Иосифовна (тетя Сани) (урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская Августа, 1830–1911), великая княгиня, жена вел. кн. Константина Николаевича 179, 344

Александра Петровна (урожденная принцесса Ольденбургская; в монаше-

* В указатель не включены имена, упомянутые во вступительной статье и примечаниях.

стве Анастасия) (1838–1900), дочь принца П. Г. Ольденбургского, жена вел. кн. Николая Николаевича старшего 294, 295

Александра Федоровна (урожденная принцесса прусская Фредерика Луиза Шарлотта, 1798–1860), российская императрица, жена Николая I 310, 311, 328, 344

Александра Федоровна (Аликс) (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса, 1872–1918), российская императрица, жена Николая II 342–349

Александров А. А. 88, 89

Алексей (1690–1718), царевич, сын Петра I, убит в заключении 324

Алексей Александрович (дядя Алексей) (1850–1908), великий князь, брат Александра III, генерал-адмирал (1883), главный начальник флота и морского ведомства (1881–1905) 47, 52, 59, 60, 271, 299–302, 321, 345

Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь (1645–1676) 191

Аликс см. *Александра, королева английская*

Аликс см. *Александра Федоровна*

Альбер см. *Бенуа Альберт (Альбер) Николаевич*

Альбрехт П. К. 88

Ананьева (Ананьина Мария Александровна, 1849–1899), земская акушерка, привлекалась по делу о покушении на Александра III (1887) 248

Ананьева (Ананьина Лидия Ивановна), дочь М. А. Ананьевой, привлекалась по делу о покушении на Александра III (1887) 248

Андреевский (Андриевский) Д. И., инженер путей сообщения, управляющий Юго-Западными железными дорогами (с 1880), 271

Андреюшкин Пахом Иванович (1865–1887), народоволец, участник подготовки покушения на Александра III, казнен 246–249

Аничков Милий Милиевич, генерал, заведующий хозяйством гофмаршальской части Министерства императорского двора 199

Анна Иоанновна (1693–1740), российская императрица (1730–1740) 309

Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915) см. о нем с. 353 наст. изд.

Бабст Иван Кондратьевич (1823–1881), экономист, историк, профессор Московского университета (1857–1874), преподаватель вел. кн. Николая Александровича, брата Александра III 63, 67, 314

Багговут Николай Густавович (1808–1890), генерал, комендант Гатчины 199, 327

Багратион Петр Романович (1818–1876), князь, генерал-майор свиты, тверской губернатор (1862–1863), помощник виленского генерал-губернатора (с 1868), прибалтийский генерал-губернатор (1870–1876) 68

Балакирев Милий Алексеевич (1836–1910), композитор 333

Баранов Николай Михайлович (1836–1901), генерал-майор, петербургский градоначальник (1881–1882), изобретатель скорострельного ружья 98–101, 132, 133, 140

Баранцев (Баранцов) Александр Алексеевич (1810–1882), генерал-адъютант, генерал от артиллерии, директор Главного артиллерийского управления (с 1862) 99, 100

Бартенев Петр Иванович (1829–1912), историк, редактор и издатель исторического журнала «Русский архив» 301, 336

Барятинская Елизавета Александровна (урожденная княгиня Чернышева), княгиня, жена В. И. Барятинского, статс-дама 310, 311

Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал, командующий кавказским корпусом и наместник Кавказа (1856–1862), член Государственного совета 96

Барятинский Анатолий Иванович (1820–1881), князь, генерал-лейтенант, командир лейб-гвардии Преображенского полка 312

Барятинский Владимир Анатольевич (1843–1914), князь, офицер лейб-гвардии Преображенского полка, адъютант

цесаревича, затем императора Александра III 62, 67, 266, 314, 316, 340

Барятинский Владимир Иванович (1817–1875), князь, генерал-адъютант 325

Басаргин Владимир Григорьевич (1838–1893), контр-адмирал, флаг-капитан императора 347

Баттенберг (Баттенбергский Александр) *см. Александр I Баттенберг фон*

Батюшков Д. Н., гродненский губернатор 239, 240, 243

Бах Иоганн Себастьян (1685–1750) 90

Бахметев Г. П., русский посол в Японии (1906–1908) 298

Беггров Александр Карлович (1841–1914), художник-акварелист 229

Безак А. Н. (вероятно, Н. А., Николай Александрович, 1836–1897), генерал-лейтенант, начальник Главного управления почт и телеграфов (с 1884) 238

Беккель, помощник заведующего хорам гвардии 87

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) 79

Белосельская-Белозерская Надежда Дмитриевна, княгиня, сестра М. Д. Скобелева 200

Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921), граф, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал императорского двора (1893–1917) 204, 340

Бенуа Александр Николаевич (1870–1891) *см. о нем с. 371 наст. изд.*

Бенуа Альберт (Альбер) Николаевич (1852–1937), художник-акварелист, старший брат А. Н. Бенуа 229

Березин, гоффурьер великой княгини Ксении Александровны 120

Берс Александр *см. о нем с. 356 наст. изд.*

Берти *см. Эдуард VII*

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897), историк, профессор Петербургского университета, один из основателей и первый директор Петербургских высших женских курсов (Бестужевских), открытых в 1878 г. 164

Бетховен Людвиг ван (1770–1827) 87

Бильбасов Василий Алексеевич (1837–1904), историк, журналист, ре-

дактор газеты «Голос» (с 1870-х гг.) 300

Бисмарк Отто Шенхаузен фон (1825–1898), князь, первый рейхсканцлер Германской империи (1871–1890) 111, 112, 190, 206, 207, 229, 284

Бистром Родриг Григорьевич (1810–1886), барон, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа (1868–1873) 211

Блиох Иван Станиславович (1836–1901), экономист, председатель правлений нескольких железнодорожных обществ 277

Блом Михаил Оттович фон, русский военный агент в Дании 209

Блудова Антонина Дмитриевна (1813–1891), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Александровны, писательница, мемуаристка 313, 323

Бобринский Александр Алексеевич (1823–1903), граф, петербургский губернский предводитель дворянства (1869–1872) 146

Богарне Зинаида Дмитриевна (урожденная Скобелева, ?–1896), графиня, герцогиня,morganaticкая жена герцога Е. Н. Лейхтенбергского 301

Богданович (Кобозев) Юрий Николаевич (1850–1888), народоволец 123, 124

Боголюбов Алексей Петрович (1824–1896), художник 67, 307

Боголюбов Николай Петрович, статс-секретарь Отделения гражданских и духовных дел Государственной канцелярии 308

Бок В. Е. 88

Бок Георгий Тимофеевич фон (1818–1876), гофмейстер, вице-адмирал, помощник воспитателя великих князей 310

Болгарский князь *см. Александр I Баттенберг фон*

Бологовская А. П. *см. о ней с. 350 наст. изд.*

Бологовский Дмитрий Яковлевич, тверской помещик, муж мемуаристки А. П. Бологовской 45

Бонна Жозеф Леон (1833–?), французский художник 307

Борис Алексеевич см. *Перовский Б. А.*
Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825), композитор 333
Боткин Сергей Петрович (1832–1889), лейб-медик, профессор Медико-хирургической академии 198, 320, 326
Брюллов Карл Павлович (1799–1852), 302
Бунге Николай Христианович (1823–1895), экономист, министр финансов (1881–1886), председатель Комитета министров (с 1887) 50, 139, 269
Буслаев Федор Иванович (1818–1897), историк литературы, лингвист, фолклорист, академик 63
Бычков Афанасий Федорович (1818–1899), историк-археолог, академик, директор Публичной библиотеки (с 1882) 301
Бьёрнсон Бьернстjerne (1832–1910), норвежский писатель 221
Бюлов Бернгард (Бернхард) фон (1849–1929), князь, имперский статс-секретарь иностранных дел (1897–1900), рейхсканцлер и министр-президент Пруссии (1900–1909) 198
Вагнер Рихард (1813–1883) 87, 333
Валуев Петр Александрович (1814–1890), граф, министр внутренних дел (1861–1868), государственных имуществ (1872–1879), председатель Комитета министров (1879–1881) 65, 70, 71, 130, 131, 171, 173, 174, 189
Ванновский Петр Семенович (1822–1904), генерал от инфантерии (1883), военный министр (1882–1897), министр народного просвещения (1901–1902) 102, 108, 208, 270, 303, 349
Васильковский Антон Степанович (1824–1895), генерал-адъютант; управляющий Аничковым дворцом (с 1891) 237
Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), художник 184
Вельяминов Николай Александрович (1855–1920), хирург-клиницист, профессор, начальник Военно-медицинской академии (с 1910) 343
Вердер Бернгард Франц Вильгельм фон (1823–1907), прусский генерал, германский посол в России (1893–1895) 179

Вережкина Мариамна Владимировна (1860–1938), художница, ученица И. Е. Репина 225
Веронезе Кальери Паоло (1528–1588), итальянский художник 302
Веселаго Феодосий Федорович (1817–1895), генерал-лейтенант, историк русского флота 301
Вестман Елизавета Владимировна, жена адмирала С. С. Лесовского 210
Виктория-Александрина (1819–1901), королева Великобритании (с 1837) и императрица Индии (с 1876) 115
Вилли см. *Георг I*
Вильгельм I Гогенцоллерн Фридрих Людвиг (1797–1888), король Пруссии (с 1861), император германский (с 1871), брат императрицы Александры Федоровны (жены Николая I) 112, 189, 190, 272
Вильгельм II (1859–1941), император германский и король Пруссии (1888–1918) 111, 119, 121, 206, 207, 212, 229, 236, 272–274, 306
Вилье (Виллие) Михаил Яковлевич, русский художник-акварелист 229
Витте Сергей Юльевич (1848–1915) 108, 267, 280, 282, см. о нем с. 376 наст. изд.
Владимир Александрович (дядя Владимир) (1847–1909), великий князь, брат Александра III, генерал от инфантерии (1880), командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1881–1905), товарищ президента (1869–1876) и президент (с 1876) Академии художеств 45, 51–53, 55, 57–59, 67, 73, 85, 102, 103, 136, 138, 140, 174, 209, 229, 233, 240, 271, 299–302, 305, 321, 340, 344, 345, 349
Влангали Александр Георгиевич (1823–1908), товарищ министра иностранных дел (1882–1891), русский посол в Италии (1892–1897) 301
Воейков Владимир Николаевич (1868–1947), генерал-майор свиты по гвардейской кавалерии, дворцовый комендант (1913–1917) 154, 165
Волохов Степан Александрович (1866–?), народоволец, участник подго-

товки покушения на Александра III (1887) 247, 248

Вонлярлярский Н. А. 88

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал от кавалерии (1890), министр императорского двора и уделов (1881–1897), наместник на Кавказе (1905–1915) 102, 147, 194, 195, 199, 277, 305, 314, 330, 340

Вульферт, офицер 100

Вурм Василий Васильевич (1826–?), капельмейстер музыкантских хоров войск гвардии (1869–1889) 84, 87, 88

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895), инженер и ученый в области механики, управляющий Министерством финансов (1887), министр финансов (1888–1892) 49, 50, 108, 266, 280, 285, 286, 288

Вяземская Вера Федоровна (1790–1886), княгиня, жена П. А. Вяземского 313

Вяземский Павел Петрович (1820–1888), князь, литератор, начальник Главного управления по делам печати (1881–1883), сын П. А. Вяземского 157

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), князь, сенатор, поэт, академик, товарищ министра народного просвещения (1855–1858), член Государственного совета (с 1867) 313, 330–332, 337

Г. Т. см. *Бок Г. Т.*

Габсбурги, династия, правившая с XIII века в Германии, позднее также в Италии, Нидерландах и Испании 112

Галаган Григорий Павлович (1819–1888), вице-президент Временной комиссии Юго-Западного края по проведению в жизнь крестьянской реформы, член Государственного совета 72

Гаркун Петр Степанович (1866–1905), народоволец, участник подготовки покушения на Александра III (1887) 247

Гартман Карл Карлович, лейб-медик 56

Гверчино (Барбьери Франческо, 1591–1666), итальянский художник 302

Гельфман Геся Мироновна (1852–1882), член Народной воли, участник подготовки покушения на Александра II 123

Генералов Василий Денисович (1867–1887), народоволец, участник подготовки покушения на Александра III (1887), казнен 246–249

Георг I (дядя Вилли) (1845–1913), король Греции, принц датский, женат на вел. кн. Ольге Константиновне 348

Георгиевский Александр Иванович (1830–1911), председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения (1873–1898), редактор «Журнала Министерства народного просвещения» 166

Георгий (Джоржи), королевич греческий, сын греческого короля Георга I и вел. кн. Ольги Константиновны 348, 349

Георгий Александрович (Жорж) (1871–1899), великий князь, второй сын Александра III, наследник престола (с 1894) 109, 117, 118, 236, 237, 244, 266, 271, 298, 342, 344

Георгий Михайлович (1863–1919), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, управляющий Русским музеем императора Александра III, нумизмат 105, 106

Герн Оттомар (Константин Петр) Борисович (1827–1882), военный инженер, генерал-лейтенант 97

Гершельман К., начальник караула лейб-гвардии Павловского полка, прапорщик 94

Гесс (Гессе) Петр Павлович (1846–1905), генерал-лейтенант (1896), комендант императорской главной квартиры (1888–1896), дворцовый комендант (с 1896) 204–207

Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832) 158

Гирс Николай Карлович (1820–1895), товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом (1875–1882), министр иностранных дел (с 1882) 108, 111, 147, 167–170, 172, 173, 175, 176, 178, 179, 301

Гирш Густав Иванович (1829–1907), лейб-хирург (с 1883) 68, 196, 204, 320, 340

Глинка Михаил Иванович (1804–1857) 87, 333

Глинка Федор Николаевич (1786–1880), писатель 68

Гнатовский Антон Доминикович (1863–?), народоволец, участник подготовки покушения на Александра III (1887) 248

Говорухин Орест Макарович (1864–?), народоволец, один из руководителей подготовки покушения на Александра III (1887) 248

Гогель Григорий Григорьевич (1847–?), сын Г. Ф. Гогеля 43

Гогель Григорий Федорович (1808–1881), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, воспитатель великих князей, помощник главноуправляющего Царским Селом 45

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913), граф, поэт; управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками (1889–1895), почетный член Академии наук (с 1905) 302

Голицын Дмитрий Борисович (1851–1920), князь, свиты генерал-майор 335, 339

Голицын Иван Михайлович (1835–1896), князь, гофмаршал, вице-президент Придворной канторы 304, 308, 309

Голицын Сергей Павлович (1815–1888), князь, генерал-адъютант 158

Головин Александр Васильевич (1821–1886), министр народного просвещения (1861–1866), член Государственного совета 166

Голохвастов, вероятно, Павел Дмитриевич (1838–1894), московский губернский предводитель дворянства 159, 160, 187

Горбунов И. И. 88

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), светлейший князь, министр иностранных дел (1856–1882); канцлер (с 1867) 175, 311, 323

Горчаков Константин Александрович (1841–1926), светлейший князь, младший сын А. М. Горчакова, шталмейстер 48, 49

Готовцев Дмитрий Валерианович (1824–1915), товарищ министра внутренних дел; сенатор 158

Граббе Николай Павлович (1832–1896), граф, генерал-лейтенант, командир лейб-гвардии Конного полка 312

Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855), историк, профессор Московского университета 79

Грот Константин Карлович (1815–1897), член Государственного совета (с 1870), главноуправляющий канцелярией императора (1882–1885) 49, 50

Грубе Вильгельм Федорович (1827–?), профессор и директор хирургической клиники Харьковского университета 343

Гуно Шарль Франсуа (1818–1893), французский композитор 84

Дагмара см. *Мария Федоровна*

Данте Алигьери (1265–1321) 74

Дебогорий-Мокриевич Владимир Карпович (1848–1926) см. о нем с. 363 наст. изд.

Делянов Иван Давыдович (1818–1897), граф, директор Публичной библиотеки (1861–1888), министр народного просвещения (с 1882) 133, 162, 181, 256, 289, 307, 349

Демидов, кн. Сан-Донато Павел Павлович (1839–1885), один из организаторов «Священной дружины» 312

Демьяненко Николай Афанасьевич (1830–?), генерал от артиллерии (1898), профессор Михайловской артиллерийской академии 97

Джоржи см. *Георгий*

Диллон Э. (1854–1930) см. о нем с. 375 наст. изд.

Дмитрий Донской (1350–1389), великий князь Московский (1359–1389) 147

Долгорукий Владимир Андреевич (1810–1891), князь, генерал-адъютант, московский генерал-губернатор (с 1865) 146, 147, 152, 154

Долгорукий Николай Сергеевич (1840–1913), князь, генерал-адъютант, военный агент при германском императоре (1879–1886), посол в Персии (1886–1889) 104

Долгорукова Екатерина Михайловна см. *Юрьевская Е. М.*

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) 240, 336

Дохтуров Сергей Иванович (1824–1890), генерал 102

Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895), историк-публицист, профессор Киевского университета 141, 142, 144, 145

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал от инфантерии (1891), военный историк и теоретик, командующий войсками Киевского военного округа (1889–1903), член Государственного совета 97

Дрентельн Александр Романович (1820–1888), генерал-адъютант, начальник военных сообщений русской армии, действовавшей на Балканах (1877–1878), шеф жандармов и начальник III Отделения (1878–1880), командующий войсками Одесского, затем Киевского военного округа 325

Дризен Александр Ф. (?–1893), командир дивизии 102, 103

Дубровин Александр Иванович (1855–1921), врач, издатель газеты «Русское знамя», один из организаторов «Союза русского народа» (1905) 301

Дурново Иван Николаевич (1830–1903), статс-секретарь, товарищ министра (1882–1885) и министр (1886–1889) внутренних дел, председатель Комитета министров (1895–1903) 158–160, 154, 307, 308

Евгений Максимилианович см. *Лейхтенбергский Е. М.*

Евлалия, испанская инфанта 119

Екатерина II, Алексеевна (урожденная Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, 1729–1796), российская императрица (1762–1796) 147, 300

Екатерина Михайловна (1827–1894), великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича, жена принца Мекленбургского 32, 106, 302

Екатерина Николаевна см. *Игнатьева Е. Н.*

Елена Георгиевна (урожденная принцесса Мекленбург-Стрелицкая, 1857–?), жена Альберта Саксен-Альтенбургского 302

Елена Павловна (урожденная принцесса Вюртембергская, Фредерика Шарлотта Мария, 1806–1873), великая

княгиня, жена великого князя Михаила Павловича 53, 311, 323

Елизавета Федоровна (Элла) (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, 1864–1918), великая княгиня, жена великого князя Сергея Александровича, сестра императрицы Александры Федоровны 216, 343, 344, 346, 348

Епанчин Николай Алексеевич (1857–1941) см. о нем с. 367 наст. изд.

Жерве Альфред Альбер (1837–1921), французский адмирал, командующий эскадрой, прибывшей в Кронштадт в 1891 г. 212

Жорж см. *Георгий Александрович Журавлев*, заводчик 68

Захарьин Григорий Антонович (1829–1897), профессор, директор терапевтической клиники Московского университета (1864–1896) 167, 240, 243, 244, 339, 340, 343

Здекауэр Николай Федорович (1815–1897), профессор Медико-Хирургической академии, лейб-медик 54–56, 60

Зедделер Логгин Логгинович (1831–1899), генерал, помощник главного начальника военно-учебных заведений 203, 204

Зиновьев Василий Васильевич (1814–1891), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, заведующий конторой детей Александра III 318, 330

Зиновьев Николай Васильевич (1801–1882), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, воспитатель детей Александра II, директор Пажеского корпуса (с 1844), почетный опекун учреждений императрицы Марии (с 1874) 44, 70

Золотницкий П., офицер Кирасирского полка, отец мемуаристки А. П. Бологовской 42

Зотов Никита Моисеевич (1644–1718), думный дьяк, граф (с 1710), учитель Петра I 336

Ив. Вас. см. *Рождественский И. В.*

Иван III, Васильевич (1440–1505), великий князь Московский (1462–1505) 116, 147

Иван IV, Васильевич (Грозный) (1530–1584), русский царь (1547–1584) 181

Иван Калита (1304–1341), великий князь Московский (1328–1341) 147

Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) 133, 139, 140, 157–163, 173, 175–182, 186, 191, 200, 267, 300, 327, 328, см. о нем с. 358 наст. изд.

Игнатъева Екатерина Николаевна, графиня, фрейлина, дочь Н. П. Игнатъева 200, 201

Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иван Ильич, 1829–1908), протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, церковный проповедник и писатель 337, 338, 340, 344–346

Исаев Григорий Прокофьевич (1857–1886), народоволец 123

Исидор (Никольский Яков Сергеевич, 1799–1892), архиепископ карталинский и кахетинский, экзарх Грузии (с 1844), митрополит новгородский, петербургский и финляндский (с 1860) 116

Кальноки Густав (1832–1898), граф, австро-венгерский политический деятель, министр иностранных дел Австрии (с 1881) 173, 174, 176

Кантакузен Григорий Львович (1843–1902), князь, камергер, советник русского посольства в Австро-Венгрии (1886–1892) 294

Канчер Михаил, народоволец, участник подготовки покушения на Александра III (1887) 247, 248

Капнист Петр Алексеевич (1840–1904), граф, посол в Нидерландах (1884–1891) 155

Каприви Лео (1831–1899), граф, прусский генерал, канцлер Германской империи (1890–1894) 206, 207

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866), член «Кружка ишутинцев», покушался на жизнь Александра II (1866), казнен 156, 189

Карамзина Елизавета Николаевна (1821–1891), фрейлина, дочь Н. М. Карамзина 328

Карл Людвиг (1833–1896), австрийский эрцгерцог, брат императора Франца-Иосифа 114

Карле, английский инженер, предложил новую систему игольчатого ружья 98

Каррель Филипп Яковлевич (1806–1886), лейб-медик (с 1867), почетный член Военно-медицинского ученого комитета 54, 60

Карцев (Карцов) Александр Петрович (1817–1875), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Военного совета (с 1868), командующий войсками Харьковского военного округа (с 1869) 97

Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, критик, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856) и редактор газеты «Московские ведомости» (с 1851) 72, 150, 151, 157, 161, 162, 166–170, 172, 175, 180, 181, 253, 266

Кауфман Михаил Константинович (1858–1891), флигель-адъютант, поручик гвардейской конно-артиллерийской батареи, сын К. П. Кауфмана, туркестанского генерал-губернатора 200

Качалов Николай Александрович (1818–1891), архангельский губернатор (1865–1869), директор департамента таможенных сборов (1870–1882) 70, 72

Кеннан Джордж (1845–1924), американский журналист, автор книги о Сибири 256

Кибальчич Николай Иванович (1853–1881), народоволец, изобретатель, участник подготовки ряда покушений на Александра II, в том числе 1 марта 1881 г., казнен 123

Кирпичев Виктор Львович, профессор механики, директор Технологического института в Харькове (1885–1898), Киевского политехнического института (1898–1903) 279, 280

Клевелэнд (Кливленд Стивен Гровер, 1837–1908), американский государственный деятель, президент США (1885–1889 и 1893–1897) 118

Клейнмихель Владимир Петрович (1839–1882), граф, генерал-майор свиты, командир лейб-гвардии Семеновского полка 85

Кобозевы см. Богданович Ю. Н. и Якимов А. В.

Козлов Павел Александрович (1842–?), штаб-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка, адъютант великого князя, цесаревича Александра Александровича 68, 70, 74, 314, 316

Комаров Александр Виссарионович (1830–1904), генерал-лейтенант, начальник Закаспийской области (1883–1890) 110

Константин Константинович (1858–1915), великий князь, сын вел. кн. Константина Николаевича, генерал от инфантерии (1907), главный начальник (1900–1910) и генерал-инспектор (с 1910) военно-учебных заведений, президент Академии наук (с 1889), поэт, драматург, литературный псевдоним – «К. Р.» 192, 197, 335, 336

Константин Николаевич (дядя Константин) (1827–1892), великий князь, адмирал, управляющий флотом и Морским министерством (1855–1881), председатель Главного комитета об устройстве сельского состояния и Русского географического общества, председатель Государственного совета (1865–1881) 47, 76, 78, 137, 139, 187, 189, 191, 293, 294, 312, 313, 338

Косич Андрей Иванович (1833–?), генерал-лейтенант, начальник штаба Киевского военного округа (1881), саратовский губернатор (1887) 103

Котов, камердинер Александра III 274

Краббе Николай Карлович (1814–1876), генерал-адъютант, адмирал, управляющий Морским министерством (с 1860) 86

Крамской Иван Николаевич (1837–1887), художник 316

Кренке, австрийский оружейный мастер 100, 101

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, участник народнического движения, теоретик анархизма, автор работ по социальным вопросам и истории 144

Кропачев Николай Антонович см. о нем с. 368 наст. изд.

Ксения Александровна (1875–1960), великая княгиня, старшая дочь Александра III, жена вел. кн. Александра Ми-

хайловича 114, 118–121, 230, 295–298, 304, 305, 340, 342

Кузнецова Анна Васильевна, артистка балета, фаворитка вел. кн. Константин Николаевича 294

Куломзин Анатолий Николаевич (1838–1924), статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров (1883–1902), член Государственного совета 302

Куракина Юлия Федоровна (1814–1881), статс-дама, обер-гофмейстерина двора 318, 319

Кушелева-Безбородко, графиня 310

Лавров Петр Лаврович (1823–1900), публицист, философ, идеолог народничества 142, 143

Ланганс Мартын Рудольфович (1852–1883), народоволец 123

Лебедев Василий Иванович (1825–1863), священник дворцовой церкви вел. кн. Николая Николаевича, автор книги «Жизнь святого Иоанна Златоуста» 295

Лебедев Петр Николаевич (1866–1912), физик, профессор Московского университета (с 1900) 232–234, 236

Левицкий Казимир Васильевич (1835–1890), генерал-майор, помощник начальника штаба армии, действовавшей на Балканах (1877–1878) 102

Левицкий Сергей Львович (1819–1898), фотограф 92

Лейден Эрнст (1832–1910), немецкий медик-терапевт, профессор Кенигсбергского, Страсбургского и Берлинского университетов 196, 343

Лейхтенбергская Евгения Максимилиановна (1845–1925), принцесса, жена принца А. П. Ольденбургского 58, 85, 229, 230

Лейхтенбергский Георгий Максимилианович (1852–1912), герцог, сын великой княгини Марии Николаевны 295

Лейхтенбергский Евгений Максимилианович (1847–1901), герцог, муж З. Д. Богарне 51, 301, 321

Лейхтенбергский Николай Максимилианович (1843–1890), герцог, генерал-адъютант 48, 51, 55, 59

Леонтий, митрополит московский 268
Лесовский Степан Степанович (1817–1884), генерал-адъютант, адмирал, управляющий Морским министерством (1876–1880), командующий Тихоокеанской эскадры (1880) 210

Ливен Андрей Александрович (1839–1913), князь, товарищ министра (1873–1879) и министр (1879–1881) государственных имуществ, член Государственного совета 174

Литвинов Николай Павлович (1833–1891) *см. о нем с. 353 наст. изд.*

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), граф, командир корпуса на Кавказе (1877–1878), председатель Верховной распорядительной комиссии (1880), министр внутренних дел (1880–1881) 108, 124, 133, 136, 137, 139–140, 161, 163, 166, 171, 174, 183, 187, 188, 190, 191, 327, 328

Лукашевич Юзеф (Иосиф Дементьевич, 1863–1928), народоволец, участник подготовки покушения на Александра III (1887) 248, 249

Львов Алексей Федорович (1798–1870), композитор, директор Придворной певческой капеллы (1837–1861) 329

Людовик XVI (1754–1793), французский король (1774–1792) 261, 323

Майков Аполлон Николаевич (1821–1897), поэт и переводчик 336

Маков Лев Саввич (1830–1883), статс-секретарь, министр внутренних дел (1878–1880), министр почт и телеграфов и директор департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий (1880–1881), член Государственного совета 190

Мальцова Анастасия Николаевна (1820–1894), фрейлина императрицы Марии Александровны 313

Мамá *см. Мария Федоровна*

Манвелов, командир дивизии 102

Манзей Константин Николаевич (1821–?), генерал-адъютант, командир Гвардейского корпуса 213

Марина Никаноровна *см. Ошанина М. Н.*

Мария Александровна, великая княгиня, сестра Александра III 58

Мария Александровна (урожденная Максимилиана Вильгельмина, принцесса Гессен-Дармштадтская) (1824–1880), российская императрица, мать Александра III 41, 89, 187, 274, 311–313, 315, 324, 326

Мария Георгиевна (Минни) (урожденная принцесса греческая, 1876–1940), великая княгиня, жена вел. кн. Георгия Михайловича 344

Мария Максимилиановна (урожденная герцогиня Лейхтенбергская) (1841–1914), внучка Николая I 59

Мария Николаевна (1819–1876), великая княгиня, герцогиня Лейхтенбергская, сестра Александра II 48

Мария Павловна (Михень) (урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская) (1854–1920), великая княгиня, жена вел. кн. Владимира Александровича, президент Академии художеств (с 1909) 225, 233, 304, 344

Мария Терезия, жена эрцгерцога австрийского Карла Людвига, брата императора Франца Иосифа 114

Мария Федоровна (Мамá) (урожденная принцесса датская Дагмара) (1847–1928), российская императрица, жена Александра III 52, 54–58, 60, 69, 81, 89, 90, 107, 114, 208, 209, 211, 214, 230, 232, 233, 240, 291, 314, 315, 344, 346–349

Матвеев Артамон Сергеевич (1625–1682), государственный деятель и дипломат, боярин 324

Мегмед (Мемед, Медмед) Али (Мехмет Али-паша, 1827–1878), генерал турецкой армии, командующий отдельным корпусом в Боснии (1875–1876), главнокомандующий турецкой армией в Болгарии (1877–1878) 103, 104

Мейендорф Александр Егорович, барон, генерал-майор свиты, начальник императорского конвоя 85

Мейербер Джакомо (1791–1864), немецкий оперный композитор и дирижер 87

Месмахер Георгий Георгиевич, художник, секретарь Совета Центрального

училища технического рисования барона Штиглица 305

Мечников Илья Ильич (1845–1916), биолог, член-корреспондент (с 1883) и почетный член (с 1902) Академии наук 289

Мещерская Мария Элимовна (1844–1868), княжна, фрейлина императрицы Марии Александровны 310–313, 325

Мещерский Борис Васильевич, князь, губернский предводитель дворянства 68

Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) 48, 49, 51, 61, 264, 301, 314, 316, 317, также см. о нем с. 354 наст. изд.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф, государственный и военный деятель, военный историк, генерал-фельдмаршал (1898), военный министр (1861–1881), член Государственного совета 124, 136, 139, 157, 189–191

Милютин Н. А., череповецкий купец 70, 71

Минни см. *Мария Георгиевна*

Минченков см. о нем с. 369 наст. изд.

Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, командир Кавказской кавалерийской дивизии, сын Александра III, наследник престола (1899–1904); после отречения Николая II формально император. В 1918 г. сослан в Пермь и убит 205, 240, 241, 297, 298

Михаил Михайлович (1861–1929), великий князь, сын вел. кн. Михаила Николаевича 106, 200, 201, 300

Михаил Николаевич (дядя Миша) (1832–1909), великий князь, генерал-фельдмаршал (1878), наместник Кавказа и командующий войсками Кавказского военного округа (1863–1881), председатель Государственного совета (1881–1905), брат Александра II 47, 98, 105, 200, 240, 264, 295, 300, 301, 338, 345, 348, 349

Михаил Павлович (1798–1849), великий князь, сын Павла I, генерал-фельдцейхмейстер, командующий Гвардейским и Гренадерским корпусами (с 1844) 41, 94

Михаил Федорович (1596–1645), русский царь (1613–1645) 147, 191

Михайлов Тимофей Михайлович (1859–1881), народоволец 123

Михень см. *Мария Павловна*

Мордвинов Семен Александрович (1825–1900), сенатор, член Государственного совета 308

Мосолов Александр Александрович (1854–?) см. о нем с. 372 наст. изд.

Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900), граф, дипломат, посол в Копенгагене (1893–1897) 348

Муравьев Михаил Николаевич («Муравьев-вешатель») (1796–1866), граф, виленский генерал-губернатор (1863–1865), председатель Верховной следственной комиссии по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II 195

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886), декабрист 68

Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), сенатор, член Государственного совета (с 1876), министр юстиции (1878–1885) 136, 140, 308, 309

Наполеон I, Бонапарт (1769–1821), первый консул (1799–1804) и император (1804–1814 и 1815) Франции 112, 158

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808–1873), император Франции (1852–1871), племянник Наполеона I 54

Нарышкин Эммануил Дмитриевич (Emanuel) (1818–1902), обер-камергер императорского двора (с 1884) 179

Насредин (Наср-эд-дин, 1848–1896), персидский шах 319

Невежин Петр Михайлович (1841–1919) см. о нем с. 368 наст. изд.

Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1881), революционер, создал организацию «Народная расправа» (т. н. «нечаевцы») 79

Низи см. *Николай Николаевич старший*

Никки см. *Николай Георгиевич*

Николаева, дочь вел. кн. Николая Николаевича и балерины Е. Г. Числовой 294

Николай Александр Павлович (1821–1899), барон, сенатор, управляющий гражданской частью на Кавказе (1863–1881), министр народного просвещения (1881–1882) 133

Николай Александрович (Никс) (1843–1865), великий князь, старший брат Александра III, наследник престола (с 1855) 41, 43–45, 47, 49, 51–59, 65, 84, 87, 164, 183, 184, 209, 236, 271, 273, 274, 312, 314

Николай Георгиевич (Никки), корольевич греческий, сын греческого короля Георга I и вел. кн. Ольги Константиновны 342–345

Николай Максимилианович см. *Лейхтенбергский Н. М.*

Николай Михайлович (Николай) (1859–1919), великий князь, сын вел. кн. Михаила Николаевича, генерал-лейтенант, военный деятель и историк, председатель Русского географического (с 1892) и Русского исторического (с 1910) обществ 106, 340

Николай Николаевич младший (1856–1929), великий князь, генерал-адъютант, сын вел. кн. Николая Николаевича старшего 333

Николай Николаевич старший (Низи) (1831–1891), великий князь, генерал-фельдмаршал, генерал-инспектор кавалерии и инженерной части (1864–1891), почетный член Русского географического общества и Медико-хирургической академии, брат Александра II 47, 89, 98–100, 102, 116, 211, 272, 274, 293, 294, 333

Николай I, Павлович (1796–1855), российский император (1825–1855) 61, 94, 112, 165, 195, 198, 204, 252, 253, 258, 259, 307, 310, 324

Николай I, Петрович Негош (Николай Черногорский, Никки) (1841–1921), князь (1860–1910) и король (1910–1918) Черногории 110, 111, 213, 295, 296, 299

Николай II, Александрович (1868–1918), российский император (1894–1917), старший сын Александра III 105, 106, 109, 111, 117, 118, 121, 192, 214, 215, 228, 240, 273, 275, 288, 296, 316, см. о нем с. 379 наст. изд.

Николай Черногорский см. *Николай I Петрович Негош*

Никс см. *Николай Александрович*

Новинский («Доктор»), член организации «Добровольная Охрана» 141–144

Новорусский Михаил Васильевич (1861–1925), народоволец, участник подготовки покушения на Александра III (1887) 248

Оболенский Владимир Сергеевич (1847–1891), князь, гофмаршал 212, 299, 305, 307, 347

Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), князь, директор департамента Морского министерства (1853–1862), товарищ министра государственных имуществ (1870–1872) 72

Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал от инфантерии, член и управляющий делами Военно-учебного комитета (с 1867), начальник Главного штаба (1881–1898) 179

Огрызко Иосафат Петрович (1826–1890), польский общественный деятель и журналист, издатель польской газеты в Петербурге «Слово», участник польского восстания 1863 г. 49

Олсуфьев Адам Васильевич (1833–1901), граф, генерал-майор свиты е. и. в. 84, 85, 86, 103

Олсуфьев Александр Васильевич (1843–1897), граф, флигель-адъютант, полковник, начальник канцелярии Императорской главной квартиры 84, 93, 340

Ольга (1851–1926), великая княгиня, греческая королева, дочь вел. кн. Константина Николаевича, жена греческого короля Георга I 114, 344

Ольга Александровна (1882–1960), великая княгиня, младшая дочь Александра III, супруга П. А. Ольденбургского (с 1901) 240

Ольга Федоровна (урожденная принцесса Цецилия Баденская) (1839–1891), великая княгиня, жена великого князя Михаила Николаевича 295, 300

Ольденбургская Е. М. см. *Лейхтенбергская Е. М.*

Ольденбургский Николай Петрович (1840–1886), принц, генерал-лейтенант, сын принца П. Г. Ольденбургского 57, 88

Ольденбургский Петр Георгиевич (Ольденбургский принц) (1812–1881), принц, генерал от инфантерии, сенатор

(с 1834), главноуправляющий IV Отделением Собственной е. и. в. канцелярии (с 1860), член Комитета министров 295
Оом Федор Адольфович (1826–1898), один из воспитателей детей Александра II, состоял при вел. кн. Николае Александровиче 68, 314

Опольцер, врач, профессор 56, 57

Оржевский Петр Васильевич (1839–1897), генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов (1882–1887) 249

Орлов Николай Алексеевич (1827–1885), князь, генерал-адъютант, дипломат, посол в Бельгии (1859–1869), в Вене (1869–1870), в Париже (1871–1884) 81, 165, 325

Осипанов Василий Степанович (1861–1887), народоволец, участник подготовки покушения на Александра III (1887) 246, 248, 255

Островский Александр Николаевич (1823–1886) 220–222, см. о нем с. 369 наст. изд.

Островский Михаил Николаевич (1827–1900), министр государственных имуществ 139, 159–163, 181, 220, 307

Ошанина Мария Николаевна (1853–1898), член Народной воли 142

Павел Александрович (дядя Павел) (1860–1919), великий князь, генерал от инфантерии, инспектор войск гвардии, брат Александра III, муж греческой королевны Александры Георгиевны 344

Павел I, Петрович (1754–1801), российский император (1796–1801) 94, 198, 234, 299, 300, 327, 328

Паукер Герман Егорович (1822–1889), генерал, военный инженер, министр путей сообщения (с 1888) 298

Перовская Софья Львовна (1853–1881), член Народной воли, активно участвовала в подготовке покушения на Александра II 1 марта 1881 г. и руководила им; казнена 123, 124

Перовский Алексей Борисович (1842–1887), граф, чиновник Собственной е. и. в. канцелярии, приближенный вел. кн. Владимира Александровича 312

Перовский Борис Алексеевич (1815–1881), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета (с 1874), наставник Александра III 48, 52, 53, 55, 58, 67, 73

Петр Великий (Петр I Алексеевич, 1672–1725), русский царь (с 1682), первый российский император (с 1721) 147, 258, 324

Петр II, Алексеевич (1715–1730), российский император (1727–1730) 309

Петр III, Федорович (1728–1762), российский император (1761–1762) 300

Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский Михаил Васильевич, 1821–1866), чиновник Министерства иностранных дел, основатель политического кружка (петрашевцы) 136

Пилсудский Бронислав Иосифович (1866–1918), народоволец, участник подготовки покушения на Александра III (1887) 248

Пирогов Николай Иванович (1810–1881), хирург и анатом, член-корреспондент Академии наук 55, 57

Плеве Вячеслав Константинович фон (1846–1904), директор департамента полиции (1881–1884), товарищ министра внутренних дел (1884–1894), государственный секретарь (1894–1899), министр внутренних дел и шеф жандармов (с 1902) 140, 167, 168

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) 63, 67, 72, 156, 157, 160–166, 168–170, 174, 175, 177–182, 190–192, 196, 202, 208, 216, 217, 219, 232, 263, 269, 283, 284, 289, 299, 301, 314, 316, 318, 340, см. о нем с. 363 наст. изд.

Полевой Н. К. см. о нем с. 373 наст. изд.

Половцов (Половцев) Александр Александрович (1832–1909) 264, 330, 331, см. о нем с. 377 наст. изд.

Половцов Михаил Викторович (1829–1885), генерал-лейтенант 84, 85, 91

Попов Лев Васильевич, терапевт-клиницист, профессор Военно-медицинской академии в Петербурге (с 1890) 340, 343

Посьет Константин Николаевич (1819–1899), генерал-адъютант, адмирал,

министр путей сообщения (1874–1888),
член Государственного совета (с 1888)
60, 257, 276, 278, 299

Прозоровский-Голицын А. А., князь
88

Путилов Николай Иванович (1820–
1880), заводчик и предприниматель,
строитель, металлург, действительный
статский советник, учредитель Акцио-
нерного общества Путиловских заводов
98–100

Радков, капитан 269

Ребиндер Константин Григорьевич
(1824–1886), генерал-адъютант, гене-
рал от инфантерии, управляющий Цар-
скосельским дворцовым правлением
и Царским селом 48

Рейтерн Михаил Христофорович
(1820–1890), граф, министр финансов
(1862–1878), председатель Комитета
финансов (1881–1886) 162, 163

Репин Илья Ефимович (1844–1930) *см.*
о нем с. 370 наст. изд.

Рехберг, врач 55

**Римский-Корсаков Николай Андре-
евич** (1844–1908) 333

Рихтер Оттон Борисович (1830–1908),
генерал-адъютант, генерал от инфанте-
рии, флигель-адъютант при цесаревиче
Николае Александровиче, председатель
Комитета по принятию прошений на вы-
сочайшее имя (1881–1895), командую-
щий Императорской главной квартирой
(1881–1898) 59, 146, 147, 184, 194, 195,
207, 211, 264, 307, 314, 340, 341

Ровинский Дмитрий Александрович
(1824–1895), юрист, сенатор, историк
русского искусства 336

Романовы, династия царей (1613–
1721) и императоров (1721–1917) 107,
259, 265

Рошфор, граф, архитектор 238, 240

Рубинштейн Антон Григорьевич
(1829–1894), пианист, композитор, ди-
рижер, основатель Петербургской кон-
серватории 333

Саблин Николай Алексеевич (1849–
1881), народоволец, принимал участие в
покушении на Александра II (1881) 123

Сабуров Петр Александрович (1835–
1918), посол в Германии (1880–1884),
сенатор 170

Савва (Тихомиров Иван Михайлович,
1819–1896), археолог, архиепископ
Тверской и Кашинский 216

Саломон Петр Иванович (1819–1905),
сенатор, член Государственного совета
308

Самарин Дмитрий Федорович (1831–
1901), публицист 147

Самохвалов Дмитрий Яковлевич
(1843–1911), археолог и историк рус-
ского права 186

Сандро *см. Александр Михайлович*

Сани *см. Александра Иосифовна*

Семевский Михаил Иванович (1837–
1892), помощник статс-секретаря Госу-
дарственной канцелярии, издатель и
редактор «Русской старины», член Ар-
хеографической комиссии 336

Сергеевич Василий Иванович (1835–
1911), историк права 301

Сергей Александрович (дядя Сергей)
(1857–1905), великий князь, генерал-
майор, командир лейб-гвардии Преобра-
женского полка (с 1887), московский
генерал-губернатор (с 1891), член Госу-
дарственного совета, брат Алексан-
дра III 102, 121, 216, 229, 343, 344, 348
Сергей Михайлович (Сергей) (1869–
1918), великий князь, генерал-адъю-
тант, генерал от артиллерии, сын вел.
кн. Михаила Николаевича и вел. кн.
Ольги Федоровны 109, 117

Скалон Дмитрий Антонович (1840–
1919), генерал от кавалерии, военный
историк 86

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–
1882), генерал от инфантерии, видней-
ший полководец русско-турецкой войны
1877–1878 гг., руководитель Ахал-
Текинской военной экспедиции (1880–
1881) 200

Скрипицына В. Н., наставница детей
Александра II 310

Соколовский Михаил (1845–1881) *см.*
о нем с. 357 наст. изд.

Соловьев Николай Яковлевич (1845–
1898), драматург, соавтор А. Н. Остро-
вского 221

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), историк, академик, профессор и ректор Московского университета 263
Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), граф, статс-секретарь, государственный контролер (1878–1889), председатель департамента государственной экономики Государственного совета (1893–1903), председатель Государственного совета и Комитета финансов (1905–1906) 157, 174, 189

Сперанский, протоиерей, законоучитель 311

Стояновский Николай Иванович (1820–1900), товарищ министра юстиции (1862–1876), член Государственного совета 308

Строганов (Строгонов) Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, сенатор, председатель Комитета железных дорог (1863–1865), член Государственного совета, главный воспитатель великих князей (с 1860) 57, 61, 118, 119, 173, 174, 190, 283, 314

Стюрлер Александр Николаевич (1825–1901), генерал-майор свиты, командир лейб-гвардии Уланского полка, адъютант вел. кн. Константина Николаевича 318

Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), генерал-губернатор Петербурга (1861–1866), внук А. В. Суворова 60

Судзиловский Н. 141

Суханов Николай Евгеньевич (1852–1882), народоволец, участник подготовки покушения на Александра II (1881), казнен 122

Таубе, барон: инженер, инспектор охраны императорских поездов 272

Терехов Александр Никитич, чиновник Генерального штаба Петербургского округа 208

Тернер Федор Густавович (1833–1906) см. о нем с. 352 наст. изд.

Терри-Норман, предложил новую систему игольчатого ружья 98

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), народоволец, впоследствии монархист 123, 124, 144

Толстая Александра Андреевна (1818–1904), графиня, фрейлина императрицы Марии Александровны, родственница и друг Л. Н. Толстого 313, 336

Толстой Алексей Константинович (1817–1875), граф, писатель 316

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф, министр народного просвещения (1866–1870), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889) 77, 108, 147, 152, 154, 163–168, 181, 182, 253, 254, 257, 258, 263, 266, 289

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) 216, 266, 336, 337

Топоров Александр Васильевич (1831–1887), близкий приятель И. С. Тургенева 82

Торби (урожденная графиня Меренберг) Софья Николаевна (1868–1927), жена вел. кн. Михаила Михайловича, внучка А. С. Пушкина 201

Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906), генерал-майор, московский обер-полицмейстер (1896–1904), петербургский генерал-губернатор (1905), товарищ министра и министр внутренних дел (с 1905), дворцовый комендант (1905–1906) 289

Трепов Федор Федорович (1812–1895), генерал-адъютант, сенатор, член Государственного совета 171, 174

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) 81, 82

Тюрнер 84, 85

Тютчев Федор Иванович (1803–1873) 314, 322, 323

Тютчева Анна Федоровна (1829–1889) 313, 323, также см. о ней с. 351 наст. изд.

Уваров С. В., князь 72

Ульянов Александр Ильич (1866–1887), народоволец, участник подготовки покушения на Александра III, старший брат В. И. Ленина, казнен 248, 249, 251
Унковский (Унковской) Иван Семенович (?–1886), адмирал, губернатор Ярославской губернии, сенатор 69

Урусов Сергей Николаевич (1816–1883), князь, Государственный секретарь (с 1865), Главноуправляющий

II Отделением собственной е. и. в. канцелярии (1867–1881) 316

Успенский Глеб Иванович (1843–1902), писатель 124

Феокистов Евгений Михайлович (1828–1898) 168, 169, 301, см. о нем с. 365 наст. изд.

Фигнер Вера Николаевна (1852–1942), см. о ней с. 361 наст. изд.

Философов Владимир Дмитриевич (1820–1894), действительный статский советник, обер-прокурор Сената (с 1850), член Государственного совета (с 1881) 308

Франц Иосиф I (1830–1916), австрийский император (с 1848), венгерский король (с 1867) 112

Фредерикс Владимир Александрович (1837–1892), барон, директор департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел (1879–1884) 84, 291, 316, 349

Хилков Михаил Иванович (1834–1909), князь, министр путей сообщения (1895–1905) 108

Хис Чарльз, воспитатель и учитель английского языка Николая II 237

Хоменко, петербургский полицмейстер 214

Христофор (Христофор Эрнст Август), принц Гессенский 344

Цебрикова см. о ней с. 374 наст. изд.

Цукки Вирджиния (1856–?), итальянская балерина Мариинского театра в Петербурге 226

Чайковский Петр Ильич (1840–1893) 217, 332, 333, см. о нем с. 368 наст. изд.

Чевилев (Чивилев) Александр Иванович (1808–1867), профессор политэкономии Московского университета, воспитатель детей Александра II 164

Чекувер (?–1888), подлекарь, погиб в железнодорожной катастрофе под Борками 320

Черевин Петр Антонович (1837–1896) 194, 195, 232–236, 264, 265, 267,

272, 277, 295, 299, 330, 339, 349, см. о нем с. 371 наст. изд.

Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), князь, государственный и общественный деятель, близкий к славянофилам, руководил устройством гражданского управления в Болгарии (с 1877) 72

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) 144

Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), генерал-лейтенант, участник завоевания Средней Азии, главнокомандующий сербской армией (1876), генерал-губернатор Туркестана (1882–1884) 182

Числова Екатерина Гавриловна (1845–1889), балерина (1862–1876); фаворитка вел. кн. Николая Николаевича старшего, получившая дворянство и фамилию Николаева 294

Чихачев Николай Матвеевич (1830–1917), адмирал, генерал-адъютант, начальник Главного морского штаба (1884–1888), управляющий Морским министерством (1888–1896) 197, 307

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) см. о нем с. 364 наст. изд.

Шамшин Иван Иванович (1835–1912), член Верховной Распорядительной комиссии, сенатор-ревизор, чиновник Министерства юстиции 308

Шаховской Алексей Иванович (1821–1900), князь, генерал-лейтенант, командир 11-го армейского корпуса (1877–1878) 102

Швейниц Ганс Лотар (1822–1901), прусский генерал, германский посол в России (1876–1893) см. о нем с. 366 наст. изд.

Шевырев Петр Яковлевич (1863–1887), народоволец, один из организаторов подготовки покушения на Александра III (1887) 248

Шереметев Владимир Алексеевич (1847–1893), флигель-адъютант, полковник, командир Императорского конвоя 334

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) 301, 323, см. о нем с. 378 наст. изд.

Шереметева (Строганова) Е. Г. 336
Шерваль, барон, главный инспектор железных дорог 276, 278, 279
Шестаков Иван Алексеевич (1820–1888), генерал-адъютант, адмирал, управляющий Морским министерством (с 1882) 108, 309
Шиллинг Николай Густавович, барон, капитан-лейтенант, состоял в свите вел. кн. Алексея Александровича 59
Шильдер Николай Карлович (1842–1902), генерал, историк, начальник Инженерной академии и Инженерного училища 201, 202
Шишкин Иван Иванович (1832–1898), художник 223
Шлосман, генерал, комендант Гатчины 199
Шпицер, коллекционер 303, 307
Штендман Георгий Федорович, чиновник Государственной канцелярии, секретарь Императорского Исторического общества, член Археографической комиссии 301, 331, 332
Штраус Иоганн (сын) (1825–1899) 333
Шувалов Павел Петрович (1847–1902), граф, флигель-адъютант, генерал-майор, приближенный вел. кн. Владимира Александровича, один из организаторов «Священной дружины» (1881), командир лейб-гвардии Егерского полка 175, 178, 181, 209, 210
Шувалов Петр Андреевич (1827–1889), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, шеф жандармов и начальник III Отделения собственной е. и. в. канцелярии (1866–1874), посол в Англии (1874–1879) 72
Шувалов Петр Павлович (1819–1900), граф, предводитель дворянства

Петербургской губернии (1857–1862) 141

Шуман Роберт (1810–1856) 87

Щербатов Александр Алексеевич (1829–1892), князь, гвардии поручик, предводитель дворянства Вереяского уезда Московской губернии, московский городской голова (с 1863) 147

Эдинбургский, герцог *см. Альфред Эрнест Альберт*

Эдуард VII (дядя Берти) (1841–1910), английский король (с 1901), сын королевы Виктории, муж принцессы Датской Александры 346

Элла *см. Елизавета Федоровна*

Энгельстром (Эгерштрот) Николай Федорович, генерал-лейтенант, член конференции Михайловской артиллерийской академии 97

Юргенсон Иосиф Иванович (1829–?), издатель и торговец нотными сочинениями 319, 320

Юрьевская (Долгорукова) Екатерина Михайловна (1846–1922), фрейлина императрицы Марии Александровны; светлейшая княгиня (с 1880), морганатическая жена Александра II (с 1880) 106, 156, 283, 316

Якимова (Кобозева) Анна Васильевна (1856–1942), член Народной воли 123

Яков II (1633–1701), король (1685–1688) из династии Стюартов 261

Янышев Иоанн Леонтьевич (1826–1910), протопресвитер, протоиерей церкви Зимнего дворца и московского Благовещенского собора 340, 344

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Г. Чернуха. Александр III</i>	5
---	---

Воспоминания. Дневники. Письма

<i>А. П. Бологовская. Из воспоминаний о детстве императора Александра III</i>	41
<i>А. Ф. Тютчева. Дневник</i>	47
<i>Ф. Г. Тернер. Воспоминания жизни</i>	48
<i>Н. П. Литвинов. Дневник</i>	51
<i>Д. С. Арсеньев. Из записок</i>	60
<i>Кн. В. П. Мещерский. Мои воспоминания</i>	61
<i>Ф. М. Достоевский. Письмо великому князю Александру Александровичу</i>	79
<i>Из письма И. С. Тургенева П. В. Анненкову</i>	81
<i>М. И. Семевский. Встреча Тургенева с Александром III</i>	81
<i>Александр Берс. Воспоминания об Александре III</i>	83
<i>М. К. Соколовский. Военная служба императора Александра Третьего (28 февраля 1845 г. — 2 марта 1881 г.)</i>	94
<i>Е. Каменский. Заботы цесаревича Александра Александровича о перевооружении русской армии</i>	97
<i>Н. П. Игнатьев. Походные письма 1877 года</i>	102
<i>Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний</i>	105
<i>В. Фигнер. Запечатленный труд</i>	122
<i>Исполнительный комитет императору Александру III</i>	126
<i>Письма К. П. Победоносцева Александру III</i>	130
<i>В. К. Дебогорий-Мокриевич. К вопросу о переговорах «Исполнительного комитета Народной воли» с «Добровольной охраной»</i>	141
<i>Б. Н. Чичерин. Воспоминания</i>	146
<i>Е. М. Феофистов. За кулисами политики и литературы (1848—1896)</i>	156
<i>Г.-Л. фон Швейниц. Дневник</i>	171

<i>Н. А. Епанчин.</i> На службе трех императоров	183
Письма П. И. Чайковского К. П. Победоносцеву	217
<i>П. М. Невежин.</i> Воспоминания об А. Н. Островском	220
<i>Н. А. Кропачев.</i> Воспоминания	221
<i>Я. Д. Минченков.</i> Воспоминания о передвижниках	223
<i>И. Е. Репин.</i> Из письма М. В. Веревкиной	225
<i>А. Н. Бенуа.</i> Мои воспоминания	226
<i>Неизвестный автор.</i> Черевин и Александр III	232
<i>А. А. Мосолов.</i> При дворе последнего императора	237
<i>Н. К. Полевой.</i> Император Александр III в Беловеже	238
Дело 1 марта 1887 года. Документы	246
<i>М. К. Цебрикова.</i> Письмо к Александру III	252
<i>Э. Диллон.</i> Александр III	261
<i>С. Ю. Витте.</i> Воспоминания	271
<i>А. А. Половцов.</i> Дневник	298
<i>С. Д. Шереметев.</i> Мемуары	310
<i>Великий князь наследник Николай Александрович.</i> Дневник	342
Примечания	350
Именной указатель	381

Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. (Серия «Государственные деятели России глазами современников».) — СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2001. — 400 с., илл.

ISBN 5-89803-083-2

ISBN 5-89803-085-9

В настоящем издании собраны свидетельства о жизни и правлении российского императора Александра III. Он был человеком твердых понятий и как умел претворял их в политике. Характер монарха во многом определял его действия, сказываясь на всех сторонах жизни России.

Многочисленные документы — дневники, письма, мемуары, — принадлежащие перу людей из ближайшего окружения государя, должностных лиц, случайных свидетелей и даже революционеров, создают мозаичный портрет Александра III. Но именно то, что каждый из мемуаристов видел и оценивал царя по-своему, придает его облику сложность и объемность.

УДК 947.081/083

ББК 84. Р1

АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ

Воспоминания. Дневники. Письма

Корректор *Н. В. Кузнецова*

Менеджер издания *Э. М. Рыбакова*

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 071541 от 25 ноября 1997 г.

Сдано в набор 26.03.2001. Подписано в печать 20.09.2001.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Квант-Антиква. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 24,25 + вкл. 0,97.

Уч.-изд. л. 27,4 + вкл. 0,56.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 1526.

Издательство «Пушкинского фонда».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 20.

Отпечатано с оригинал-макета в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ISBN 5-89803-083-2

9 785898 030834

ISBN 5-89803-085-9

9 785898 030858